

17-74

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

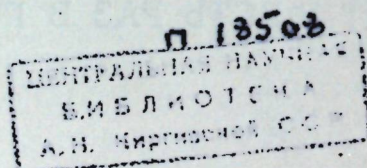
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА ~ 1957

п 18508

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. С. БРАГИНСКИЙ (главный редактор),
М. О. АУЗОВ, Е. Э. БЕРТЕЛЬС, А. М. ДЬЯКОВ,
Б. Н. ЗАХОДЕР, Н. И. КОНРАД, И. М. ЛЕМИН,
А. Ф. МИЛЛЕР, А. А. ПАШКОВСКИЙ,
Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь), В. В. СТРУВЕ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ (зам. главного редактора), Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ

ПОБЕДА ТВОРЧЕСКОГО МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

XX съезд КПСС призвал советский народ упорно и настойчиво бороться за осуществление в исторически кратчайший срок главной экономической задачи — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. Коммунистическая партия под руководством ленинского Центрального комитета, опираясь на всенародную поддержку, используя преимущества социалистической системы хозяйства, ведет напряженную борьбу за осуществление решений XX съезда КПСС. На этом пути советский народ одержал под руководством коммунистической партии большие победы.

Коммунистическая партия Советского Союза твердо проводит в жизнь ленинскую генеральную линию. На базе преимущественного, опережающего развития тяжелой промышленности обеспечивается дальнейший рост всех отраслей народного хозяйства, осуществляется крутой подъем сельского хозяйства и животноводства, в результате чего достигнуто дальнейшее значительное повышение материального благосостояния и культурного уровня советского народа.

XX съезд КПСС отразил новые, насущные потребности развития социализма в СССР, а его решения вызвали дальнейшее повышение творческой активности и инициативы трудящихся в управлении государством, всемерное развитие советского демократизма и укрепление дружбы народов Советского Союза.

Вместе со всеми народами Советского Союза ранее отсталые народы окраин дореволюционной России приходят к сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции с громадными победами в экономической, политической и культурной жизни. Они достигнуты в результате братской поддержки и взаимопомощи всех народов СССР. Здесь расцвела национальная по форме, социалистическая по своему содержанию культура. Выросли и окрепли национальные кадры высококвалифицированных специалистов, ученых, опытных государственных и общественных деятелей. Все это создало реальные возможности для всемерного повышения прав союзных республик в области непосредственного руководства хозяйственным и культурным строительством и развития законодательства, учитывающего специфические условия жизни каждой республики. Одобренные всеми трудящимися нашей страны решения Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и советского правительства по укреплению принципа демократического централизма, по перестройке управления хозяйством открыли новый этап в развитии и использовании неисчерпаемых резервов местной инициативы и творчества самого народа, оказали благотворное влияние на развитие производительных сил всех советских республик.

XX съезд КПСС в своих решениях исходил из указания Ленина о том, что политический деятель, марксист обязан учитывать живую жизнь, а

не цепляться за старое, за отжившее, за «теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни». Объявив решительную борьбу всякому проявлению догматизма, начетничества и сектантства, XX съезд КПСС решительно выступил против всех, кто находится в плену старых представлений, кто не видит или не желает видеть новой обстановки, свособразия новых условий, складывающихся в данный исторический период, кто не понимает или не желает понять того, что реальная жизнь требует выработки новых методов, форм борьбы и руководства ею на основе новых теоретических обобщений.

Определяя основные изменения, происшедшие в последние годы, XX съезд сформулировал положение огромного политического и теоретического значения о выходе социализма за рамки одной страны и превращении его в мировую систему социализма. Характеризуя изменения, происшедшие в послевоенный период, съезд отметил как всемирно-историческое событие процесс распада колониальной системы империализма, свидетельствующий о наступлении предвиденного В. И. Лениным нового этапа всемирной истории, когда народы Востока стали не только активными творцами собственной истории, но и истории всего человечества.

Исходя из этих новых условий, XX съезд КПСС сформулировал положение о возможности предотвращения войн в современную эпоху. Съезд исходил при этом из наличия мощных государственных и общественно-политических сил, в распоряжении которых находятся серьезные средства, для того чтобы не допустить развязывания новой войны империалистами. Отныне сохранение и упрочение мира зависят от единства, сплоченности и пролетарского интернационализма социалистических стран, от бдительности и мобилизованности миролюбивых народов, от их сопротивления силам агрессии.

Справедливость и жизненность положения XX съезда КПСС об отсутствии фатальной неизбежности войны подтвердили события, происшедшие в Египте и Венгрии. Англо-франко-израильская агрессия против Египта была быстро ликвидирована в результате решительной позиции, занятой Советским Союзом, странами лагеря социализма и всеми народами зоны мира. Под напором этих объединенных сил империалисты вынуждены были отступить, возникновение новой мировой войны тем самым было предотвращено. Благодаря единству, силе и сплоченности мировой системы социализма были также сорваны планы контрреволюционного переворота в Венгрии и попытки империалистов превратить Венгрию в новый очаг агрессии и войны в центре Европы.

Решения XX съезда КПСС стали непреодолимой материальной силой, ибо они овладели массами. Водоразделом между марксизмом и ленинизмом, с одной стороны, и мелкобуржуазными и буржуазными теориями, с другой, — служит отношение к роли народных масс в историческом процессе развития. Величайшая вера в неиссякаемый источник творческих сил народа, твердое убеждение в том, что только народные массы являются действительными творцами истории, всегда были залогом успеха коммунистической партии.

* * *

В период величайшего напряжения сил нашей партии и народа в борьбе за победу коммунизма в СССР, в один из ответственных моментов борьбы за всеобщий мир и ослабление международной напряженности против линии партии, принятой XX съездом КПСС, выступила антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шенилова. Эта фракционная группа выступила против всех основных поли-

тических и экономических мероприятий Центрального Комитета нашей партии. Антипартийная группа оказывала противодействие большой практической работе коммунистической партии по исправлению допущенных в прошлом извращений ленинской национальной политики и нарушений социалистической законности, связанных с культом личности.

Антипартийная группа пыталась расколоть единство рядов коммунистической партии и стремилась фракционными методами сменить состав руководящих органов партии, избранных Пленумом ЦК КПСС, грубо нарушая тем самым ленинские нормы внутривнутрипартийной жизни.

Оторванная от жизни партии и страны, погрязшая в болоте догматизма и сектантства, антипартийная, фракционная группа отвергала все то новое, что рождалось творческой мыслью миллионов, развитием советского общества и всего социалистического лагеря. Творческий марксизм — его живую душу — революционную диалектику, основанную на обобщении практической деятельности, борьбы масс, строящих социализм и ведущих борьбу за мир, она пыталась подменить начетничеством, цепляясь за отдельные, устаревшие цитаты и формулировки, пытаясь скрыть за ними свое теоретическое убожество, свою оторванность от повседневной жизни партии и народа.

Борясь против ленинской политики Центрального Комитета нашей партии, антипартийная группа направила свою фракционную деятельность на то, чтобы увести партию и народ от генеральной линии, принятой XX съездом КПСС, одобренной советским народом, международным коммунистическим движением и всеми миролюбивыми народами мира.

Идейно-политический разгром и ликвидация антипартийной группы еще теснее сплотили советский народ вокруг коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета. Решение июньского пленума ЦК КПСС выявило монолитное единство Коммунистической партии Советского Союза. Оно встретило полное одобрение всего советского народа, а также международного коммунистического движения в лице братских коммунистических и рабочих партий.

* * *

Генеральной линией внешней политики Советского государства является провозглашенный Лениным принцип мирного сосуществования государств, несмотря на различие их социально-экономического строя. Эта политика исходит из постоянных и коренных интересов социализма, из стремления обеспечить народным массам, строящим социализм, мирное существование и мирный труд в целях создания изобилия материальных и духовных благ на путях экономического соревнования с капиталистическими государствами. Политика мирного сосуществования отвечает коренным интересам всех миролюбивых народов, всего человечества. Советский Союз вместе с Китайской Народной Республикой и другими странами социалистического лагеря выступил с важнейшими внешнеполитическими мероприятиями, направленными на уменьшение международной напряженности, укрепление мира и безопасности народов, разрешение спорных международных вопросов путем переговоров и личных контактов. Активная политика советского правительства в области международных отношений препятствует развязыванию мировой войны и вынуждает империалистические силы отступать перед мощным напором сил мира, демократии и социализма. Эту политику поддерживает все миролюбивое человечество, ибо она постоянно приносит свои реальные плоды. Вслед за нормализацией отношений с Югославией, заключением государственного договора с Австрией восстановлены дипломатические отношения Советского Союза с Японией, что явилось круп-

ным вкладом в дело ослабления напряженности на Дальнем Востоке. Установлению лучшего взаимопонимания между СССР и другими государствами содействовали визиты руководителей партии и правительства в страны Азии и Европы, а также обмен парламентскими и другими делегациями.

Против ленинского курса внешней политики Советского государства выступила антипартийная группа и особенно т. Молотов, пытаясь по существу противодействовать ленинскому курсу на мирное сосуществование государств с различными социальными системами, ослаблению международной напряженности и установлению дружеских отношений СССР со всеми народами мира. Антипартийная группа отвергала путь упрочения мирных и добрососедских отношений с другими странами, выступала против нормализации отношений СССР с Японией, Австрией и Югославией, против усиления контактов руководителей нашего государства и нашей партии с государственными деятелями и прогрессивными партиями зарубежных стран. Сойдя с ленинского пути и выступая против исторических решений XX съезда КПСС, антипартийная группа подменяла ленинскую линию внешней политики нашего государства и партии политикой «завинчивания всех гаек», которая глубоко противоречит исторически оправданной, мудрой и испытанной десятилетиями борьбы ленинской политике мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем.

Июньский Пленум ЦК КПСС разоблачил попытки ревизии внешнеполитического курса нашего государства со стороны антипартийных фракционеров. Его решения получили полную поддержку как в странах народной демократии, так и среди демократических и прогрессивных слоев всех народов, борющихся за сохранение мира и ослабление международной напряженности.

Единодушно и полностью одобряя решения июньского пленума ЦК КПСС, советские востоковеды не могут не учитывать, что в прошлом в ряде печатных востоковедческих работ имело место серьезное влияние догматизма, начетничества и связанного с ними сектантства. Отдельные советские востоковеды допускали серьезные ошибки, выражавшиеся в непонимании исторически прогрессивной роли национальной буржуазии в антиимпериалистической борьбе некоторых стран колониального Востока, в неправильной оценке исторической деятельности ряда руководителей национальных движений в странах зарубежного Востока; неконкретно и часто догматически освещалась роль народных масс и, в частности, рабочего класса, в национально-освободительном движении.

После XX съезда КПСС работа востоковедческих учреждений СССР оживилась, что было отмечено и на Первой Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте. Научные работники-востоковеды будут и дальше всемерно оживать и углублять свою теоретическую работу, особенно в области конкретного изучения процесса распада колониальной системы империализма, важнейших проблем экономического и политического развития слаборазвитых стран, добившихся суверенитета, разоблачения неоколониализма заокеанских монополий и глубокого исследования проблем истории, культуры, литературы, искусства и языка стран зарубежного Востока.

Разоблачение и устранение фракционной антипартийной группы Маленкова, Кагановича и Молотова с ее приверженностью к обветшалым догмам, с непониманием революционно-исторической роли решений XX съезда КПСС и охаиванием практической деятельности Центрального Комитета по осуществлению этих решений будут способствовать укреплению единства партии и сплоченности вокруг нее советского народа, дальнейшему расцвету Советского Союза.

СТАТЬИ

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ*

Великая Октябрьская социалистическая революция, сорокалетие которой готовится торжественно отметить советский народ и все прогрессивное человечество, впервые в истории ликвидировала в нашей стране национальное и социальное рабство и уничтожила эксплуатацию человека человеком, оказала глубочайшее влияние на историческое развитие всего человечества, в том числе и на судьбы угнетенных народов Востока.

Под влиянием Великого Октября наступил новый важнейший этап в освободительной борьбе народов Востока. Национально-освободительное движение охватило все или почти все колониальные и зависимые страны. Опыт народов Советского Союза, первой страны, проложившей дорогу новому социальному устройству на земле, вдохновлял и вдохновляет народы Востока, борющиеся против колониализма, за самостоятельное экономическое и политическое развитие. Первая мировая война и особенно Октябрьская революция и последовавшие за ними национально-освободительные движения, положили начало кризису колониальной системы империализма. После второй мировой войны в результате разгрома фашизма, образования мирового социалистического лагеря, начался распад колониальной системы.

Победа Китайской народной революции в 1949 г. была вторым, после Октябрьской революции, величайшим ударом по империализму.

К числу важнейших послевоенных событий необходимо отнести завоевание независимости Индией, Индонезией, Бирмой, Египтом, Сирией, Суданом и другими странами Азии и Африки. Если до второй мировой войны около 1,5 млрд. человек находилось в колониальной и полуколониальной зависимости, то ныне население колоний и полукolonий не превышает 150 млн. человек.

Превращение социализма в мировую систему, завоевание многими странами Азии и Африки национальной независимости и их борьба за самостоятельное политическое и экономическое развитие, невиданный подъем национально-освободительного движения народов — все это поставило на повестку дня вопрос об окончательной ликвидации колониализма.

Некоторые итоги развития советского востоковедения

Советское востоковедение является наследником лучших, подлинно научных традиций российского востоковедения. Осуждая захватническую политику царизма, глубоко сочувствуя угнетенным народам Востока, передовые люди России, особенно революционные демократы, проявляли

* Изложение доклада директора Института востоковедения АН СССР Б. Г. Гафурова на Всесоюзной конференции востоковедов в г. Ташкенте 2 июня 1957 г.

живой интерес к их многовековой культуре. Эти прогрессивные и демократические традиции сказались на деятельности таких выдающихся ученых дореволюционной российской ориенталистики, работавших и в советское время, как академики Ф. И. Щербатской, Б. А. Тураев, В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, И. Ю. Крачковский, А. Н. Самойлович, А. П. Баранников, В. А. Гордлевский, С. А. Козин, В. М. Алексеев, С. Ф. Ольденбург, а также ученых, плотдотворно работающих и в наши дни, как И. А. Орбели, В. В. Струве, С. Е. Малов, А. А. Фрейман и др.

Однако исследования дореволюционных российских востоковедов не раскрывали законов общественного развития стран Востока. В них не уделялось должного внимания национально-освободительной борьбе, которая впервые приняла широкий размах в Азии, особенно под влиянием российской революции 1905—1907 гг. Востоковеды не занимались или почти не занимались вопросами социально-экономического развития стран Востока в новое и новейшее время. Русская ориенталистика носила преимущественно филологический характер.

После Великой Октябрьской социалистической революции теоретической основой советского востоковедения стал марксизм-ленинизм. Опираясь на гениальные труды В. И. Ленина, его учение о национально-колониальной революции и разработанную им научную теорию империализма и социалистической революции, советские востоковеды добились значительных успехов в развитии науки.

В докладе на Втором Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока в ноябре 1919 г. В. И. Ленин говорил: «Мы знаем, что... поднимутся, как самостоятельные участники, как творцы новой жизни, народные массы Востока, потому что сотни миллионов этого населения принадлежат к зависимым, неполноправным нациям, которые до сих пор были объектом международной политики империализма, которые для капиталистической культуры и цивилизации существовали только, как материал для удобрения... За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»¹.

Ленинское учение об империализме и национально-колониальной революции помогло советским ученым правильно оценить расстановку классовых сил в странах Азии и Африки. В трудах В. И. Ленина дана глубокая характеристика особенностей классового общества в странах Востока. Ленин указывал на наличие потенциальной возможности антиимпериалистической борьбы у национальной буржуазии угнетенных стран. В целях укрепления и расширения внутреннего рынка и упрочения собственного положения национальная буржуазия в определенных условиях и на определенном отрезке времени активно выступает против империализма, поднимая в ряде случаев знамя борьбы за национальную независимость. В. И. Ленин определил задачи рабочего класса колониальных и зависимых стран в борьбе за гегемонию в национально-освободительном движении в рамках единого антиимпериалистического фронта; обосновал возможность некапиталистического пути развития стран Востока к социализму.

Разработанная В. И. Лениным теоретическая основа, а также практическая деятельность молодой советской державы, выступившей против всех форм эксплуатации, против национальной и расовой дискриминации, создали исключительно благоприятные условия для развития советской

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 138—139.

востоковедческой науки. Различные научные направления и школы в советском востоковедении постепенно воспринимали учение марксизма-ленинизма, и в последующие годы марксистское направление стало играть ведущую роль.

Деятельность советских востоковедов характеризовалась глубоким изучением теории и практики национально-освободительной борьбы народов Востока, а также стремлением разрешить на основе марксистской методологии сложные и спорные проблемы исторического и культурного развития народов Азии и Африки. В 1922 г., по указанию Ленина, была основана Всероссийская научная ассоциация востоковедения, в создании которой крупную роль сыграл известный партийный и общественный деятель М. П. Павлович. Ассоциация и ее печатный орган «Новый Восток» занимают видное место в истории советского востоковедения.

Определенные трудности возникали, с одной стороны, в связи с тем, что молодые востоковеды не имели глубоких знаний восточных языков, и не были поэтому подготовлены к решению труднейших проблем, десятилетиями стоявших перед историками, экономистами и литературоведами — исследователями Востока, с другой стороны, в связи с ограниченными возможностями установления научных контактов со странами Востока, необходимых для всестороннего и глубокого изучения народов Востока. Тем не менее советское востоковедение органически восприняло единство революционной теории и практики, что явилось важнейшей предпосылкой для превращения его в подлинную марксистско-ленинскую науку. Проникнувшие в то время дискуссии, несмотря на все их недостатки, способствовали выяснению некоторых принципиальных вопросов и определили те ключевые проблемы, над которыми в дальнейшем предстояло работать нашим ученым.

Большую роль в развитии советского востоковедения сыграли выдающиеся представители дореволюционной русской востоковедческой науки. В первые послеоктябрьские годы они объединились вокруг научных учреждений Академии наук, особенно Азиатского музея, который в 1930 г. был реорганизован в Институт востоковедения Академии наук СССР. Вначале их научная деятельность продолжала сохранять в известной мере направленность и методологию, свойственные дореволюционному востоковедению, в дальнейшем она стала все в большей мере испытывать на себе сильное и плодотворное влияние марксизма. В 30-е годы уже появились значительные научные труды, сочетавшие высокий методологический уровень с подлинным знанием первоисточников. Были опубликованы работы академика В. В. Струве по древней истории народов Востока, в частности Двуречья и Египта, труд академика Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов». Большой вклад в историю советского востоковедения внесли академик В. В. Бартольд своими трудами по истории Средней Азии и Ближнего Востока и академик И. Ю. Крачковский работами об арабской литературе. Наряду с этими исследованиями, следует особенно отметить изучение современного состояния аграрного вопроса в странах Востока, преимущественно в трудах Международного аграрного института. Молодое советское востоковедение уделяло также большое внимание изучению экономического положения пролетариата в странах Востока и его роли в национально-освободительном движении.

Опубликование ряда работ по различным проблемам истории, экономики и культуры стран Азии и Африки позволило создать в 1940 г. первый сводный труд «Новая история колониальных и зависимых стран», в котором народы Востока показаны как действительные творцы истории.

Большой вклад в советское востоковедение внесли научные и культурные деятели советских республик Средней Азии и Закавказья. Плодо-

творное творческое содружество востоковедов, работавших как в центре, так и в республиках, способствовало развитию востоковедческой науки.

В годы Великой Отечественной войны и в особенности в послевоенный период была осуществлена дальнейшая научная разработка многих узловых проблем востоковедения. Большим вкладом в историческую науку явились исследования советских ориенталистов, объяснивших на огромном фактическом материале закономерности исторического процесса в странах Востока. Широко развернулись археологические исследования (экспедиции в Средней Азии, в частности, в Туркмении, Хорезме и Панджикенте, а также в Закавказье), проведенные под руководством С. П. Толстова, М. Е. Масона, А. Ю. Якубовского, Б. Б. Пиотровского и других. Они раскрыли картину высокого развития культуры народов Востока в дофеодальный период. Монографии, подводящие итоги этим работам, позволили вскрыть несостоятельность утверждения об извечном феодализме на Востоке и установить особенности развития здесь рабовладения. Внимание востоковедов привлекали также особенности развития капитализма и процесс складывания новых общественных классов — национальной буржуазии и пролетариата — в странах Азии, ставших колонизальными и зависимыми. Важнейшими проблемами в этой области явились генезис капитализма, источники и формы накопления капиталов у местных эксплуататорских классов, образование рынка рабочей силы и другие.

Активное участие национальных научных кадров, работавших в дружном сотрудничестве с русскими учеными, особенно благотворно сказалось на исследованиях по восточной филологии. Справильных методологических позиций, несмотря на допущенные отдельные ошибки, ведется изучение эпоса народов Советского Востока. Изучаются нарские сказания народов Кавказа, закавказские и среднеазиатские циклы «Кёр-оглы-Гуруглы», армянский «Давид Сасунский», киргизский «Манас», узбекский и казахский «Алпамыш», бурят-монгольский «Гэсэр» и другие. Определенных успехов достигла иранская и тюркская филология. Значительная работа по исследованию грамматики, лексикографии, диалектологии тюркских и иранских языков проделана академиями наук Азербайджанской, Узбекской, Казахской, Киргизской, Туркменской и Таджикской ССР. В Грузии успешно развивается семитология.

В литературоведении особого развития достигло изучение классического наследия народов Советского Востока (Низами, Навои, персидско-таджикских классиков). Некоторая работа проделана советскими ориенталистами по исследованию китайской, японской, монгольской, индийской и арабской литератур. Необходимо вместе с тем отметить и большую неравномерность в изучении языков и литератур отдельных стран Востока.

Некоторые достижения имеются также в области филологического анализа текстов. К ним можно отнести: периодическое издание сборников «Эпиграфика Востока», собирание и разработку фондов рукописей в республиках, особенно в Узбекской ССР (Институт востоковедения АН Узбекской ССР), в «Матенадаране» (Армянская ССР), в Азербайджанской и Таджикской ССР, публикации каталогов рукописей узбекского собрания, издание актовых материалов по феодальному землевладению, текстологическая работа по классической литературе народов Советского Востока, переводы на русский язык «Канона» Ибн Сины, «Хронологии» Бируни, «Собрания летописей» Рашид-ад-дина и другие. Однако достигнутые успехи не могут нас полностью удовлетворить, ибо все еще не составлен каталог богатейшего собрания рукописей Института востоковедения АН СССР, до сих пор лежат втуне и не введены в научный оборот многие важнейшие источники, продолжает сильно отставать текстологическая

работа, и многие произведения классиков восточных литератур все еще ждут критического издания.

В послевоенные годы резко возросла роль народов Востока в международных делах, увеличился интерес широких кругов советской общественности к истории жизни и культуры этих народов. В связи с этим к востоковедам нашей страны были предъявлены новые требования. Однако многие наши ученые и Институт востоковедения АН СССР продолжали работать по-старому. В их деятельности не было достаточной целеустремленности. Не был своевременно преодолен догматизм. На Востоке происходили всемирно-исторические события, а иные востоковеды при разработке научных вопросов часто исходили из устаревших положений, относившихся к довоенному периоду. Серьезные политические и теоретические ошибки были допущены при оценке роли национальной буржуазии и ее лидеров в антиимпериалистической борьбе. Многие выдающиеся деятели современного Востока были объявлены пособниками реакции. Некоторые востоковеды в своих трудах совершенно неправильно относили национальную буржуазию стран зарубежного Востока к лагерю империализма. Эти ученые забыли указание великого Ленина о том, что «в каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем...»². Нередко допускались упрощенчество и начетничество и игнорировались реальные исторические условия развития некоторых стран Востока.

Одной из причин серьезных недостатков советского востоковедения является неудовлетворительное развитие его филологической базы. Чтобы иметь возможность глубоко изучить жизнь стран Востока, советские востоковеды должны активно владеть восточными языками, а это в свою очередь требует коренного улучшения состояния восточной филологии в СССР. Без филологического анализа, опирающегося на глубокое знание языка, без изучения культуры того или иного народа Востока не может обойтись ни один научный работник-востоковед, будь он экономистом, историком, этнографом, правоведом, исследователем философии или современной политики.

Единство теории и практики во всех областях науки, в том числе и в восточной филологии, является мерилом актуальности исследования тех или иных проблем. К сожалению, именно среди ученых, занятых проблемами восточной филологии, в большей мере, чем у других востоковедов, наблюдается отрыв теории от практики.

Еще мало сделано нашими востоковедами в области изучения литератур советского Востока послеоктябрьского периода. В отличие от корифеев русского востоковедения, которые тем и прославились, что начали и возглавили изучение не только древних и средневековых, но и новых литератур Востока, многие наши филологи мало что сделали для изучения новейших литератур: турецкой, персидской, арабской, корейской, вьетнамской, индонезийской и других.

Если отставание в изучении истории народов Востока тормозило развитие восточной филологии, то серьезные недостатки в изучении культуры, литературы и языков народов Востока в свою очередь препятствовали подъему советского востоковедения, не давали возможности советским ученым глубоко и всесторонне исследовать обстановку в странах Востока, до конца осветить огромный вклад народов Востока в мировую культуру и цивилизацию. Все это не могло не отразиться и на изучении современного Востока.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 384.

Естественно, что такое положение в советском востоковедении, особенно допущенные некоторыми нашими учеными теоретические ошибки, упрощенчество при изучении важнейших проблем современности вызывало законную тревогу за дальнейшие судьбы нашей науки, что и нашло свое выражение в острой и принципиальной критике советского востоковедения, прозвучавшей с высокой трибуны XX съезда КПСС.

Задачи и перспективы развития советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза является важнейшим всемирно-историческим событием не только в жизни нашей партии и нашей родины, но и переломным этапом в творческом развитии всей марксистско-ленинской идеологии.

XX съезд КПСС дал марксистскую оценку международной обстановки, и в частности положения на Востоке, подчеркнул исключительное значение стран Востока в истории современного общества, показал, что «зона мира» включает не только страны социалистического лагеря, но и важнейшие страны Азии и Африки. Оценивая международную обстановку, коренные перемены, происшедшие за послевоенный период в Азии, XX съезд отметил всемирно-историческое значение победы китайской революции и образования Китайской Народной Республики. Гигантские успехи, достигнутые китайским народом в строительстве социалистического общества, вдохновляют сотни миллионов людей в Азии и Африке на борьбу за национальную независимость, за свое счастливое будущее. Китайская Народная Республика стала важнейшим оплотом мира на Дальнем Востоке, в Азии и во всем мире. Укрепляется международное и внутреннее положение Корейской Народно-Демократической Республики, МНР и Демократической Республики Вьетнам.

В отчетном докладе Центрального Комитета XX съезду КПСС характеризуются методы колониальной политики английского, французского и, особенно, американского империализма; показано, что, сколачивая Багдадский пакт и СЕАТО, империалисты стремились вбить клин между народами Азии и осуществить заветную мечту американских монополистов — «заставить азиатов воевать против азиатов». В этих условиях борьба народов стран Азии и Африки против участия в агрессивных блоках, навязываемых им империалистами, является борьбой за свободу и независимость. Решения XX съезда КПСС правильно осветили положение в странах Востока и помогли понять, что в условиях общего кризиса капиталистической системы и при наличии мирового социалистического лагеря отдельные страны Востока освобождаются от империалистической зависимости в результате активной антиимпериалистической борьбы трудящихся масс, возглавляемой на определенном этапе национальной буржуазией.

В отчетном докладе ЦК КПСС и в выступлениях делегатов большое внимание обращалось на необходимость улучшения работы на идеологическом фронте. Критикуя недостатки идеологической работы, съезд отметил, что советское востоковедение не сумело своевременно с марксистских позиций раскрыть значение создания новых государств в Азии, осветить все многообразие форм борьбы народов Востока против колониализма.

Серьезной и справедливой критике было подвергнуто на съезде отставание в изучении некоторых важных проблем современности. Указывалось, что многие события на Востоке прошли мимо ученых и что в течение долгого времени сектантские ошибки советских востоковедов препятствовали правильному пониманию обстановки и перспектив развития освободительного движения на Востоке.

Учитывая критику Института на XX съезде КПСС, Президиум АН СССР принял специальное постановление, в котором отметил, что Институт востоковедения работал неудовлетворительно, не справлялся с решением важнейших задач, стоящих перед ним. Президиум совершенно правильно указал, что Институт не стал подлинным центром востоковедческой науки. Вплоть до настоящего времени он не координирует деятельность многочисленных коллективов востоковедов, работающих в Москве, Ленинграде и в союзных республиках. За все время существования Института было проведено лишь одно Всесоюзное филологическое совещание, но и его решения, к сожалению, практически не реализованы. Не сумел Институт выполнить и столь важную задачу, как установление постоянного контакта с учеными стран народной демократии.

С целью устранения всех этих недостатков была проведена реорганизация Института. Создание в Институте отделов Африки, арабских стран, Юго-Восточной Азии позволит более глубоко и всесторонне изучать весь комплекс проблем, связанных с историей, культурой, экономикой, филологией стран Азии и Африки. Большое значение имеет также создание самостоятельного Института китаеведения АН СССР.

Исключительное значение имеет установление контактов с научными учреждениями и учеными стран зарубежного Востока, ибо невозможно подготовить кадры подлинных исследователей без посещения учеными тех стран, которые они изучают, без хорошего знания языка изучаемого народа, без умения читать в подлиннике его литературу. Опыт показал важность в этом отношении установления научных контактов.

Создано Издательство восточной литературы, призванное обеспечить публикацию произведений советских и прогрессивных зарубежных востоковедов на русском и иностранных, в частности, восточных языках. Большие возможности в отношении публикации научных работ открываются перед советскими востоковедами в связи с изданием наряду с журналом «Советское Востоковедение» двух новых востоковедных журналов: «Современный Восток» и «Советское китаеведение».

В этих условиях журнал «Советское востоковедение» должен публиковать опирающиеся прежде всего на восточные первоисточники научные исследования по основным проблемам политики, экономики, истории стран Востока и по восточной филологии.

Во всех востоковедных журналах и изданиях необходимо систематически разоблачать квазинаучные, идеологические выступления колонизаторов, решительно улучшить работу отделов критики и библиографии, своевременно и на высоком уровне рецензировать выходящую отечественную и зарубежную литературу по востоковедению. В своей исследовательской работе советские ученые должны бороться со всяческими проявлениями буржуазной идеологии, отстаивая чистоту марксистско-ленинского учения, идеи пролетарского интернационализма. Работы наших ученых всегда проникнуты симпатиями к борьбе колониальных народов за освобождение. Это вызывает злобные нападки на советское востоковедение определенных империалистических кругов и их «ученых» прислужников. Советские востоковеды с негодованием отвергают клеветнические измышления буржуазной пропаганды.

В 1957—1960 гг. намечается проведение ряда научных теоретических конференций и дискуссий по некоторым наиболее важным проблемам востоковедной науки. Проводя в своей работе принципы партийности в науке, мы должны изжить осужденные партией начетничество и догматизм. Только при творческом соревновании всех ученых на основе марксизма-ленинизма можно добиться серьезных и прочных успехов.

Значительно изменена тематика научно-исследовательских работ,

что нашло свое выражение в новом проекте пятилетнего плана, разработанном Институтом.

Центральное место в пятилетнем плане занимает проблема «Кризиса и распад колониальной системы и колониальная политика империализма на современном этапе». Ее разработка предусматривает изучение процесса распада колониальной системы империализма и роста национально-освободительного движения в странах Востока. Большое значение в настоящее время приобретает изучение и разоблачение методов колониального порабощения Востока монополиями США, Англии, Франции и других империалистических держав.

Изучение стран Востока должно вестись в тесной связи с изучением империалистических противоречий на Востоке, находящихся свое выражение в борьбе за источники сырья, за рынки сбыта, за сферы приложения капитала, за военно-политическое господство в различных районах Азии и Африки. Особую остроту приобрела борьба американских империалистов, стремящихся вытеснить с Арабского Востока Англию и Францию. В то же время они не желают оттолкнуть их от себя как своих союзников по НАТО, СЕАТО и Багдадскому пакту, не без основания боясь роста национально-освободительного движения арабов. В свою очередь, английские и французские колонизаторы понимают, что они не в состоянии самостоятельно подавить национально-освободительное движение и поэтому вынуждены прибегать к помощи американских империалистов.

Задача советского востоковедения заключается в том, чтобы глубоко вскрывать империалистические противоречия на Востоке, разоблачать приемы и методы колонизаторов. Сейчас особенно необходимы книги, характеризующие американский, английский, французский, бельгийский, голландский, португальский колониализм и политику активно выступающих в последнее время в некоторых странах Востока западно-германских монополий.

В проект научно-исследовательских работ Института на 1957—1960 гг. включены работы, посвященные изучению национально-освободительного движения в странах Востока: сборник «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на страны Востока», монография «Советский Союз и народы Азии и Африки (1917—1941 гг.)» и другие. Предусмотрено создание монографий по новейшей истории Малайи, Ирана, Индонезии, Таиланда, Бирмы, Ирака, Марокко, Турции, Судана и Цейлона. Изучению современного положения в суверенных странах Азии и Африки посвящается работа «Экономическое и политическое развитие стран Востока, вставших на путь независимости».

Огромное значение имеет изучение опыта стран народной демократии Азии. Известно, что китайские ученые, общественные и политические деятели опубликовали уже немало работ, освещающих первые итоги перестройки народного хозяйства страны на социалистических началах. Ряд трудов появился также в Корейской Народно-Демократической Республике, Демократической Республике Вьетнам и в Монгольской Народной Республике. Этим важнейшим вопросом занимаются у нас Институт востоковедения и Институт китаеведения. Предусмотрено изучение проблемы «Возникновение и развитие строя народной демократии в странах зарубежного Востока». При разработке этой проблемы значительное внимание уделяется вопросам взаимопомощи стран социалистического лагеря и их борьбы совместно с суверенными странами Востока против империализма. Этому будут посвящены следующие коллективные работы: «Современные индийско-китайские отношения», «Вьетнамо-китайская дружба» и «Страны демократии Востока в борьбе за ослабление напряженности в Азии».

Для успешного изучения этой важной в политическом и научном от-

ношении проблемы назрело время для координации деятельности советских востоковедов и ученых стран народной демократии Азии.

За последние годы резко возросло экономическое, политическое и стратегическое значение Африки. Империалисты, теряющие свои владения в Азии, рассматривают ее как последний резерв колониализма. Народы Африки, вдохновляемые достижениями стран социалистического лагеря, а также успехами азиатских народов в деле национального раскрепощения, активно поднимаются на борьбу против колониализма, за свою свободу и независимость и добились за последние годы значительных успехов.

В Институте востоковедения создан специальный отдел Африки, в задачи которого входит изучение истории ее народов, особенностей колониальной экспансии империализма, экономического и социального развития африканского континента и закономерностей освободительного движения.

Было бы ошибочным противопоставлять исследование современных проблем изучению проблем древности. Разумеется, необходимо определить, что является актуальным, но актуальность устанавливается не только с помощью хронологии. Марксизм требует от нас исторического исследования любого явления в его возникновении и развитии. Мы можем и должны изучать древнюю литературу и культуру, но так, чтобы это помогало нам в решении насущных современных задач. Достаточно привести лишь один пример: в результате Хорезмской экспедиции раскрыты и прочитаны новые страницы из древней истории народов Средней Азии. Это исследование показало всю несостоятельность буржуазных теорий о мнимой органической отсталости народов Востока. Перед всем миром предстала древняя высокая культура восточных народов. Подробное изучение древнейших периодов человеческой культуры помогает нам в борьбе против расистских искажений истории, является оружием в борьбе за укрепление национального самосознания угнетенных в прошлом народов Востока.

Для востоковедов, работающих в области средневековой истории, остается актуальным изучение вопроса об уровне развития производительных сил и производственных отношений, достигнутом различными странами Азии на исходе средних веков, и выяснение особенностей разложения феодализма. Пока не будет всесторонне исследована конкретно-историческая обстановка, сложившаяся в важнейших странах Азии накануне колониальной экспансии европейцев, все споры о так называемом отставании азиатских стран по сравнению с передовыми странами Европы к началу нового времени неминуемо будут догматическими и во многом бесплодными. Основной задачей в области древней и средневековой истории является изучение рабовладельческого общества и феодализма на Востоке. Такие темы, как история древнего Египта и древней Индии, как «Аграрный строй средневековой Турции», «Феодалные отношения в Уйгурском государстве», «Восточное средневековье» и др. разрабатываются на основе изучения письменных памятников народов Востока.

Важной частью работы востоковедов является освещение замечательного опыта республик Советского Востока, народы которых при активной помощи русского народа и других народов СССР в кратчайшие исторические сроки преодолели былую отсталость и создали высокоразвитые промышленность и сельское хозяйство. Советские республики Средней Азии и Закавказья стали подлинным маяком коммунизма на Востоке.

В области восточной филологии необходимо подготовить издание серии курсов восточных языков типа международной серии «Porta linguarum orientalium». Подобные издания необходимы по тем языкам, по которым у нас почти не существует никаких пособий или литературы. К ним относятся прежде всего некоторые языки народов Индии, Юго-Восточной Азии и Африки, древние языки. Следует подготовить серию компендиу-

мов, в первую очередь, по иранской, тюркской и монгольской филологии. Нужны также труды по истории литератур народов Востока, которые должны охватить все важнейшие литературы как периода средневековья, так и, особенно, нового и новейшего времени.

В литературоведении центральными проблемами являются следующие: развитие реалистических тенденций в литературах Востока; значение и место литературы в борьбе за национальное освобождение и построение социализма в странах Востока; связи различных литератур, а также взаимовлияние литератур Востока и Запада.

Основными научными проблемами в области изучения восточных языков являются исследование закономерностей развития языков, составление исторических грамматик и курсов сравнительного изучения языков, а также изучение литературных стилей.

Необходимо создать большие восточно-русские словари, серии каталогов наших рукописных фондов и т. д. Все это может быть успешно осуществлено, если работа будет проведена совместными усилиями филологов центральных институтов и союзных академий наук.

Таковы основные мероприятия, намеченные Институтом востоковедения по перестройке работы в свете решений XX съезда КПСС. Нужно отметить, что это лишь первые шаги, что советские востоковеды все еще в большом долгу перед партией и правительством, проявляющими огромную заботу о развитии советской науки.

Ответственные задачи, стоящие перед советским востоковедением, могут быть решены лишь при условии напряженной работы всех востоковедов. В последнее время в нашу науку пришли молодые ученые, имеющие большое желание трудиться, однако недостаточно владеющие знаниями и навыками научно-исследовательской работы. Необходимо смелее создавать научные школы, возглавляемые крупными учеными, что позволит им передать талантливой молодежи свой опыт, свою методику изучения истории и филологии Востока. Сейчас особенно необходимо подчеркнуть, что важнейшим условием подъема всей востоковедной науки является коренное улучшение подготовки кадров.

Для того чтобы выполнить решения XX съезда КПСС, пора объединить усилия ученых-востоковедов в масштабе всей страны. Ныне плодотворно работает Институт востоковедения в Узбекистане. Предстоит создание институтов востоковедения в Азербайджане и Грузии, целесообразно создать институты или отделы востоковедения в Академиях Таджикистана и Туркменистана. Необходимо самым тщательным образом координировать деятельность всех востоковедных учреждений и организаций с тем, чтобы избежать параллелизма в работе, чтобы провести известное разделение труда между ними. Институт намерен приглашать ученых-востоковедов из национальных республик для участия в сессиях Ученого Совета, в творческих дискуссиях, и сам примет активное участие в деятельности научно-исследовательских востоковедных организаций национальных республик. Большую пользу делу координации работы всех советских востоковедов и освещение их достижений могло бы принести создание Всесоюзного общества востоковедов.

Широкие перспективы открываются перед советским востоковедением. Готовясь, вместе со всем советским народом, достойно встретить 40-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, воодушевленные решениями XX съезда КПСС и заботой партии о дальнейшем развитии науки ученые-востоковеды приложат все силы, дабы реализовать огромные возможности, предоставленные им Советским государством, чтобы с честью справиться с поставленными перед ними ответственными задачами.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВО ВРЕМЯ КИТАЙСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1894—1895 гг.

Г. В. ЕФИМОВ

Политика капиталистических держав в отношении Китая в конце XIX в. внимательно изучается советскими историками¹. Создан ряд трудов, в которых дан анализ агрессивной политики империалистических держав в Китае. Заметных успехов в этой области за короткий срок достигла историческая наука нового Китая. Труды Фань Вэнь-ланя, Ху Шэна, Лю Да-няня и других современных историков Китая на обширном историческом материале показывают, как империалистические державы поработали Китай, какие мощные силы противостояли китайскому народу и были им сокрушены².

Но вместе с тем изучение внешней политики и дипломатии цинского правительства не получило должного развития в советской исторической науке. Буржуазные историки, как правило, рассматривают Китай лишь в качестве объекта экспансии. Они совершенно недостаточно изучают вопросы внешней политики Китая, тогда как без всестороннего изучения международных отношений Китая нельзя дать полную картину истории Китая в новое время; в частности, особого внимания заслуживает изучение такого важного периода, как последние годы XIX в.

Именно в период перерастания домонополистического, так называемого свободного промышленного капитализма в монополистический возникли новые формы закабаления и порабощения Китая, присущие империалистической эпохе. Вместе с тем это был период нарастания сил сопротивления агрессорам.

¹ См. монографии: Б. А. Романов. Россия и Маньчжурия (1892—1906). «Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма». Л., 1928; его же. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907. М.—Л., 1955; В. Я. Асарин. Империализм в Маньчжурии. М.—Л., 1934, 2 тт.; его же. Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. М., 1947; его же. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов, 1952; А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М.—Л., 1951; коллективный труд «История дипломатии», т. II. М., 1945; «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», 1956; А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М., 1956 и другие.

² См. Фань Вэнь-лань. Новая история Китая, т. I. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955; Ху Шэн. Агрессия империалистических держав в Китае. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951; Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1953.

* * *

Исключительную ценность для исследования внешней политики Китая представляют китайские публикации дипломатических документов.

Основным источником для изучения международных отношений Китая в последние десятилетия XIX в. и начале XX в. служит публикация документов — «Материалы по истории внешней политики последних Цинов» (清季外交史料). Эта публикация была начата в 1932 г. и завершена в Бэйпине в 1935 г. Она огромна (164 книги, 272 цзюаня), хотя и охватывает лишь периоды царствования Гуан Сюй (1875—1908) и Сюань Тун (1908—1911). «Материалы по истории внешней политики последних Цинов» представляют собой коллекцию документов, скопированных Ван Тао-фу (Ван Янь-взем). Его сын Ван Лян продолжил составление коллекции. Он подобрал документы периода царствования Сюань Тун и издал их.

Публикация построена на хронологической основе, что выгодно отличает ее от публикаций дипломатических документов в ряде буржуазных стран. Помимо дипломатических документов в нее включены содержащие ценнейший материал по внутреннему положению Китая многочисленные доклады генерал-губернаторов провинций, адресованные Государственному совету, Военному совету, и доклады цензоров. Среди документов большое место занимает корреспонденция Ли Хун-чжана, игравшего выдающуюся роль в китайской дипломатии.

В 1905 г. было издано «Собрание официальных документов Ли Хун-чжана» (李文忠公全集), содержащее большое количество ценных материалов.

С именем Ли Хун-чжана связаны подавление революционной войны тайпинов и няньцзюней, история китайско-японской войны, подписание мирного договора с Японией в Симоносэки, поездка в Европу и Америку и подписание секретного русско-китайского договора 1896 г., переговоры с державами — участниками интервенции 1900 г. и подписание «Заключительного протокола» 1901 г. Для изучения всех этих событий документация Ли Хун-чжана имеет первостепенное значение.

Критическое использование китайских публикаций документов, наряду с европейскими и американскими, а также материалами советских архивов и советскими изданиями архивных документов, является основой для изучения международных отношений Китая.

* * *

К концу XIX в. Китай оказался перед лицом великих испытаний. Капиталистический мир, вступивший в новую фазу развития — империализм, — начал натиск на Китай. Это проявлялось и в политической и в экономической сферах. В конце XIX в. развернулась непосредственная борьба держав за раздел Китая. Возникла угроза раздела Китая империалистическими державами.

Китай не был подготовлен к отпору агрессии. Беспощадная эксплуатация феодалами народных масс, господство иноземной маньчжурской династии Цин привели страну к отсталости экономической, военной и культурной. В результате иностранной агрессии началось превращение Китая в полуколониальную страну.

К началу 90-х годов XIX в. Китай превратился из феодальной страны в полуфеодальную. Основы натурального хозяйства быстро разрушались. Складывался капиталистический уклад: возникали первые промышленные предприятия. Но феодальные пережитки продолжали играть господствующую роль в экономике страны. Китайский крестьянин работал на

арендованных у помещиков ничтожных клочках земли, обрабатывая их при помощи примитивной техники.

Площадь возделываемых земель увеличивалась крайне медленно. Господствующей формой земельной ренты была рента продуктами. Рента поглощала от половины до семи десятых урожая. Главной тенденцией развития земельной ренты было ее возрастание³.

Помимо арендной платы помещикам, крестьянин должен был уплачивать все возрастающие государственные налоги; помещичья эксплуатация дополнялась ростовщической кабалой. Крестьяне владели тяжелым, полурабское существование. Они не имели никаких политических прав.

Отсталому базису соответствовала отсталая политическая надстройка. Помещичье-феодальное государство, возглавляемое иноземной маньчжурской верхушкой, препятствовало развитию страны; ибо во всем новом оно усматривало угрозу своему господству.

Превращение Китая в полуколониальную и полуфеодальную страну несло китайскому народу новые бедствия. Но китайский народ в период смертельной опасности для страны проявил решимость жертвовать собой в борьбе против порабощателей. Это решающее обстоятельство определило особенности исторического пути развития Китая.

С 40-х годов XIX в., с восстания цинцитуаней, поднявшихся против английских захватчиков, начинается народная борьба против закабаления Китая капиталистическими державами. Великая революционная война тайпинов (1851—1864) и восстание няньцзюней (1853—1868), восстание мусульманских народностей в Юньнани (1856—1873) и восстание дунган и уйгуров в Синьцзяне (1862—1878) потрясли маньчжурскую монархию, расшатали основы феодального строя. Все эти движения народных масс отражали углубление кризиса феодальной системы, являлись показателем того, что феодальные производственные отношения и реакционная политическая надстройка тормозили развитие производительных сил страны.

Капиталистические державы были заинтересованы в том, чтобы в Китае сохранялись отсталые политические и экономические отношения. Поэтому перед лицом великих народных движений они стали на путь поддержки реакционного маньчжурского режима, как главного условия усиления и расширения своего господства в стране.

На рубеже 50-х и 60-х годов в результате оппумных войн и восстания тайпинов оформился реакционный союз китайско-маньчжурских феодальных сил с англо-американо-французскими агрессивными силами. Базой этого союза было единство действий против борющегося китайского народа.

Именно в это время (1861) по требованию держав в Китае была создана новая система управления внешнеполитическими делами — Главное управление по иностранным делам. Иностранцы надеялись, что новое учреждение будет необходимым им механизмом влияния на Китай. Главное управление по иностранным делам было создано в грозное для феодальных правителей Китая время, когда вся страна была потрясена великой крестьянской войной. Маньчжурские правители надеялись на помощь иностранцев в подавлении народных восстаний. За это они готовы были платить.

Существо политики Цинов удачно выразил военный министр цинского правительства Ган И. «Лучше передать хозяйство нашей страны дружест-

³ См. Чэнь Бэ-да. Очерки земельной ренты в Китае. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952, гл. IV.

венным державам, но ни в коем случае не отдавать его нашим рабам», — заявил Ган И⁴.

Столь откровенная концепция измены родине была продиктована паническим страхом цинских правителей перед народной революцией.

Вопросы внешней политики приобрели для Китая в конце XIX в. чрезвычайно большое значение. В 70—80-е годы капиталистические державы захватили ряд пограничных с Китаем государств, находившихся ранее в вассальной зависимости от Китая (Аннам, Бирма). Существование этих фактически самостоятельных государств, лишь номинально зависящих от Китая, было важным фактором безопасности страны. В результате потери их английские и французские колониальные владения вплотную подошли к юго-западным провинциям страны и стали исходным пунктом экспансии английского и французского капитала в Китае.

* * *

С 70-х годов XIX в. особенно большую активность на Дальнем Востоке начала проявлять Япония. Первым объектом ее агрессии стали острова Лю-цю (Ликейские острова), официально аннектированные в 1879 г. В 1874 г. Япония предприняла первую попытку захватить с помощью США корейскую китайскую землю — остров Тайвань. Главным направлением агрессии Японии стала зависящая от Китая Корея, где Япония выступала также в сотрудничестве с США.

В 1876 г. Япония навязала Корее неравноправный договор. В 1879 г. Ли Хун-чжан обратился к советнику корейского императора Ли Юй-юаню с письмом, в котором дал ряд советов корейскому правительству по вопросам внешней политики Кореи в новых условиях. Это письмо является сгустком цинской дипломатии.

Ли Хун-чжан, оценивая политику Японии, писал, что «специфика японских планов в их деспотизме, алчности, коварстве, в том, что захватив одно, они стремятся захватить и другое. Ваше государство в любое время должно ответить на их действия, а это будет нелегко»⁵.

Ли Хун-чжан рекомендовал корейскому правительству не давать Японии предлога для достижения своих целей. Он предлагал заблаговременно тайно готовить вооруженные силы и организовывать снабжение армии, тщательно укреплять оборону⁶. Но больше всего он уделял внимание вопросам внешней политики Кореи.

«Меры, которые сейчас нужно провести, заключаются в том, — писал Ли Хун-чжан, — чтобы использовать политику применения яда против яда, чтобы с помощью одних врагов обуздать других врагов. Используя подходящий момент, надо заключить договоры со всеми западными государствами, чтобы, опираясь на них, обуздать Японию, которая строит самонадеянные планы посредством своей ловкости и силы поглощать, шаг за шагом присваивать чужие владения. Когда они захватили Лю-цю, они показали себя⁷. Ваше государство не может не готовиться к отпору.

⁴ См. *Ху Шэн*. Указ. соч., стр. 117.

⁵ *清季外交史料* («Материалы по истории внешней политики последних Цинов»). Пекин, 1932, цзюань 16, стр. 14. Ответ Ли Хун-чжана на письмо Ли Юй-юаня.

⁶ «Материалы по истории внешней политики последних Цинов», цзюань 16, стр. 15.

⁷ В работе «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)» цитата из этого же документа переведена так: «меры, которые остаются принять Корею, это — ядом лечить отравление, одними врачами обуздывать других, т. е., пользуясь случаем, постепенно заключать договоры с западными государствами, которыми и обуздывать притязания Японии. Последняя благодаря своему искусству обманывать приняла себе за правило проглатывать, как акула, соседние с ней владения».

Однако Япония боится тех, кому подчиняется, т. е. Запада. Если взять силы Кореи, чтобы обуздать Японию, то, возможно, нехватит сил. А если развернуть торговлю с Западом, то тогда можно противостоять Японии, тогда можно справиться»⁸.

Ли Хун-чжан уверял корейское правительство в том, что у западных государств нет других желаний, кроме желания торговать со странами Дальнего Востока и охранять морские пути. «Если Ваше государство, — писал Ли Хун-чжан, — установит отношения с Англией, Германией, Францией и Америкой, то не только можно обуздать Японию, но и преградить намерения России»⁹. Он предлагал открыть для западных стран все те порты, которые открыты для Японии, и высказывал мысль, что в случае нападения Японии на Корею, можно будет созвать конференцию дружественных государств, которые поддержат справедливое дело корейской самообороны. «Вашему государству, — поучал Ли Хун-чжан, — нужен такой метод, чтобы опираться на людей дальних государств... Это и есть искусство, которое поможет справиться с японцами, — больше ничего не нужно»¹⁰.

Ли Хун-чжан излагал свои советы как рекомендацию Главного управления по иностранным делам. Этот метод китайской дипломатии применялся во всей политике цинского двора. К нему прибегали неоднократно в 1894—1898 гг. Такой прием, как правильно отмечается в «Истории дипломатии», обычен для дипломатии слабых стран¹¹.

Таким образом, цинское правительство строило свою внешнюю политику в расчете главным образом на обстоятельства внешнеполитического порядка и не опиралось на внутренние силы страны.

В 80-х годах иностранные державы, воспользовавшись благоприятными возможностями, созданными японо-корейским договором в Канхва и бездействием Цинов, вынудили Корею заключить ряд неравноправных договоров. В 1882 г. Корее пришлось подписать договор с США. В 1883 г. навязала Корее неравноправный договор Англия, затем Германия, в 1884 г. — Россия, в 1886 г. — Франция. В 1882 г. Япония вынудила Корею заключить новый договор — Инчонский, предоставлявший Японии право держать свои войска в Корее.

Новая ситуация в Корее весьма обеспокоила цинскую дипломатию. После подписания корейско-американского и корейско-японского договоров Ли Хун-чжан заявил в 1883 г. английскому посланнику в Пекине, что особые, исторически сложившиеся отношения между Кореей и Китаем отличают их от отношений Китая с Аннамом или Лю-цю: «Если Япония нападет на Корею, Китай пошлет свои войска в помощь последней»¹². По Тяньцзиньской конвенции 1885 г. (конвенция Ли—Ито) Китай и Япония должны были вывести свои войска из Кореи и принимали совместную ответственность за сохранение порядка в Корее, они обязывались не посылать в Корею войска без предварительного уведомления друг друга. Тем самым

или же подтачивать, как шелкоичный червь, их основы, что она уже и доказала захватом Люкийских владений» (см. «Международные отношения на Дальнем Востоке», стр. 96). В китайском тексте говорится: «использовать политику применения яда против яда, использовать (одних) врагов для обуздания (других) врагов». Иероглиф 鯨, переведенный, как акула, на самом деле обозначает кита, а 鯨吞 является целостным выражением, обозначающим как «поглощать», так и «аннектировать», а 鯨食 можно перевести как «вредить», так и «шаг за шагом овладевать чужими территориями».

⁸ «Материалы по истории внешней политики последних Цинов», цзюань 16, стр. 15.

⁹ Там же, стр. 16.

¹⁰ Там же.

¹¹ «История дипломатии», т. II. М., 1945, стр. 111.

¹² «Собрание официальных документов Ли Хун-чжана», доклады в Главное управление по иностранным делам, цзюань 15, стр. 6.

цинское правительство сделало еще одну уступку Японии, признав за последней право на посылку войск в Корею. Соглашение не привело к ослаблению напряженности в китайско-японских отношениях. Более того, в результате заключения этого соглашения создалась угроза возникновения еще более острых столкновений. В конечном счете цинская дипломатия не помогла ни укреплению положения Кореи, ни упрочению позиций Китая.

* * *

Десятилетие, отделяющее конвенцию 1885 г. от войны Японии против Китая 1894—1895 гг., характеризуется ростом напряженности в отношениях между Китаем и Японией. Япония держала курс на установление своего господства в Корее. Она развивала экономическое наступление в Корее. Экономическая экспансия Японии наталкивалась на возраставшее противодействие и Кореи и Китая. Данные о развитии китайской и японской торговли в открытых портах Кореи говорят о постепенном увеличении удельного веса китайской торговли и снижении удельного веса японской торговли¹³. Политическое влияние Китая в Корее оставалось преобладающим. Рассчитывать на овладение Кореей «мирным путем» Япония не могла.

Цины были уверены в том, что США и Англия занимают в отношении интересов Китая в Корее благожелательную позицию. Между тем Англия в 1890 г. заявила о своей готовности пересмотреть неравноправный англо-японский договор, отказаться от прав экстерриториальности. Реализация этого обещания затянулась до 1894 г., но существование такого обещания создавало в Японии уверенность в том, что Англия не будет противиться японской агрессии на Дальнем Востоке¹⁴. Цинская дипломатия необходимых выводов из этого факта не сделала. США, усилив благодаря Японии свои позиции в Корее, тоже не собирались препятствовать японской агрессии в этой стране.

Япония, учитывая все эти обстоятельства, деятельно вела подготовку к войне с Китаем за Корею.

Цинское правительство не было готово к войне, хотя агрессивные замыслы Японии и ее захватнические действия были широко известны. В годы, непосредственно предшествовавшие войне, цинские правители действительно готовились пышно отметить шестидесятилетие императрицы Цы Си. Ассигнованные на модернизацию старых и закупку новых военно-морских кораблей 30 млн. лянов пошли на постройку новых дворцов «Ихэюань» — летней резиденции вдовствующей императрицы¹⁵. В результате этого государственного преступления правящей клики Бэйян-ская эскадра не получила с 1889 г. ни одного нового военного корабля, тогда как японский военно-морской флот был пополнен и модернизирован именно в течение пяти лет, предшествовавших войне. Когда война с Японией уже началась, Ли Хун-чжан докладывал императрице: «Ваш покорный слуга знал, что недоставало необходимых средств, и не осмеливался докладывать с требованием их, поэтому вся вина лежит на нем»¹⁶. Флот, конечно, не был исключением. В таком же состоянии была вся система обороны.

Неподготовленность Китая к отпору агрессии обнаружилась в первые же недели войны.

В 1894 г. произошло событие, которое ускорило развязывание войны — в Корее вспыхнуло большое крестьянское восстание под руководством тайного общества «Тонхак» (по-китайски «東學黨», т. е. «Партия восточного учения»).

Обеспокоенное грозным нарастанием событий, корейское правительство в начале мая 1894 г. обратилось к китайскому резиденту в Сеуле Юань Ши-каю с просьбой о помощи Китая в подавлении восстания. 21 мая корейское правительство приняло официальное решение просить Китай направить свои войска в Корею на подавление восстания тонхаков.

Цинское правительство не без колебаний решилось удовлетворить просьбу корейского правительства, так как боялось провокаций со стороны Японии. Тем не менее решение было принято. Это было продиктовано, во-первых, необходимостью укрепить влияние Китая в Корее, ибо отказ от посылки войск фактически означал бы уступку Кореи Японии, а, во-вторых, необходимостью подавить революционное выступление корейского народа, которое могло стать опасным примером для китайского народа.

Общая численность китайских войск, направленных в Корею, не превышала трех тысяч человек. В точном соответствии с Тяньцзиньским договором 1885 г., цинское правительство 6 июня уведомило японское правительство о посылке своих войск.

В ноте цинского правительства отмечалось, что «охрана зависимого государства путем посылки наших войск соответствует постоянным обычаям нашей страны»¹⁷.

Японское правительство, еще ранее осведомленное об обращении Кореи за помощью к Китаю, использовало это для осуществления своего давнишнего замысла покорить Корею. Япония заявила, что она не признает зависимости Кореи от Китая, и 7 июня уведомила Китай о своем решении послать войска в Корею. Официально было объявлено, что это требуется для «охраны пребывающих там японцев и японских миссий и консульств»¹⁸. Постановление японского кабинета министров о посылке японских войск в Корею было принято 2 июня, еще до того, как Китай направил свои войска в Корею.

Появление японских войск вызвало серьезное волнение в правящих кругах Кореи и Китая. Корейское правительство боялось, что японские войска закрепятся в стране¹⁹. 16 июня Ли Хун-чжан информировал свое правительство о том, что Япония попытается использовать новую ситуацию в целях «реформирования» корейского правительства, т. е. превращения его в послушный Японии инструмент²⁰.

Цинское правительство за два дня до этого дало указание Ли Хун-чжану, чтобы он поручил Юань Ши-каю договориться с японскими представителями об одновременном выводе из Кореи войск Японии и Китая²¹. Япония, однако, не была склонна отводить войска. 16 июня японское правительство выдвинуло план совместного с Китаем подавления восстания, а затем совместного реформирования корейского правительства. Китайское правительство в своем ответе на японское предложение ука-

¹⁷ «Материалы по истории внешней политики последних Цинов», телеграмма Ли Хун-чжана в Главное управление по иностранным делам, цзюань 91, стр. 2—3.

¹⁸ «Из эпохи японо-китайской войны 1894—1895 гг.», «Красный архив», 1932, 1—2.

¹⁹ «Материалы по истории внешней политики последних Цинов», телеграмма Ли Хун-чжана в Главное управление по иностранным делам, цзюань 91, стр. 7.

²⁰ Там же, стр. 9, телеграмма Ли Хун-чжана с сообщением китайского посланника в Токио.

²¹ Там же, стр. 8, телеграмма Главного управления по иностранным делам Ли Хун-чжану.

¹³ См. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», стр. 119.

¹⁴ См. А. Л. Нарочницкий. Англия, Китай и Япония накануне японо-китайской войны 1894—1895 гг. «Исторические записки», 1946, т. 19.

¹⁵ 范文瀾。中國近代史(Фань Вань-лань. Новая история Китая). Пекин, 1955, стр. 354.

¹⁶ «Собрание официальных документов Ли Хун-чжана», доклады, т. 78, стр. 53.

зало на то, что вопрос о реформах является внутренним делом Кореи и что Китай никогда не вмешивался в ее внутренние дела²².

Корейское правительство, крайне обеспокоенное одновременным пребыванием китайских и японских вооруженных сил на территории Кореи, 21 июня 1894 г. заявило о том, что восстание якобы уже подавлено и настаивало на выводе иностранных войск. Правительство Кореи отмечало, что китайские войска пришли «по приглашению для помощи в подавлении восстания», японские — «без приглашения и вопреки протесту корейского правительства». Верное рецептам, преподанным в свое время Ли Хун-чжаном, корейское правительство обращалось к представителям иностранных держав с призывом, «чтобы они использовали свои дружеские услуги, какие указаны в договоре, и в дружественном разрешении создавшегося положения»²³.

Именно этим же путем — путем обращения к державам с просьбой о посредничестве в китайско-японском конфликте — начинает действовать и цинская дипломатия. Выяснением вопроса о возможности посредничества занимался Ли Хун-чжан. Его надежды на благоприятное для Китая вмешательство в японо-китайский конфликт были связаны с тремя державами: Англией, Россией и Соединенными Штатами.

Когда конфликт между Китаем и Японией из-за агрессивных действий Японии в Корее нарастал с катастрофической быстротой, цинское правительство вместо подготовки страны к обороне занималось поисками тех внешних сил, которые, как оно надеялось, могли предотвратить войну.

В июне 1894 г. Ли Хун-чжан несколько раз встречался с английским посланником О'Конором. Китайский сановник просил О'Конора передать английскому правительству просьбу о том, чтобы оно отговорило Японию от отправки войск в Корею²⁴. О'Конор согласился послать телеграмму в Лондон с изложенной Ли Хун-чжаном просьбой, но высказал сомнение относительно того, что Япония согласится последовать этому призыву.

Одновременно с обращениями к Англии Ли Хун-чжан взывал о помощи к русской дипломатии. 21 июня, после беседы с Кассини, Ли Хун-чжан не без торжества сообщал в Главное управление по иностранным делам, что Кассини уже послал телеграмму «в семьсот слов» в русскую столицу. Убаюкивая князей и сановников Главного управления по иностранным делам радужными перспективами, Ли Хун-чжан утверждал, что «если [Япония] не послушает (совета России отозвать войска из Кореи. — Г. Е.), тогда Россия, несомненно, начнет действовать»²⁵.

В то же время Ли Хун-чжан через американского консула в Тяньцзинь Риа пытался побудить США к вмешательству в назревавший конфликт, чтобы пресечь агрессивные действия Японии. В ответ на просьбу Ли Хун-чжана 22 июня 1894 г. Государственный департамент поручил своему посланнику в Сеуле «использовать каждое возможное усилие для поддержания мирного положения»²⁶. Это была никого ни к чему не обязывающая рекомендация. Подобная позиция Соединенных Штатов была весьма благоприятна для Японии.

Единственным результатом июньской дипломатической активности цинского правительства была нота США, Англии, Франции и России от

²² «Материалы по истории внешней политики последних Цинов», цзюань 91, стр. 12—13; см. также Vladimir. The China-Japan War. p. 344—345.

²³ «Foreign relations of the United States» (FRUS), 1894, p. 23. Корейский министр иностранных дел — Силлу, 24 июня 1894 г.

²⁴ «Собрание документов Ли Хун-чжана», отдел телеграмм, т. 15, стр. 47, телеграмма Ли Хун-Чжана в Главное управление по иностранным делам от 20 июня 1894 г.

²⁵ Там же, стр. 48, телеграмма Ли Хун-чжана в Главное управление по иностранным делам от 21 июня 1894 г.

²⁶ FRUS, Улл.—Силлу, 22 июня 1894 г.

25 июня 1894 г. правительствам Китая и Японии с предложением об одновременном отводе войск из Кореи. Однако Япония «вежливо, но решительно» отклонила это предложение.

Введя в Корею войска, Япония почувствовала себя там полным хозяином и, не веря в возможность эффективного вмешательства держав в целях предотвращения войны, взяла курс на развязывание войны.

Следовательно, основные усилия цинской дипломатии в критические дни июня—июля 1894 г. были направлены к тому, чтобы с помощью держав избежать войны, ибо Китай к этой войне не был готов.

* * *

Китайско-японская война 1894—1895 гг. с самого начала сложилась неблагоприятно для Китая.

Китайская армия потерпела поражение в битве у Пхеньяна и в морском сражении у острова Хэйян. Маньчжурские власти пытались найти виновного в неудачах. Правительство специальным декретом возложило ответственность за неудачи на Ли Хун-чжана и лишило его желтой кофты и павлиньего пера. Ли Хун-чжан же стал искать новых путей к скорейшему заключению мира.

29 сентября 1894 г., в обстановке все ухудшавшегося военного положения, цинская верхушка призвала к руководству Главным управлением по иностранным делам, а затем и Государственным советом князя Гуна. Его приход усилил капитулянтские тенденции во внешней политике Цинов. Спустя всего два месяца после начала войны князь Гун от имени Главного управления по иностранным делам обратился к английскому посланнику с просьбой о посредничестве для достижения мира. 6 октября 1894 г. Англия обратилась к России, США, Германии и Франции с предложением о посредничестве. Китай соглашался признать независимость Кореи и оплатить военные расходы Японии. Это предложение не встретило поддержки США и Германии и не дало результатов.

Положение на фронте тем временем ухудшалось, политическая обстановка в Пекине становилась все более напряженной.

Цинское правительство лихорадочно пыталось ускорить заключение мира. 3 ноября посланники США, России, Англии, Франции и Германии были приглашены в Главное управление по иностранным делам. Члены управления обратились к посланникам с просьбой о посредничестве их правительств. «Мы предлагаем, — сообщало Главное управление по иностранным делам своим посланникам в европейских странах, — провозглашение независимости Кореи и оплату затрат по содержанию Японией войск»²⁷.

Это обращение, как и первое, не привело к ожидаемым цинским правительством результатам. США отказались примкнуть к коллективному выступлению держав, но заявили о готовности предложить свои «добрые услуги» для прекращения войны на «условиях, одинаково приемлемых для обеих наций»²⁸. О благожелательности позиции США в отношении Японии свидетельствует и тот факт, что США, как и Англия, в разгар войны заключили новый договор с Японией, отменявший права экстерриториальности США в Японии. Они сосредоточили в китайских водах значительные военные силы. Германское правительство отклонило предложение о посредничестве, заявив, что «военное положение обеих воюющих держав таково, что прием Японией китайских предложений исключен»²⁹.

²⁷ «Материалы по истории внешней политики последних Цинов», цзюань 99, стр. 9.

²⁸ FRUS, 1894, p. 74.

²⁹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», Bd. IX № 2218.

В ноябре 1894 г. китайская армия потеряла Даляньвань и Порт-Артур (Ляошунью). В этой связи цинская дипломатия стала еще более активной в поисках путей к скорейшему заключению мира с Японией.

В конце ноября 1894 г. Ли Хун-чжан направил служащего тяньцзиньской таможни немца Детринга в Кобе (Япония) к графу Ито со специальной задачей — выяснить вопрос о возможности заключения мира. Миссия не дала результатов. Ито направил в Кобе своего секретаря, который заявил, что Детринг не имеет полномочий вести переговоры от имени китайского правительства. Посылка миссии Детринга вызвала вмешательство США. Денби, как пишет Лю Да-нянь, был этим «весьма недоволен» и специально уговаривал Главное управление по иностранным делам поскорее отозвать Детринга из Японии³⁰.

Стремление США играть руководящую роль в качестве арбитра, «посредника» в войне между Китаем и Японией диктовалось общей линией США на подрыв влияния европейских держав в Китае.

Оценивая внешнюю политику цинского правительства военного времени, Фань Вэнь-лань писал: «... полукolonиальное правительство, подобно малому ребенку, не осмеливающемуся отойти от материнской защиты, во всех своих действиях непременно опиралось на иностранцев»³¹.

Беспомощность Цинов и противоречия между державами разжигали аппетиты японских захватчиков. Уже в декабре в дипломатических кругах Китая стали известны предварительные условия мира, выдвигаемые Японией. По сведениям Жерара, Япония собиралась потребовать 500 млн. лянов контрибуции, уступки Тайваня, передачи Японии китайского флота, сохранения в руках Японии Порт-Артура и некоторых других портов. «Эти требования сразили китайское правительство», — сообщал Жерар³². Дальнейшая затяжка войны страшила Цинов.

В декабре цинское правительство приняло решение о посылке официальной миссии в Японию для переговоров о мире. Императорским декретом от 21 декабря 1894 г. уполномоченными по ведению переговоров были назначены Чжань Инь-хуань и Шао Ю-лянь (губернатор Тайваня). В мандате, выданном уполномоченным, содержалось указание на то, что Америка посредничает в примирении Китая и Японии и направила в Японию для этой цели ответственного чиновника (речь идет об американском дипломате Фостере).

Решение о посылке миссии для заключения договора вызвало рост возмущения в стране. Это признавал сам глава дипломатической миссии Чжань Инь-хуань. В докладе правительству Чжань Инь-хуань писал: «Народ только тогда не будет выражать недовольствия, когда у нас будет план защиты его от оскорблений со стороны». Чжань Инь-хуань считал, что переговоры о мире только тогда могут быть успешны, когда на фронте удастся добиться хоть некоторого успеха.

Встреча китайских уполномоченных Чжань Инь-хуаня и Шао Ю-ляня с японскими — Ито и Муцу (30 января 1895 г. в Кобе) была сорвана японской стороной. Японцы нашли полномочия китайских делегатов недостаточными, а когда китайское правительство решило изменить текст полномочий, Япония отклонила это предложение и потребовала замены послов.

Полная неспособность цинского правительства продолжать войну определила решение о назначении новой делегации для переговоров с Японией. Японцы дали понять, что они хотят видеть во главе мирной

делегации Ли Хун-чжана. Цинскому двору пришлось, скрепя сердце, пойти на выполнение этого требования.

Ли Хун-чжану были возвращены его старые награды и звания, которых он был лишен несколькими месяцами ранее. Китаю пришлось выполнить еще одно предварительное условие: послать текст полномочий Ли Хун-чжана в Токио. Только после того, как в текст полномочий были внесены некоторые поправки, японцы определили срок приезда миссии Ли Хун-чжана. Советником Ли Хун-чжана стал американский дипломат Фостер, потребовавший за свою «услугу» 25 тыс. ам. долл. Докладывая об этом, Ли Хун-чжан писал: «Я думаю, надо дать 25 тыс. ам. долларов... США очень ценят Фостера, поэтому этих расходов никак нельзя избежать»³³.

Помимо Фостера в состав китайской делегации входили американец Петик, личный секретарь Ли Хун-чжана. В составе японской делегации также был американский советник — Деннисон. Таким образом Соединенные Штаты держали мирные переговоры под своим контролем.

В Пекине, перед отъездом в Японию, Ли Хун-чжан посетил посланников нескольких держав, просил их оказать Китаю содействие в предотвращении чрезмерных требований со стороны Японии. «Вице-король», — сообщал 5 марта (н. ст.) Кассини, — за время своего пребывания в Пекине старался со свойственной ему ловкостью и тонким умом заручиться поддержкой заинтересованных в вопросе европейских держав и главным образом России»³⁴.

Переговоры Японии и Китая начались 20 марта в Японии, в городе Симоносэки. Сперва обсуждался вопрос о перемирии. Японские условия перемирия Ли Хун-чжан нашел чрезмерно тяжелыми и поэтому стал затягивать переговоры. 24 марта, когда Ли Хун-чжан возвращался с заседания мирной конференции, на него было произведено покушение членами японской реакционно-монархической организации «Черный дракон».

Японское правительство заявило о своем «глубоком сожалении по поводу происшедшего» и объявило об установлении перемирия — с 30 марта — сроком на три недели. Но все это было чисто внешней стороной. Сфера действия перемирия была ограничена районом Северного Китая. Япония сохраняла свободу действий в южных районах и использовала перемирие для наступления на Тайвань, что было главным для Японии на данном этапе. Япония не решалась развивать военные действия в Северном Китае, в непосредственной близости от столицы Китая. Японскому правительству было известно и о большой дипломатической активности Ли Хун-чжана перед отъездом в Симоносэки, и о переговорах, идущих в европейских столицах, об озабоченности России чрезмерными домогательствами Японии. В силу этого Япония свой вынужденный политический шаг преподнесла как акт «великодушия» и «благородства».

3 апреля министры Главного управления по иностранным делам посетили Кассини и ознакомили его с содержанием условий мира. Особое волнение их вызвало требование контрибуции и отчуждения Ляодунского полуострова. Министры Главного управления по иностранным делам особенно подчеркивали бедственное финансовое состояние страны. В самом Главном управлении в это время был разброд. Наиболее характерной тенденцией distinguished князей и министров было желание отделаться от каких-либо решений, взвалив всю ответственность на Ли Хун-чжана. 17 апреля 1895 г. Ли Хун-чжан подписал Симоносэкиский договор.

³⁰ См. Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае, стр. 78.
³¹ Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. Пекин, 1951, стр. 282.

³² «Documents diplomatiques français», t. XI, Жерар—Ганото, 4 декабря 1894 г.

³³ «Материалы по истории внешней политики последних Цинов», цзюань 106, стр. 10. Телеграмма Ли Хун-чжана в Главное управление по иностранным делам 15 февраля 1895 г.

³⁴ Архив внешней политики России (АВПР), кит. стол, д. 113, л. 54.

Вопрос о ратификации договора стал предметом борьбы дворцовых клик: «военной партии» и «партии мира». Борьба этих клик была отражением давнишних противоречий, порожденных борьбой за власть между императорской группировкой во главе с Гуан Сюем и близким ему сановником Ван Тун-хэ и кликой императрицы во главе с Цы Си и Ли Хун-чжаном. Сторонники императорской клики резко критиковали деятельность Ли Хун-чжана, болтали, по выражению Фань Вэнь-ланя, об «изгнании чужеземцев», но ни в ходе войны, ни при обсуждении вопроса о ратификации договора никакой позитивной программы выдвинуть не смогли. Вторая группировка занимала открыто пораженческие позиции. Коренного различия между этими двумя кликами, следовательно, не было.

Для характеристики деятельности кругов, оппозиционных заключению мирного договора, показателен доклад известного сановника Чжан Чжи-дуна правительству³⁵. Анализируя отдельные статьи договора, Чжан Чжи-дун устанавливал, что они создают грозную опасность столице Китая. Если Порт-Артур и Вэйхайвэй останутся в руках японцев, то последние, используя любой повод, смогут достигнуть столицы. Если будет принят пункт о праве японцев строить промышленные предприятия в Китае, участвовать в строительстве железных дорог, то это даст японцам возможность контролировать всю экономику Китая, в том числе и транспорт. «Тогда как же сможет Китай существовать как государство?... Торговцы обеднеют, и тогда для снабжения армии не будет источников. Все государства будут нас притеснять, народ будет страдать и высказывать недовольство. Внешняя опасность бесконечно увеличится. Повсеместно возникнут внутренние волнения»³⁶. Эта боязнь народных восстаний, ярко выступающая в докладе Чжан Чжи-дуна, весьма характерна для докладов и других цинских чиновников.

Чжан Чжи-дун предлагал обратиться за помощью... к державам. Он считал, что спасение надо искать в помощи со стороны Англии, Германии и России. Чжан Чжи-дун наивно полагал, что, поскольку эти государства находятся далеко от Китая, то их претензии не будут столь опасны, как претензии Японии. «Безразлично, как придется компенсировать эти государства», — говорил он.

В проектах усиления Китая с помощью иностранцев недостатка не было. Не было только попыток организовать всенародное сопротивление захватчикам.

2 мая 1895 г. император Китая ратифицировал договор. То, что правительство Китая приняло условия мирного договора, и то, что император ратифицировал договор, — во всем этом не было ничего неожиданного. Такое решение для цинского правительства было единственно возможным. Оно было вполне закономерным для антинародной, антинациональной политики феодального цинского правительства.

Современные историки нового Китая сурово оценивают капитуляцию Цинов перед японо-американским натиском, указывая, что возможности для продолжения борьбы были. Но цинское правительство боялось активности народа и своими действиями не отдаляло, а приближало собственную гибель.

Цинское правительство не прочь было рекламировать в качестве своего успеха выступление трех держав (России, Франции, Германии) с требованием возвращения Ляодунского полуострова Китаю. Возвращение Ляодуна, действительно, было положительным для Китая фактом. Но его нельзя рассматривать как успех собственно цинской дипломатии. Это

³⁵ «Материалы по истории внешней политики последних Цинов», цзюань 109, стр. 24—25.

³⁶ Там же, стр. 25.

требование было продиктовано интересами держав. В дальнейшем же оно было использовано против Китая, послужив одним из поводов к усилению натиска империалистических держав на Китай.

* * *

Заключение Симоносэцкого договора вызвало негодование китайского народа. Наиболее значительным патриотическим выступлением в 1895 г. были события на Тайване. Население Тайваня, хорошо знавшее разбойничьи повадки японских милитаристов, с возмущением встретило весть о предполагаемой передаче острова японцам. Население Тайваня начало длительную и упорную борьбу против завоевателей. В сопротивлении японским захватчикам отчетливо прослеживаются «показное сопротивление властей и героическое сопротивление народа»³⁷.

Чтобы не создавать новых осложнений для цинского правительства в отношениях с Японией, группа тайваньских шаньши во главе с Цю Фэн-цзя решила провозгласить республику Тайвань и поставить во главе нес старого губернатора Тан Цзин-суна, назначенного цинским правительством. Инициаторы движения надеялись на помощь центрального правительства и рассчитывали на те войска, которые в это время были на Тайване. На Тайване находились переброшенные в сентябре 1894 г. из Гуандуна войска известного полководца-патриота Лю Юнь-фу, предводителя войск «черного флага», сражавшихся на стороне Вьетнама против французских колонизаторов во время китайско-французской войны³⁸. Это были патриотически настроенные войска, но численность их была невелика.

Тан Цзин-сун, типичный маньчжурский реакционер-бюрократ, менее всего был пригоден к роли руководителя патриотической борьбой. Учитывая, что цинское правительство заняло безоговорочно отрицательные позиции в отношении борьбы народа Тайваня, он стремился скорее удрать с Тайваня.

Сам предводитель движения Цю Фэн-цзя был далек от того, чтобы попытаться опереться на реальные силы народных масс, он надеялся на помощь императора, на «справедливое вмешательство» держав, на то, что Тан Цзин-сун будет защищать народ.

После того, как передача острова Японии стала фактом и японские вооруженные силы высадились на острове, Тан Цзин-сун 4 июня бежал с Тайваня. 7 июня японские войска вступили в Тайбэй. Тайваньская республика, с центром в Тайбэе, пала. Официальное руководство республикой было неспособно возглавить народную борьбу, а Цины были глубоко враждебны патриотическому движению на Тайване. Но именно тогда и развернулось подлинно массовое движение сопротивления.

На юге, в районе Тайнаня борьба продолжалась. Здесь был учрежден новый центр сопротивления во главе с Лю Юнь-фу. Народ решительно выступал за продолжение сопротивления врагу. «Чиновники и население — пишет Фань Вэнь-лань, — просили Лю Юнь-фу взять на себя общее командование»³⁹, а командира дивизии Ян Сы-хуна — быть его заместителем. Под их командованием были объединены 18 батальонов и ополчение — добровольческие отряды из населения... Он (Лю Юнь-фу) бросил войска

³⁷ Фань Вэнь-лань. Новая история Китая, т. I. М., 1955, гл. VI, раздел 6.

³⁸ Войска «черного флага» возникли из остатков тайпинской армии, часть которых после разгрома Тайпиняня (в 1864 г.) отступила в провинцию Гуанси, а затем перешла на территорию Вьетнама.

³⁹ Лю Юнь-фу поклялся стоять на смерти. «Мне скоро 60 лет, — писал он в своей клятве, — но я не откажусь от этого, хотя бы мне пришлось погибнуть. Армия и народ должны сражаться рука об руку...» (Фань Вэнь-лань. Указ. соч., стр. 405).

«Черного знамени» на самый опасный участок фронта. Благодаря главным образом именно этим объединенным силам он смог в течение 4 месяцев вести бои с японским военно-морским флотом»⁴⁰.

Лю Юнь-фу обращался с просьбой о помощи к губернаторам приморских провинций, но эти обращения были безрезультатны. «Ли Хун-чжан и цинское правительство отдали категорическое распоряжение „не оказывать Южному Тайваню никакой помощи“»⁴¹.

Цинское правительство предало народ Тайваня. 10 октября 1895 г. японцы высадились на юге. Несмотря на сопротивление, встреченное ими, они сумели уже 21 октября занять Тайнань. Но и после этого борьба не прекратилась. Массовая партизанская борьба против японских захватчиков продолжалась несколько лет. В конечном итоге вооруженное сопротивление на Тайване было подавлено, но оно оставило неизгладимый след в памяти народа, и движение протеста против захватчиков никогда не прекращалось.

Протесты против Симоносэцкого договора и всего пораженческого характера ведения войны вылились в различные формы: индивидуальные протесты, стихийные восстания и организованное планомерное движение за реформы. К этому же времени относится зарождение революционно-демократического движения.

Примером индивидуального протеста может служить выступление цензора Ань Вэй-цзюня с суровым обличением политики Цы Си — Ли Хун-чжана⁴².

Цензор настаивал на предании Ли Хун-чжана казни. В ответ на это смелое выступление последовал императорский эдикт, в котором нетрудно узнать руку Цы Си. Цензор был обвинен в дерзости, в том, что базирует свои обвинения на слухах. Цензор был разжалован и сослан.

Симоносэцкий мир вызвал протесты в передовых кругах китайского общества. Первым, наиболее важным проявлением растущего в китайском народе возмущения политикой цинского правительства было создание Сунь Ят-сеном первой революционно-демократической организации Китая — Синчжунхуэй, главным назначением которой была борьба за свержение цинской династии.

Против Симоносэцкого договора выступала значительная группа ученых Китая (свыше 1200 человек), организованная известным пропагандистом идей реформирования Китая ученым Кан Ю-вэем и его соратниками Лян Ци-чао и Май Мэн-хуа. В документе, известном под названием «Коллективного меморандума», содержалась резкая критика договора, указывалось, что он вызывает повсеместное движение протеста и порождает упреки двору.

Решительные возражения вызвал пункт об уступке Тайваня, ибо это, как указывалось в меморандуме, вело к распаду страны⁴³. «Коллективный меморандум» предлагал: 1) издать императорский указ о продолжении борьбы; 2) перенести столицу из Пекина в Сиань; 3) провести преобразования, которые обеспечили бы создание могущественного Китая⁴⁴.

В стране были силы, готовые продолжать борьбу, но цинское правительство боялось этих сил больше, чем японцев. Отсюда — все дальнейшие бедствия Китая. Китайская мудрость гласит: «Если, проиграв войну,

⁴⁰ Фань Вэй-лань. Указ соч., стр. 405.

⁴¹ Там же, стр. 403.

⁴² См. J. O. P. Bland and E. Backhouse. China under the Empress Dowager. London, 1910, p. 172—175.

⁴³ 戊戌變法 (Реформы 1898 г.). Пекин, т. II, стр. 131.

⁴⁴ См. С. Л. Тихвинский. Борьба за реформы в Китае в конце XIX века. «Вопросы истории», 1953, № 6.

не усилился, непременно вновь подвергнешься поражению». Так оно и произошло. Цинское правительство ничему не научилось за время войны.

Политика цинского правительства была подчинена одной цели: «мир во что бы то ни стало». В этом и заключалась его «генеральная линия». Всякая мысль о продолжении войны в глубине страны, высказанная реформаторами, отвергалась. Длительная затяжная война требовала широкой мобилизации сил народа. Цинское правительство было не только чуждо, но и враждебно всякой патриотической идее, любому патриотическому начинанию, ставившему своей целью организацию всенародной войны и проведение коренных реформ.

Реакционная внутренняя политика вела к проведению столь же реакционной внешней политики, которая носила пораженческий характер, что соответствовало общему политическому курсу правительства на подавление народа и на соглашение, сделку с внешним врагом. Война открыла полосу борьбы держав за расчленение Китая, за раздел страны.

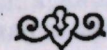
Но война привела к серьезным сдвигам в китайском обществе. Все чаще в дипломатической переписке, в записках путешественников, в письмах иностранцев из Китая признавалось, что в Китае происходят перемены: народ не желал больше мириться с господством ненавистного режима.

В. И. Ленин говорил: «Давно признано, что войны, при всех ужасах и бедствиях, которые они влекут за собой, приносят более или менее крупную пользу, беспощадно вскрывая, разоблачая и разрушая многое гнилое, отжившее, омертвевшее в человеческих учреждениях»⁴⁵.

Война вскрыла и разоблачила гниль и омертвление цинской династии. Вместе с тем она показала, что в китайском народе растут и крепнут силы, способные вести борьбу за новый Китай.

SUMMARY

The article describes the basic methods of foreign policy employed by the Ching diplomacy. The bankruptcy of that foreign policy became especially apparent during the Sino-Japanese war. The numerous appeals for aid addressed in vain by Li Hung-chiang and Prince Kung (Y Sin) to foreign powers were indicative of the political and military weakness of the Ching government, of its fear of an organized mass resistance to the enemy. The war of 1894—1895 played an important part in exposing the rotten Ching regime. It stimulated the efforts of the progressive, patriotic forces of society to organize their ranks, to stiffen the struggle against the Ching regime. The article gives brief information about the basic forms of this movement: resistance to Japan's capture of Taiwan, a joint memorandum signed by a large group of scientists which played an important part in the development of the liberal reformist movement etc.

⁴⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 184.

АМЕРИКАНСКИЕ МОНОПОЛИИ В ЭКОНОМИКЕ ФИЛИППИН

Е. С. ТРОИЦКИЙ

Реакционная американская литература, посвященная Филиппинам, изображает политику США на архипелаге как отказ от колониализма, стремится преуменьшить роль крупнейших американских трестов и корпораций в филиппинской экономике. Факты показывают, что деятельность американского империализма на Филиппинах в основном не отличалась от политики других империалистических держав в колониальных и зависимых странах¹.

Проникновение американского капитала на Филиппины началось задолго до захвата архипелага Соединенными Штатами. Первое американское торговое судно прибыло на Филиппины в 1796 г. Оно вернулось в США с грузом индиго, манильской конопли, перца и сахара. В 1819 г. уже 23 американских корабля заходили в манильский порт, а в 1842 г. в Маниле действовало семь или восемь английских фирм, одна французская, одна датская и две американских фирмы².

Особенно широкие операции развернула американская фирма «Рассел, Стэрджи энд компани». Эта компания выдавала денежные ссуды испанским и филиппинским помещикам и плантаторам, которые обязывались поставлять фирме сахар, манильскую коноплю и другие продукты. Владельцы фирмы привлекали значительные вклады от испанцев и филиппинцев и использовали их для банковских и ростовщических операций. В 1875 г. жители Манилы, не знакомые с махинациями буржуазных дельцов, были потрясены известием о крахе «великой» фирмы. Множество местных вкладчиков разорились. Торговля на некоторое время была парализована. Так завершила свою деятельность первая американская компания на архипелаге³.

Внедрению американского капитала на Филиппинах мешала как конкуренция со стороны Англии, Франции и других держав, так и политика испанских властей, которые всячески ограничивали деятельность иностранного капитала на Филиппинах. Иностранные товары облагались высокими таможенными пошлинами. В 1886 г. испанские власти объявили торговую деятельность иностранцев на архипелаге «вредной для материальных интересов страны».

Экономическое закабаление Филиппин было одной из целей правящих кругов США в испано-американской войне — первой войне за передел

мира. Наступление эпохи империализма совпало для Филиппин с установлением господства США. Империализм принес новые методы эксплуатации колоний и зависимых стран. Особое значение приобрел вывоз капитала. Вслед за американскими войсками на Филиппины устремились агенты крупных корпораций и банков, торговцы и просто авантюристы.

В 1902 г. в Маниле начали действовать американские банки «Гэранти трест компани» и «Интернейшнл банкинг корпорейшн». Несколько позже американская монополия «Интернейшнл харвестер компани» приступила к созданию агентств для скупки на архипелаге манильской конопли и приобрела земельные участки для ее возделывания. Финансовые круги США, при активной поддержке колониальных властей, начали развешивать на Филиппинах строительство железных и шоссейных дорог, портовых сооружений и т. п.

Американский профессор Виллис в своей книге, изданной в 1905 г., отметил, что «в экономических вопросах конгресс проводил на Филиппинах политику рабского прислужничества перед особо заинтересованными кругами»⁴, иначе говоря, перед крупнейшими монополиями США. В 1903 г. американское правительство осуществило выкуп 400 тыс. акров земли, принадлежавшей монашеским орденам. Американские власти заявляли, что это мероприятие будто бы продиктовано интересами филиппинского крестьянства, не прекращавшего борьбы за землю даже после подавления революции 1898 г. Однако почти вся выкупленная земля через некоторое время была захвачена американскими компаниями и филиппинскими крупными собственниками. Вокруг бывших монашеских земель американские дельцы, зачастую являвшиеся представителями интересов крупных монополий, развернули жульнические махинации. Так, в ноябре 1909 г. на о. Миндоро была оформлена продажа огромного имения Сан Хосе площадью в 22,5 тыс. га. Некий Пуль, купивший имение, объявил в марте 1910 г., что во время покупки он действовал от имени трех лиц: вице-президента крупнейшей американской сахарной компании «Америкэн шугар рифайнинг», одного из ее директоров и богатого сахарозаводчика и торговца сахаром Велха. Эти три дельца учредили компанию, которая приступила к постройке первого на Филиппинах современного сахарного завода.

После окончания испано-американской войны буржуазия США потребовала снижения пошлин на свои товары, ввозимые на архипелаг. Такое требование было выдвинуто, например, Национальной ассоциацией промышленников США и Торговой ассоциацией Нью-Йорка. В начале XX в. рядом законодательных актов конгресса США и распоряжений американской администрации на Филиппинах была установлена так называемая «свободная» торговля между двумя странами. Американские товары, ввозимые на Филиппины, не должны были облагаться пошлинами и подвергаться каким-либо количественным ограничениям. С 1909 г. филиппинский рынок был огражден от ввоза товаров из всех других иностранных государств высокими таможенными пошлинами. Одновременно разрешался беспошлинный ввоз в США с Филиппин нужного американским монополиям сырья, и в то же время вводились определенные ограничения на экспорт в США ряда филиппинских продуктов. «Свободная» торговля обеспечила американским монополиям устойчивый, почти закрытый для других стран рынок сбыта. Бесплатный ввоз товаров из США задерживал развитие национальной промышленности на Филиппинах. «Свободная» торговля способствовала специализации народного хозяйства Филиппин на производстве сырьевых продуктов, предназначенных для экспорта в США.

¹ В статье использованы главным образом материалы, относящиеся к 30-м годам.

² М. М. Katalaw. Philippine question an analysis. Manila, 1931, p. 7.

³ J. Foreman. The Philippine islands. London, 1906, p. 255—256.

⁴ J. S. Reyes. Legislative history of America's economic policy. New York, 1923, p. 198.

Проникновение американского капитала на Филиппины дало толчок некоторому развитию капитализма в колонии. На архипелаге возникали крупные промышленные предприятия (в первую очередь сахарные заводы), принадлежавшие американцам, строились железные дороги и т. д. Однако деятельность монополий США лишила Филиппины важнейших условий, необходимых для самостоятельного экономического развития. Хозяйство Филиппин развивалось по пути превращения их в аграрно-сырьевой придаток США. Американские империалисты были заинтересованы в сохранении экономической отсталости Филиппин, которая помогала им удерживать власть на архипелаге и обеспечивала их крайне дешевой рабочей силой. Американские монополии эксплуатировали филиппинских рабочих и крестьян не только капиталистическими, но и докапиталистическими методами. Наконец, американский финансовый капитал был тесно связан с феодальными силами филиппинской деревни и стремился сохранить феодальные пережитки в экономике своей колонии.

* * *

После первой мировой войны, наряду с общим увеличением экспорта капитала из США за границу, возрастает и вывоз его на Филиппины. В 1919 г., по данным, приводимым в годовом отчете американского генерал-губернатора на Филиппинах, первое место по размерам инвестиций в филиппинской экономике еще занимал английский капитал⁵. К началу мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. США уже далеко обогнали Англию по объему капиталовложений на Филиппинах. Перед второй мировой войной американцам принадлежало около половины всех капиталовложений в промышленные, торговые предприятия и банки архипелага. Филиппинцы владели всего лишь 15% инвестиций, остальная часть капиталовложений принадлежала английским, испанским, японским и другим капиталистам⁶. В 1930—1937 гг. среднегодовая доля США в экспорте Филиппин была равна 82%, в импорте — 63%⁷. Филиппины стали для американских империалистов сферой монопольного приложения капиталов, монопольным рынком сбыта и источником сырья.

При вытеснении своих конкурентов из экономики Филиппин монополиям США приходилось преодолевать ожесточенное сопротивление английских, испанских и других компаний. Областью острого соперничества стало, например, торговое судоходство.

В 1921 г. правительство США пыталось распространить на Филиппины действие американских законов о каботажном судоходстве. Против этого выступили совместно с влиятельными кругами филиппинской буржуазии пароходные компании ряда стран. На объединенном совещании филиппинских, японских, испанских и других судовладельцев была принята резолюция протеста, направленная американскому конгрессу. Правящие круги США были вынуждены отступить. До войны попытки судовладельцев США установить полный контроль над морскими перевозками по обслуживанию внешней и внутренней торговли Филиппин не достигли цели: в 30-х годах на американских судах транспортировалось лишь около 1/3 филиппинского экспорта⁸, основная часть внешнеторговых перевозок архипелага обслуживалась английскими судами.

⁵ J. S. Reyes. Указ. соч., стр. 196.

⁶ «Political affairs». June 1946, p. 538.

⁷ Вычислено по данным «Joint preparatory committee on Philippine affairs», vol. I. Washington, 1938, p. 26.

⁸ W. H. Anderson. The Philippines. Problem of 40 years. New York, 1939, p. 91.

Особой остроты перед второй мировой войной достигли на Филиппинах американско-японские противоречия. Японский капитал укрепился на плантациях манильской конопли, в некоторых отраслях горнодобывающей промышленности, в консервном производстве, в розничной торговле. Япония вышла на второе место во внешней торговле Филиппин, хотя правительство США и ввело ряд ограничений в японо-филиппинской торговле. Накануне второй мировой войны экономика Филиппин носила ярко выраженный колониальный характер. 75% населения Филиппин было занято в сельском хозяйстве, в котором преобладали полуфеодалы и методы эксплуатации крестьянства. По официальным данным, более половины крестьян являлись арендаторами⁹. Огромные массивы плодородных земель принадлежали местным и иностранным помещикам и плантаторам. Промышленность была развита крайне слабо. Имелось лишь небольшое количество крупных предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья и добыче минералов. Продукция этих предприятий почти полностью вывозилась за границу, главным образом в США. Бывший верховный комиссар США на Филиппинах Поль Макнатт заявлял: «...до войны национальная экономика Филиппин была целиком и полностью привязана к экспортной торговле. 95% филиппинского экспорта шло в США»¹⁰. Из 17 млн. филиппинцев от производства кокосовых продуктов зависело 4 млн. человек, от производства манильской конопли, сахара, табака и риса соответственно 2,5 млн., 2 млн., 0,5 млн. и 6 млн. человек¹¹.

Для американских буржуазных экономистов характерна тенденция к преуменьшению объема американских капиталовложений на Филиппинах. На основании официальных данных они оценивали довоенные американские инвестиции на архипелаге в 150—300 млн. долл.¹². Советские и прогрессивные зарубежные ученые оценивают довоенные американские капиталовложения на Филиппинах в 300—400 млн. долл.¹³.

Накануне второй мировой войны подавляющая часть американских капиталовложений на Филиппинах принадлежала филиалам крупнейших корпораций США или компаниям, находившимся в непосредственной зависимости от американских финансовых магнатов. Филиппинская экономика контролировалась такими американскими монополиями, как «Америкэн шугар рифайнинг компани», «Интернейшнл харвестер компани», «Дженерал фудс корпорейшн», «Стандард ойл», «Левел бразерс», и другими. Деятельность этих компаний направлялась основными финансовыми группами США — Морганом, Рокфеллером, Меллоном, Дюпоном, чикагской финансовой группой. Интересы американского «большого бизнеса» на Филиппинах защищала, в частности, «Филиппино-американская торговая палата». Среди ее влиятельных членов были представители «Нейшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» и таких корпораций, как «Стандард вакуум ойл компани», «Гудьер тайр энд раббер компани», «Интер-кэмикал корпорейшн»¹⁴. В Американскую торговую палату на Филиппинах входили, помимо представителей монополий США, также американские дельцы, живущие на архипелаге. Многие из этих дельцов были тесно связаны с трестами и кор-

⁹ «Yearbook of Philippine statistics 1946». Manila, 1947, p. 137.

¹⁰ E. H. Jacoby. Agrarian unrest in Southeast Asia. New York, 1949, p. 206.

¹¹ S. Jenkins. United States economic policy towards the Philippine Republic. New York, 1947, p. 2—3.

¹² H. G. Callis. Foreign capital in Southeast Asia. New York, 1942, p. 10—12; E. H. Jacoby. Agrarian unrest in Southeast Asia. New York, 1949, p. 171; W. H. Anderson. Указ. соч., стр. 3.

¹³ В. Я. Авагун. Борьба за Тихий океан. Госполитиздат, 1952, стр. 488; J. S. Allen. «Enlightened» American imperialism in the Philippines. «Political affairs», June 1946, p. 539.

¹⁴ S. Jenkins. Указ. соч., стр. 45.

порациями США. Так, «Пасифик комэршил компани», возглавляемая Пондом, пользовалась исключительным правом продажи на Филиппинах автомобилей компании «Дженерал моторс»¹⁵. Интересы некоторых мелких американских предпринимателей, действовавших в колонии, серьезно страдали от конкуренции со стороны американских монополий.

По данным американского буржуазного экономиста Каллиса, прямые капиталовложения США до второй мировой войны составляли 80% всех американских инвестиций на Филиппинах¹⁶. Американские капиталы были вложены главным образом в предприятия, обрабатывавшие сельскохозяйственное сырье, в горную промышленность, плантации и коммунальные предприятия. По данным Тарифной комиссии США, исследовавшей в 1935 г. объем и характер американских капиталовложений на Филиппинах, в плантации было вложено 12,2% прямых инвестиций США на архипелаге. Крупные плантации сахарного тростника принадлежали американской сахарной монополии «Америкэн шугар рифайнинг компани». «Интернейшил харвестер компани» владела обширными плантациями манильской конопли. На о. Минданао находились плантации по выращиванию ананасов, принадлежавшие «Филиппин пейкинг корпорейшн». Эта компания является филиалом «Калифорния пейкинг корпорейшн» — крупной американской компании по производству консервированных ананасов.

Господствующее положение американских монополий в производстве экспортных сельскохозяйственных культур на Филиппинах обеспечивалось также тем, что им принадлежали предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. Важнейшей отраслью промышленности Филиппин является сахарная промышленность (производящая главным образом сахар-сырец). До войны доходы около двух млн. филиппинцев находились в зависимости от производства сахара¹⁷. В период 1928—1937 гг. стоимость экспорта сахара составила около 45% всего экспорта Филиппин¹⁸. В 1940 г. в руках американцев было сосредоточено 32% капиталовложений в сахарные заводы¹⁹. Американцам принадлежала значительная часть технически наиболее оснащенных предприятий. Крупную роль в сахарной промышленности Филиппин играла «Америкэн шугар рифайнинг компани». Зависимость сахарной промышленности Филиппин от американского капитала усугублялась тем, что почти весь экспортировавшийся филиппинский сахар направлялся в США (более 99% в период с 1928 по 1937 г.). Филиппинской буржуазии тогда принадлежало 45% капиталовложений в сахарные заводы. Однако ряд национальных предприятий фактически контролировался финансовым капиталом США.

Предприятия, изготовлявшие копру, контролировала частично американская монополия «Дженерал фудс корпорейшн», действовавшая через свой филиал «Франклин Бэйкер корпорейшн». Принадлежавшие американскому капиталу предприятия давали около 80% всей продукции этой отрасли производства²⁰. Американскому капиталу принадлежали также два крупнейших завода по выработке кокосового масла²¹. Под его контро-

¹⁵ «Encyclopedia of the Philippines», vol. III. Manila, 1936, p. 439.

¹⁶ H. G. Callis. Указ. соч., стр. 11.

¹⁷ J. T. Runes. General standards of living and wages of workers on the Philippine sugar industry. Manila, 1939, p. 6.

¹⁸ Вычислено по данным «Joint preparatory committee on Philippine affairs», vol. I, p. 42.

¹⁹ H. J. Abaya. Betrayal in the Philippines. New-York, 1946, p. 185.

²⁰ J. Shepherd. Industry in Southeast Asia. New York, 1941, p. 97.

²¹ Кокосовое масло находит разнообразное применение не только в кондитерском производстве, в США оно широко использовалось в качестве одного из исходных продуктов при изготовлении тринитротолуола и напалма.

лем находились предприятия, выпускавшие 53% продукции из манильской конопли²².

Значительная часть (23,2%) прямых американских капиталовложений на Филиппинах была сосредоточена в горной промышленности²³. Особенно большое место в филиппинской экономике занимала добыча золота. В 1937 г. золото по стоимости занимало третье место (после сахара и кокосовых продуктов) в экспорте Филиппин в США. Более половины добычи золота на архипелаге приходилось на компанию «Бенгет консолидейтед майнинг» и ее филиалы. Эту компанию возглавлял «король золотопромышленности» — Дж. Хауссерман, который контролировал богатейшие на Дальнем Востоке месторождения золота. Дж. Хауссерман состоял членом правления многих компаний, оперировавших на архипелаге, и возглавлял «Нью Ричмонд нейшил бэнк», находящийся в США. Хауссерман был связан также с ведущими финансовыми кругами США, в частности с «Нейшил сити бэнк оф Нью-Йорк»²⁴.

Перед второй мировой войной американский капитал активизировал свою деятельность в области добычи таких важных видов стратегического сырья, как хромовая и марганцевая руды. Компания «Консолитейтед майнс» установила контроль над филиппинским месторождением хромитов — одним из самых крупных в мире.

Деятельность американских монополий, направленная на превращение Филиппин в аграрно-сырьевой придаток США, диктовалась стремлением к извлечению сверхприбылей. «Американский капитал», — писал с Филиппин корреспондент газеты «Нью-Йорк пост», — стремится в короткий срок получить высокие прибыли. Сахарные заводы, рудники, предприятия, производящие кокосовое масло, а не предприятия по производству искусственных удобрений, машин и текстильных товаров являются сферами американских интересов²⁵. Золотопромышленные компании перед второй мировой войной ежегодно выплачивали акционерам дивиденды в размере от 100 до 125%²⁶. Американская журналистка Флоренс Хорн отмечала в 1941 г., что золотодобывающие компании, контролируемые Дж. Хауссерманом, за время своего существования (с 1910 г.) выплатили акционерам дивиденды на сумму 35 млн. долларов²⁷. В период золотой горячки, охватившей Филиппины в 30-х годах, миллионные состояния создавались американскими дельцами иногда в самое короткое время.

Годовые прибыли сахарозаводчиков достигали перед войной 50% на вложенный капитал. Большие прибыли получали также иностранные и местные владельцы плантаций сахарного тростника. На перевозках сахара наживались различные транспортные компании. Американская компания, владеющая железными дорогами на островах Себу и Панаи, получала от перевозок сахара 45% всех своих доходов от грузовых перевозок.

Одним из важнейших источников получения американскими монополиями максимальных прибылей была беспощадная эксплуатация филиппинского рабочего класса. Заработной платы филиппинских рабочих не хватало для удовлетворения самых насущных жизненных потребностей. По исчислениям филиппинского профсоюза табачников, прожиточный минимум рабочей семьи из пяти человек в 1934 г. колебался от 1 до 1,27 песо в день²⁸. Однако даже рабочие тех отраслей промышленности, в которых

²² J. Shepherd. Указ. соч., стр. 14.

²³ H. G. Callis. Указ. соч., стр. 99.

²⁴ «Encyclopedia of the Philippines», vol. IX, p. 277.

²⁵ Приводится по «Foreign policy reports», September 1, 1948, p. 91.

²⁶ «Political affairs», June 1946, p. 539.

²⁷ F. Horn. Orphans of the Pacific. The Philippines. New York, 1941, p. 206.

²⁸ А. Губер. Филиппины. М., 1937, стр. 93. По официальному курсу 1 песо равно 0,5 долл.

заработная плата была относительно высока, часто не получали официально установленного минимума в 1 песо. В 1939 г. было проведено официальное обследование заработной платы рабочих, занятых в горной промышленности, на сахарных и лесопильных заводах, на табачных и обувных фабриках, на железных дорогах и электростанциях. Из 107 тыс. рабочих, заработок которых был учтен, 33 тыс. чел. получали менее 1 песо в день и лишь 8 тыс. более 2,4 песо.

Особенно тяжелым было положение сельскохозяйственных рабочих, составлявших наиболее многочисленный отряд пролетариата Филиппин. По данным филиппинской переписи 1939 г., из 670 тыс. сельскохозяйственных рабочих, о заработной плате которых имелись сведения, 147 тыс. рабочих получали в день от 20 до 29 сентаво, 125 тыс. — от 30 до 39, 98 тыс. — от 40 до 49, 150 тыс. — от 50 до 59 сентаво и только 12 тыс. — более 1 песо. Около 43 тыс. рабочих, главным образом подростки, получали менее 20 сентаво в день²⁹. Американский буржуазный экономист К. Курихара отмечал, что филиппинские сельскохозяйственные рабочие были обречены на голодное существование³⁰.

Владельцы плантаций сахарного тростника и сахарных заводов различными средствами вынуждали рабочих за бесценок продавать свою рабочую силу. Плантационные рабочие получали номинально около 0,5 песо в день. Следует отметить, что в течение полугода рабочие плантаций сахарного тростника, оплачивавшиеся сдельно, работали три, два или даже один день в неделю³¹. Широкое распространение получил на плантациях труд женщин и детей, оплачивавшийся особенно низко. Очень часто использовался труд детей, не достигших 11 лет.

Плантаторы и сахарозаводчики широко применяли как капиталистические, так и докапиталистические методы эксплуатации рабочего класса. Чтобы закрепить за собой рабочую силу и создать условия для дополнительной эксплуатации плантационных рабочих, плантаторы нередко сдавали им в аренду участки земли (от 0,25 до 1 га). На многих плантациях плантаторы выдавали большую часть заработной платы продуктами по ценам, значительно превышавшим рыночные³². Крайняя нужда заставляла рабочих обращаться к ростовщикам, которые в некоторых случаях действовали в контакте с управляющими плантаций. Ставки ростовщиков доходили до 1% в день. Из 173 обследованных семей плантационных рабочих размеры долгов более чем у половины семей колебались от 5 до 40 песо. Долг некоторых семей, продолжительное время работающих на одной плантации, превышал 100 песо³³.

Значительную часть рабочих плантаций сахарного тростника и сахарных заводов составляли сезонники, которые завербовывались лишь на определенный период. Вербовщики обычно выполняли обязанности надсмотрщиков и получали, помимо комиссионных, определенный процент с заработка рабочих, находившихся в их ведении³⁴. В период переработки сахарного тростника продолжительность рабочего дня на плантациях и сахарных заводах достигала 16 часов в сутки. На плантациях, часто лишенных элементарного медицинского обслуживания, свирепствовали туберкулез, бери-бери, инфлуэнца и другие болезни.

Во время колониального господства одностороннее развитие торговых от-

²⁹ Е. Н. Jacoby. Указ. соч., стр. 214.

³⁰ К. К. Kurihara. Labour in the Philippine economy. Stanford university press, 1945, p. 45.

³¹ I. T. Runes. Указ. соч., стр. 10, 13 (В 1937 г. Рунес обследовал условия труда рабочих, занятых в производстве сахара).

³² I. T. Runes. Указ. соч., стр. 23.

³³ Там же, стр. 24, 28.

³⁴ Там же, стр. 11.

ношений между США и Филиппинами привело к гибели издавна существовавших на архипелаге кустарных промыслов³⁵. Однако американский капитал сохранил и подчинил себе некоторые отрасли мелкой промышленности. Так, из 4 млн. долл., вложенных в производство художественных вышивок, в 1937 г. 3 млн. принадлежало американским фирмам. Крупные американские торговые компании и владельцы универсальных магазинов, находившиеся в США, имели в Маниле специальные конторы. Эти конторы распределяли среди филиппинских женщин-вышивальщиц, работавших на дому за сдельную плату, ткани и белье, на которых производилась вышивка. В прилегающих к Маниле районах художественной вышивкой было занято около 50 тыс. женщин. Между кустарями и американскими фирмами стояли многочисленные посредники, дополнительно эксплуатировавшие вышивальщиц. Среди рабочих-надомников существовало детальное разделение труда. Зарплата филиппинских рабочих-надомников зачастую не превышала 0,1 песо в день.

Подавляющая часть изделий филиппинских вышивальщиц вывозилась в США³⁶.

Американские монополии эксплуатировали филиппинский народ также и посредством неэквивалентного обмена. «Свободная» торговля создала чрезвычайно выгодные условия для монополизации американским капиталом внешней торговли страны. В рекомендациях Объединенного подготовительного комитета по филиппинским делам³⁷ открыто подчеркивалось значение «свободной» торговли для прибылей американских компаний, занятых в филиппино-американской торговле³⁸. С вывозом из Филиппин сырья и ввозом туда американских промышленных товаров были связаны крупные торговые компании США: «Америкэн стил экспорте компани», «Америкэн трейдинг компани», «Аткинс Кролл энд компани», «Бальфур, Гудри энд компани», «В. Д. Блад инкорпорейтед» и многие другие³⁹. На Филиппинах сбывали свою продукцию крупнейшие нефтяные монополии США («Сокони вакуум ойл компани» и др.). По данным филиппинской переписи 1939 г., американские капиталовложения в торговые предприятия на Филиппинах превышали 60 млн. долл.⁴⁰

Американские торговые компании получали большие прибыли от продажи промышленных изделий на филиппинском рынке, огражденном от конкуренции других стран высокими таможенными барьерами. Например, «Пэсифик комэршл компани» ежегодно вывозила из США на Филиппины товары — радиоприемники, автомобили, холодильники и т. п. — на сумму в 15 млн. долларов.

Со многими машиностроительными компаниями США филиппинские компании могли иметь дело лишь через посредство американских торговых фирм, которые часто пользовались исключительным правом сбыта на Филиппинах тех или иных видов промышленного оборудования. При господстве США на филиппинском рынке такая система сбыта товаров помогала американским монополиям задерживать всестороннее экономическое развитие Филиппин.

Американские компании осуществляли также розничный сбыт товаров

³⁵ H. J. Abaya. Указ. соч., стр. 175.

³⁶ «Joint preparatory committee on Philippine affairs», vol. I, p. 85; vol. III, group II, p. 871.

³⁷ Объединенный подготовительный комитет по филиппинским делам был создан в 1937 г. для выработки рекомендаций по вопросам экономических отношений между США и Филиппинами. В его состав входили представители США и автономного правительства Филиппин.

³⁸ «Joint preparatory committee on Philippine affairs», vol. I, p. 35.

³⁹ См. H. J. Abaya. Указ. соч., стр. 188—189.

⁴⁰ «Yearbook of the Philippine statistics». Manila, 1946, p. 314.

на Филиппинах, преимущественно через посредство филиппинских и китайских торговцев. В 1934 г. на архипелаге было всего лишь 261 американское розничное торговое предприятие. Число филиппинских розничных торговых предприятий превышало 62 тыс., а китайских — 13 тыс.⁴¹

Американские и другие иностранные фирмы захватили в свои руки подавляющую часть экспортной торговли Филиппин. По официальным данным, в 1938 г. иностранцам принадлежало более 65% всех капиталовложений в торговые предприятия Филиппин⁴². Вывозом сельскохозяйственного сырья занимались крупные американские торговые компании, скупочные агентства промышленных компаний США, банки, владельцы находившихся в стране предприятий по первичной переработке сельскохозяйственного сырья. На архипелаге имелось агентство по скупке продуктов кокосовой пальмы, принадлежавшее крупнейшей в США промышленной компании по переработке копры — «Эль Дорадо ойл уоркс». Огромные массы манильской конопли скупались специальными агентствами, созданными во многих районах Филиппин компанией «Интернейшнл харвестер».

Американские монополии в некоторых случаях скупали сельскохозяйственное сырье через своих агентов, однако в основном они пользовались услугами местного торгового-ростовщического капитала. Видный филиппинский экономист Кастильо следующим образом описывает сложившуюся на Филиппинах систему закупки продуктов у крестьян: «Очень немногие крестьяне продают свои продукты непосредственно экспортерам или фабрикам. Урожай обычно закупается на местах скупщиками или комиссионными агентами. Затем местные скупщики продают сельскохозяйственное сырье более крупным торговцам. Последние в свою очередь доставляют эти продукты представителям экспортных фирм и фабричных предприятий, находящимся в больших городах архипелага»⁴³. «Крестьяне, в особенности бедняки, не могут продать свои продукты по справедливой цене, так как урожай скупается немедленно после сбора. В это время на рынок поступает большое количество сельскохозяйственных продуктов и цены стоят на низком уровне... Часто ростовщики, агенты больших компаний или торговцы во время посева ссужают крестьян деньгами, необходимыми для ведения хозяйства и повседневных нужд. В ответ крестьяне берут на себя обязательство продать будущий урожай кредитору по установленной цене. При таких обстоятельствах крестьяне не могут рассчитывать получить хорошую цену за свои продукты и продают их дешевле, чем на рынке. В результате многие крестьянские хозяйства терпят убыток. В неурожайные годы крестьяне часто оказываются в тяжелой зависимости от ростовщиков»⁴⁴.

Ростовщический процент перед войной достигал на Филиппинах 300—400% годовых. Нередко договор между ростовщиком и крестьянином составлялся в форме, фиксировавшей продажу земли заемщика с правом выкупа этой земли в течение года. Крестьянин, не внесший в срок установленную сумму, лишался своего участка⁴⁵. Крестьяне не имели реальной возможности получить кредит в американских и филиппинских банках⁴⁶. Американские банки фактически участвовали в ростовщической эксплуатации крестьянства, кредитуя местных дельцов, связанных с ростовщичеством.

Деятельность американских монополий способствовала консервации феодальных пережитков в филиппинской деревне и усилению ростовщиче-

ской эксплуатации крестьянства. Американские компании и банки совместно с местными помещиками и торговцами-ростовщиками изымали продукт не только прибавочного, но и в значительной мере необходимого труда филиппинских крестьян. Задавленные помещичье-ростовщической кабалой и империалистической эксплуатацией, крестьяне могли применять в хозяйстве лишь те сельскохозяйственные орудия и способы обработки земли, что и сотни лет назад.

Монополии США, действовавшие на Филиппинах, опирались на банки. По размерам банковских капиталов на Филиппинах США сильно отставали от Англии. Тем не менее общее преобладание американских инвестиций в стране, политическое господство США, одностороннее направление филиппинской внешней торговли и ряд других факторов позволяли американским банковским монополиям играть определяющую роль в сфере банковских операций на Филиппинах. В 1930 г. в Маниле официально открылось отделение «Нейшнл сити бэнк оф Нью-Йорк». По масштабам своих операций на Филиппинах «Нейшнл сити бэнк» превосходил любой другой банк из имевшихся в стране⁴⁷. Этот банк играл большую роль в филиппино-американской торговле — он финансировал производство сахара и другие отрасли хозяйства, связанные с производством сырья и продовольствия. Американский капитал господствовал в банке «Пиллз бэнк энд траст компани», президентом которого являлся Дж. Хауссерман. Особенно активную деятельность банк развил в горной промышленности колонии. «Нейшнл сити бэнк» и другие американские банки предоставляли кредиты многим филиппинским компаниям. Финансовый капитал США стремился подчинить себе филиппинские банковские учреждения: значительная часть средств филиппинских банков составлялась из американских займов.

Американские банки, торговые и промышленные компании не только эксплуатировали филиппинских трудящихся, но одновременно изымали значительную часть прибылей у местной буржуазии путем установления монопольных цен за промышленное оборудование, техническую помощь, перевозки грузов и т. п. За сбыт сахара в США американские сахарозаводчики и торговые компании получали большие комиссионные. Источником постоянных трений между американскими сахарозаводчиками и местными плантаторами являлась плата, взимавшаяся за переработку сахарного тростника⁴⁸. Важным источником обострения противоречий между филиппинской промышленной буржуазией и американскими монополиями являлся беспошлинный ввоз американских товаров на Филиппины. «Для среднего филиппинца свободная торговля является нетлей на шею»⁴⁹, — писал филиппинский журналист Э. Абайя.

Несмотря на дискриминационную политику американских властей, в процессе развития капиталистических отношений на Филиппинах происходил рост местной промышленной буржуазии. В начале 20-х годов доля филиппинской буржуазии в капиталовложениях, помещенных в сахарные заводы, составляла 50%, в каботажном судоходстве — 41, в лесопромышленности — 25, в швейных фабриках — 19, в табачной промышленности — 14% и т. д.

В обстановке нарастающего национально-освободительного движения филиппинского народа американцы были вынуждены постепенно расширять участие местных имущих слоев в администрации, разрешить создание местных государственно-капиталистических предприятий. Филиппинский национальный банк, созданный в 1916 г., начал финансировать филиппинскую промышленность.

⁴⁷ «Foreign affairs». New York, January 1947, p. 264.

⁴⁸ I. T. Rines. Указ. соч., стр. 31.

⁴⁹ H. J. Abaya. Указ. соч., стр. 178.

⁴¹ «Encyclopedia of the Philippines», vol. VIII, p. 172.

⁴² «Yearbook of the Philippine statistics. 1946», p. 314.

⁴³ A. V. Castillo. Philippine economics. Manila, 1949, p. 528.

⁴⁴ Там же, стр. 254.

⁴⁵ «Far Eastern quarterly». New York, February 1945, p. 165.

⁴⁶ A. V. Castillo. Указ. соч., стр. 249—252.

пинскую буржуазию, занявшуюся предпринимательской деятельностью в сахарной промышленности, промышленности по переработке кокосов и в других отраслях. На государственные средства были построены крупные цементные предприятия на о. Себу. В 1934 г. группой филиппинских предпринимателей была основана Национальная экономическая протекционистская ассоциация (НЭПА). НЭПА выступала за создание на Филиппинах новых отраслей промышленности. Чтобы обеспечить сбыт продукции национальных предприятий, НЭПА развернула на Филиппинах широкую пропаганду, призывая население покупать товары местного производства.

Значительная активизация деятельности филиппинских буржуазных кругов, направленная на ускорение промышленного развития Филиппин, имела место после провозглашения автономии Филиппин в 1935 г. Началось строительство государственных текстильных предприятий, электростанций, осуществлялась подготовка к сооружению сталелитейного завода. Правительство Кэсона проводило широкую кампанию по популяризации товаров местного производства. Министерство торговли организовывало передвижные выставки товаров, произведенных на предприятиях и в мастерских, принадлежавших филиппинцам. Правительство Филиппин пыталось в какой-то мере ограничить деятельность иностранного капитала в стране. В 1935 г. Кэсон аннулировал договор о передаче прав филиппинских компаний на их нефтеносные участки американской монополии «Стандарт ойл».

В период между двумя мировыми войнами на Филиппинах образовалось несколько своеобразных местных монополистических объединений. Одному из таких объединений — фирме «Элисалде» — принадлежали четыре крупных сахарных завода, железные рудники, канатные, лесопильные, лакокрасочные заводы и т. д. Висенте Мадригаль владел большим цементным заводом, текстильными, лесопильными, маслобойными и другими предприятиями. Крупнейшие филиппинские предприниматели занимали ведущее положение в руководстве государственно-капиталистическими компаниями.

Несмотря на известное расширение сферы промышленного предпринимательства филиппинской буржуазии, в 30-х годах она продолжала оставаться еще экономически слабой. Местный банковский капитал также был слаб. В руководстве Филиппинского национального банка долгое время участвовали американские дельцы и чиновники. Автономное правительство Филиппин и государственные предприятия в сильнейшей степени зависели от американских займов и всякого рода экономических подачек. Бесплатный ввоз в США сахара, кокосового масла и ряда других товаров являлся важнейшим источником доходов многих крупных филиппинских предпринимателей. Эта часть местной буржуазии находилась в сильной зависимости от американского рынка.

Большинство филиппинских промышленных капиталистов было тесно связано с торгово-посредническими операциями и с феодално-ростовщической эксплуатацией крестьянства. Так, монополистам братьям Элисалде принадлежали огромные земельные владения; они осуществляли также обширные экспортно-импортные операции. Их фирма представляла на Филиппинах интересы «Вестингауз», «Де Сото моторс», «Юньюн ойл компани оф Калифорния» и других монополий США. Посредничество при сбыте американских товаров на Филиппинах и вывозе оттуда сырья приносило части филиппинской буржуазии большие доходы.

Американские монополии, стремясь установить контроль над капиталом местных имущих классов, создавали на Филиппинах акционерные компании и продавали часть акций филиппинцам. В некоторых отраслях промышленности, как, например, в золотодобывающей, лесобработывающей

возникали смешанные филиппино-американские компании. Все эти обстоятельства усиливали реакционные тенденции в деятельности некоторых влиятельных слоев буржуазии Филиппин.

* * *

В период второй мировой войны и в послевоенные годы на Филиппинах произошли важные политические сдвиги. В ходе борьбы филиппинского народа против японских захватчиков была создана Народно-освободительная армия — Хукбалахап, руководимая коммунистической партией. Выросло политическое самосознание филиппинского народа. В 1945 г., после разгрома японских войск, возникли массовые демократические организации: Комитет рабочих организаций, Национальный крестьянский союз, Демократический союз и другие. В 1945—1946 гг. в стране нарастал мощный подъем демократического движения, проявлявшийся в антиимпериалистических демонстрациях, забастовочной борьбе рабочего класса, крестьянских выступлениях. Повсюду выдвигалось требование провозглашения независимости Филиппин.

Национально-освободительное движение филиппинского народа вынудило правящие круги США отказаться от попыток пересмотреть свои обещания о предоставлении Филиппинам независимости. 4 июля 1946 г. в стране была провозглашена республика. Однако Филиппины продолжали находиться в сильной зависимости от США: вновь созданная республика была опутана целой системой кабальных договоров. Например, торговое соглашение между США и Филиппинами было заключено на основе американского закона Белла. Этот закон предусматривал продолжение «свободной» торговли между двумя странами, предоставление американским предпринимателям равных прав с филиппинцами в эксплуатации природных ресурсов архипелага, во владении коммунальными предприятиями и т. п. С помощью своих сторонников в местном правительстве США навязали Филиппинам «соглашение о базах» и другие военные договоры.

Американские монополии продолжают играть огромную роль в экономике Филиппин. В первые послевоенные годы усилия американских предпринимателей были направлены главным образом на то, чтобы восстановить свои предприятия, пострадавшие в период войны. Американский журналист Халсема отмечал в 1949 г., что размеры почти всех восстановленных предприятий, принадлежавших американским компаниям, намного превзошли довоенные масштабы.

Капиталовложения США на Филиппинах после второй мировой войны значительно увеличились. На архипелаге был построен ряд новых крупных американских предприятий. В начале 1955 г. компанией «Кальтекс», контролируемой двумя монополиями США — «Стандарт ойл оф Калифорния» и «Тексас ойл», — закончено строительство нефтеперегонного завода стоимостью в 30 млн. долл. Завод будет перерабатывать привозную нефть. Американские компании установили свой контроль над некоторыми филиппинскими месторождениями сырья, необходимого для производства атомной энергии. Американская монополия «Гудьир тайр энд раббер компани» заканчивает в провинции Рисаль строительство крупного предприятия по производству резиновых изделий.

Для послевоенной экспансии американских монополий на Филиппинах весьма характерна активизация деятельности одной из ведущих групп финансового капитала США — группы Джиннинги. Так, в 1947 г. в Маниле было официально открыто отделение «Бэнк оф Америка», занимающего в настоящее время в США первое место по размерам депозитов. На Филип-

пинах также усилилась активность «Чейз нейшл бэнк», банка финансовой группы Рокфеллеров.

В послевоенные годы удельный вес крупных монополий США в американских капиталовложениях на Филиппинах увеличился. США восстановили также свое господствующее положение во внешнеэкономических связях страны: доля США во внешней торговле Филиппин в 1950—1955 гг. составляла около 69%⁵⁰. По подсчетам бывшего председателя филиппинской торговой палаты Теофило Рейеса, в руках филиппинцев находится лишь 33% капиталовложений в промышленные предприятия, банки и торговые компании архипелага⁵¹.

Правящие круги США втянули Филиппины в орбиту своих агрессивных планов в Юго-Восточной Азии. В период войны в Корее филиппинская воинская часть участвовала в агрессии против Корейской Народно-Демократической Республики. Филиппины являются членом блока СЕАТО. Участие Филиппин в американской агрессивной политике в Азии потребовало переключения и без того ограниченных экономических ресурсов страны на военные «нужды» колонизаторов и, в конечном счете, способствовало укреплению позиций монополий США на архипелаге.

Положение трудящихся архипелага продолжает оставаться крайне тяжелым. В сельском хозяйстве доминирует отсталая полуфеодалная система. В 1955 г. количество безработных достигло на Филиппинах 1983 тыс. чел. против 1087 тыс. в 1948 г.⁵²

Путем беспощадной эксплуатации филиппинских трудящихся монополии США извлекают огромные прибыли. Однако после второй мировой войны в обстановке непрекращающейся национально-освободительной борьбы филиппинского народа монополии США сталкиваются на архипелаге с особыми трудностями.

После создания Филиппинской республики местная буржуазия несколько укрепила свои экономические позиции. На средства филиппинских предпринимателей и государства сооружены небольшие металлургические предприятия, текстильные фабрики, химические заводы и электростанции. Возник ряд новых государственных компаний. Некоторые мероприятия правительства Филиппин способствуют развитию национального капитализма в стране. Так, например, в 1949 г. был установлен известный контроль над импортом, ввоз потребительских товаров и предметов роскоши был сокращен. Американские бизнесмены, имеющие интересы на Филиппинах, стали выступать в печати против «крайне националистической политики правительства Филиппин», против расширения экономической деятельности филиппинского государства.

Изменения в международной обстановке и в обстановке на Филиппинах побудили американские монополии искать новые формы сохранения контроля над филиппинской экономикой. Чтобы укрепить связи с филиппинской буржуазией, американские инвесторы начали чаще прибегать к организации компаний с участием местного капитала. Более распространенным явлением стал допуск представителей местной буржуазии в управление компаний, находящихся под контролем американского капитала.

За последние десять лет американские монополии помещают на Филиппинах главным образом государственные средства. Вывоз капитала из США на Филиппины в форме государственных займов после второй мировой войны резко увеличился. Американские монополии различными путями стремятся поставить под свой контроль развитие государ-

⁵⁰ По данным «Progress' 54. A Times-Mirror annual report». Manila, p. 33; «International financial statistics», November 1956.

⁵¹ «Far Eastern economic review», December 8, 1955.

⁵² «Far Eastern economic review», November 3, 1955.

ственного сектора в экономике Филиппин. По условиям соглашения Кирино—Фостер, во многих государственных экономических учреждениях Филиппин заседают американские советники.

Американские займы Филиппинам неизменно сопровождаются тем или иным ущемлением прав Филиппинской республики. Так, распределением денежных средств, предоставленных Филиппинам по американскому закону «о восстановлении Филиппин», занималась на архипелаге комиссия, состоявшая из двух американцев и лишь одного филиппинца — представителя правительства республики.

Засилье американских монополий на Филиппинах вызывает нарастающее движение протеста со стороны филиппинского народа.

В стране не утихает забастовочная борьба рабочего класса. В 1950 г. на Филиппинах было официально зарегистрировано 228 трудовых конфликтов, в 1952—310, в 1954—417⁵³. Сильная волна забастовочного движения прокатилась по Филиппинам в 1955—1956 гг. Многомиллионное крестьянство Филиппин не прекращает бороться за свои права. Филиппинские власти нередко направляют против крестьян не только полицию, но и войска.

Движение за освобождение Филиппин от американской зависимости все более и более охватывает и влиятельные круги филиппинской буржуазии. В апреле 1956 г. нижняя палата филиппинского конгресса приняла резолюцию о пересмотре филиппино-американских отношений. В резолюции говорится о необходимости пересмотра соглашения Кирино—Фостер и соглашения о военных базах. Широкие круги филиппинской буржуазии видят пути улучшения экономического положения Филиппин в отмене закона Белла, в установлении прочных торговых связей со странами социалистического лагеря.

Все более и более широкие слои филиппинцев выступают за решительный пересмотр филиппино-американских договоров, за укрепление единства азиатских народов, за действительное упрочение независимости Филиппин. Нарастающее сопротивление филиппинского народа неопровержимо свидетельствует о том, что политика монополий США не имеет будущего.

SUMMARY

There has been little difference in essence between the practices of American imperialism in the Philippines and the colonial policy of the other imperialist powers. Immediately before the second world war the Philippines were no more than a typical supplier of agricultural raw materials to the USA. Practically all the exports of the Philippines went to the States. Industry was extremely backward in the Philippines; the economy of the islands was under the full control of the big American monopolies which derived colossal profits from the exploitation of the Philippine workers and peasants. Both capitalist and pre-capitalist methods of exploitation were employed there by the United States companies. United States banks, commercial and manufacturing companies used various means of depriving the Philippine bourgeoisie of a considerable proportion of its profits. The enslavement of the Philippines by the United States aggravated the contradictions between the two countries.

⁵³ По данным «Progress' 54. A Times-Mirror annual report». Manila, p. 45, 47.

О ДВУХ РЕДАКЦИЯХ «ТА'РІХ-И ТАБАРИ» БАЛ'АМИ

П. А. ГРЯЗНЕВИЧ и А. И. БОЛДЫРЕВ

Сокращенный перевод многотомной хроники ат-Табарі, хорошо известный в науке под названием «Та'рїх-и Табарі», является древнейшим дошедшим до нас памятником исторической прозы на персидском языке. В средние века «Та'рїх-и Табарі» было одним из наиболее популярных сочинений по всеобщей истории на всем Ближнем Востоке и даже в Индии, о чем говорят не только неоднократные переводы его на восточные языки, в частности на арабский, турецкий, урду и узбекский, но также и тот факт, что до наших дней сохранилось много десятков рукописей этого интереснейшего сочинения¹.

Виднейшие русские и зарубежные востоковеды — Х. Д. Френ², Б. А. Дорн³, Г. Зотанбер⁴, В. Р. Розен⁵, В. В. Бартольд⁶, Г. Эте⁷ и, наконец, Е. Э. Бертельс⁸, неоднократно обращали внимание ученых на настоятельную необходимость изучения и издания «персидского Табарі».

В частности, в 1908 г. крупный знаток персидской литературы Эте указал на первостепенное значение труда Бал'амі для истории «новоперсидского» языка и стиля⁹. Опыт известного иранского литературоведа Бахāра, который почерпнул в сочинении Бал'амі ценнейший материал для своих изысканий по истории персидского языка, доказал полную справедливость слов Эте¹⁰.

С другой стороны, работа Е. Э. Бертельса, привлеченного в своем исследовании роман об Александре Македонском на Востоке и версию Бал'амі,

¹ C. A. Storey. Persian literature. A bio-bibliographical survey, section II, fasc. 1. London, 1935, p. 62—65.

² Ch. Frähn. Für die Herausgabe der Annalen des Tabari aus dem Berliner Codex, «St. Petersburgische Zeitung», 1827, Beilage zu № 5; «Die Bibliothek aus der Scheich-Sefi-Moschee zu Ardebil», «St. Petersburgische Zeitung», 1829, № 44, S. 4.

³ [B. Dorn]. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Petersburg. St.-Petersbourg, 1852, p. 260—264.

⁴ «Chronique de Abou-Djafar-Mohammed-ben Djarir-ben-Yezid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-'Ali Mohammed Bel'ami par H. Zotenberg» (в дальнейшем — «Chronique de Tabari...»), t. I—IV. Paris, 1867—1874.

⁵ В. Р. Розен. К вопросу об арабских переводах «Худай-намэ». «Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 190.

⁶ В. В. Бартольд. Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1926, стр. 63.

⁷ H. Ethé. Neupersische Litteratur. «Grundriss der Iranischen Philologie», Bd. II. Strassburg, 1896—1904, S. 355.

⁸ Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М. — Л., 1948, стр. 19.

⁹ H. Ethé. Указ. соч., стр. 355.

¹⁰ «محمّد تقی بهار سبکشناسی» (Мухаммад Тагй Бахāр. Стилистика или история развития персидской прозы). Тегеран, 1942.

в ряде моментов существенно отличную от версии ат-Табарі¹¹, показывает, насколько важно это сочинение для изучающих раннюю таджикскую литературу.

Наконец, вопреки первоначально отрицательному мнению В. В. Бартольда¹², и историк, несомненно, окажется вознагражденным за тщательное изучение содержания «Та'рїх-и Табарі», как это показывает, например, открытие в этом сочинении материалов первостепенной важности для истории Средней Азии периода арабских завоеваний — текста договора согдийского ихшида Гурека с арабским полководцем Кутейбой, заключенного в 712 г.¹³.

Отсутствие критически изданного текста ощущается тем более остро, что сочинение дошло до нас не только в большом количестве списков, но, что особенно существенно, — в нескольких редакциях, подвергнувших значительно изменению содержание оригинала. Мы уже не говорим о языке: сделанное Бахāром сравнение отрывков из двух списков труда Бал'амі — рукописи XIII в. н. э. и современного восточного издания по новейшей рукописи, показывает, что редакции и многократные переписки на протяжении девяти столетий местами изменили язык сочинения почти до неузнаваемости¹⁴.

Сохранившиеся рукописи труда Бал'амі до сих пор не изучались в полном объеме. В предисловии к французскому переводу «Та'рїх-и Табарі» Зотанбер дал краткую характеристику девяти привлеченных им рукописей и указал, что в них представлено две редакции труда¹⁵. К сожалению, он не подтвердил данными свой вывод¹⁶, а после него к этому никто не возвращался. Таким образом, вопрос о существовании, кроме авторской редакции, еще и других редакций «Та'рїх-и Табарі», об их взаимоотношениях, о том, какая из этих редакций принадлежит Бал'амі, по сей день остается, в сущности, открытым. В процессе подготовки критического издания необходимо будет прежде всего выявить все дополнения, сделанные в переводе сравнительно с арабским оригиналом, затем установить, были ли сделаны самим Бал'амі какие-либо добавления, а если были, то какие; и, наконец, определить источники, откуда эти дополнения были почерпнуты. Только после этой работы изучение «Та'рїх-и Табарі» можно будет считать поставленным на прочную научную основу.

Не пытаясь решать указанную проблему во всем ее объеме, нам хотелось остановиться на одном из важных вопросов критики текста сочинения Бал'амі — на вопросе о предисловии к этому сочинению. Как известно, часть рукописей «Та'рїх-и Табарі» имеет предисловие на персидском языке, а другая часть — на арабском. Однако до настоящего времени на этот факт не обращали должного внимания, хотя оба предисловия были опубликованы Козегартеном еще в 1831 г. во введении к изданию берлинской рукописи арабского текста хроники ат-Табарі¹⁷. Большая часть

¹¹ Е. Э. Бертельс. Указ. соч., стр. 19—21 и др.

¹² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II (исследование). СПб., 1900, стр. 11; ср. В. В. Бартольд. Иран. Исторический обзор, стр. 62.

¹³ О. И. Смирнова. Материалы к сводному каталогу согдийских монет. «Эпиграфика Востока», т. VI. М. — Л., 1952, стр. 5.

¹⁴ М. Бахāр. Указ. соч., т. I, стр. 291.

¹⁵ «Chronique de Tabari...», vol. I, Avertissement, p. V—VII.

¹⁶ Это ставил Зотанберу в упрек В. В. Бартольд (см. В. В. Бартольд. Иран. Исторический обзор, стр. 63).

¹⁷ «Taberistanensis id est Abu Dschaferi Mohammed ben Dscherir ettaberi annales Regum atque legatorum Dei ex codice manu scripto Berolinensi arabico edidit et in latinum transtulit Joannes Godofredus Ludovicus Kosegarten...». Glyphisvaldiae, 1831, vol. I, Praefatio, p. X—XXIV.

дошедших до нас списков «Та'рих-и Табарӣ» Бал'амӣ имеет предисловие на персидском языке.

Приводим текст этого предисловия и перевод¹⁸:

سیاس و آفرین¹ مر خدای² کامکار³ کامران را⁴ آفریننده زمین و آسمان را⁵
آن کش⁶ نه همتای (و نه انباز)⁷ و نه دستور (و نه یار)⁸ و نه زن و فرزند⁹
(همیشه بود)¹⁰ و همیشه باشد و بر هستی او نشانیهای¹¹ آفرینش او¹² پیدا است
و آسمان و زمین و روز و شب و آنچه بر او¹³ اندر¹⁴ است و¹⁵ چون بخود نگاه
کنی بدانی که¹⁶ آفرینش او¹⁷ بر¹⁸ هستی او¹⁹ گواهد است و سیاس²⁰ وی بر²¹ بندگان
وی²² پیدا است و نعمتهای²³ او²⁴ بر²⁵ بندگان وی²⁶ گستریده²⁷ است (و) سیاس (داریم)²⁸
آنخدای را²⁹ بدین نیکیوها که با³⁰ بندگان خویش³¹ کرده³² است و درود³³ بر محمد
مصطفی³⁴ صلعم بهترین جهانیان³⁵ و گزین پیغمبران و نازنینترین³⁶ همه فرزندان
آدم و شفاعتخواه بندگان³⁷ بروز³⁸ بزرگ (درود ایزدی)³⁹ بر وی باد و بر
خاندان آن⁴⁰ گزیدهگان و پسندیدهگان⁴¹ اما بعد⁴² بدانکه این تاریخ نامه بزرگ
است که⁴³ گرد آورد⁴⁴ ابو جعفر محمد بن جریر الطبری رحمة الله علیه که⁴⁵
ملك⁴⁶ خراسان⁴⁷ ابو صالح منصور بن نوح فرمان داد دستور خویش را ابو علی
محمد (بن محمد)⁴⁸ بن عبد الله البلمعی را که این⁴⁹ تاریخ نامه را* که از آن پسر
جریر است*⁵⁰ پارسی گردان⁵¹ هر چه نیکوتر چنانکه اندر وی نقصانی نباشد⁵²
پس گوید چون اندر وی نگاه کردم و بدیدم اندر وی علمهای بسیار و حجتها⁵³
و آیتهای قرآن و شعرهای نیکو⁵⁴ و اندر وی فایدههای بسیار دیدم پس رنج
بردم⁵⁵ و جهد کردم⁵⁶ و ستم بر خویشتن نهادم* و این تاریخ را⁵⁷ پارسی
کردانیدم به نیروی ایزد عز و جل و ما خواستیم که تاریخ (روزگار)⁵⁸ عالم
در وی یاد کنیم آنچه هر کس⁵⁹ گفته⁶⁰ از اهل نجوم و* از گروهیکه تاریخ گفته
اند*⁶¹ از گبران⁶² و از ترسایان⁶³ و جهودان⁶⁴ و مسلمانان⁶⁵ و هر گروهی آنچه
از ایشانند*⁶⁶ یاد کنیم* اندر این کتاب⁶⁷ بتوفیق ایزد عز و جل که⁶⁸ از روزگار
آدم عم تا گاه رستخیز⁶⁹ چند بود⁷⁰ و این را⁷¹ در⁷² کتاب* پسر جریر⁷³ نیافتیم⁷⁴ و
باز نمودیم⁷⁵ تا هر کسیکه⁷⁶ اندر او نگردد⁷⁷ زود اندر یابد و بر وی آسان گردد⁷⁸
انشا الله تعالی وحید⁷⁹

¹⁸ В основу нами положен текст предисловия старейшей (не позднее XIV в.) в СССР рукописи «Та'рих-и Табарӣ» из собрания Института языка и литературы Академии наук Таджикской ССР. Рукопись приобретена в городе Бухаре в 1948 г. С. Таджикиновым. Сведениями об этой рукописи мы обязаны сотруднице Института языка и литературы Академии наук Таджикской ССР Л. Н. Демидчик, изготовившей для нас также и копию предисловия, за что приносим ей искреннюю благодарность. Нами были также учтены тексты персидского предисловия шести ленинградских

1) В рук. ошибочно آفرینش 2) D 223 خداوند 3) В рук., а также в пяти списках (кроме D 223) и лит. добавлен неуместный здесь و. В наиболее старых списках отсутствует (см., например, H. Ethé, Ed. Sachau. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindūstānī and Pushtū Manuscripts in the Bodleian Library, part I, The Persian Manuscripts, Oxford, 1889, p. 2, № 2, 4). 4) В рук. کامران و کامکار; C 431 и № 266 چہ نیان; принятый нами вариант приводят почти все известные нам списки. 5) В шести списках (кроме лит.) زمان را; ср. Коран, 6, 101: ارض و السموات و 6) Во всех наших списках 7) В рук. опущено. Имеется во всех наших списках. 8) В рук. опущено. Имеется в четырех списках и лит. D 223 نه مانند; № 264 9) همراز № 264 доб. опущено. Имеется во всех наших списках. 10) D 223 11) В рук. نشان; принятый вариант приводится во всех наших списках. 12) В рук. и лит. отсутствует; приводим согласно шести нашим спискам. 13) B D 82, D 182, № 265 14) B D 223, C 431, № 265 15) B D 223, C 431, № 265 16) B D 223, C 431, № 265 17) B D 223, C 431, № 265 18) B C 431 и № 265 19) В шести списках (кроме лит.) опущено. 20) В лит. 21) В шести списках (кроме лит.) добавлено همه. 22) В шести списках (кроме лит.) опущено; в лит. добавлено واجب. 23) В рук. 24) D 223 и № 265 добавлено همه. 25) В семи списках опущено. 26) В рук. 27 и 28) В рук. опущено; добавляем согласно другим семи спискам. 29) D 223, № 264, № 265 30) B D 223, D 182, C 431 31) В пяти списках (кроме лит. и № 264) опущено. 32) B D 223, D 182, C 431 33) В рук. 34) B D 223, C 431, № 265 35) В рук. 36) В рук. 37) B D 223, C 431, № 265 38) B D 223, C 431, № 265 39) B D 223, C 431, № 265 40) B D 223, C 431, № 265 41) B D 223, C 431, № 265 42) B D 223, C 431, № 265 43) B D 223, C 431, № 265 44) B D 223, C 431, № 265 45) B D 223, C 431, № 265 46) B D 223, C 431, № 265 47) B D 223, C 431, № 265 48) B D 223, C 431, № 265 49) B D 223, C 431, № 265 50) B D 223, C 431, № 265 51) B D 223, C 431, № 265 52) B D 223, C 431, № 265 53) B D 223, C 431, № 265 54) B D 223, C 431, № 265 55) B D 223, C 431, № 265

рукописей: D 82, D 223, D 182, C 431 из собрания Института востоковедения Академии наук СССР; № 264 и 265 из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; литография 1874 г. (Лакхнау) (в дальнейшем — лит.), а также текст отрывка из этого предисловия, изданный М. Бахром (см. M. Bahār. Указ соч., т. II, стр. 8; в дальнейшем — Бахр); упомянутое издание персидского предисловия в труде Козегаргена (см. «Taberistanensis...», vol. I, Praefatio, p. XI—XII) мы особо не отмечали, так как издана лишь часть предисловия (опущено словословие) и в этом издании воспроизводится текст предисловия по рукописи № 264 Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

приводим чтение остальных списков. 56) В шести списках (кроме D 223) опущено. 57) В изд. Бахара این را; в семи других списках опущено. 58) В рук. опущено; однако ниже в рукописи приводится правильно, как и во всех других списках: تاریخ روزگار عالم. 60) В шести списках (кроме лит.) کسی; лит. کسی را. 61) В шести списках (кроме лит.) опущено; (кроме D 223) доб. است. в D 223 доб. اند. 62) В других списках 63) В шести списках (кроме лит.) опущено; в лит. از اهل هر گروهی گفته اند. 64) В других списках 65) В рук. опущено, также как и в D 182 и лит.; добавляем согласно остальным пяти спискам. 66) В пяти других списках (кроме № 264 и лит.) گفته اند; в № 264 и лит. گفته. 67) В рук. опущено добавляем согласно D 82 и лит.; в D 182, C 431; № 264, № 265 کتاب. 68) В D 82 и D 223 добавлено وقت. 69) В рук. خیز. в D 182, C 431, № 264, № 265 добавлено که. 70) В C 431 и № 265 باشد. 71) В других списках 72) В других списках این حدیث. в D 82, D 223 и лит. доб. این حدیث. 73) В C 431, № 265 и лит. نبود. 74) В шести списках (кроме лит.) محمد بن جریر. 75) В рук. добавлено کتاب. 76) В других списках 77) В рук. نکیرد; приводим чтение остальных семи списков. 78) В шести списках (кроме лит.) вместо этого — بآسانی در یابد. 79) В других списках بالله التوفیق. زود اندر یابد و آسان بود. в лит. بالله التوفیق.

Перевод: «Хвала и слава — Господу могущественному, всевластному и сотворившему землю и небо*; тому, которому нет подобного, [ни сотоварища], ни советующего, [ни друга], ни супруги и ни дитяти!** [Вечно он был] и пребудет вечно, и знаки творения его обнаруживают его бытие: небо и земля, день и ночь и то, что в них. И когда поразмыслишь — поймешь, что творение его есть свидетельство его бытия***. И милость его рабам его проявлена и благодеяния его на его рабов простерты. Хвала сему владыке за те милости, кои содейал он рабам своим! И да будет благословение над Мухаммадом — избранным — да благословит его Аллах и да спасет! — лучшим из людей мира сего и избраннейшим среди пророков, любимейшим из всех потомков Адама и представителем за рабов [божии] в Судный день — благословение Господне да будет над ним и семейством его избранным и угодным [Богу]!

Затем. Знай — велика эта книга истории, кою собрал Абū Джа'фар, сын Джаріра, сына Йазіда ат-Табарі — милосердие Аллаха да будет над ним! И вот велик Хорасана Абū Салих Манеур, сын Нуха, повелел воззирю своему Абū'Али Мухаммаду, сыну Мухаммада, сына Абдаллаха ал-Бал'амі: «Эту книгу истории сына Джаріра переложил на язык пāрсей наилучшим образом, так, чтобы не было в ней какого-либо изъяна!» Затем говорит он****: «Когда я рассмотрел ее и увидел в ней знания обильные, доказательства [веры], стихи Корана, и хорошие стихи, и пользы в ней увидел многочисленные, тогда потрудился я, и приложил старание, и бремя на себя возложил, и эту историю на язык пāрсей переложил с помощью Господа — славен он и возвеличен!***** «А мы пожелали упомянуть в ней [еще и] историю судеб мира — то, что сказано кем-либо из астрологов и теми, кто составлял хроники — гебрами, христианами,

* Ср. Коран, 6, 101.

** Ср. Коран, 112; 6, 101.

*** Ср. Коран, 3, 187.

**** Т. е. Бал'амі, см. стр. 55.

***** Дальнейшие слова принадлежат, как мы полагаем, уже редактору. См. стр. 55, 57.

иудеями и мусульманами и всякими людьми среди них; упомянем мы в этой книге с помощью Господа — славен он и возвеличен! — сколько будет [времени] от века Адама — да будет с ним мир! — до дня воскресения мертвых. И этого в книге сына Джаріра мы не нашли и расскажем, чтобы всякий, кто посмотрит в нее, сразу же постиг [это] и стало бы ему легко [понять это], если того захочет Аллах всевышний, единый».

Уже в первый период знакомства европейской науки с трудом Бал'амі сложилось мнение, что автором персидского предисловия является сам Бал'амі, а наиболее близкими к оригиналу списками его труда являются те, которые дают пространный текст с теми многочисленными дополнениями к арабскому оригиналу ат-Табарі (о некоторых из них говорится и в тексте персидского предисловия). Такое мнение разделяли и переводчики труда Бал'амі на французский язык Дюбо и Зотанбер¹⁹; это представление поддерживалось авторами каталогов и описаний рукописей вплоть до настоящего времени²⁰ и было введено в исследование учеными, в той или иной связи касавшимися этого сочинения²¹. Как это ни странно, но даже Козегартен, издавший вместе с персидским и арабское предисловие, не уделил последнему должного внимания и не поставил вопрос о его авторстве. И для него персидское предисловие было настоящим предисловием к «Та'рих-и Табарі»²².

Между тем из указания Хаджики Халифы (XVII в.), автора известного библиографического свода, видно, что ему было известно именно арабское предисловие к «Та'рих-и Табарі» Бал'амі. Так, он пишет: «И перевел ее [т. е. Историю ат-Табарі] Абū'Али Мухаммад ал-Бал'амі, муж из везирей Саманидов, на персидский язык. Начало ее таково: Слава Господу вышнему, всевышнему и т. д. Упоминает он в нем [т. е. в начале книги], что Манеур ибн Нух ас-Самані распорядился о ее переводе через доверенного своего и приближенного Абū-л-Хасана Фā'иқа в году 352»²³.

Указание на то, что труду Бал'амі было предпослано именно арабское предисловие, можно видеть и в словах автора «Муджмал ат-таваріх-ва-л-қиас» (1126 г.). Говоря о переводе истории ат-Табарі, он приводит те же детали, что и Хаджики Халифа: «Книга летописи Мухаммада ибн Джаріра ат-Табарі — да помилует его Аллах! — это та, которую перевел с арабского языка на язык фарси Абū'Али Мухаммад ибн Мухаммад ал-вазір ал-Бал'амі по приказу эмира Манеура ибн Нуха ас-Самані, который объявил [этот приказ] устами Абū-л-Хасана ал-Фā'иқа ал-Хасфа в году 352»²⁴.

Обратимся к арабскому предисловию. Насколько нам известно, оно сохранилось в шести старейших рукописях, зарегистрированных в каталогах: рукопись Королевского Азиатского общества, описанная Морли, датированная 1301 г.²⁵; рукопись Готского собрания (P 24 — 25), дати-

¹⁹ «Chronique de Tabari...», vol. I, Avertissement, p. I—VII.

²⁰ См. «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» под ред. и при участии А. А. Семенова, т. I. Ташкент, 1952, стр. 15.

²¹ См., например, В. Р. Ризн. Указ. соч., стр. 190, 191, прим. 1; М. Бахār. Указ. соч., т. II, стр. 8.

²² «Taberistanensis...», vol. I, Praefatio, p. X—XII.

²³ «Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum a Mustafa ben Abdallah Katib Jelobi dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum... ed. latine vertit et commentario indicibusque instruxit Gustavus Fluegel», t. II. Leipzig, 1837, p. 136.

²⁴ См. М. Бахār. Указ. соч., т. II, стр. 8. М. Бахāру, видимо, арабское предисловие не было известно, поскольку он нигде не упоминает о нем, а историю составления и дату перевода Бал'амі он считает возможным восстановить лишь на основании показания «Муджмал ат-таваріх».

²⁵ W. H. Morley. A descriptive catalogue of the historical manuscripts in the arabic and persian languages... London, 1854, p. 17—21.

рованная 1313 г., и рукопись № 363 Берлинского собрания (XIV в.), списанные Перчем²⁶; рукопись Британского Музея add. 7622 (1334 г.)²⁷; рукопись № 5 Бодлеянской библиотеки (не датирована)²⁸; рукопись № 8 библиотеки India Office (не датирована)²⁹. В этих рукописях, являющихся наиболее ранними из всех дошедших до нас списков этого сочинения, перевод труда ат-Табарий предваряется предисловием, составленным на арабском языке (л. 16 — 2а). По своему содержанию оно распадается на две части — славословие Аллаху и его посланнику и основную часть. Первая часть, славословие, начинается (л. 16) словами, приводимыми и Хаджиж Халефой:

بسم الله الرحمن الرحيم رب سهل بلطفك يا لطيف قال محمد بن جرير الطبري في خطبة الكتاب الحمد لله العلي الاعلى الولي الاولى الوفي الاوفى ذى السمت الحسنى الخ

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Господь мой, облегчи милостью своею, о милостивый!

Говорит Мухаммад ибн Джарир ат-Табарий во вступлении к книге:

«Слава Господу вышнему, всевышнему, заступнику, самому близкому, верному, вернейшему блюстителю обетов, обладателю прекрасных имен» ... и т. д.³⁰

Вслед за славословием идет вторая часть предисловия (л. 2а), которая гласит³¹:

ستايش أمير¹ أبي صالح منصور بن نوح² وقد كان الله تعالى جعل الأمير السيد الملك المظفر أبا³ صالح منصور بن (نوح بن)⁴ أحمد بن اسمعيل بن سامان بن ساسك⁵ بن بهرام الشوبينه⁶ الرازي الاصفهيد⁷ المرزبان رضى الله عنهم أجمعين اماما على ادمان النظر في هذا الكتاب وثابر على الاستفادة⁸ منه حتى اجتمعت له الماضح المجتمعة فيه وخرج أبوه العالى⁹ لا زالت كذلك على لسان أمينه وخاصة¹⁰ أبي الحسن فايق الخاصة التي في سنة اثنتين وخمسين وثلاثماية بترجمة هذا الكتاب المنسوب الى محمد بن جرير الطبري صاحب التفسير الكبير المنعوت بكتاب التاريخ المشتمل من (!) علم الاولين

²⁶ W. Perisch. Die orientalischen Handschriften der herzoglichen Bibliothek zu Gotha, T. I, Die persischen Handschriften. Wien, 1859, S. 46—48; W. Perisch. Die Handschriften-Verzeichnisse der königlichen Bibliothek zu Berlin, Bd. IV. Verzeichniss der persischen Handschriften. Berlin, 1888, S. 381—382.

²⁷ Ch. Rieu. Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum, vol. I. London, 1879, p. 68—70.

²⁸ H. Ethé. Ed. Sachau. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindūstānī and Pushtū Manuscripts in the Bodleian Library, part I, The Persian manuscripts. Oxford, 1889, p. 4.

²⁹ H. Ethé. Catalogue of Persian Manuscripts in the library of the India Office, vol. I. Oxford, 1903, p. 3.

³⁰ Обычно считают, что это словословие полностью заимствовано из хроники Табарий (см., например, Ch. Rieu. Catalogue..., vol. I, p. 68), однако в изданном тексте хроники Табарий соответствующее славословие начинается иначе: «Говорит Мухаммад ибн Джарир ат-Табарий: Слава Господу, первому прежде всякого первого и последнему после всякого последнего, вечносущему, не подверженному гибели и т. д.». Но любопытно, что это начало славословия приводит рукопись № 266 Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

³¹ Текст этой части предисловия без перевода был издан Козегартеном (см. «Taberistanensis...», vol. I, Praefatio, p. XI; В дальнейшем — К). Издание не свободное от ошибок, а кроме того представляет теперь библиографическую редкость.

وأخبار الماضين بالاختصار فيه على سوق¹¹ الاخبار دون الاسانيد وتهذيبها¹² عما في هذا الكتاب من الاعادات والتطويل في سياقة¹³ قصة كل نبي وملك وخبر كل حين على وجهه ورسومه وبعد ذلك فقد ترجمته بلغة الفارسية البرية ليشارك في قرأتها¹⁴ ومعرفته على¹⁵ الرعية و السلطان ويسهل على من ينظر فيه وقال الله عز وجل وما أرسلنا من رسول إلا بلسان قومه¹⁶ فجعل لكل قوم من رسولهم (так!) بلسانهم وعلى لغتهم وأنا أترجم هذا الكتاب وأقابل بالفسير الكبير وأقدم وأوخر من القصص ما يجب تقديمه وتأخيرها حتى أسوق كل قصة على وجهها وأسوق كل خبر على سبيله وأقرن كل شيء بشكله وأجمعه الى نوعه ومثله وأبواب الكتاب بأخبار الانبياء والملوك وأورخه بأسماء الأزمنة والاوقات وقابلت كتابي هذا مع آيات القرآن وأخبار الرسول عم وحذفت¹⁷ الاسانيد الطويلة¹⁸ عنها وسألت الله تعالى التوفيق في تأليفه وجمعه والفرغ منه في كل ذلك بالتوفيق من الله تعالى في كل حين أستعين به وأتوكل عليه واستشهد به واسترشد به واعانتى الله تعالى عليها والله المعين والموفق.

1) К опущено. 2) Эта фраза написана крупным насхом красными чернилами; 3) В рук. первоначально أبي; другими чернилами исправлено на ابا 4) В рук. и у. К. опущено 5) К — ساسل (?) 6) В рук. и у. К. الشوسه 7) В рук. اصعده 8) В рук. الخاصة 9) Так в рук. 10) В рук. صاحبه — K; ср. Ch. Rieu. Catalogue, p. 69. خاصة, а также у Хаджиж Халефы: لامينه وخاصة (см. «Lexicon», vol. II, 136). 11) В рук. قرأته 12) В рук. تهديدها 13) В рук. ساقه 14) В рук. حذفت 15) В рук. علم (?) 16) Коран, 14, 4 17) В рук. حذفت 18) В рук. الطويل.

Перевод:

«Хвала эмиру Абу Салиху Мансуру, сыну Нуха!

Аллах всевышний сделал эмира, господина, победоносного государя, Абу Салиха Мансура [сына Нуха, сына Насра], сына Ахмада, сына Исма'ила, сына Самана, сына Сасака, сына Бахрама Чубина ар-Рази Испахбеда Марзубана — да будет доволен Аллах ими всеми! — наставником в усердном рассмотрении этой книги (т. е. «Истории» ат-Табарий. — Авт.), и он постоянно старался извлечь из нее полезное, пока не собрались перед ним воедино собранные в ней достоинства* и вышло тогда его высокое повеление — таковым оно да пребудет! — устами доверенного его и приближенного Абу-л-Хасана Фа'иқа ал-Хасса в году 352 о переводе этой книги, принадлежащей [перу] Мухаммада, сына Джарира ат-Табарий, автора большого тафсира, называемой «Книга истории», содержащей изложение науки древних и преданий об ушедших, — ограничиваясь при переводе изложением рассказов, опускаая иснады, и очищая перевод от имеющихся в этой книге повторений и длиннот в повествовании о каждом пророке или царе и рассказе о каждом времени сообразно его категории и обычаю.

* Перевод приблизителен, так как в рукописи стоит неясное в данном контексте слово الماضح

Затем вот что. И перевел я эту книгу на язык фāрей дарй, дабы приобрести к чтению и познанию ее подданные и правитель и чтобы не была она трудной для того, кто станет вникать в нее, ведь сказал Аллах — славен он и возвеличен: «И мы не послали ни одного посланника, иначе как [говорящим] на языке своего народа»³¹ и послал он каждому народу их посланника говорящим на их языке и их словами. И вот перевожу я эту книгу, и сличаю ее с большим тафси́ром, и переставляю вперед и помещаю назад те рассказы, которым надлежит быть поставленными впереди или позади, так что веду [изложение] каждого рассказа сообразно его категории и направляю каждое известие по его пути, и связываю каждую вещь с подобной ей и присоединяю ее к роду ее и подобию; и делю я эту книгу на главы порассказа́м о пророках и царях и располагаю ее хронологически по именам времен [правления] и периодов [пророчеств]. Я сопоставил эту мою книгу со стихами Корана и преданиями о Посланнике — мир ему! — и опустил в них длинные иснады.

Я испросил у Аллаха всевышнего содействия в сочинении этой книги, собирании и окончании ее. Все это сделано благодаря содействию Аллаха всевышнего. Всегда прошу я его помочь и уповаю на него, призываю его во свидетели и прошу его направить меня на путь истинный. И на этот раз поможет мне Аллах всевышний, ибо Аллах — помощник и пособник³².

Непосредственно за этим предисловием идет перевод первой главы анналов ат-Табарӣ, излагающей историю сотворения мира³³.

Разница между обычным персидским предисловием и арабским предисловием, как мы видим, весьма значительна. Даже беглое сопоставление наводит на мысль, что автор персидского и автор арабского предисловия — разные лица и что подлинным предисловием к «Та'рих-и Табарӣ», составленным самим переводчиком истории ат-Табарӣ, является именно арабское предисловие.

Показательно, что арабское предисловие приведено в наиболее старых списках «Та'рих-и Табарӣ». Заменено персидским оно было позже, когда знание арабского языка в результате постепенного вытеснения его персидским языком из многих областей прозаической литературы³⁴ было уже не столь распространенным явлением, как в X в. За то, что автором арабского предисловия является Бал'ами говорит и сравнение содержания обоих предисловий. Прежде всего обращаем внимание на характерную титулатуру, употребленную в арабском предисловии при имени эмира Мансұра (350—366 г. х./961—976) — «ал-амӣр ас-сайид ал-малик ал-музаффар», которая в точности повторяет прижизненную титулатуру³⁵ этого эмира, приводимую, например, в легенде медного фельса,

³¹ Коран, 14, 4.

³² См. «Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum allis edidit M. J. de Goeje». Prima series, vol. I, recensuit J. Barth. Lugd. Batavorum, 1879—1881, p. 2.

³³ См. А. Н. Волдырев. Из истории развития персидского литературного языка. «Вопросы языкознания», № 5, 1955, стр. 80—92.

³⁴ Известно, что у Саманидов существовала традиция давать государю не только обычный, прижизненный, но также и своего рода «заупокойный» титул, как об этом сообщает ряд авторов. См. об этом «Снасет-намэ». Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Перевод, введено в изучение памятника и примечания Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949, стр. 332, прим. 271. «Заупокойным» титулом эмира Мансұра ибн Нұха был «амӣр-и-саид». См. «E. G. Browne memorial series—1». «Kitab Zainu'l-Akhbar composed by Abu Sa'id 'Abdu'l-Hayy b. ad-Dahhak b. Mahmud Gardizi about 440 a. h. ed. by Muhammad Nazim M. A., Ph. D. [Cantab.] Muslim University Aligarh. Orientalischer Zeitschriftenverlag «Innschähr». Berlin, 1928, p. 39, 43, 47. «Descriptio Imperii moslemici auctore Schamsu'd-din Abū Abdollāh Mohammed ibn Ahmed ibn abī-Bekr al-Bannā al-Baschārī al-Mokaddasi ed. M. Y. de Goeje». Lugd. Batavorum, 1877, Bibliotheca geographorum arabicorum. Paris, III, p. 338; ас-Сам'ани (В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. I [тексты], стр. 56.

битого в Бухаре, в 358 г. х. — 969 г. н. э.³⁵ Точно так же характерна и специфическая генеалогия рода Саманидов, который по официальной версии X в. вел свое происхождение от известного мятежника времен Хосрова II Парвиза Бахрама Чубйна и через него от Афрасиаба и Гаюмарса³⁶. Эти две характерные детали указывают на то, что арабское предисловие было составлено при жизни эмира Мансұра; в противном случае, в нем стоял бы посмертный титул или же титул был бы вообще опущен, как это и сделано в персидском предисловии.

Далее, автор арабского предисловия называет себя и автором перевода «Книги истории» ат-Табарӣ и везде говорит в первом лице (имени не приводится); между тем уже первая фраза главной части персидского предисловия, содержащая упоминание автора перевода в третьем лице, с полным именем и указанием чина, свидетельствует о том, что эти слова принадлежат не самому Бал'амӣ, а редактору, настоящему автору этого предисловия. Вполне очевидно также, что редактору принадлежат и стоящие несколько ниже слова «затем сказал он» (т. е. Бал'амӣ.— Авт.); и только следующий за этими словами текст мог бы принадлежать самому Бал'амӣ. Дальнейшие слова: «А мы пожела́ли упомянуть...» принадлежат опять-таки редактору.

Кроме этого, именно арабское предисловие, в отличие от персидского, дает точную датировку начала работы по переводу «Книги истории» Табарӣ — 352 (963) г. х., которую заимствовали отсюда автор «Муджмал ат-таварӣх» и Хаджи́й Хали́фа, а у них и все исследователи с разной степенью точности³⁷.

Весьма примечательно и упоминание о том, что Бал'амӣ получил устный приказ перевести сочинение ат-Табарӣ через Абу-л-Хасана Фāи́ка ал-Хāсса, влиятельного политического деятеля при дворе Саманидов во второй половине X в., о котором источники говорят как о весьма образованном человеке и видном меценате, покровительствовавшим ученым,

³⁵ S. L. Poole. The coins of the Muhammadan dynasties in the British Museum. London, British Museum, Department of Coins and Medals, «Catalogue of Oriental Coins», 1875, p. 110. № 409.

Этот же титул приведен и в предисловии к переводу «Тафси́ра» ат-Табарӣ, осуществленному незадолго до появления перевода хроники ат-Табарӣ по приказу того же эмира Мансұра. См. об этом В. А. Жуковский. К истории персидской литературы при Саманидах. ЗВОРАО, т. XII, вып. I, 1899, стр. 04—07; А. А. Ромаскевич. Персидский тафси́р Табарӣ. «Записки коллегии востоковедов», т. V. Л., 1930, стр. 802 сл. Текст этого предисловия издан М. Бахаром (М. Бахār. Указ. соч., т. II, стр. 15—16).

³⁶ См., например, «Худуд ал-'Алем». Рукопись Туманского с введением и указанием В. Бартольда. Л., 1930, стр. 19а; М. Nerchakhy. Description topographique et historique de Boukhara, publ. par Ch. Schefer. Paris, Publication de l'Ecole des langues orientales vivantes, III serie, vol. XIII, 1892, p. 58, 97; ал-Мукаддаси. Указ. соч., стр. 338; Гардизӣ. Указ. соч., стр. 19; Ibn-el-Athiri chronicon quod perfectissimum inscribitur ad fidem codicum berolinensis, musei britanici et parisinorum edidit Carolus Johannes Tornberg, Lugduni Batavorum, t. VII, 1865, p. 192.

³⁷ Так, В. В. Бартольд пишет, что перевод Бал'амӣ «появился» в 963 г. (В. В. Бартольд. Иран. Исторический обзор, стр. 62); В. И. Беляев в статье «Арабские источники по истории туркмен и Туркмени IX—XIII вв.» отмечает, что хроника ат-Табарӣ была переведена в 963 г. (Материалы по истории туркмен и Туркмени, т. I, М.—Л., 1939, стр. 23). Е. Э. Бертельс считает 963 г. годом окончания перевода труда Табарӣ. (Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные персидские источники. М.—Л., 1948, стр. 19; «Абу Али Мухаммад ибн-Мухаммад Балами (умер 996) (?) взялся за работу по переводу хроники Табарӣ на персидский язык по желанию саманида Мансур ибн-Нуха и закончил этот труд в 963 г.»; см. также «Кабус-намэ», перевод, статья и примечания Е. Э. Бертельса. М., 1953, стр. 248, прим. 7), а в I томе «Истории таджикского народа» указывается, например, что к переводу хроники ат-Табарӣ «Бал'амӣ приступил в 962 г.» (см. В. Г. Гафуров. История таджикского народа, т. I. М., Госпристиздат, 1949, стр. 188). Эта же дата повторена и во втором издании книги (1952). В действительности мы имеем право говорить лишь о том, что к работе над переводом Бал'амӣ приступили в 963 г. (352 г. х.); когда же она была закончена, мы не знаем.

поэтам и знатокам преданий³⁸. Его личный секретарь Абу-л-Хасан Ахмад ибн ал-Му'аммал известен своими переводами из арабских поэтов на персидский язык и из таджикских поэтов — на арабский; в частности, ему принадлежат переводы из Рудаки и Ма'руфи³⁹. Все эти характерные детали, отсутствующие в персидском предисловии, пересказываются, как мы упоминали выше, в «Муджмал ат-таварих» и в «Лексиконе» Хаджи-Халифы, где прямо указывается, что эти сведения взяты из предисловия к переводу Бал'амй.

Нельзя пройти мимо еще одной характерной детали арабского предисловия: в нем правомочность перевода арабоязычного сочинения на персидский язык обосновывается ссылкой на 4-й стих 14-й суры Корана, приводимый в аналогичном контексте и в другом, современном переводу хроники ат-Табарй памятнике — предисловии к упомянутому выше персидскому переводу «Тафсира» ат-Табарй⁴⁰.

Наконец, несмотря на гораздо большую полноту арабского предисловия, в нем нет заключительной части персидского предисловия, в которой говорится о добавлении оригинальной, отсутствующей у ат-Табарй главы «Та'рих-и рузгār-и 'ālam», приводящей сведения по истории сотворения мира и по легендарной хронологии пророков, извлеченные из сочинений иудеев, христиан, зороастрийцев и мусульман. Во всех упомянутых шести старейших списках эта глава тоже отсутствует⁴¹: перевод начинается непосредственно с первой главы хроники ат-Табарй. В арабском предисловии говорится лишь о сличении перевода с Кораном и недавно привезенным «Тафсиром» ат-Табарй.

Наблюдения над текстами ленинградских списков «Та'рих-и Табарй», так же как и данные каталогов, показывают, что списки, имеющие персидское предисловие, содержат и упомянутые выше добавления; в списках же с арабским предисловием этих добавлений нет. Такая зависимость позволяет сделать вывод о том, что рукописная традиция труда Бал'амй представлена по меньшей мере двумя основными редакциями. Первая, первоначальная редакция, принадлежащая Бал'амй, состояла в том, что он сделал сокращенный и в значительной степени беллетризованный перевод «Истории пророков и царей». Перевод этот был снабжен предисловием, написанным по-арабски. Отступления Бал'амй от подлинника сводились, по крайней мере, в разделах до периода арабских завоеваний, в основном к некоторым добавлениям, почерпнутым из Корана и «Тафсира» ат-Табарй и относящимися главным образом к разделам о пророках до Мухаммада, библейской и новозаветной истории и истории ислама⁴².

Бал'амй, как он сам говорит об этом в предисловии, расположил весь материал в хронологическом порядке «по именам времен (правлений)

³⁸ См. о нем В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, указатель; К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец. История народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1950, стр. 273, 276—277; Б. Г. Гафуров. Указ. соч., стр. 213 сл.

³⁹ Е. Бертельс. Персидская поэзия в Бухаре X в. «Труды Института востоковедения Академии наук СССР», [т.] X. М.—Л., 1935, стр. 14.

⁴⁰ См. стр. 55, прим. 35

⁴¹ Отсутствует она и в рукописи № 266 Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Шедрина, где сразу же после короткого вступления, извлеченного из предисловия ат-Табарй к его хронике (см. цит. соч., I, 1), идет, как и в этих шести рукописях, перевод первой главы хроники.

⁴² В рукописях этой редакции нет не только вводной главы Та'рих-и рузгār-и 'ālam, имеющейся в списках с персидским предисловием, но также и тех фрагментов и обработок, которые, как будет показано ниже, составили основную часть добавлений, внесенных в перевод Бал'амй при новой, второй, редакции. Так в них совершенно отсутствуют дастаны о Кяумарсе, Хушенге, Джемшиде, Байвараспе — им отводится не более 10—15 строк, а также и хорошо известный по «Шāх-нāме» дастан о Бахрāме Чубин, рассказы о них представляют здесь простое переложение версий ат-Табарй.

и периодов (пророчеств)», разбил его на главы «по рассказам о пророках и царях», опустил параллельные версии, избрав наиболее вероятную, по его мнению, или сконструировав из нескольких одну, опустил иснады, многочисленные стихотворные отрывки и т. п. Этим самым он придал своему труду форму легко читаемого, занимательного и поучительного сочинения, сохранявшего тем не менее, хотя и в сокращенном виде, неопределимое богатство фактического материала арабского подлинника. Как прозаик Бал'амй показал себя превосходным стилистом; язык его сочинения, выгодно отличающийся от языка позднейших памятников исторической прозы, прост и ясен.

Спустя некоторое время перевод Бал'амй подвергся новой, второй, редакции, которая с внешней стороны состояла в том, что неизвестный редактор заменил арабское предисловие персидским, поместил после него вводную главу, названную им «Та'рих-и рузгār-и 'ālam», а кроме этого внес в перевод Бал'амй значительные добавления, представляющие собой по большей части фрагменты или обработки утраченных ныне сочинений. Среди них были персидские переводы сочинений историко-эпического и космологического характера, восходящих к концу VI — началу VII в. н. э., с подлинника или по арабским обработкам⁴³. Наряду с этим были использованы также и оригинальные своды, возникшие на основе древнеперсидской эпической традиции; кроме того, этот редактор продолжил труд Бал'амй, оканчивавшийся на истории халифа ал-Му'та'сима (833—842)⁴⁴.

Следует отметить, что многие существенные добавления второй редакции имеют прямое отношение к истории Средней Азии. Уже В. В. Бартольд обратил внимание на появляющиеся в добавлениях сравнение Нила с бухарским каналом⁴⁵. Все это позволяет предположить, что эти добавления, а следовательно, и вся вторая редакция, были произведены в Средней Азии, точнее — в Бухаре, т. е. там же, где перед этим был сделан и основной перевод Бал'амй⁴⁶.

Можно думать, что персидский перевод «Истории пророков и царей» ат-Табарй явился выражением той антиарабской освободительной тенденции в саманидском государстве, которая привела к созданию своей местной науки и литературы на персидском языке⁴⁷. Удовлетворив этим новым запросам в отношении языка, труд Бал'амй в его первоначальном виде не мог, однако, удовлетворить новым запросам общества в отношении идейного содержания: анналы ат-Табарй, несмотря на свой «всеобщий» характер, все же в основном оставались историей арабов и воспринимались современниками, в противоположность «Шāх-нāме» Фирдоуси, как «мусульманская история» по преимуществу⁴⁸. В таком виде перевод Бал'амй все еще не отражал идейной тенденции саманидского общества, был составлен без должного учета местной среднеазиатской исторической традиции. Надо полагать, эта особенность перевода живо ощущалась в саманидском обществе. Поэтому вполне естественно, что какой-то средне-

⁴³ См. М. Вазар. Указ. соч., т. II, стр. 2—7, 22—23.

⁴⁴ Как полагают, Бал'амй имел неполный в конце экземпляр свода ат-Табарй (хроника ат-Табарй была окончена на правлении халифа ал-Муктадира, на событиях июля 915 г.) см. [B. Dorn]. Catalogue..., p. 262; G. Flügel. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien. Wien, 1865, Bd. II, S. 64—65, № 829; Ch. Rieu. Catalogue..., vol. I, p. 69; Morley. Указ. соч., стр. 21. «Encyclopaedia of Islam», vol. IV, p. 578; В. И. Беллел. Указ. соч., стр. 37—38.

⁴⁵ В. В. Бартольд. Иран. Исторический обзор, стр. 62.

⁴⁶ В свете этого предположения представляется уже вполне закономерным тот факт, что все рукописи с арабским предисловием, т. е. рукописи первой редакции, — западного, несреднеазиатского происхождения.

⁴⁷ См. А. Н. Болдырев. Указ. соч. там же.

⁴⁸ В. В. Бартольд. Иран. Исторический обзор, стр. 64—65.

азиатский ученый взялся дополнить труд Бал'амй. Так возникла вторая, анонимная, редакция «Та'рих-и Табарй»⁴⁹, которая стала пользоваться значительно большим распространением и скоро вытеснила первоначальную редакцию самого Бал'амй.

Вторая редакция прямо не датирована, однако ряд косвенных признаков позволяет определить время ее составления довольно точно. Язык персидского предисловия и добавлений, столь же архаичный, как и язык труда Бал'амй, ряд стилистических особенностей позволяет говорить о том, что вторая редакция близка во времени к самому переводу. Как было указано выше, в персидском предисловии были опущены как титулатура и генеалогия эмира Мансұра, так и упоминание о Фā'ике. Отсюда следует, что предисловие было написано во всяком случае после смерти Мансұра (976 г.) и последовавшего отстранения Фā'ика при преемнике Мансұра — Нұхе и его везире 'Утбй⁵⁰. Идеинная направленность второй редакции также исключает возможность возникновения ее вне саманидской среды. Отсутствие какого бы то ни было панегирического обращения, конкретной политической тенденции позволяет предположить, что вторая редакция создавалась в смутное время крушения Саманидов и перехода власти к тюркам-караханидам. Таким образом, наиболее вероятным временем появления второй редакции является период после 976 г., скорее всего — последние годы X в., годы, когда создавалась и «Шāх-нāме» Фирдоуси, к которой эта редакция примыкает как по своему духу, так и по материалу.

Вводная глава «Та'рих-и рузгār-и 'āлам» позволяет нам более или менее точно установить некоторые источники, бывшие в распоряжении автора второй редакции труда Бал'амй. Таким источником, кроме коранической традиции (хадисы 'Абдаллāха ибн ал-'Аббāса, Вахба ибн Мунаббиха и традиционные мусульманские обработки сюжетов из Ветхого и Нового Заветов), является прежде всего прозаическая «Шāх-нāме», составленная в 957 г. для тусского правителя Абū Мансұра Мухаммада ибн 'Абд ар — Раззāка⁵¹. Из предисловия к «Шāх-нāме» Абū Мансұра⁵² в этой главе почти дословно приведен большой отрывок, в свое время обративший на себя внимание В. Р. Розена⁵³. В этом отрывке (со ссылкой на Ибн-ал-Мукаффу' и других переводчиков на арабский язык «Худāй-нāме»⁵⁴, на пехлевийские сочинения, книги мобедов и т. п.) приводятся

⁴⁹ Аналогичными историческими причинами было, по-видимому, вызвано и возникновение другой местной — сирийской, редакции перевода Бал'амй, сделанной под углом зрения сирийских интересов (см. *Ch. Rieu, Catalogue...*, vol. I, p. 70; Add. 23, 497).

⁵⁰ См. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 262 сл.

⁵¹ В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса. ЗВОРАО, XXII. Пр., 1915, стр. 278 сл. История написания этого свода много места уделено в юбилейном труде иранских и европейских литературоведов в честь Фирдоуси: *Мирзā Мухаммад-хан Қазвинӣ*. Старое предисловие к Шāх-нāме, стр. 125, 129; *Тақӣ-зādē*. Шāх-нāме и Фирдоуси, стр. 55 сл. Сб. «The Millenium of Firdawsi the great national poet of Iran». Tehran, 1944; см. также М. Бахār. Указ. соч., т. II, стр. 2 сл.

⁵² Текст его издали Мирзой Мухаммадом. Қазвинӣ, см. сб. «The Millenium...», р. 134 — 144.

⁵³ В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 190, 191, прим. 1. Следует указать в связи с этим на неверное утверждение М. Бахāра (см. М. Бахār. Указ. соч., т. II, стр. 23, прим. 1), что этот отрывок взят из сочинения Абū-л Му'аййада Балхй; Бахār связывал с этим свое утверждение о том, что будто бы до конца X в. «Шāх-нāме» Абū Мансұра не пользовалась известностью и основным источником сведений о древнеиранской легендарной истории была «Шāх-нāме» Абū-л-Му'аййада Балхй (стр. 23 — 24).

⁵⁴ О них см. *Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden...* Leyden, 1879, S. XXII; В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 183 — 184, 190 — 191; В. Бартольд. К истории персидского эпоса, стр. 17 сл.; «Кāве», год 5, 1920, № 11, стр. 11 — 12.

рассказы о том, кто был первым человеком и царем на земле и сколько времени прошло со дня его сотворения, а также известные по «Бундехишну» легенды о Гаюмарсе, Машй и Машйāне, всемирном потоде и др.⁵⁵

Далее в качестве источников упоминаются «Худāй-нāме» Бахрāма ал-Мубада, откуда заимствована легенда о Хушенге⁵⁶, «Великая Шāх-нāме» Абū-л-Му'аййада Балхй, из которой приведены рассказы о Байвараспе, убитом Джемшйда, и его потомках⁵⁷, а также «Летописи царей персов»; именно из этих «Летописей» приведен известный дастан о Бахрāме Чубине, который, по отзыву М. Бахāра, по своим литературным достоинствам превосходит едва ли не все написанное об этом герое на арабском и персидском языках⁵⁸. Источниками служили кроме того «Деяния царей персов» и сочинения «парсов», включая и устные предания «простого люда Балха»⁵⁹.

Таким образом, решение вопроса о том, кто является автором арабского и персидского предисловий, несомненно, может послужить реальным отправным моментом для работы над подготовкой критического издания текста этого выдающегося памятника среднеазиатской историографии.

В Советском Союзе имеется не один десяток списков «Та'рих-и Табарй», в их числе такие прекрасные старые списки, как упоминавшаяся рукопись Института языка и литературы Академии наук Таджикской ССР, рукописи D 83 и D 223 Института востоковедения Академии наук СССР и № 265 Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это создает реальную возможность для того, чтобы издать сочинение Бал'амй. Осуществить эту работу — долг советского востоковедения.

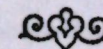
SUMMARY

The «Ta'rīh-i Tabarī», an authorized Persian translation of the Tabarī annals, done at Bokhara in the 10th century, has repeatedly attracted the attention of scientists by the supplements and modifications made in the process of translation. Nevertheless a critical publication of the «Ta'rīh-i Tabarī» text is handicapped by the great differences in the text of the numerous manuscripts of this production which have come down to our days.

A preliminary study of the manuscripts shows that the Persian foreword to the translation was written not by the translator Bal'amī, but by an unidentified later editor who also added the first chapter, the «Ta'rīh-i ruzgār-i 'ālam». This editor may perhaps be responsible also for some other essential supplements.

Bal'amī's foreword to the translation was written in the Arabic language, and it has been preserved only in a few of the oldest manuscripts of the translation. As a rule, the chapter «Ta'rīh-i ruzgār-i 'ālam» is absent in the manuscripts with the Arabic foreword.

It may be assumed that the unidentified editor of the «Ta'rīh-i Tabarī» worked on it at Bokhara, a comparatively short time after the translation itself had been completed, i. e., at the end of the 10th century.

⁵⁵ Об этом см. М. Бахār. Указ. соч., ч. II, стр. 23.

⁵⁶ Здесь и далее ссылки приводим по литографии 1874 г. (г. Лакхнау), стр. 38.

⁵⁷ Там же, стр. 40.

⁵⁸ Там же, стр. 343 — 359; М. Бахār. Указ. соч., т. I, стр. 286.

⁵⁹ См. рукопись D 82 ИВ АН СССР, л. 18а.

«ВТОРАЯ ЗАПИСКА» АРАБСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА X ВЕКА АБУ ДУЛАФА

П. Г. БУЛГАКОВ и А. Б. ХАЛИДОВ

Многообразный и интересный жанр арабской географической литературы включает в себя, наряду со специальными географическими трудами, записки и воспоминания путешественников о жизни различных стран и городов. Для такого рода сочинений не характерны приемы построения описаний и строго выдержанная система расположения материала, свойственные специальным произведениям географической литературы. Оригинальные и правдивые свидетельства, живые зарисовки и тонкие наблюдения переплетаются в них с фантастическими подробностями, легендами и преданиями. Оригинальность содержания данных памятников и обусловила их роль как источников для специальных географических трудов, в особенности для компилятивных произведений типа географического словаря Йакута и космографии Ал-Казвини. Часто автограф и немногочисленные списки этих первоисточников терялись, но они продолжали жить веками, рассеянные в виде многочисленных цитат, в частности — анонимных; в последнем случае их сведения незаметно сливались с материалом компилятора и становились известными исследователям под чужим именем, в иных хронологических рамках. Только случайные находки утерянных рукописей выясняют значение подобных сочинений для науки.

К числу таких памятников относится «Вторая записка» арабского путешественника X в. Абу Дулафа, так же как его «Первая записка» и «Книга» Ахмеда ибн Фадлана. Все эти сочинения вместе с частью географического труда Ибн ал-Фахиха «Книга известий о странах» сохранила рукопись, открытая в 1923 г. в Мешхеде. В 1935 г. Академия наук СССР получила от иранского правительства полную фотокопию этой рукописи, с достаточной ясностью воспроизводящую текст¹. Поскольку вся мешхедская рукопись переписана одним почерком и имеет однородные внешние данные, нет необходимости повторять ее описание, данное А. П. Ковалевским в предисловии к переводу сочинения Ибн Фадлана², где приводится и имеющаяся в ней литература³. Укажем только объем «Второй записки»: она занимает 15 листов (лл. 1826 — 1966), формат фотокопии 17,5 × 15,5 см. Текст, написанный

убористым насхом средней величины, расположен по 19 строк на странице. Даты списка нет, судя по почерку, рукопись относится, вероятно, к XIII в.

Находка этого ценного сборника, содержащего ряд уникальных произведений, породила несколько исследований, среди которых главное место занимает упомянутый перевод «Книги» Ахмеда ибн Фадлана, сделанный А. П. Ковалевским (1939)⁴. Однако в центре внимания ученых долгое время оставалось лишь сочинение Ибн-Фадлана. Введение в науку «Второй записки» Абу Дулафа является заслугой акад. И. Ю. Крачковского. В 1949 г. была опубликована его статья⁵, в которой на нескольких ярких примерах показано значение этого произведения как одного из важных источников для географического словаря Йакута. Через год во второй статье И. Ю. Крачковский еще раз подчеркнул большое значение мешхедской рукописи для критики текста Йакута⁶. В 1950—1951 гг. были сделаны первые шаги к изданию «Записки» — подготовлен вариант текста и дан его перевод с комментарием, требовавшим еще некоторых дополнений и уточнений. Эту работу выполнили в качестве дипломных сочинений авторы настоящей статьи и Х. З. Губайдуллин под руководством доцента В. И. Беляева.

В последующие годы авторы существенно пересмотрели и завершили работу, использовав часть текста, подготовленную Х. З. Губайдуллиным (л. 184 б,₇ — 189а₁₈)⁷.

В марте 1952 г. на заседании Арабского кабинета Института востоковедения Академии наук СССР, посвященном памяти И. Ю. Крачковского, был прочтен доклад на тему «Вторая записка арабского путешественника, X в. Абу Дулафа». Этот доклад и положен в основу настоящей статьи, главная цель которой дать представление о содержании «Второй записки».

Полное имя автора — Мис'ар ибн ал-Мухалхил ал-Хазрадж ал-Йанбу'и. Кроме того он известен под куньей Абу Дулаф. Даты рождения и смерти Абу Дулафа в источниках не упоминаются. Он принадлежал к числу поэтов-панегиристов Саманида Насра II ибн Ахмеда 301—333 (914—943) г. х. Около 331 (942) г. х. Абу Дулаф сопровождал возвращавшееся на родину китайское свадебное посольство. Описанием путешествия в Китай через Индию является, как выяснилось с открытием мешхедской рукописи, «Первая записка» Абу Дулафа. Так же как и «Вторая записка», касающаяся Кавказа, Ирана и частично Средней Азии, она сохранилась полностью лишь в упомянутой рукописи, а в отрывках — в извлечениях Йакута и Закарийи ал-Казвини. В этих цитатах в лучшем случае упоминается имя Абу Дулафа, и никогда не указывается название «Записки». До находки рукописи никто не мог предполагать, что Абу Дулафу принадлежат два произведения; речь всегда шла об одной «Рисала»; повест-

⁴ В 1956 г. вышло в свет второе расширенное и дополненное издание: А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

⁵ И. Ю. Крачковский. Вторая записка Абу Дулафа в географическом словаре Йакута. «Известия Академии наук Азербайджанской ССР», 1949, № 8 (в дальнейшем — И. Ю. Крачковский. Вторая записка...).

⁶ И. Ю. Крачковский. Шахразур в географическом словаре Йакута и в записке Абу Дулафа. «Известия Академии наук Азербайджанской ССР», 1950, № 5.

⁷ «Второй записке» посвящены две статьи В. Ф. Минорского (V. Minorsky). La deuxième risala d'Abu Dulaf. «Oriens», 1952, p. 23—27. — V. Minorsky. Two Iranian legends in Abu Dulaf's second risala. «Archæologica Orientalia in Memoriam Ernst Herzfeld». New York, 1952, p. 172—178. Текст «Второй записки» с английским переводом и комментариями того же автора вышел в свет в 1955 г. («Abu-Dulaf Mis'ar Ibn Nuhailhil's travels in Iran. Arabic text with an English translation and commentary by prof. V. Minorsky». Cairo, 1955).

¹ Хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР под шифром Ф В-202 (в дальнейшем — ИВ ФВ-202).

² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под редакцией акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 23—26.

³ Там же, стр. 21—23.

вующей о немусульманских странах (т. е. о «Первой записке»)⁸. Это объясняется тем, что «Первая записка» цитируется Йақутом трижды, крупными отрывками, по несколько страниц каждый, тогда как многочисленные выдержки из «Второй записки» сравнительно невелики и в числе их много анонимных, принимавшихся исследователями за текст Йақута⁹.

«Вторая записка», составленная Абу Дулафом после описания своего путешествия в Китай и являющаяся, как следует из предисловия автора, дополнением к этому описанию, рассказывает о некоторых областях Азербайджана, Армении, Грузии, Ирана и Средней Азии. Местности перечислены в таком порядке, что на первый взгляд создается представление о целом маршруте, начинающемся от города Ши́за в Южном Азербайджане и проходящем сначала на север до Баку, затем на Тифлис, оттуда через Ардебиль в Шахразур и, наконец, более или менее последовательно на восток через Кармисин — Хамадан — Рей — Табаристан — Кумис — Тус — Нейсабур до Херата. Абу Дулаф заканчивает свою «Записку» характеристикой Исфахана и городов Хузистана.

Часто отдельные описания Абу Дулаф связывает выражениями вроде: «я дошел до», «ты пройдеши к» и, чаще всего, «оттуда — в».

Однако как расположение материала, так и вышеприведенные связующие фразы являются композиционным приемом автора, именно это дало основание Н. Ю. Крачковскому предполагать, что «едва ли в этой последовательности надо видеть строго выдержанный маршрут»¹⁰.

Прежде всего следует отметить, что некоторые упоминаемые в «Записке» места Абу Дулафа не посещались, хотя таких случаев здесь гораздо меньше, чем в «Первой записке». Так, Абу Дулаф, вероятно, не был в Дайламе и Хорезме, поскольку он не дает никаких оригинальных сведений, а ограничивается общей краткой характеристикой или исторической справкой, что резко контрастирует с более подробным рассказом о действительно виденных им местах. Иногда Абу Дулаф предваряет описания достопримечательностей небольших городов и селений словами: «говорят, там имеется». Если учесть исключительную наблюдательность Абу Дулафа, ясно, что в тех местах он также не был¹¹, а использовал сведения, полученные им из устных источников.

В «Записке» нигде не говорится ни об исходном, ни о конечном пункте путешествия, т. е. не дается представления о законченном маршруте. Она начинается рассказом о Ши́зе и кончается описанием моста в Хузистане. Кроме того, в проводимой автором маршрутной последовательности есть несколько слабо связанных звеньев: неожиданны переходы от общей характеристики Армении к Шахразуру и от Нейсабура к Исфахану. Наконец, в предисловии ко «Второй записке» Абу Дулаф упоминает только

⁸ Ср. В. В. Григорьев. Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии. «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 163, 1872, отд. II, стр. 1. — К. Брокельман вообще все географические сведения Абу Дулафа относит к одному сочинению, которое у него названо «Аджа'иб ал-булдан» (С. Brockelmann. Geschichte der arabischen Literatur, Bd. I. Weimar, 1892, p. 229). Однако в первом дополнительном томе, вышедшем после находки Мешхедской рукописи, К. Брокельман опускает это название.

⁹ Как показал анализ Н. Ю. Крачковского, Йақут цитирует текст «Второй записки» Абу Дулафа 34 раза с указанием его имени и 24 раза анонимно (Н. Ю. Крачковский. Вторая записка..., стр. 72, прим. 3). О работе Шлепера (1844) над отрывками из «Записки» Абу Дулафа, сохранившимися в сочинениях Йақута и ал-Казвини см. там же, стр. 66.

¹⁰ Н. Ю. Крачковский. Вторая записка..., стр. 76.

¹¹ В частности, в Валаанджирде (ИБ ФВ-202, л. 189а, 15) и ал-Баззани (ИБ ФВ-202, л. 184 б, 18).

свою поездку из Бухары в Китай и предлагает вниманию своих двух покровителей данное сочинение в качестве дополнения, исчерпывающего все вообще им виденное. Это свидетельствует о том, что данное сочинение не является путевыми заметками. Это предположение подтверждают и встречающиеся в тексте Абу Дулафа выражения вроде «я вспоминаю...» и т. п., а также хронологическая непоследовательность «Записки». Так, при описании событий в Шахразуре Абу Дулаф указывает дату 341 (952—953) г. х., а значительно ниже он сообщает, что был в Кармисине в 340 (951—952) г. х. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что сочинение Абу Дулафа основано на сведениях, собранных автором во время нескольких поездок и впоследствии восстановленных по памяти.

О времени составления «Записки» мы можем судить по указанию Абу Дулафа о том, что он писал ее в период правления в Табаристане «алида по прозвищу ас-Са'ир». Под куньей ас-Са'ир известен «алид-хусейнид Абу-л-Фадл ас-Са'ир», однако даты его правления точно не установлены.

Согласно Ибн-Исфандийару¹², Абу-л-Фадл ас-Са'ир ал-'Алавй, племянник «алида ан-Назира ал-Кабира, в 50-х годах X в. боролся за власть с бундами в Табаристане то в союзе с Вашмгиром, то самостоятельно. Х. Ф. Амедроз¹³ считает годом смерти Абу-л-Фадла 345 (956—957) г. х. Захир ад-дин ал-Мар'ашй — автор одной из наиболее основательных историй Табаристана сообщает, что в 350 (961—962) г. х. ас-Са'ир совершил военный поход из Гиляна и Дайлама в Табаристан, и рассказывает о борьбе ас-Са'ира с правителем Джибалия и с бундами, не приводя никаких других дат, связанных с его жизнью и деятельностью¹⁴. Таким образом, «Вторая записка» Абу Дулафа могла быть составлена между 341 (952—953; дата, упоминаемая Абу Дулафом при описании событий в Шахразуре) и 350 (961—962) г. х. (крайняя дата политической деятельности Абу-л-Фадла ас-Са'ира в Табаристане), т. е. в 60—70-е годы X в. Следовательно, и сам сборник, представленный мешхедской рукописью, был составлен в те же годы или несколько позже. О времени одной из поездок мы можем судить по указанию Абу Дулафа: в 340 (952) г. х. он был в Кармисине¹⁵.

Невольно возникают вопросы об обстоятельствах и причинах этих поездок, об исходном их пункте; наконец, хотелось бы найти некоторые объяснения ярко выраженным в «Записке» интересам поэта Абу Дулафа к алхимии, фармакологии, производству благовоний. К сожалению, в биографических сведениях об этом ничего нет. Мы знаем только, что Абу Дулаф в последние годы жизни пользовался покровительством бундского везира Ибн-Аббада (ум. 995 г.), которому он посвятил свою оригинальную қайду на арго бану Сасан. Это — единственное, сохранившееся до наших дней сочинение Абу Дулафа¹⁶, не считая двух его

¹² «An abridged translation of the History of Tabaristan compiled about A. H. 613 (A. D. 1216) by Muhammad b. al-Hasan b. Isfandiyyar, based on the India Office mss. compared with two mss. in the British Museum, by E. G. Browne» (Gibb memorial series, vol. II. Leiden, 1905, p. 222—223).

¹³ «The eclipse of the 'Abbasid Caliphate, ed., transl., and elucid. by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth», vol. I. Oxford, 1920, p. 276.

¹⁴ «Schir-eddin's Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan. Persischer Text, herausgegeben von Dr. B. Dorn». St.-Petersburg, 1850, S. 314.

По-видимому, основываясь на данном сообщении Захир ад-дина, Г. Мельгунов датирует появление ас-Са'ира на политической арене 961 годом (G. Melgunof. Das südliche Ufer des Kaspischen Meers. Leipzig, 1868, S. 58).

¹⁵ ИБ ФВ-202, л. 188 б, 6.

¹⁶ См. الشاعرية (Ас-Са'алиби. Жемчужина века), т. III. Дамаск, 1886/1887, стр. 176—194.

географических «Рисала», которое проливает некоторый свет на все эти вопросы.

Бану Сасан представляли собой корпорацию бродячих поэтов, артистов, дрессировщиков, заклинателей змей, фокусников и т. п. вплоть до нищих, мошенников и воров. Бану Сасан имели свое тайное арг, традиции, а также организацию, предполагавшую обязательность некоторой дисциплины¹⁷.

К бану Сасан и принадлежал Абу Дулаф. Он прямо указывает на это в начале своей касыды после строк, где говорит о горечи жизни в чужой стране:

Я гол, как ветвь «бана»¹⁸ среди листвы и зелени;
Созердал я дикий и причуды рока.
Но душа моя довольна этим жребием и при воздержании
и при разговении,

И при том, что я — из семьи скоморохов,
Из семьи славных, из бану Сасан...¹⁹
Когда нам становится тесно в одном краю,
Мы переселяемся в другой край²⁰.

Несомненно, во всем этом и кроется объяснение многим поездкам Абу Дулафа, воспоминания о которых явились впоследствии источниками для его «Второй записки».

Большую часть касыды составляет перечисление Абу Дулафом основных занятий бану Сасан, их уловок и хитростей, к которым они прибегали для отыскания средств к довольно широкой, разгульной жизни. Среди представителей многочисленных и своеобразных специальностей здесь упоминаются люди, изготовлявшие амулеты, продавцы благовоний и лекарств от всяких недугов. Кроме того, бану Сасан занимались различными подделками, демонстрировали всяческие фокусы, в частности, чернили себе кожу посредством специальных снадобий, писали симпатическими чернилами, проявлявшимися в одних случаях при нагревании, в других — под действием купоросной воды, при помощи «камня из Дербенда» (?) определяли наличие железа в дирхамах и динарах. Весьма вероятно, что Абу Дулаф, принадлежавший к бану Сасан и, как видно, знавший не только их арг, но также все их проделки, непосредственно или косвенно был связан с некоторыми из вышеперечисленных занятий. Приведенный нами далеко не полный перечень профессий бану Сасан в какой-то степени объясняет причины интереса Абу Дулафа к алхимии, фармакологии и производству благовонных веществ, так же как вся касыда легко объясняет его бродячий образ жизни и отмеченную И. Ю. Крачковским некоторую долю авантюризма, нарушавшую обычные нормы представлений об ученых.

Обратимся к содержанию «Записки»²¹.

Тексту предпосылается небольшое предисловие, в котором после традиционного восхваления Аллаха говорится: «...Воистину я изложил Вам, о те двое, чьим рабом я являюсь, — да продлит Аллах вам величие, поддержку,

¹⁷ Подробнее о бану Сасан см. А. Л. Троицкая. Арг цеха артистов и музыкантов Средней Азии. «Советское востоковедение», т. V, 1948, стр. 260—261. Автору статьи мы выражаем благодарность за консультацию по данному вопросу.

¹⁸ Моринга бескрылая.

¹⁹ Ас-Са-Алиби. Указ. соч., стр. 176, 17—21.

²⁰ Там же, стр. 177, 8—9.

²¹ В приводимых ниже многочисленных примерах, иллюстрирующих содержание «Записки», ссылки на листы рукописи, а также цитаты арабского оригинала опускаются, поскольку в скором времени выходит в свет полный текст и перевод «Записки» с комментарием и необходимыми указателями.

могущество и власть — все, что касалось моего путешествия из Бухары в Китай по линии тетивы (т. е. по прямой линии. — *Авт.*) и моего возвращения из него через Индию по линии лука (т. е. кривой линии. — *Авт.*). Я упомянул о некоторых достопримечательностях стран, в которых я побывал, и племен, которые я посетил, и не пускался в подробные речи, избегая многословия; теперь же я решил составить достаточную «записку», которая бы соединяла в себе все то, чему я был свидетелем и содержала большую часть того, чему я был очевидцем...».

Как уже упоминалось, первым следует описание города Ши́за в Южном Азербайджане, юго-восточнее Урмии. По словам Абу Дулафа, причиной его поездки туда явилось желание разрешить путем исследования рудников и копей некоторые сомнения, связанные с его занятиями фармакологией и алхимией. Рассказывая о рудниках Ши́за, автор приводит сведения минералогического характера. Это не единственный в «Записке» пример. При описании большинства объектов Абу Дулаф специально оговаривает все привлекавшие его внимание рудники, копи и залежи полезных ископаемых. Отсутствие таковых в отдельных случаях отмечается им особо²².

Эти сообщения чаще всего представляют собой лишь указания на наличие в той или иной местности рудников, копей, залежей и т. п. Однако иногда дается и характеристика качества этих рудников, обычно в сравнительном плане²³. Изредка Абу Дулаф останавливается на способе добычи породы²⁴, приводит сведения о выгоде добычи отдельных ископаемых²⁵, об экспорте некоторых минеральных красителей²⁶. Встречаются также описания химических свойств ряда минералов²⁷. Это еще раз свидетельствует о том, что автор занимался алхимией. Из-за недостаточной четкой минералогической терминологии «Записки» эти описания остаются порою неясными, а иногда выглядят даже фантастичными²⁸; однако только специалист может окончательно решить вопрос об их достоверности.

Приводим сводку указаний Абу Дулафа на местонахождение рудников, копей и залежей различных минералов²⁹.

Золото добывалось в горах Ши́за, в ар-Ране (в 4-х фарсах от Ши́за), в Рее, Табаристане (особенно в долине Хашм) и в Дамгане; золото содержала также почва Хамадана, но в очень небольшом количестве; серебро добывалось в горах Ши́за, в ар-Ране и в Рее, свинец — в горах Ши́за, в ар-Ране и около Демавенда; медь — в Баджунейсе и Нейсәбуре;

²² Таковы сообщения о том, что в Бистаме не было других разработок кроме магнетитов; об отсутствии золота и серебра в Армении; серы в Дамгане.

²³ Например, Абу Дулаф говорит о разработках купороса в Арьявджане, как о лучших по качеству, чем египетские, кипрские и керманские; золотые прииски в Хашме он считает лучшими в Табаристане.

²⁴ В частности, Абу Дулаф сообщает о добыче золота в Ши́зе способом амальгамирования.

²⁵ По словам Абу Дулафа, ежедневная плата за источник нефти в Баку достигала тысячи дирхамов; не приводя цифровых данных, он говорит о неприбыльности приисков золота и рудника серебра в Рее.

²⁶ Абу Дулаф отмечает, что красные квасцы, которые применялись для окраски шерсти, вывозились из Ардебилля в Йемен и Васит.

²⁷ Абу Дулаф дает описания золота и ртути в Ши́зе; говорит о том, что красящие свойства ардебильских красных квасцов более интенсивны, чем египетских; упоминаются и добывавшиеся в районе Урмии «мягкие белые камни», которые обладали «свойством придавать свинцу белизну при его плавлении».

²⁸ Например, Абу Дулаф упоминает источник близ Демавенда, жидкость которого «обладала всеми свойствами крови». Если опустить в эту воду ртуть, последняя якобы превращалась в твердый камень.

²⁹ В случаях неопределенности некоторых минералогических названий мы оставляем их в передаче Абу Дулафа, отмечая кавычками.

ртуть—в горах Шиза; аметист—в горах Шиза; сера—на восточном склоне Арарата, в Арйведжәне, в Демәвенде и в Давраке; сурьма—близ Демәвенда; свинцовые соединения (в тексте «свинцовые краски белого и красного цветов») — в Тарме; квасцы — в Табаристане; красные квасцы, которыми окрашивали шерсть, — в Ардебиле; соль — в Баджунейсе, Дамгане, Рамхурмузе; магнезит — (в тексте «магний») — в Баджунейсе и Бистаме; марказит желтый — в Армении (без более конкретного указания), в Немравере (близ Шиза); купоросы — в Тарме, на восточном склоне Арарата, Арйведжәне близ Демәвенда, в Табаристане, в Дамгане; «железный купорос с примесью» — в Азербайджане (без более конкретного указания); «мартак» — (глет?) — близ Демәвенда; аурипигмент — в горах Шиза, на восточном склоне Арарата, «баврак» — в Тарме, в районе Урми, в Баджунейсе и в Арйведжәне; нефть — в Баку, Ханикйне.

В меньшей степени Абү Дулафа интересовали минеральные и горячие источники, химические и лечебные свойства их вод. Горячие источники, по-видимому, привлекали его внимание как замечательные явления природы, а минеральные — с алхимической и, особенно, медицинской точки зрения³⁰. Последнее находит некоторое объяснение в предисловии автора к «Записке» и в его қасиде на аргю бану Сасан³¹. Примеров, относящихся к области фармакологии, здесь гораздо больше. Так, Абү Дулаф говорит о свойствах воды реки в ар-Ране предохранять от образования камней. Гнойные раны и язвы заживлялись водой источников в Тарме, Саламәсе (ключ Зеравенд), ат-Тизе и ал-Мукране. Чесотку излечивала вода источников в Рее и Ардебиле, лихорадку — вода реки в ал-Баззәне, болезни матки — ключевая вода в Тарме, болезни глаз — вода пресного источника близ Саламәса. Промывание водой источников Арйведжәне и Бистама помогало при болезнях кишечника, внутренних опухолях и язвах; кроме того, вода Бистама уничтожала дурной запах изо рта. В Нейсәбуре вода обладала возбуждающими средствами, в Бистаме — напротив, «излечивала чувство страсти». Сернистые источники в Мардж ал-Кал'а, по словам Абү Дулафа, помогали «от многих болезней».

Поскольку автор «Записки» мало пишет о вкусе и других качествах минеральных вод, даже специалисту трудно судить о степени достоверности вышеприведенных сведений; во всяком случае указания на обилие и местонахождение минеральных источников достаточно правдоподобны, поскольку эти свидетельства не противоречат действительным природным условиям описываемых стран и городов. Круг фармакологических интересов Абү Дулафа не ограничивался целебными водами; он иногда дает сведения о распространенности некоторых болезней³², упоминает ряд лекарственных растений, в числе которых — полынь с глистогонными свойствами, растущая в районе Баджунейса; дерево қәқиллә в Йзадже, сок которого якобы излечивал подагру; растение хабб аз-Залам в Шахразуре, являвшееся средством против импотенции, и некоторые другие.

Наиболее многочисленными и последовательными в «Записке» являются сведения об архитектурных памятниках. Правда, автор описывает их не всегда одинаково подробно. Иногда он ограничивается простым упоминанием о местонахождении тех или иных памятников, либо самой об-

³⁰ О горячих источниках говорится при описании Ба-Аййуба, Арйведжәне, Караджа, Демәвенда. О минеральных источниках автор упоминает в разделе об Армении.

³¹ См. стр. 64.

³² По словам Абү Дулафа, в Варямәне была распространена слоновая болезнь, в Керх Джуддәне редко болели оспой и глазными болезнями, в Бистаме никто не болел глазными болезнями.

щей их характеристикой, порой приводит сведения по истории памятников, в частности, называет имена (легендарные и исторические)³³ прародителей, их возводивших, рассказывает о причинах строительства, о том, как и из какого материала эти памятники построены; часто автор сравнивает их с другими, ранее описанными памятниками. Если архитектурных достопримечательностей в городах нет³⁴, автор оговаривает это в тексте.

Исключительно архитектуре посвящены разделы о Мазарустәне, Қасри Ширине, Дастеджирде, большая часть разделов о Тусе, Асаке, не говоря уже о специальных разделах о памятниках Тақ ал-Хаджжам, Шабдиз и мосте Хурразз.

В «Записке» описываются главным образом постройки сасанидской эпохи. Сведения о них можно разделить на несколько групп.

1) Неопределенные сообщения о развалинах сасанидских строений. Например, упоминания о развалинах летней резиденции одного из Сасанидов в Дуибавенде. В некоторых случаях Абү Дулаф так же вскользь говорит и о сохранившихся сасанидских памятниках³⁵.

2) Сведения о пышных постройках типа айванов (сводчатых террас, портиков), галерей, арок, замков и т. п., принадлежавших сасанидским царям и знати. Так, Абү Дулаф упоминает об остатках древней крепости в Мардж ал-Кал'а и большого айвана в Тазаре, об ансамбле айванов, бельведеров, арок и мостов, известных под названием Қасри Ширин; подобные же постройки, по словам Абү Дулафа, были и в Хулване. Кратко характеризуются большой айван с запущенным садом в Мазарустәне, каменная арка Тақ ал-Хаджжам, айваны и дворцы в Дастеджирде, замок близ Бистама, а также замок Қаср ал-Луғус — резиденция Парвиза высотой в 20 локтей; упоминаются наусы в Хиндиджәне и Рее. Наиболее подробно из этой группы памятников описывается куполообразное здание в Асаке высотой до 100 локтей. На его куполе, по словам Абү Дулафа, были остатки покрывала; близ здания находились могилы арабов, убитых при завоевании этого края, напротив постройки на скале была высечена надпись на пехлеви.

3) Сообщения о зороастрийских храмах (в рук. ۛۛۛ ۛۛۛ). В основном они упоминаются при описании Хузистана, в частности, по Абү Дулафу, мимо храмов огня проходила дорога из Рамхурмуза в Даврак; много храмов было в Хиндиджәне; в храме Йзаджа огонь горел до времени Хәруна ар-Рашида (194/809 г.). Особенно подробно описан один из крупнейших зороастрийских храмов в Шизе. От огня этого главного храма огненоклонников, представлявшего собой куполообразное здание, увенчанное полумесяцем, зажигались огни в других храмах. Абү Дулаф считает чудом, что огонь в этом храме непрерывно горел 700 лет, не оставляя золы. Вероятно, это объясняется сгоранием природных горючих газов.

4) Немногочисленные сведения о памятниках изобразительного искусства. К ним относится описание статуи Хосрова Парвиза, изображенного на своем коне Шабдизе, по имени которого весь памятник называется Шабдиз. Памятник находился на расстоянии фарсаха от Кармийсина. Абү Дулаф восхищается, как искусно он сделан. На арочном пьедестале были высечены изображения конных и пеших мужчин и женщин, а также человека в остроконечной шапке, возделывающего лопатой землю. Не

³³ В частности, Хосров II Парвиз, по словам Абү Дулафа, построил ряд зданий в Қасри Ширин, Бахрам V — айван в Мазарустәне; Александр Македонский — стены города старого Исфакана, Шапур II — замок близ Бистама; Кавад I возвел постройки в Давраке.

³⁴ Например, в Қармийсине, Карадже, Кумме.

³⁵ Это имеет место, в частности, при описании Сяревана, Исфакана, Даврака, Тустера.

лишено историко-культурного значения и краткое сообщение Абū Дулафа о том, что в горах Сумейры была им обнаружена искусная резьба, исполнение которой якобы Хосров Парвиз поручил Фархāду.

5) Памятники мусульманского времени. В их числе Абū Дулаф упоминает крепость Самйран в Дайламе, в которой было до 2850 построек; несколько зданий в Нейсāбуре, построенных одним из Тахиридов «наподобие древних (т. е. сасанидских) зданий»; мечеть 'Али ибн Мусы ар-Ридā, близ Сук ал-Ахвāза. Упоминается также множество построек в Джилāбāзе, возведенных Мердāвиджем ибн Зийāром также «наподобие древних памятников». Вероятно, к мусульманскому времени относится описываемая в «Записке» крепость Дайр Каджйи близ Рея.

Кроме сасанидских и мусульманских памятников, Абū Дулаф подробно описывает замок одного из йеменских тубба' близ Туса, сооруженный якобы в древности во время похода этого тубба' в Китай и Тибет. Замок ему понадобился, чтобы оставить там свой гарем и часть припасов; на обратном пути из Китая он спрятал в замке богатые клады, которые извлек во времена Абū Дулафа правитель Қахлāна в Йемене Ас'ад ибн Абū Йа'фур. Коротко упоминает Абū Дулаф об удивительных памятниках Хорезма, построенных местными властителями. К архитектурным сведениям можно причислить сообщения о том, что города Шйз, Тифлис, Дуздāн (в Шахразуре), Херат, Исфакан были обнесены стенами. В центре Нейсāбура и Хамадāна, по словам Абū Дулафа, располагалась старая часть города, окруженная стенами с грозными башнями и рвом.

Заслуживают внимания сведения Абū Дулафа о мостах. Упоминается мост в Хāниқйне с двадцатью четырьмя арками, каждая длиною в двадцать локтей; по этому мосту проходила дорога из Хорāсāна в Куфу и Мекку. Такой же длины, но более прочный мост близ Қармййсина; мост якобы вдвое больший, находился между Саймарой и Тархāном; упоминается мост «изумительной конструкции в горах Сумейры» ан-Ну'мāна, мост в Сук ал-Ахвāзе, мост, сооруженный Хурразāз близ Тустера. Описание моста, возведенного, по преданию, ею же около Йзаджа, может служить примером глубины архитектурных интересов Абū Дулафа³⁶, «Она же [Хурразāз] — строительница моста, известного под названием «мост Хурразāз», находящегося между Йзаджем и Караван-сараем. Этот мост — одно из чудес мира. Дело в том, что он построен через сухое русло, вода в котором бывает только в период дождей, — тогда оно становится бушующим морем; ширина его у поверхности земли более тысячи локтей, глубина его сто пятьдесят локтей, а ширина дна русла около десяти локтей. Начали сооружать этот мост, используя свинец и железо от самого его основания до того, как довели его до уровня земной поверхности. По мере того, как постройка поднималась, она суживалась, и пространство между внешней ее поверхностью и берегом русла заполнялось железным ломом и заливалось расплавленным свинцом, пока расстояние между ней и уровнем земли не стало 40 локтей, а ширина между ее сторонами — 112 локтей. Тогда на этом фундаменте была перекинута арка, а она — на уровне земной поверхности. Промежутки между нею и обоими берегами русла также были заполнены обрезками меди вместе с застывшим свинцом. Мост, представлявший одну арку, был изумителен по своей конструкции и прочно построен. Ал-Мисма'й разрушил его, и долгое время не было никого, кто смог бы вновь его построить. Это напосило вред путникам и тем, кто обычно проезжал по нему, особенно в зимнее время и в период разлива рек. Часто приезжали к нему люди, жившие поблизости от него, и с большими усилиями старались выломать

его свинцовую прослойку. Долго этот мост оставался в таком положении, пока, наконец, Абū 'Абдаллāх Мухаммед ибн Ахмед ал-Куммй, известный под прозвищем аш-Шейх, везир ал-Хасана ибн ал-Бувейха³⁷, не восстановил ту его часть, которая разрушилась, и не соорудил его арку заново. Он собрал мастеров и архитекторов и отдал этому делу все свое старание, а также затратил на него большие средства. Люди опускались (к месту постройки) в корзинах с помощью блоков и веревок. Заложив фундамент, они расплавляли свинец и железо и заливали этим камни. И возвести арку оказалось для него возможным только через несколько лет. Говорят, что на эту постройку помимо платы рабочим, большая часть которых была из волостей Йзаджа и Исфакана, и которых принудили работать в виде повинности, было истрачено 350 000 динаров. Для людей, обладающих разумом, в созерцании его и рассмотрении его — назидание»³⁸.

Достоверность большей части сведений Абū Дулафа, относящихся к архитектуре, очевидна. Однако некоторые сообщения не без основания казались сомнительными позднейшим арабским географам. Таков, например, рассказ о постройке дворца в Қармййсине. По повелению одного из его правителей, архитекторы создали проект, когда же начали рыть котлован для фундамента, обнаружили древний дворец, полностью соответствовавший этому проекту.

Абū Дулаф интересовался главным образом минералогией, фармакологией и архитектурой. Однако круг интересов автора этим не ограничивался. Внимание Абū Дулафа привлекали и явления природы. Немногочисленные сообщения о них иногда разрастаются в целые рассказы, по которым можно судить о большой наблюдательности автора, а также о его склонности лично проверять многие народные поверия и приметы. Будучи в районе Дунбāвенда, Абū Дулаф услышал легенду о том, что царь Афрйдун затворил в этой горе злого духа Байварāсба и что дым, струящийся из одной пещеры, — его дыхание, огонь, по временам блескующий там, — его глаза, а раздававшийся в горах неясный шум и рокот — его бормотание. И вот Абū Дулаф совершает опасное восхождение на гору, славившуюся в Иране своей высотой, — беспрецедентный для X в. случай альпинизма с научными целями. Приводим этот рассказ полностью.

«Остановившись в этой местности, я стал взбираться на гору, пока не достиг ее середины, с громадным трудом и риском для жизни. Не думаю, чтобы кто-нибудь проходил дальше того места, которого я достиг. Да мне кажется, что ни один человек даже не добирался до него. Я осмотрел горы и обнаружил источник серы, вокруг которого была сгустившаяся сера. Когда взошло над нею солнце и стало жарко палить, вспыхнул в ней огонь. Рядом с этой серой спускается под гору лощина, в которую врываються со всех сторон встречные ветры, среди них возникают [ритмически] организованные звуки в самых разнохарактерных созвучиях: порой наподобие ржания лошади, то словно крик ослов, то вроде людского говора. Прислушивающемуся к ним слышится нечто подобное внятной речи, не поддающейся пониманию, но и не совсем бессмысленной; кажется слушающему, что это — речь бедунна, язык человеческого существа. А тот дым, про который говорят, что он — его (Байварāсба) дыхание, — испарение этого источника серы. Все эти обстоятельства и привели к возникновению таких представлений, которые утвердились среди простонародья».

Интересны также сообщения об измерении лотом глубины озера в Шйзе, о катастрофических бурях в Дунбāвенде и Мадерāне; в последнюю из них

³⁷ Т. е. везир бунда Руки ад-Давла (338/949—366/976).

³⁸ Этими словами оканчивается «Записка».

попал Абу Дулаф и только чудом спасся. Описывая Йзадж, Абу Дулаф отмечает, что там часто бывают землетрясения. Ввиду дефектности текста специального исследования требует рассказ о катастрофе близ Нейс-бұра, в результате которой провалилось в землю более тридцати селений.

При изучении экономики описываемых Абу Дулафом областей могут быть использованы отдельные замечания о ремесленных производствах и ценах на товары. В «Записке» сообщается, что в Исфахане изготовлялись красивые геммы для перстней. В Рее было развито производство дорогих одежд; цены некоторых достигали 10 тыс. дирхамов. Одежда стоимостью в несколько динаров производилась в Табаристане, дорогие платки ценой до 50 динаров за штуку — в Симнāне; там же изготовляли тончайшие вуали, отдельные из них стоили около 200 динаров; ткани, вырабатывавшиеся в Джурджане отличались необычайной стойкостью окраски; лучший сахар, по свидетельству Абу Дулафа, производился в Сүк ал-Ахвāзе.

Из «Второй записки» можно почерпнуть также сведения о некоторых исторических событиях и о личностях, с ними связанных. Например, подробно описывается, как был изгнан своими сыновьями властитель Дайлама Мухаммед Ибн Мусāфир. Как известно, это событие произошло в 340 (951) г. х.; в «Записке» дата отсутствует. Причиной изгнания послужил якобы жестокий обычай Ибн Мусāфира обманом завлекать в крепость искусных ремесленников и потом затворять их там на всю жизнь. Абу Дулаф кратко описывает выступление Бабака из ал-Баззāна. Почти легендарным выглядит рассказ о сражении между индийцами и персами во времена Сасанидов близ Хиндиджāна, закончившемся победой последних. Большое значение имеют сведения о непокорности жителей Нймазрая, Дуздāна, Қасрāна (в Рее) халифам и их эмирам и отказе платить харадж. С историко-культурной точки зрения интересно упоминание о группе местных ученых в Табаристане, с успехом занимавшихся астрономией, а также рассказ о враче в Рее — ал-Джарисе ибн Ахмеди, владельце тысячи деревень, пожалованных ему правителями.

Во «Второй записке» Абу Дулафа встречаются весьма интересные легенды. Например, легенда о постройке зороастрийского храма в Шйзе, в котором переплетаются мотивы несторианского христианства с зороастризмом. О связи лахмидского царя Ну' мана ибн ад-Мунзира с Бахрāмом Чубинном говорит легенда о постройке моста ан-Ну'мана близ Бā — Аййуба. Абу Дулафом записаны также легенды о разных изображениях на скалах Сумейры и о заточении Байварāсба в Дунбāвенд, в которых действуют Фархад и Афрйдун.

Таков характер сведений «Второй записки». Большая насыщенность разносторонним, зачастую нигде больше не встречающимся материалом ставит ее в число памятников, изучение которых является делом большой важности. Особый интерес представляют сведения, касающиеся территории Кавказа. Здесь видное место занимает уже упоминавшееся описание нефтяных источников Баку, указание на наличие «красных квасцов» в Ардебиле, аурипигмента, купоросов и серы на склонах Арарата, ряда полезных ископаемых в ар-Ране, близ Урмии и в других местах. Впервые в науку вводятся сведения о добыче купоросов, квасцов и «баврақа» в Тарме, в Армении, свинца близ Урмии и другие. Заслуживают внимания разделы, посвященные Тифлису, Джурджану и югу Хорасана. Многие из этих сведений должны войти в свод арабских источников для истории нашей страны, задача составления которого два десятилетия назад была поставлена И. Ю. Крачковским³⁹.

³⁹ И. Ю. Крачковский. О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии. «Записки Института востоковедения АН СССР», т. I, 1932, стр. 55—62.

Большое значение имеет текст рукописи для критики текста Йақута. Во многих случаях мешхедская рукопись дает не только более удобное чтение, но также исправляет явные ошибки в цитатах Йақута. Примеров этому достаточно привел в своих статьях И. Ю. Крачковский. Из сличения цитат Йақута с текстом рукописи можно сделать вывод, что Йақут пользовался не нашим списком, а другим, близким по редакции к нашему, поскольку Йақут восполняет некоторые пропуски в тексте рукописи. Ал-Қазвини всегда цитирует только те места «Записки», которые цитируются Йақутом, не давая к ним дополнений; следовательно, ал-Қазвини пользовался рукописью сочинения Йақута, а не Абу Дулафа.

Вводя в науку этот интересный памятник арабской географической литературы, И. Ю. Крачковский завещал своим ученикам его издание. «Очень было бы желательно, — писал он, — чтобы это издание было осуществлено нашими учеными и чтобы традиция русской науки, давшей в свое время солидную работу В. В. Григорьева о первой записке Абу Дулафа, была возобновлена на таком заслуживающем серьезного внимания материале как его вторая записка»⁴⁰.

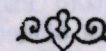
В настоящее время работа над подготовкой издания «Второй записки» нами закончена, и «Записка» должна выйти в свет в издании Института востоковедения Академии наук СССР.

SUMMARY

In a special article on the original memorial of 10th century Arab geographical literature known as the «Second Note» of Abū Dulaf, I. J. Krachkovsky emphasized in 1949 the need of publishing this source which is of great value for the history and geography of Transcaucasia and Iran. Preparations for the publication of the «Second Note», preserved in a Mashhad manuscript, were started by the authors of this article in 1950 and completed in 1955; it (the text, translation and commentaries) is due to come off the press in the near future. Shortly before the completion of their works, the authors learned that the «Second Note» at the same time was being prepared for the press by Prof. V. F. Minor-sky (published at the end of 1955).

The «Second Note» was apparently compiled in the sixties or seventies of the 10th century. The descriptions of different cities and regions are given in the «Second Note» in the order of an itinerary from Baku to Khuzistan, but that was due merely to the author's preference. In reality, the work in question contains materials collected by Abū Dulaf during several travels.

The article gives a detailed summary of the «Second Note», emphasizing a) Abū Dulaf's interest in mineral deposits and mines; b) pharmacological interests and c) information about architectural memorials.

⁴⁰ И. Ю. Крачковский. Вторая записка..., стр. 77.

НАЧАЛО КИТАЙСКОГО ГУМАНИЗМА

Н. И. КОНРАД

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Предупреждаю читателя: речь будет идти не о гуманизме вообще, а о *гуманизме историческом*, т. е. о гуманизме как одном из явлений общественной мысли, возникшем на определенном этапе человеческой истории, и в том смысле, какой это слово *в тех исторических условиях* получило.

Люди западной культуры знают гуманизм как движение общественной мысли, начавшееся в XIV в. в Италии и в течение XIV—XVI вв. охватившее не только Италию, но и все важнейшие страны Европы. В основе этого движения лежало стремление видеть в человеке высшую ценность, само же это стремление исходило из признания автономности человеческой личности, независимой от чего бы то ни было, кроме собственной природы с ее законами. Таков был идейный источник европейского гуманистического движения, давший начало всем концепциям гуманизма — философским, историческим, политическим, этическим, эстетическим.

Важнейшая из политических концепций гуманизма состояла в утверждении идеала государства с упорядоченным общественным строем, скрепленным и поддерживаемым единством власти. Этическая концепция гуманизма утверждала свободу мысли и чувства как начало, органически присущее человеческой природе. Эстетическая концепция возводила в высший принцип художественной красоты общую рационалистическую закономерность, уравновешенность композиции; видела главный объект искусства в изображении человека со всей вещественной осязательностью человеческого тела, со всей полнотой психологической выразительности, требовала совершенной пластичности и гармоничности формы.

С этими концепциями была связана общая ориентация на действительность, сопряженная со стремлением к объективному изучению этой действительности. Это в свою очередь привело к развитию наук о внешней природе, о физическом человеке, к подъему исторических знаний, к новому — рационалистическому — шагу в философии.

Гуманистическое движение было вызвано историческими задачами, которые встали перед итальянским обществом, а вслед за ним — и перед обществом других стран феодальной Европы. Но в оформлении основных концепций гуманизма огромную роль сыграли два фактора: отталкивание от того, что гуманисты отвергали, и стремление опереться на то, что они принимали. Отталкивались они от «Средневековья», опору же для себя искали в «Древности».

Отталкивание от средневековья состояло в противопоставлении всеопределяющей идее религиозной авторитарности идеи автономии человеческой личности, вселили человеческого разума; необходимую же опору в утверждении этой своей идеи гуманисты находили в европейской древ-

ности. Неудивительно поэтому, что деятельность гуманистов приняла облик движения за восстановление в обществе тех основ, на которых жила жизнь и культура людей древнего мира. Словом «возрождение», со времени Вазари, пустившего его в оборот в своих «Жизнеописаниях художников» (1550 г.), и стала называться вся эта сложная, многогранная, великая по своему историческому и культурному значению эпоха.

Таков был гуманизм как явление истории народов Запады. И этот гуманизм мы знаем.

ХАНЬ ЮЙ

Хань Юй... Это имя стоит первым в списке «Восьми великих людей времен Тан и Сун», т. е. VII—XIII вв. истории Китая. Эти «великие» — Хань Юй (768—823), Лю Цзун-юань (773—819), Оуян Сю (1007—1072), Су Сюнь (1009—1066), Су Шан (Су Дун-по, 1036—1101), Су Чжэ (1039—1112), Цзэн Гун (1019—1083), Ван Ань-ши (1021—1086). Уже во второй половине XIV в. имена их были выделены из большого числа выдающихся деятелей культуры Китая VII—XIII вв., а в XVI в. им был присвоен эпитет «великие» (да цзя). С этого времени собрание их избранных произведений стало неотъемлемой частью всякого серьезного образования.

Кто же эти «великие», и в чем они «великие»?

Все это — люди многогранные: публицисты, поэты, философы, историки, общественные и государственные деятели. Однако в собрании их избранных произведений содержится лишь «изящная проза», а проза эта, в какой бы форме она ни выступала, в форме ли философского рассуждения, исторического исследования, дружеского послания, очерка-описания и т. д., в сущности является публицистикой, своеобразной статьей на значительную для того времени тему — политическую, историческую, культурную. Но эта публицистика является вместе с тем и «изящной литературой» и притом — самого высокого уровня: художественным произведением эти очерки, этюды, рассуждения становятся благодаря приемам выражения мыслей, благодаря композиции и стилю. Многие из этих произведений заслуживают нашего наименования «поэмы в прозе».

Таким образом, «Восьмеро великих» — великие прежде всего как мыслители и писатели, поднимавшие в своих произведениях важнейшие темы общественной жизни и культуры их времени.

Собрание избранных сочинений этих писателей открывается произведениями Хань Юя. Это можно объяснить просто — хронологией: он — первый по времени среди них. Среди его произведений на первом месте стоит рассуждение «О Пути» (Юань дао). Это уже нельзя объяснить хронологией: оно далеко не первое по времени среди его произведений, отобранных для собрания. Первое место среди них и вместе с тем первое место во всем собрании сочинений «Восьми великих людей времен Тан и Сун» предоставлено этому рассуждению по другой причине.

«О ПУТИ»*

ХАНЬ ЮЙ (768—824)

1

Любовь ко всем — это человеческое в человеке. Осуществлять человеческое и притом так, как нужно, — это чувство должного в человеке. Следовать такой стезе — это путь человеческий. Иметь все в себе самом и не ждать ничего извне — это внутреннее достоинство человека.

* Перевод текстов Хань Юя и Лю Цзун-юаня сделан с издания избранных произведений восьми великих писателей Тан и Сун 唐宋八大家讀本Сун (подготовленного в 1735—1739 гг. Чань Дэ-цанем 沈德潛, 1674—1770). В 1910 г. воспроизведено в серии 漢文大系 т. III.

Человеческое и должное — нечто определенное. Путь и достойные сами по себе пусты. Поэтому в пути человеческого есть и человек достойный, есть и человек малый; в достойном человеческом есть и несчастье, есть и счастье.

2

Лао-цзы считал человеческое в человеке, чувство должного в человеке чем-то малым. Он отвергал их, полагая, что они имеют в виду что-то малое. Сидящий в колоде и смотрящий оттуда на небо также скажет, что небо мало, но это ведь не значит, что небо, действительно, мало. Лао-цзы принимал за человеческое в человеке обычные добрые поступки, за чувство должного в человеке — следование своим побуждениям. Назвать это малым — правильно. И тот путь, о котором Лао-цзы говорил, именно такой малый путь и есть. Но это не тот путь, о котором говорим мы. То достойное человека, о котором он говорил, именно такое малое достойное и есть. Но это совсем не то достойное, о котором говорим мы. Тот путь и то достойное, о котором говорим мы, сочетают в себе и человеческое и должное; это — понятия, значимые для всей Поднебесной. Тот же путь и то достойное, о которых говорил Лао-цзы, далеки и от человеческого и от должного; это — понятия, значимые только для одного себя.

3

Путь Чжоу пал¹. Конфуция не стало. Во время Цинь запылал огонь². При Хань царил Хуан-ди и Лао-цзы³. Во времена Цинь, Сун, Ци, Лян, Вэй и Суй царил Будда⁴. Те, кто говорил о пути, достойном, человеческом и должном, если не шли к Ян Чжу, шли к Мо Ди⁵; если не шли к Мо Ди, шли к Лао-цзы; если не шли к Лао-цзы, шли к Будде. Но тот, кто шел к ним, тем самым уходил от нас. Для идущих к ним они становились господами; для уходящих от нас мы становились рабами. Шедшие к ним присоединялись к ним, уходящие от нас отвергались от нас.

¹ Речь идет о судьбе древнего Чжоуского царства, в VIII в. до н. э. распавшегося на отдельные государства и сохранившегося лишь в качестве одного, наименее значительного из этих государств.

² При объединении в 221 г. до н. э. страны в одном государстве — империи, во главе которой стала династия правителей царства Цинь, покорившего прочие государства древнего Китая, учение Конфуция и его учеников подверглось гонению, и конфуцианские книги сжигались. Выражение «цинский огонь» в конфуцианской литературе стало обозначать это сожжение.

³ Во время правления Ханьской династии, сменившей в 206 г. до н. э. на престоле империи прежнюю Циньскую, наибольшее распространение в Китае получил даосизм, в своей религиозной форме восходящий к древним шаманским верованиям, а в философской форме — к учению Лао-цзы. Учение же Лао-цзы — личности, овеянной легендами, возводилось последователями Лао-цзы к легендарному Хуан-ди, по древней традиции считавшемуся одним из первых правителей Китая.

⁴ Цинь — название династии, при которой после падения Ханьской империи и последующего распада Китая на три царства было восстановлено в 265 г. н. э. государственное единство страны. Сун, Ци, Лян — названия династий, сменивших друг друга на престоле южного китайского государства после распада Китая в 316 г. на две части — южную и северную, отошедшую под власть кочевников. Вэй — название государства, образовавшегося в северной части страны. Суй — название династии, пришедшей к власти в северном государстве, при которой в конце VI в. произошло новое объединение Китая в одной империи. Время распада Китая на два государства, о котором тут идет речь, т. е. IV—VI вв., — эпоха распространения буддизма в Китае.

⁵ Ян Чжу (395—335 гг.) и Мо Ди (478—397 гг.) — мыслители эпохи распада древнего Китая на отдельные государства (VIII—III вв.). Первый считается проповедником доктрины эгоизма, второй — альтруизма.

О, люди последующих времен! Если бы они и хотели услышать учение о человеческом и должном, о пути и достойном, за кем было пойти им, у кого спросить?

4

Последователи Лао-цзы говорят: «Конфуций — ученик нашего Учителя». Последователи Будды говорят: «Конфуций — ученик нашего Учителя». Даже те, кто следуют за Конфуцием, и они прилежно слушают их речи, с радостью внимают их пустословию, а то, чем они сами обладают, считают чем-то малым. Даже они говорят: «Ведь сам наш Учитель когда-то сказал, что Лао-цзы для него — учитель». И не только говорят так, но и пишут в своих книгах.

О, люди позднейших времен! Если бы они и хотели услышать учение о человеческом и должном, о пути и достойном, у кого им было искать? Ужасно подумать! Люди пристрастны к чудесному. Они не ищут начала, не спрашивают о конце. Им хочется только одного: узнать что-нибудь необыкновенное.

5

В древности народ слагался из четырех групп; теперь народ слагается из шести. В древности те, кто учил народ, составляли одну группу; теперь те, кто учит народ, составляют три группы. Семья земледельца — одна, но просо его едят шесть семей; семья ремесленника — одна, но пользуются его изделиями шесть семей; семья торговца — одна, но берут с нее шесть семей. Как же народу не обнищать и не грабить?

6

В древние времена бед у людей было много. Явились Совершенные⁶ и стали учить помогать друг другу. Они стали правителями, стали наставниками. Они прогнали насекомых, змей, птиц, зверей и поселили людей в самой середине страны. Людям было холодно — они научили их изготовлять одежду. Люди были голодны — они научили их готовить пищу. Люди жили на деревьях и сваливались оттуда, жили в пещерах и запылились — они научили их строить дома. Они научили людей изготовлять вещи — и у тех появились орудия. Они научили людей торговать — и они стали обменивать то, что у них было, на то, чего у них не было. Они научили людей врачеванию и этим избавили их от преждевременной смерти. Они научили людей погребать умерших, совершать номинальные обряды и этим сделали вечной благодарную любовь к ушедшим. Они научили правилам общественной жизни и этим установили последовательность старших и младших. Они научили музыке и этим дали свободу человеческого духу. Они научили управлению и повели за собой даже нерадивых. Они научили наказаниям и этим устранили противящихся правилам. Люди обманывали друг друга. Они научили их завести у себя бирки, мерки, печати, весовые гири, весы, и люди стали доверять друг другу. Люди отнимали друг у друга. Они научили строить укрепления, изготовлять оружие, и люди стали сберегать свое достойное. Они научили людей быть готовыми, если приходила беда. Они научили сопротивляться, если появлялась опасность.

7

А последователи Лао-цзы сейчас говорят: «Только потому, что Совершенные не умерли, грабители еще не перевелись. Только когда люди перестанут мерки и ломают весы, они перестанут ссориться».

⁶ Наиболее принятый в нашей специальной литературе перевод китайского слова *шэнжэнь*, которым обозначались древние правители-мудрецы, а также Конфуций.

О! Рассуждать так — значит просто ни о чем не думать! Если бы в древности не было Совершенных, род людской уже давно бы исчез. Почему? Потому что у людей нет перьев, шерсти, чешуи, панцыря, чтобы защититься от холода и жары; нет когтей и клыков, чтобы драться за пищу.

8

Поэтому-то государь отдает повеления, а слуги его, выполняя эти веления, передают их народу. Народ разводит просо, рис, коноплю, шелковицу; изготавливает орудия и утварь, ведет обмен товарами и имуществом и этим служит своим правителям. Если бы государь не отдавал повелений, он перестал бы быть государем. Если бы его слуги не выполняли его велений и не осуществляли их в народе, они перестали бы быть его слугами. Если бы народ не стал разводить просо, рис, коноплю, шелковицу и не стал изготавливать орудия и утварь, не стал бы обмениваться товарами и имуществом и не служить этим своим правителям, за это последовало бы наказание. А сейчас в их законе говорится: «Не надо никаких государей и слуг, не надо никаких отцов и сыновей! Следует запретить людям помогать друг другу, заботиться друг о друге. Стремиться только к тому, что мы называем Чистотой и Нирваной».

9

Да, их счастье, что они появились после Ся, Инь и Чжоу⁷ и что поэтому не были устранены Юем Чэн-Таном, Вэнь-ваном, У-ваном, Чжоу-гуном⁸ и Конфуцием. Но наше несчастье, что они не появились до Ся, Инь и Чжоу и что поэтому их учение не было исправлено Юем, Чэн-таном Вэнь-ваном, У-ваном, Чжоу-гуном и Конфуцием.

10

«Государя», «царя» — наименования у них различны, но в том, в чем состоит их совершенство, они едины. Летом носят одежду из легкой ткани, зимой носят одежду из теплого меха. Когда чувствуют жажду — пьют; когда чувствуют голод — едят. Действия эти различны, но в том, в чем состоит их разумность, они едины. А те сейчас говорят нам: «Почему вы не следуете „Не-действию“, как было в глубокой древности?». Это все равно, что порицать людей за теплую одежду зимой, что говорить им: «Почему вы не одеваетесь в легкие ткани?». Это все равно, что порицать людей за то, что они едят, когда голодны, что говорить им: «Почему вы не пьете воду?».

11

В древней книге сказано⁹:

«В древности тот, кто хотел проявить в Поднебесной свое светлое достоинство, прежде всего должным образом правил государством. Тот, кто хотел должным образом править государством, прежде всего правильно управлял своей семьей. Тот, кто хотел правильно управлять своей семьей,

⁷ Ся, Инь, Чжоу — названия последовательно сменявших друг друга китайских царств глубокой древности.

⁸ Имена древних правителей, считавшихся конфуцианской традицией Совершенными.

⁹ Речь идет о «Ли цзи» (Книге правил) — древнем сочинении, излагающем нормы обычного права и содержащем ритуальные предписания. Приведенное место взято из части, озаглавленной «Да сюэ» (Большая наука), которая впоследствии выделилась в самостоятельную книгу, вошедшую в конфуцианское «Четверокнижие».

прежде всего добивался собственного совершенства. Тот, кто хотел добиться собственного совершенства, прежде всего делал правым свое сердце. Тот, кто хотел сделать правым свое сердце, прежде всего приводил свои мысли в согласие с истиной».

Это значит, что те, кто в древности делал свое сердце правым, кто приводил свои мысли в согласие с истиной, осуществляли это посредством деяния. А теперь у них те, кто хочет управлять своим сердцем, ставят себя вне Поднебесной и не считаются с вечными законами: сын не считает своего отца отцом; слуги не считают своего государя государем; народ не считает свои дела настоящими делами.

12

Конфуций создал Чуньцю¹⁰, и когда князья соблюдали правила отношений с варварами, они относились к ним как к варварам; когда варвары вступали в Среднее государство, они относились к нему как к Среднему государству. В «Луньюе»¹¹ сказано: «Если у варваров есть государь, положение у них все равно хуже, чем в Среднем государстве, если бы в нем даже и не было государя». В «Ши-цзин» сказано: «Варварам Севера дав надлежащий отпор, Цзинские орды и Шу остановим». А теперь у нас поднимают законы варваров, ставят их выше законов наших древних царей! Что же? Разве не произойдет, что через какое-то время мы, увлекая друг друга, все станем варварами?

13

Что же такое то, что мы называем учением древних царей? Любить всех — это человеческое в человеке. Осуществлять человеческое и поступать при этом, как нужно, — это чувство должного в человеке. Следовать такой стезе — это Путь человеческий. Иметь все в самом себе и не ждать ничего извне — это внутреннее достоинство человека. Слова эти — слова Ши, Шу, И, Чуньцю¹². Закон этот — закон правил общественной жизни, музыки, наказаний, управления. Народ — это правители, земледельцы, ремесленники, торговцы. Положения их — положения государя и слуги, отца и сына, учителя и друга, хозяина и гостя, старшего брата и младшего, мужа и жены. Одежды их — холст и шелк; жилища их — дома и хижины, пища их — просо, рис, овощи, плоды, рыба, мясо. Путь их светел и легок. Учение их легко исполнимо.

14

Поэтому, когда, основываясь на их учении, управляют сами собой, все благополучно и удачно; когда, основываясь на их учении, управляют людьми, повсюду любовь, справедливость; когда, основываясь на их учении, управляют своим сердцем, везде согласие и мир; когда, основываясь на их учении, управляют Поднебесной и государством, все, что ни делают,

¹⁰ «Чуньцю» — летопись царства Лу (одного из царств древнего рабовладельческого Китая). Охватывает период с 722 по 484 г. до н. э. Считается написанной самим Конфуцием, происходившим из этого царства. Ценится конфуцианцами за содержащиеся в ней оценки деятельности правителей.

¹¹ «Луньюе» (Суждения и беседы) — древняя книга, в которой содержатся суждения Конфуция по разным вопросам и его беседы с учениками и другими лицами.

¹² Имеются в виду древние сочинения, вошедшие впоследствии в конфуцианский канон: «Ши-цзин» (Книга песен), «Шу-цзин» (Книга истории), «Ли-цзин» (Книга перемен) и «Чуньцю» (Летопись).

правильно. Поэтому, когда живут — получают желаемое; когда умирают — выполняют все, что положено. При молении в поле нисходят небесные духи; при молении в святилище предков нисходят человеческие души.

15.

Спрашивают: «А Путь человеческий — что же это за путь?». Отвечаю: «Это тот путь, о котором я сейчас говорю. Это не путь Лао-цзы и Будды, о котором я говорил раньше. Наш Путь Яо передал Шуню; Шунь передал его Юю; Юй передал его Чэн Тану; Чэн Тан передал его Вэнь-вану, У-вану и Чжоу-гуну; Вэнь-ван, У-ван и Чжоу-гун передали его Конфуцию; Конфуций передал его Мэн-цзы¹³. Но умер Мэн-цзы, и после него никто этого учения не принял. Сюнь Куан и Ян Сюн¹⁴ разбирались в этом учении, но главного в нем они не поняли; они излагали его, но освещали его не полно.

Те, кто был до Чжоу-гуна, стояли наверху: они были государями; поэтому они оставили себя в своих делах. Те, кто был после Чжоу-гуна, были внизу: они были слугами, поэтому долгую жизнь они обрели в своих словах¹⁵.

16

Так что же нам делать? Отвечаю:

Если не ставить препятствия учению Лао-цзы и Будды, наше учение не распространится. Если не положить конец учениям Лао-цзы и Будды, нам ничего не осуществить. Если обратить их монахов в мирян, если сжечь их книги, если превратить их храмы и кумирни в жилища, если разъяснить Путь древних царей и тем самым повести людей за собой, если заботиться об одиноких вдовцах, одиноких вдовах, о детях-сиротах, о бездетных стариках, о неизлечимо больных и калеках — это и будет близко к тому, что нужно.

«ПУТЬ» ХАНЬ ЮЯ

В первом разделе рассуждения декларируется основное положение всего мировоззрения автора. Это положение выражено в китайском тексте одним словом *жэнь*; в переводе на русский — «человеческое». Так, в первой же строке своего рассуждения, где излагается самое главное, Хань Юй говорит не о Небе (тянь), не о Небесном велении (тяньмин), не о Пути — неизреченном начале бытия, как это делали до него и в его время другие, а о человеке. Тут же следует разъяснение: человеческое в человеке — это любовь ко всем. Вместо вполне возможного возведения «человеческого» в некую абстракцию, даже в чисто метафизическую категорию, Хань Юй делает человеческое начало в человеке вполне конкретным: свойством его общественной природы.

¹³ Перечислены имена правителей Китая времен глубокой древности, считавшихся носителями древней мудрости, которую конфуцианцы возвели в основу своего учения.

¹⁴ Сюнь Куан (298—238 гг. до н. э.) и Ян Сюн (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.) — мыслители поздней поры китайской древности. Первый был близок к школе «законников», второй ближе к направлению, идущему от Конфуция.

¹⁵ Мысль автора такова: древние Совершенные были правителями, и их учение выражалось в их деятельности как правителей, как устроителей человеческого общества; позднейшие Совершенные не были правителями, они были слугами, поэтому выражать свое учение непосредственно в действиях не могли, но они сделали другое: записали это учение в книгах и этим сохранили его на вечные времена.

Что же, значит это «человеческое» — просто «человеколюбие»; «гуманность»? Да, это и человеколюбие, и гуманность. Во многих случаях именно этими русскими словами и надлежит передавать китайское *жэнь*. Но у Хань Юя, как это явствует из текста, «любовь ко всем», «человеколюбие» — не само человеческое начало в человеке, а проявление этого начала в действии. Проявление этого начала подлечит регулированию. Что же его регулирует? «Веление Неба»? Нет, сама человеческая природа, присущее ей особое свойство: оно обозначено словом и, по-русски «должное», присущее человеку «чувство должного». Слово и может передаваться и русскими «справедливость», «долг». Но нужно помнить, что в концепции Хань Юя «справедливость», как и «человеколюбие», — проявление человеческого начала в человеке, а не само это начало.

Но, может быть, чувство должного внушено человеку Небом, какой-нибудь «высшей силой»? Нет, «человек имеет все в себе самом и не ждет ничего извне». Сама человеческая природа определяет и все действия человека, все его поведение, его «Путь» (дао), и все его свойства, его «Достояние» (дэ). Вряд ли можно с большей ясностью декларировать чисто человеческую основу всего мировоззрения, с большей отчетливостью выразить положение о полной автономности человеческой личности.

Хань Юй назвал свое рассуждение «О Пути». О «пути» — это значит о «действии». Хань Юй призывал не к размышлению, а к действию. Действие же для него означало борьбу за осуществление своих принципов. С чем же ведет Хань Юй в своем «Юань дао» борьбу? С теми учениями, которые не признавали человека высшей и автономной реальностью, высшим хозяином жизни. Учения эти принадлежали двум религиям: даосизму и буддизму.

Даосизм как система верований и философия начал господствовать в умственной жизни Китая еще в эпоху Ханьской империи (III в. до н. э. — III в. н. э.), т. е. в последнюю фазу китайской античности. Превратившись в условиях соприкосновения с буддизмом в религиозное учение, создав большую церковную организацию, он продолжал развиваться и в последующие века — вплоть до времени Танской империи, т. е. до эпохи самого Хань Юя. Об отношении к даосизму правящего класса феодального Китая этого времени красноречиво говорит тот факт, что императорский дом не только покровительствовал даосизму, но, основываясь на том, что носит ту же фамилию Ли, какую носил основоположник философского даосизма Лао-цзы, стал возводить свой род к этому мудрецу древности. С III—IV вв. в Китае начал интенсивно распространяться буддизм, выросший к эпохе Тан в крупнейшую идеологическую, культурную и политическую силу. Правящий класс находил в буддийской церкви могущественное орудие укрепления своей власти; образованные слои китайского общества были захвачены широтой и тонкостью буддийской философии; народные массы буддизм привлекал и своим красочным ритуалом и обещаниями земных и небесных благ*.

Как относился Хань Юй к этим своим противникам? Запретить эти учения! Сжечь их писания! Расстричь их монахов! Их храмы и монастыри превратить в обыкновенные жилища! (раздел 16) — вот его программа. Но это — программа борьбы в действии. В «Юань дао» — борьба в рамках идеологической полемики. Хань Юй действует очень смело: он выступает против самой философской основы обеих религий. В «Юань дао» эти основы

* В том, что отчасти в Ханьское время и безусловно после Хань наибольшее влияние в области идеологии имели даосизм и, позднее, буддизм, в настоящее время согласны почти все исследователи истории идеологических учений в Китае. Из новейших работ см., например, Хоу Вай-лу, Цзи Сюань-бин, Ду Шоу-су и Цю Хань-шэн. История китайской идеологии (侯外廬.中國思想史), т. II, кн. 2, гл. XII—XVI. Пекин, 1951.

названы: положение о чистоте в даосизме, положение о нирване в буддизме (раздел 8).

Основоположник философии даосизма говорил о человеке и даже склонен был признавать человека высшей реальностью. Однако эта реальность у Лао-цзы целиком заключалась в человеческой природе, взятой в ее «естественной», изначальной «чистоте». Поэтому, по Лао-цзы, всякий выход из состояния изначальной «чистоты», т. е. всякое действие, приводит к нарушению этой «чистоты», иначе говоря, к искажению человеческой природы. Из этого следует, что основной закон человеческой жизни — закон хранения «естественности» человеческой природы, ее изначальной «чистоты», т. е. «не-деяние». Так понимали учение Лао-цзы все его последователи в средневековом Китае.

Абстрактность и метафизичность этой концепции Лао-цзы, в таком ее понимании, была совершенно не приемлема для Хань Юя. Последний признавал человека высшей реальностью, но реальностью для него был не «естественный» человек, а человек *общественный*, не абстрактный человек, а конкретный, исторический. Свое основное положение о «человеческом начале» в человеке он брал в аспекте *любви ко всем*, т. е. в аспекте общественного бытия человека. Главное же свойство такой общественной природы человека — именно *действие*. «Не-деяние», с точки зрения Хань Юя, настолько противно человеческой природе, что он сравнивает даосское порицание «деяния» с порицанием за то, что люди надевают теплую одежду, когда им холодно, за то, что они едят, когда голодны (раздел 10).

Хань Юй видел проявление человеческого начала в человеке в «любви ко всем». Одно из важнейших положений буддизма — сострадание, милосердие. Как будто бы предмета спора с буддизмом в этом пункте у Хань Юя нет. Но так кажется только на первый взгляд. Буддизм учит о милосердии. Он призывает верующего обходить букашку, ползущую на дороге, чтобы случайно ее не раздавить. Призыв всячески оберегать жизнь, в философском плане, как будто бы является признанием высшей ценности именно бытия. Однако бытие в учении буддизма не есть нечто застывшее, постоянное; оно непрерывно развивается, и его развитие завершается в нирване, т. е. в небытии. И только в таком завершении бытие превращается в подлинную реальность; до этого реальность бытия — иллюзорна.

Все существо Хань Юя восстает против такой концепции бытия. Он отказывается принять такое понимание эволюции человеческой жизни. В своей полемике с буддийской концепцией нирваны как конечной фазы и цели эволюции бытия Хань Юй исходит из реальной, действительной истории. «Естественное» состояние для него — состояние первобытное, «когда люди жили на деревьях... жили в пещерах» (раздел 6). Человек вышел из этого «естественного» состояния и создал культуру, цивилизацию, создал общество с упорядоченным строем, создал государство. И не мог всего этого не создать: «потому что у людей нет перьев, шерсти, чешуи, панциря, чтобы защититься от холода и жары; нет когтей и клыков, чтобы драться за пищу» (раздел 7). И целью развития человека, целью его бытия является не приход к небытию, а приход ко все более совершенным формам общественной и культурной жизни, что вместе с тем означает и все большее совершенствование человеческой личности.

Хань Юй противопоставляет буддийскому положению о нирване совершенно иное положение. Он заимствует его из раздела древней «Книги правил», названного «Большая наука» («Да сюэ», см. раздел 11).

Прежде всего — *приведение своих мыслей в согласие с истиной*, т. е. правильное осмысление всего существующего. От этого первого звена протягивается вся цепь. Ее последовательные звенья: «правое сердце», т. е. высокая нравственность; «совершенство всей человеческой личности» —

интеллектуальное и моральное. Это все — в плане индивидуальном. Но этот план существует только как основа для перехода в общественный план: *к правильным действиям в качестве главы семьи, в качестве правителя государства*. Оспаривая концепцию изначальной «чистоты» человеческой природы как высшей ценности бытия, Хань Юй сослался на всем понятную реальность — на историю человеческой культуры, опровергающую фактами эту концепцию; при этом он сумел четко обрисовать весь ход этой истории (раздел 6). Оспаривая концепцию «нирваны» как высшей и конечной цели эволюции человека и человеческого общества, Хань Юй неведомой и абстрактной цели противопоставляет цель совершенно конкретную и вполне понятную людям: создание правильно управляемого государства, основанного на обществе, в котором все его члены неустанно стремятся ко все большему совершенству своей личности, но не во имя самого совершенства как такового, а во имя общественного прогресса. Таким образом, и здесь выявился общественный характер основной концепции Хань Юя, концепции «человеческого начала» в человеке.

Хань Юй не привел цитаты из «Да сюэ» полностью. В ней есть еще одна фраза: «Когда государство должным образом укрепляется, в Поднебесной царит мир (Тянься пин)». В сущности, и правильное управление государством имеет свою цель, и цель эта — в человеческом обществе, а оно для Хань Юя и есть единственная подлинная реальность — *мир*.

Тему государства Хань Юй развивает, однако, гораздо подробнее, чем она дается в «Да сюэ». Государство понимается им как организованное человеческое общество, организованное с точки зрения точного распределения общественных функций и, соответственно этому, общественных обязанностей. Одни «разводят просо, рис, коноплю, шелковицу», другие «изготавливают орудия и утварь», третьи «ведут обмен товарами и имуществом», четвертые «управляют» всем этим механизмом. Среди них — государь, который «отдает повеления», и его слуги, которые «эти повеления осуществляют в народе». Организованность проявляется и в социальном аспекте: есть «государь и его слуги», т. е. правящие, есть «народ», т. е. управляемые; есть «отцы и сыновья», т. е. семья — старшие и младшие. Общественную обязанность Хань Юй видит в помощи друг другу, заботе друг о друге (раздел 8). В этом указании Хань Юя высшее требование общественно-необходимого поведения превращается в высшую норму общественной морали.

Такое для Хань Юя организованное общество. И оно, по его представлению, предъявляет к людям — членам общества, суровое и безоговорочное требование: делать все то, что каждому положено. Кто своего дела не соблюдает, тот подлежит казни. Хань Юй персонифицирует верховную государственную власть в государе. Поэтому выполнение каждым человеком в государстве своих обязанностей есть, на языке Хань Юя, *служение государю*. Поэтому и право санкций по отношению к уклоняющимся от своих обязанностей он относит к государю.

Это суровое положение, впрочем, обычное для государства с его системой принуждения, у Хань Юя соединено, однако, с двумя другими положениями. Первое положение — обязанность всех помогать друг другу; второе — особо «заботиться об одиноких вдовцах, одиноких вдовах, о детях-сиротах, о бездетных стариках, о неизлечимо больных и калеках» (раздел 16). Эти положения свидетельствуют о том, что, в воззрениях Хань Юя, общество и государство не только предъявляют требования к своим членам, но и несут обязанности по отношению к ним.

Совершенно понятно, что при таких воззрениях Хань Юй с особым ожесточением нападал на даосизм с его отрицанием всякой деятельности, с его отрицанием общества и государства, с его отрицанием цивилизации.

Все, о чем говорит сам Хань Юй, для него «значимо для всей Поднебесной», т. е. обладает общественной значимостью; то, чему учит Лао-цзы, по мнению Хань Юя, значимо только для отдельного индивидуума (раздел 2). Вот почему Хань Юй отвергает у даосов и буддистов право «учить», т. е. руководить народом. Право руководить народом, по его мнению, имеют лишь те, кто ведет народ, общество все к лучшему и лучшему.

В «Юань дао» есть место, всегда привлекавшее особое внимание исследователей. Хань Юй говорит, что в его время «семья земледельца — одна, но просо его едят шесть семей; семья ремесленника — одна, но изделиями его пользуются шесть семей; семья торговца — одна, но берут с него шесть семей. Как же народу не обвинять и не грабить?» (раздел 5).

Смысл этих слов вполне понятен. Общество состоит из четырех групп: земледельцев, ремесленников, торговцев и «учителей», т. е. руководителей, правителей. Во времена Хань Юя «учили» народ, т. е. принадлежали к правящему слою, три категории: правительственные чиновники, даосское и буддийское духовенство. Следовательно, в обществе стало не четыре, а шесть групп. Понятно поэтому, что продукцией, производимой земледельцем, ремесленником, торговцем, пользуется не только он со своей семьей, но и прочие пять групп населения, т. е. «шестеро». Хань Юй разделил общество на тех, кто производит или обеспечивает производство и распределение, и на тех, кто потребляет, в частности, на тех, кто присваивает продукт. При этом он считает, что «нагрузка» на производящих слишком велика. Естественно, что при таких условиях народ нищает и вынужден «грабить», т. е. восставать и забирать обратно отнятое у него. Вряд ли можно яснее выразить мысль об оправдании народных восстаний и определить причину этих восстаний — чрезмерность эксплуатации. Чрезмерность эксплуатации, но, конечно, не эксплуатация как таковая. Как это видно из предыдущего, Хань Юй считает вполне нормальным и необходимым для общественного существования, чтобы производители — крестьяне и ремесленники, а за ними и торговцы «служили» правителям, т. е. отдавали им часть продукта (раздел 8).

В истории Китая сейчас же после имени Хань Юя всегда ставят имя его соратника, друга и единомышленника Лю Цзун-юаня. Их всегда ставят рядом как зачинателей того общественного движения, которое здесь рассматривается. У Хань Юя в «Юань дао» мы не находим определения, как он понимает передачу трудовым населением части своего достояния правящему классу. У Лю Цзун-юаня такое определение есть: это — плата хозяина слуге. Хозяин — народ, слуги — чиновники, правители. Среди сочинений Лю Цзун-юаня есть одно, написанное в форме «Слова», обращенного к другу, уезжающему на место нового назначения. «Слово» Лю Цзун-юаня есть как бы напутствие ему:

«Вот вы, правительственные чиновники в стране, знаете ли вы, в чем состоит ваша служба? Только в одном: быть слугами народа и не делать народ слугами себе. Народ кормится от земли. Он отделяет десятую долю урожая и нанимает вас, чиновников, чтобы вы следили за порядком и спокойствием. А в наше время все вы в Поднебесной получаете свою плату, дела же своего не делаете. Да что там! Не только дела не делаете, вы еще грабите народ!

Предположим, что ты нанял к себе в дом слугу, и вот он, этот слуга, получая от тебя плату, не делает своего дела, да еще крадет у тебя. Конечно, ты разгневаешься, прогонишь и накажешь его. В наше время большинство вас, чиновников, поступают именно так, как этот слуга, а народ не смеет дать волю своему гневу, прогнать и наказать вас. Почему? Да потому, что положения у вас с народом неодинаковые. Положения у вас не одинаковые, но ведь законы вещей одни и те же! А что вы делаете с наро-

дом? Те из вас, кто понимает законы вещей, можете ли вы не бояться, не страшиться?».

Итак, народ — хозяин, чиновники — его наемные слуги. Они нужны народу для того, чтобы поддерживался порядок, дающий возможность каждому спокойно заниматься своим делом. Чиновники, правители — не более, чем наемные стражники, охраняющие людей и имущество, преследующие воров и грабителей. А то, что называется «налогом», — просто плата этим наемным слугам. Из этого вытекает и право народа — право хозяина прогнать нерадивого слугу. И наказать его. В каком случае? Если он, не довольствуясь платой, еще крадет добро хозяина. «Кражей», и никак иначе, называет Лю Цзун-юань всякие поборы с населения, кроме того, что, с точки зрения народа, законно, т. е. того, что составляет жалование слуге.

В «Слове» Лю Цзун-юаня содержится одна знаменательная мысль. Судя по его «Слову», положение в стране в его время было таким, что должно было возбудить гнев народа-хозяина: «В наше время все вы в Поднебесной, — говорит Лю Цзун-юань, обращаясь к отъезжающему, — получаете свою плату, дела же своего не делаете. Да что там! Не только дела не делаете, вы еще грабите народ!». Причина для того, чтобы прогнать слуг и наказать их, таким образом, налицо. Почему же народ этого не делает? «Потому, что положения у вас с народом неодинаковые», — говорит Лю Цзун-юань, т. е. слуги присвоили себе прерогативы, на которые они не имеют права; они вообразили себя правителями. Дальше следует многозначительное замечание: «Положения у вас неодинаковые, но ведь законы вещей одни и те же!». Трудно яснее сказать об единстве «закона вещей», т. е. о равенстве людей в их положении и в общественном организме. При этом особенно существенно то, что китайское слово *ли*, которым выражено понятие, переданное по-русски как «законы вещей», имеет смысл не закона государства, а «естественного закона».

Самоуправством слуг, вообразивших себя хозяевами, «законы вещей», однако, не отменяются: действие этих законов рано или поздно обязательно проявляется. Поэтому Лю Цзун-юань заканчивает эту часть своего напутствия поразительными словами: «Те из вас, кто понимает законы вещей, можете ли вы не бояться, не страшиться?».

Годы жизни Лю Цзун-юаня — 773—819. Его детство было омрачено последствиями закончившегося незадолго до этого — в 763 г. — мятежа одного из могущественных феодалов — Ань Лу-шаня, мятежа, потрясшего империю. Последние годы жизни Лю Цзун-юаня озарялись вспышками назревавшего гнева народа, вылившегося впоследствии в огромное народное восстание (875 г.), которое вошло в историю под названием «Восстание Хуан Чао». Это восстание привело Танскую империю и династию, царствовавшую в ней, к гибели.

Повторяю, приведенные мысли мы находим не у Хань Юя, а у Лю Цзун-юаня, но эти два человека — не только современники, они и друзья-единомышленники, зачинатели большого общественного движения. Поэтому недосказанное одним мы вправе восполнить найденным у другого. Мысли того и другого — одинаково принадлежат этому движению. «Путь Хань Юя — это также «Путь» Лю Цзун-юаня. Это «Путь» всей их эпохи. Что же это за «Путь»?

ГУМАНИЗМ

Исходный пункт всех рассуждений Хань Юя — человек. Основа человеческой природы — «человеческое начало» (жэнь) в человеке. Действенная сущность этого начала — любовь ко всем (боай), т. е. общественная.

Регулируется проявление человеческого начала присущим человеку внутренним чувством должного (и). Должное — то, что нужно (и); при общественной природе человека — нужное — общественно-необходимое.

Человеческой природе свойственна деятельность. Эта деятельность направляется свойственным человеческой природе — «человеческим началом» (жэнь) в человеке и «чувством должного» (и). Такая деятельность и есть «путь» (дао) человека. И эта деятельность не зависит ни от чего иного, кроме собственной природы человека — ее «достоинства» (дэ).

Из этого следует, что жизнь, бытие сводится к свободному развитию человека в условиях полной автономности человеческой личности, свободы человека от всякой опеки со стороны каких-либо внешних сил. Поскольку все эти положения противопоставляются учениям Лао-цзы и Будды, т. е. религиозно-философским, постольку свобода от опеки означает в этом аспекте свободу от опеки со стороны религии и философии, связанной с религией.

Общественная природа человеческой личности и внутренний регулятор в виде «чувства должного» делают «достоинство» человека, т. е. все, что он несет в себе, делают его «Путь», т. е. проявление им своего «достоинства» в жизни, в деятельности, *«значимым для всех. Поднебесной»*, т. е. общественно значимым. Такая общественная значимость развития человеческой личности противопоставляется *«значимому только для одного себя»* — индивидуалистическому по своей природе «Пути» даосизма и буддизма.

Свободно развивающийся человек является создателем культуры, цивилизации. Люди сами создали культуру. Правда, они создали ее под руководством Совершенных, но Совершенные — не божества, а те же люди, и действовали они вполне человеческими способами. Юй, один из таких Совершенных, справился с разливами Хуанхэ не с помощью магии или богов, а возведением защитных насыпей, проведением отводных каналов. Так из истории создания человеческой культуры были полностью устранены всякие сверхъестественные силы. При этом создание культуры рисуется как действие, вызванное необходимостью: без культуры, без цивилизации человек оставался бы беспомощным перед силами природы. «Если бы в древности не было Совершенных (т. е. руководителей людей в создании культуры, а следовательно, и самой культуры. — Н. К.), то род людей уже давно бы исчез». Эти идеи Хань Юй противопоставляет учению Лао-цзы об «естественном» состоянии человека, приводящему к отрицанию культуры.

Созданием человека является и общество. Общество мыслится как организованный коллектив, организованность которого проявляется в определенном социальном порядке, вытекающем из самой природы общества. Порядок этот создается отношениями «отцов» и «детей», т. е. старших и младших. Он создается наличием общественных обязанностей у каждого члена общества. Государство — также организованное целое, но организованность в нем создается специфическими государственными регуляторами: *правилами*, т. е. общественными нормами, *музыкой*, т. е. воспитательными средствами, *наказаниями*, т. е. санкциями, и *управлением*, т. е. властью. Публичная власть — специфическая для государства категория. Субъект этой власти — государь и его слуги, т. е. сановники, чиновники; объект — народ.

Эти положения были также направлены против учения Лао-цзы, отрицавшего и общество, и государство. «Не надо никаких государей и слуг! Не надо никаких отцов и сыновей!», — в таких выражениях формулирует Хань Юй антиобщественные и анархические, по его мнению, взгляды Лао-цзы.

Существование организованного общества требует, по мысли Хань Юя,

распределения между людьми различных общественных функций. И эти функции имеют обязательный характер: носители их обязаны эти функции выполнять в интересах государства. Производители материальных благ должны эти блага производить и отдавать часть своего достоинства государству; невыполнение этой обязанности влечет строгое наказание. Правители должны следить за выполнением всеми их обязанностей, но если они сами переступают границу должного, т. е. присваивают себе достояние населения сверх положенного, народ отнимает у них незаконно отнятое и наказывает их. Таким образом, с государством ассоциируются два специфических для государства института: институт власти и институт принуждения, соединенные с началом законности, т. е. общественного оправдания.

Каким же становится или должен стать человек в условиях созданной им цивилизации, живущий и действующий в построенном им обществе и государстве? Мысли у него должны быть правыми; вся его личность должна быть совершенной; он должен уметь правильно управлять своей семьей, уметь править государством. В таких выражениях, заимствованных из «Большой науки», рисуется Хань Юем интеллектуально, морально и общественно полноценная человеческая личность.

Как же все это мировоззрение, всю эту систему взглядов назвать? Так, как сказал сам Хань Юй: *жэнь дао* — «путь человека». «Дао» (путь) в старом китайском языке как отдельное слово равносильно понятию «принцип», а как компонент сложного слова — нашему суффиксу «...изм». *Жэнь* (человеческое начало) и чисто лексически и по точному смыслу равно нашему *humanitas*. *Жэнь дао* (путь человеческий, принцип человеческого начала) в таком случае значит «гуманизм». И действительно, идеи, провозглашенные Хань Юем, есть идеи гуманизма; движение, начатое им и Лю Цзун-юанем, есть движение гуманистическое.

Это было в Китае VIII в. И не ведали Петрарка и Боккаччо — зачинатели гуманизма в Италии XIV в., что они вступили на тот же путь, на который за шесть столетий до них вступили Хань Юй и Лю Цзун-юань — их далекие китайские собратья.

ВОЗВРАТ К ДРЕВНОСТИ

При первом же прочтении трактата Хань Юя видно, от чего он отталкивается: от «Пути Лао-цзы и Будды», по его выражению. «Это — не тот путь, о котором говорим мы», — написано у него. У Хань Юя есть его «Путь», «наш Путь», как он его называет. Начался этот «Путь», по представлениям Хань Юя, очень давно — при Яо, правителе глубокой древности; закончился он во времена Ханьской империи (III в. до н. э. — III в. н. э.). Двух мыслителей времен этой империи — Сюнь Куана и Ян Сюна — Хань Юй называет последними представителями этого «Пути».

Этот большой период — от Яо до Ян Сюна включительно — Хань Юй называет «Древностью». Таким образом, в представлении Хань Юя только в «Древности» поддерживался его «Путь», причем в последние века — уже плохо: даже «при Хань царици Хуан-ди и Лао-цзы», т. е. господство в мире идей перешло к даосизму, и только Сюнь Куан и Ян Сюн еще кое-как поддерживали истинный «Путь». А после Хань, т. е. со II—III вв., не стало и таких, как они. Настало царство Будды. И так продолжалось до начавшейся в VII в. эпохи Тан, которая была временем Хань Юя и Лю Цзун-юаня.

Отталкиваясь от одного — значит призывать к чему-то другому. К чему же призывал Хань Юй? К возвращению на тот «Путь», который

был когда-то в древности. «Фу гу» — «Возврат к древности», так и было названо движение, поднятое Хань Юем и Лю Цзун-юанем.

Хань Юя принято относить к конфуцианцам. В любой истории китайской философии имя Хань Юя неизменно фигурирует в том разделе, в котором говорится о конфуцианстве. При этом за ним установилась характеристика мыслителя, внесшего в конфуцианство новую струю. Такая оценка Хань Юя не лишена оснований. Конечно, он — не последователь Лао-цзы, не буддист. Он сам называет Конфуция своим учителем; говорит о нем как о мудреце, установившем «наш путь», т. е. «Путь» самого Хань-Юя; ссылается на «Лунъюй» — книгу, в которой изложено учение Конфуция. Перечисляя памятники древней письменности, в которых, по его представлениям, заложены основы его собственных взглядов, он говорит о «Книге перемен» (И-цзин), «Книге песен» (Ши-цзин), «Книге истории» (Шу-цзин) и «Летописи» (Чуньцю), цитирует «Книгу правил» (Ли-цзи), т. е. называет те древние сочинения, которые уже со II в. до н. э. получили в конфуцианстве значение канонических. Наконец, древнему конфуцианству принадлежит и то понятие «человеческого» (жэнь), которое является основой для всех построений Хань Юя. Таким образом, близость Хань Юя к конфуцианству не подлежит сомнению.

Прочно связало имя Хань Юя с конфуцианством и установление им специфической традиции этого направления китайской философской и общественной мысли. Эта традиция указана именно в «Юань дао»: «Наш Путь Яо передал Шуню; Шунь передал его Юю; Юй передал его Чэнь Тану; Чэнь Тан передал его Вэнь-вану, У-вану и Чжоу-гуну; Вэнь-ван, У-ван и Чжоу-гун передали его Конфуцию; Конфуций передал его Мэн-цзы. Умер Мэн-цзы, и после него никто этого учения не принял» (раздел 15).

Конфуций в Лунъюе часто упоминает «древних царей», правителей мудрецов глубокой древности. Имена Яо, Шуня, Юя, Чэнь Тана, Вэнь-вана, У-вана и Чжоу-гуна у него встречаются не раз. Но никто до Хань Юя не соединял эти имена в одну цепь, никто не обрисовал через эти имена самую традицию учения — ее начало и ее преемство. И представление именно о такой традиции настолько прочно привилось в последующем конфуцианстве, что многие из позднейших исследователей конфуцианства упускают из виду, что так изображать традицию конфуцианского учения стали только с VIII в., т. е. почти через четырнадцать веков после Конфуция; забывают и о том, что Хань Юй был первым, кто ввел в эту традицию Мэн-цзы. Учение Мэн-цзы знали, у него были почитатели, но положение классика конфуцианства он занял только со времени Хань Юя, и то не сразу. Таким образом, прочная связь Хань Юя с конфуцианской линией философской и общественной мысли Китая несомненна.

Однако отношение Хань Юя к конфуцианству особенное, для его времени — необычное. Во-первых, Хань Юй не признает современного ему конфуцианства. У него нет даже намек на Кун Ин-да, официального столпа конфуцианской ортодоксии во времена Тан, нет ни слова и о «Пятикнижии в правильном освещении» (У цзин чжэнь и), которое стало в Танской империи основным пособием во всей системе государственного образования и которое не мог не знать Хань Юй, трижды становившийся профессором Высшей школы. Во-вторых, он ни словом не упоминает о Чжэнь Сюане (127—201) — крупнейшем конфуцианском ученом последнего столетия Ханьской империи, сопоставившем не пять, а шесть древних сочинений, т. е. добавившем к входившим в «Пятикнижие» И-цзин, Шу-цзин, Ши-цзин, Ли-цзи и Чуньцю еще Юэ-цзин (Книгу музыки). А то, что Хань Юй знал «Шесть искусств», как называл Чжэнь Сюань свою работу об этих шести памятниках, видно из его произведений. Наконец,

он не назвал даже имени Дун Чжун-шу, который в 136 г. до н. э. первый свел И-цзин, Шу-цзин, Ши-цзин, Ли-цзи и Чуньцю в «Пятикнижие». А ведь именно с Дун Чжун-шу и началась история конфуцианства как системы политических, социальных, экономических, правовых, этических и натурфилософских взглядов. С Дун Чжун-шу, действовавшего под покровительством императора У-ди, конфуцианство стало идеологической основой государственного образования.

По «Юань дао» понятно, почему Хань Юй так отрицательно относился к прочим конфуцианцам: он считал, что они попали в плен идей или Лао-цзы, или Будды, или еще кого-либо, кого Хань Юй не признавал. Такая оценка исторически верна, так как для конфуцианцев средних веков, т. е. промежутка между временем Ханьской империи и временем Хань Юя, действительно характерно стремление к эклектизму*. Но рядом с этой эклектической линией находилась и ортодоксальная, к тому же официально покровительствуемая. Почему же Хань Юй игнорировал и ее?

Здесь не место подробно излагать историю и содержание этой линии конфуцианства. Достаточно сказать, что превращение конфуцианства в официальную доктрину государственной власти, в основу подготовки государственной бюрократии быстро превратило его из живого, развивающегося учения в мертвую догму, а преподавание наук на основе этой догмы выродилось в схоластику. Догма же и схоластика были для Хань Юя столь же ненавистны, как и нигилизм, анархизм и квиетизм Лао-цзы, как учение о «небытии» буддизма. Понятно поэтому, что Хань Юй обратился к «Древности», т. е. к самым истокам конфуцианства.

И все же считать, что он в своем обращении к древности имел в виду одно только конфуцианство, неправильно. Содержание его трактата свидетельствует, что от древности он воспринял далеко не одну конфуцианскую традицию. Так, например, он отрицательно отзывался о Мо Ди (479—381 гг. до н. э.), считая «Путь» последнего не тем, по которому должны идти блюстители подлинного «Пути» (раздел 3), но его собственное положение о «любви ко всем», хотел ли он этого или не хотел, очень близко соприкасается с положением Мо Ди о «любви к другим». Хань Юй совершенно не упоминает имени Гуан Чжуна (ум. в 645 г. до н. э.), но его слова о том, что народ состоит из четырех групп — правителей, земледельцев, ремесленников и торговцев (раздел 13), в точности воспроизводят краеугольный тезис всей социальной концепции Гуан Чжуна, а последний никогда не входил в орбиту конфуцианства.

С полной ясностью кругозор Хань Юя обрисован в его другом произведении — «О продвижении в учении». В нем в форме разговора с учениками — слушателями Высшей школы, в которой он тогда занимал должность профессора, Хань Юй очень точно перечислил то, что он нашел замечательного в древности (раздел 12).

Первая группа источников Хань Юя — та, которая «вверху», т. е. относится к глубокой древности, те же Шу-цзин, Ши-цзин, И-цзин, Чуньцю вместе с Цзо-чжуань, о которых он говорит и в «Юань дао» (раздел 12), — это канонические книги ортодоксального конфуцианства. Вторая группа — та, которая «внизу», т. е. относится к более поздней древности, никогда не имела отношения не только к ортодоксальному, но и вообще к конфуцианству: Чжуан-цзы вошел в список классиков даосской философии; приверженцем учения о так называемых «пяти первоэлементах», т. е. древней натурфилософии, был историк Сыма Цянь;

* Оценка, данная Хань Юем, вполне подтверждается современными историками идеологии в Китае. Из новейших работ см., например, Люй Чжэнь-юй. История политической мысли в Китае (呂振羽·中國政治思想史), ч. VII. Пекин, 1951.

Ян Сюн, о котором упоминается и в «Юань дао», только примыкает к конфуцианству; что же касается Цюй Юаня, автора поэмы «Лисао», и Сыма Сян-жу, то оба они — поэты, которых нельзя причислить ни к одной из древних философских школ. Но все перечисленные имена составляют гордость культуры древнего Китая, и Хань Юй не мог пройти мимо этих людей. Наконец, есть еще одно свидетельство, также исходящее от самого Хань Юя, которое окончательно устраняет суждение о его конфуцианской ограниченности и вместе с тем обрисовывает диапазон его «Древности». Устами того же слушателя он говорит о себе:

«Ваши уста не перестают произносить слова „Шести искусств“, Ваши руки не устают раскрывать сочинения „Ста писателей“. Когда Вы пишете что-либо, Вы неукоснительно выбираете самое важное в них; когда Вы сочиняете что-либо, Вы неизменно ухватываетесь за самое существенное в них».

«Шесть искусств» в данном случае — те же И-цзин, Ши-цзин, Шу-цзин и Чуньцю, о которых говорится и в «Юань дао», с добавлением к ним «Книги правил» (Ли-цзи), о которой также упоминается в «Юань дао», и еще одного древнего памятника — «Книги музыки» (Юэ-цзин), не вошедшей в конфуцианский канон в его окончательном (сунском) составе; но близкой к конфуцианской традиции. Таким образом, это все линии конфуцианства. Но «ста писателей» — совершенно вне конфуцианства. Под таким наименованием фигурируют в истории древнего Китая самые различные мыслители, писавшие по философским, политическим, экономическим, социальным вопросам, по вопросам военного искусства, сельского хозяйства, общественной морали, права и т. д. Эпоха этих «ста писателей» — V—III вв. до н. э. Именно в связи с их деятельностью, их спорами и сложилось выражение, характеризующее умственную жизнь их эпохи, выражение, вновь ожившее в последние годы в общественной жизни Народного Китая: эпоха «ста писателей» — время, когда «расцветали все цветы, состязались всякие учения».

Хань Юй, как он сам свидетельствует, усердно изучал сочинения этих писателей, многое заимствовал у них. Правильна та общая оценка им самого себя, которую он также вложил в уста обращающегося к нему слушателя: «Вы простираете свои поиски на все».

Таким образом, ясно, что древность для Хань Юя отнюдь не исчерпывалась только тем, что вошло в конфуцианскую традицию до него или было включено в эту традицию им самим. Поэтому его призыв к возвращению к древности не носил узкий, догматический характер. Это был призыв вернуться к древности во всем богатстве и многообразии ее культуры и мысли, призыв обратиться к этому древнему наследию и призвать к новой жизни из этого наследия то, что нужно для нового времени.

Выражение *фу гу* в китайском языке может в равной мере означать и «возврат к древности» и «возрождение древности»; следовательно, эпоха, знаменем которой стало это возрождение древности, есть эпоха Возрождения. Как изумился бы Вазари, первый, кто в XVI в. назвал эпоху гуманизма в Италии словом «возрождение» (имея в виду именно возрождение древности), если бы узнал, что за много веков до него таким же словом и в таком же смысле была обозначена эпоха гуманистического движения в далеком Китае.

ХАНЬ ЮЙ—ПРОФЕССОР

«Юань дао» — вовсе не отвлеченный философский трактат, если с философией обязательно ассоциировать «высокую» тему, мало доступную простым смертным, ассоциировать бесстрастность, «философское спокойствие», с которым эта тема разрабатывается. Каждое положение Хань Юя — стрела, с яростью запущенная в стан врага — даосов и буддистов. Когда призывают к тому, чтобы запретить эти учения, сжечь их книги, закрыть монастыри, разогнать монахов, — это уже не абстрактное рассуждение о высоких материях...

А в то же самое время император благоговейно принимал у себя во дворце священную реликвию, принесенную ему в дар буддистами далекой Индии, — кусочек кости пальца якобы самого основателя буддизма. Хань Юй, конечно, не мог стерпеть и разразился протестом — резким памфлетом «О кости Будды», написанным в форме послания к императору. «Подумайте, что Вы делаете? Ведь это — только кусочек сгнившей кости!», — кричал он. Скоро он вынужден был уехать на службу на далекую южную окраину, т. е. отправиться в ссылку.

Да, в годы жизни Хань Юя буддизм был еще во всей силе. Был достаточно силен даосизм. Обе религии боролись друг с другом за влияние, каждая искала и находила могущественных покровителей среди правящего класса, среди знати. Правда, некоторая часть этой знати, получившая конфуцианское, т. е. вполне светское, образование, довольно прописки взидала на эти распри. Но и эта часть не склонна была начать преследование этих религий. Правители феодального Китая не раз учиняли такое преследование. История буддийской церкви полна описаний «гонений за веру», но причиной подобных гонений обычно служило уже слишком большое скопление земельных и иных богатств в монастырях.

Каково же было положение Хань Юя в этой обстановке? Он слыл ученым, считался конфуцианцем, т. е. представителем светского образования. Государственное же управление строилось не на буддизме и даосизме: изначальная «чистота» одних и конечное «небытие» других мало что значили для управления государством; для этой цели были как нельзя более пригодными ясные, точные, чисто «земные» и деловые формулы, выработанные конфуцианством, т. е. той сферой идеологии, которая имела вполне светский характер и говорила о «правилах, музыке, наказаниях и управлении» — главных пружинах государственного механизма. Уже вскоре после укрепления Танской династии конфуцианец Кун Ин-да, по поручению правительства, составил основной фонд соответствующих знаний — издал в 640 г. «Пятикнижие в правильном освещении». Поэтому такими людьми, как Хань Юй, пренебрегать было нельзя. И применение ему нашлось: именно в сфере правительственной системы образования.

В столице Танской империи была Высшая школа (Да сюэ), которую вполне можно назвать университетом (так в средние века и стала именоваться высшая школа). Правда, китайский средневековый университет не состоял из нескольких факультетов, как университеты в средневековой Европе. Был в сущности один факультет — «политических, правовых и моральных наук». Хань Юй стал профессором этого университета, работа в котором и послужила основой для его произведения «О продвижении в учении» (Цзинь сюэ цзе).

«О ПРОДВИЖЕНИИ В УЧЕНИИ»

ХАНЬ ЮН

Профессор, придя рано утром в Университет¹, созвал студентов, поставил их у здания и, поучая их, сказал:

— В вашем деле вы утончаетесь при работе и грубеете при развлечении. В ваших действиях вы создаете себя при размышлении и разрушаете себя при рассеянии. Сейчас же у нас совершенные и мудрые встречаются друг с другом, орудия управления охватывают все. Удаляется все злое и ложное, выдвигается достойное и доброе. Даже тех, кто хорош лишь в чем-нибудь малом, и их вносят в служебные списки. Даже и с теми, кто известен лишь одним каким-нибудь искусством, и тут не бывает, чтобы им не нашли применения. Таких выскребают, вылавливают, выковыривают, откапывают отовсюду; соскабливают с них нечистоту и начищают их до блеска. Бывает, конечно, что кто-нибудь получает избрание и по счастливой случайности, но кто же скажет, что у нас человека со многими способностями не подняли? Студенты, вы в вашем деле огорчайтесь оттого, что оказываетесь не в состоянии стать тонкими умом, и не огорчайтесь оттого, что власти не разбираются в вас. В ваших действиях огорчайтесь оттого, что оказываетесь не в состоянии создать себя, и не огорчайтесь оттого, что власти несправедливы к вам.

Речь еще не была окончена, а в рядах слушавших нашелся один, который засмеялся. Он сказал:

— Профессор, вы нас обманываете! Мы, ваши ученики, служим вам уже целый год. Ваши уста не перестают возглашать слова «шесть искусств»², ваши руки не перестают раскрывать сочинения «ста писателей»³. Когда вы пишете что-либо, вы неукошительно выбираете самое важное у них; когда вы сочиняете что-либо, вы неукошительно ухватываетесь за самое существенное. Вы жаждете все большего, вы берете и крупное и мелкое, не отбрасывая ничего. Вы зажигаете лампу и с ней продолжаете день. Вы все время — в неустанных трудах и так проводите весь год. Таким образом, именно про ваше дело можно сказать: «Да, это — работа!».

Вы, как бык, бросаетесь на чуждые учения и отталкиваете их. Вы с метлой устремляетесь на Будду и Лао-цзы и отгоняете их. Вы восполняете недостающее и выпавшее в нашем учении. Вы простираете ваши поиски на все и ведете преемство из глубокой дали. Вы преграждаете течение сотням рек и направляете их к востоку⁴. Вы поворачиваете волны, уже готовые обрушиться. Про вас в конфуцианстве можно сказать: «Да, это — труд!».

Сочинения, которые вы создали — погружаясь в крепкое вино, и пропитываясь им, поглощая прекрасное, вкушая цветущее — такие сочинения заполняют ваш дом. Вверху для вас образцами служат неистощаемость

¹ Считаю возможным употреблять слова «профессор» и «университет», так как эти термины возникли и у нас в средние века как названия высшего учебного заведения и его преподавателей.

² «Шесть искусств» в данном случае — шесть древних сочинений, вошедших в большой конфуцианский канон: «И-цзин» (Книга перемен), «Ши-цзин» (Книга песен), «Шу-цзин» (Книга истории), «Юэ-цзин» (Книга музыки), «Ли-цзи» (Правила), «Чунь-цзо» (Летопись).

³ «Сто писателей» — различные мыслители и деятели V—III вв. до н. э., эпохи расцвета общественной мысли в древнем Китае, — писавшие по вопросам экономики, политики, социального устройства, законодательства и права, морали, военного искусства и т. д.

⁴ Все реки Китая текут к востоку — по направлению к Тихому океану, поэтому течение реки на запад считается неестественным и чуждым природе Китая.

и безграничность Шуня и Юя⁵, твердость и жестокость Чжоуских указов, указов Иньского Пань-гэна⁶, почтительность и строгость «Чуньцзо», легкость и безудержность «Цзо-чжуань»⁷, необыкновенность и закономерность «И-цзина», правда и красота «Ши-цзина». Внизу вы доходите до «Чжуан-цзы» и «Лисао», до писаний Сыма Цяня, до Ян Сюна и Сыма Сян-жу⁸. Мастерство у вас — то же, что и у них, но ход мысли у вас — другой. Про вас в литературе можно сказать: «В содержании своих сочинений вы охватываете все! С их формой вы делаете все, что хотите!».

Вы стали познавать науку еще в юности. В своих смелых поступках вы обнаружили мужество. Когда вы выросли, вы постигли правильное. Поворачивались налево, поворачивались направо — и это всегда было у вас так, как должно. Про вас — как человека — можно сказать: «Да, он себя создал!».

Но... в окружающем обществе вы не приобрели доверия людей. В личной жизни вы не имеете поддержки друзей. Делаете шаг вперед — натыкаетесь, ступите назад — спотыкаетесь. Вас то и дело обвиняли в чем-нибудь. Одно время вы были даже на посту Юйши⁹, но в конце концов попали в ссылку к южным варварам. Вы три раза становились профессором — с пустым званием; а чтобы управлять чем-либо — этого вы не ведали. Ваша судьба действовала в сговоре с вашими врагами. Сколько раз вы претерпевали поражения? Зима бывала теплой, а дети ваши кричали от холода. Год бывал хорошим, а жена ваша плакала от голода. Голова ваша облысела, зубы повыпали. В конце концов вы умрете, и какая будет от всего этого польза? И вот вы не сознаете, что вам именно об этом следует думать. Вы же, наоборот, еще поучаете других!

Профессор проговорил:

— О сынок, подойти-ка сюда!

Слушай! Из большого дерева делают балки. Из тонкого дерева делают планки. Брусья, подпорки, притолоки, пороги, засовы — все это обретает свое назначение, и так строится дом... Это — искусство плотника.

Истолченная яшма, порошок киновари, красный бамбук, синий гриб, коровья моча, кожа продырявленного барабана...¹⁰ Все это собирать, сберегать и ждать, когда можно пустить в ход, ничего не оставлять... Это — умение врача.

Понимать, кого выдвигать; быть беспристрастным в выборе, продвигать вперед и умеющих что-либо и не умеющих, в обширных способностях видеть красоту, в больших талантах видеть героическое, разбираться в недостатках, оценивать достоинства и использовать людей только по их способностям... Это образ действий министра.

⁵ Имеются в виду памятники древнего законодательства, связываемые с именами легендарных правителей глубокой древности — Яо, Шуня и Юя (III тысячелетие до н. э.): «Уложение Яо», якобы записанное при его преемнике Шуне, «Уложение Шуня», якобы записанное при его преемнике Юе, и «Законы Юя». Все эти материалы содержатся в Шу-цзине.

⁶ Пань-гэн (1401—1373 гг. до н. э.) — один из правителей древней династии Инь (Шан). Чжоу — название династии и царства, по традиционной хронологии, с 1122 г. до н. э. сменившего павшее царство Инь.

⁷ Цзо-чжуань — произведение, относящееся к более позднему периоду, чем Чуньцзо, и считающееся распространенным комментарием к последнему.

⁸ Чжуан-цзы (369—286) — один из главных представителей древнего философского даосизма, а также наименование сочинения, содержащего, как считают, учение этого мыслителя. «Лисао» — поэма, главное произведение поэта Цюй Юаня (343—290 гг. до н. э.). Ян Сюн (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.) — философ и поэт. Сыма Сян-жу (179—117 г.) — поэт.

⁹ Одна из судебных должностей.

¹⁰ Перечислены принадлежности средневековой китайской фармакопеи.

Некогда Мэн-цзы¹¹ любил спорить, и благодаря ему путь Конфуция стал ясным. И что же? Колеса от его колесницы обвели всю Поднебесную и кончил он тем, что в постоянных поездках и состарился. Сюнь-цзы¹² хранил правильное учение и его рассуждения разносились всюду. И что же? От клеветы он бежал в Чу и умер в Лапьяне в полном упадке. А эти два конфуцианца... Выговаривали они слово, и сказанное ими становилось каноном. Поднимали они ногу, и шаг их делался образцом. Они были совсем другие, чем все; они далеко отошли от обычных людей; они в своем превосходстве вошли в пределы, где Совершенные. А как обошелся с ними свет?

Твой же профессор в науке усерден, но преемства от них не принял. Слов у него много, но они не передают главного в учении тех. Писания его необыкновенны, но ни на что не годны. Действия его правильны, но они никому не видны. И все же каждый месяц он тратит получаемое жалованье, каждый год потребляет получаемое зерно¹³. Дети его не знают, что такое пахота; жена его не знает, что такое тканье. Разъезжает он в колеснице, его сопровождают слуги; дома он спокойно сидит и ест. Он идет по обычной дороге и трудится. Заглядывает в старые книги и крадет оттуда... И государь его не наказывает. Министр его не гонит. Ну, разве он не счастливее? Когда человек действует, он в ответ встречает клевету, и это влияет на его доброе имя. Твой профессор предоставлен праздности, оставлен без дела. Что же? Для его участи так и должно!

Если бы я стал считать, что из имущества у меня есть и чего нет; стал измерять, высок ли в чинах и жалованьем или низок; если бы я позабыл, чего сам заслуживаю по своим качествам, стал бы показывать пальцем на недостатки стоящих передо мной, это было бы все равно, что укорять плотника за то, что тот из кола не делает балки, что корить врача за то, что тот удлиняет твои годы лекарством из ирисов, и желать, чтобы он дал тебе ядовитое средство!

...ТОЛЬКО ПРОФЕССОР

«О продвижении в учении» написано в 812 г. Хань Юю было тогда 45 лет. Это был возраст наибольших возможностей свершения. За спиной у него были долгие годы учения, службы, разнообразного опыта. Накоплены были огромные знания. Но он имел при этом и свои собственные взгляды на человека, общество, государство и жаждал деятельности, которая открыла бы ему возможность провести свои взгляды в жизнь. Но ходу ему не давали. Он — как старый, одряхлевший волк: впереди у этого волка низко отвисший от старческой дряблости кожи подгрудок, сзади — облезший, повисший хвост; шагнет этот волк вперед — наткнется на свой же подгрудок, ступит назад — споткнется на собственный хвост... Такими словами Ши-цзинна характеризует Хань Юй самого себя в этом своем произведении (раздел 2).

Странное и любопытное это произведение! В нем пафос и уныние, гордость и горечь, недовольство и смирение. Начинается «О продвижении в учении» обращением к студентам. Стандартные призывы учиться. Судя по этому произведению, подобная унылая дидактика была чем-то вроде «неотчуждаемой принадлежности» профессорского звания чуть ли не всех

¹¹ Мэн-цзы (372—289 гг. до н. э.) — выдающийся мыслитель древнего Китая, считающийся продолжателем учения и дела Конфуция.

¹² Сюнь-цзы (298—238 гг. до н. э.) — один из древних мыслителей, примыкавших к школе Конфуция.

¹³ В то время лица, находившиеся на государственной службе, получали денежное жалованье и продовольственный паек.

времен. И аргументация — соответствующая. Студенты во времена Хань Юя поступали в университет, чтобы потом получить выгодное назначение. И Хань Юй говорит им: «Посмотрите вокруг себя! Какие времена! Ни один, даже самый скромный, талант не останется незамеченным. Всякая, даже самая мелкая, способность учитывается. Даже и для неспособных работа будет. Только старайтесь, учитесь!» Вполне благонамеренная речь. Но это — только внешние. По сути же дела — издевательство и обвинительный акт правительству.

Хань Юй прибегает к особому литературному приему: он строит свое произведение в форме диалога профессора со студентом и заставляет студента опровергать доводы своего профессора, обращая его же аргументы против него самого. «Вы говорите, что у нас в наше время всякому таланту ход. А Вы сами? Разве Вы не талант? Вы говорите, что нужно только старательно учиться. Вы ли не учились всю жизнь! Вы ли не превзошли все науки! Вы ли не сражались за свои убеждения! И что же? Делаете шаг вперед — натыкаетесь, ступите назад — спотыкаетесь. Ничего у Вас не получилось. А Вы еще поучаете других!», — так устами студента изливает свою горечь Хань Юй.

Остается искать в чем-нибудь утешение. И Хань Юй находит. Одно — пролическое, другое — как будто бы реальное. Утешение горькое, пролическое: что же, разве я не живу более или менее обеспеченной жизнью? Получаю жалованье, паек. Мне даже предоставлена колесница. Даны слуги. Чего же мне еще? Хоть и бывает, что мои дети плачут от холода, а жена — от голода, все же дети не вынуждены сами пахать, жена — тканье. Разве я не счастливее?

Утешение реальное: так всегда было! Со всеми выдающимися людьми. Вспомните Мэн-цзы, Сюнь-цзы! Уж они ли не великие? А какова была их судьба? Мэн-цзы всю жизнь провел в скитаниях по стране, ища, чтобы кто-нибудь из князей оценил его государственные таланты и дал бы ему власть провести свои замыслы в жизнь. Скитался всю жизнь и в скитаниях бесславно умер. А другому — Сюнь-цзы — пришлось даже спасаться бегством... Он как-будто бы стал добиваться своего, но, как полагается, нашлись завистники и пустили в ход обычное средство — клевету. И если такова была судьба тех, подлинно великих, то на что же мне, Хань Юю, жаловаться?

На первый взгляд горечь Хань Юя непонятна. Разве он не был профессором и не мог излагать свои взгляды ученикам? Правда, его за эти взгляды два раза прогоняли, но все же потом принимали обратно.

Вот тут-то и раскрывается истинная природа этого первого гуманиста в Китае. Он профессор, но... только профессор. Профессор же для него — «пустое звание». «Пустое» в том смысле, что оно не соединено с властью, с правом и возможностью управлять. Он же, как когда-то и Мэн-цзы, перед которым он особенно преклонялся, хотел действовать, управлять. Он хотел преобразовать свое общество, свое государство в духе исповедуемых им принципов гуманизма. И этого-то ему не дали. Отсюда и вся горечь этого неумного, кипящего инициативой человека.

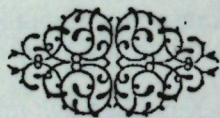
Только Хань Юй был неправ. Его личная судьба, может быть, действительно, сложилась не так, как ему бы хотелось, «действовала в сговоре с его врагами». Но он был далеко не один. Рядом с ним был Лю Цзун-юань. Формула гуманизма была создана ими, но ветер гуманизма уже давно веял над китайской землей. К их времени дух гуманизма уже прочно вошел в поэзию. Два гиганта — Ли Бо (701—762) и Ду Фу (713—771) — первые поэты-гуманисты Китая — уже властвовали над умами и сердцами. В годы жизни Хань Юя (768—823) работал третий великий поэт-гуманист Китая — Бо Цзюй-и (772—846), чрезвычайно расширив

ший диапазон гуманизма и орбиту его влияния. При жизни Хань Юя расцвела художественная проза: появился новый для истории литературы Китая жанр — художественно-литературная новелла. Творчеством ее главных создателей — Юань Чжэня (779—831), Бо Синь-цзяня (775—826) и других — руководил тот же подлинно гуманистический дух. Художники писали картины, считая, что их задача — изображать человека, и изображать, как это сделал Хань Хуан (конец VIII в.) в своей знаменитой картине «Сад литературы», не только внешний облик, но и внутреннюю жизнь. Хань Юй мог чувствовать горечь за себя, но мог бы испытывать радость, видя, как набирают силы — не в правительственных сферах, конечно, а в обществе — дорогие ему идеи.

Таково было начало китайского гуманизма.

SUMMARY

The specific nature of development of philosophical thought in China during the reign of the Tang dynasty, and, later, under the Sung dynasty, along with the specific features of social publicist literature and artistic literature of those days, led the author to the conclusion that the period in question could be defined as a specific era of Humanism and Renaissance in China's cultural history in the same historic sense as these two concepts are understood in the history of Western Europe. In his work the author analyses only the first stage in the development of Chinese Humanism, and he sees in the well-known productions of Han Yui («Yuan Tao» and «Chin sueh-tse») a declaration of the basic principles of both Humanism and the Renaissance.

С О О Б Щ Е Н И Я

РАЗВИТИЕ ИНДИЙСКОГО ТКАЧЕСТВА

(До проникновения в Индию европейцев)

Л. В. АЛАЕВ

Изучение экономики Индии накануне колониальных захватов пока еще не привело к единству взглядов советских индологов на основные аспекты этой проблемы. Преобладает представление, что к XVII — XVIII вв. в индийской экономике уже возникли некоторые условия для перехода к позднему феодализму. Индологи, разделяющие подобные взгляды, считают, что в это время в индийском ремесле сложилось относительно развитое мелкотоварное производство, на основе которого в промыслах sporadически появились элементы капитализма. Иной точки зрения придерживается д-р ист. наук К. А. Антонова. Так, в своей монографии об Индии XVI в. она писала: «Ткач-кустарь ткал у себя дома; если было нужно, члены его семьи пряли, и при изготовлении набивных тканей он сам производил набойку. Самое же главное заключается в том, что даже такой домашний промысел в Индии насаждался лишь европейскими компаниями, т. е. извне, а не зародился сам, изнутри, в естественном ходе развития индийского общества»¹. Таких категорических утверждений избегал даже Морленд, который всерьез старался представить роль англичан в Индии в наиболее выгодном для них свете. Напомним, что Маркс относил начало «созидательной работы» англичан в Индии к середине XIX в.² Что же касается ремесла, то Маркс отмечает лишь его разрушение колонизаторами.

Мы располагаем очень немногими прямыми свидетельствами об экономической организации ремесла в Индии до появления европейцев и даже в период их проникновения. Средневековые индийские источники вообще очень скудно освещают производственные отношения, особенно такие, которые их авторам кажутся само собой разумеющимися; точно так же для европейских путешественников простое товарное хозяйство с системой скупки и авансов было обычным явлением, и поэтому они лишь случайно упоминают о конкретных формах этой системы.

Тем не менее, сопоставляя некоторые данные и не рассматривая во всем его объеме вопрос об уровне развития Индии к началу нового времени, мы попытаемся дать краткий очерк развития ткачества в Индии и подчинения его торговым капиталом. Как в Европе, так и в Азии ткачество «было первым видом труда, получившим благодаря расширению сношений толчок к дальнейшему развитию. Ткачество было первой из мануфактур и оставалось главной из них»³. В Индии же оно играло особенно важную роль. «Ручной ткацкий станок и ручная прялка, породившие бесчисленную армию при-

¹ К. А. Антонова. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605). М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 139. См. также ее предисловие к «Истории Индии» Н. К. Синха и А. Ч. Баперджи (М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954).

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I. М., 1955, стр. 311—312.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 55.

дильщиков и ткачей, были главными стержнями в структуре индийского общества⁴.

Маркс в «Капитале» писал: «Первобытные мелкие индийские общины, сохранившись частью и до сих пор, покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившемся разделении труда, которое при основании каждой новой общины дает готовый план и схему производства»⁵. Из этих трех отличительных черт восточной общины самым важным было непосредственное соединение земледелия с ремеслом в форме домашней промышленности. «Эти организованные по-семейному общины зиждились на домашней промышленности, на своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли — комбинации, которая придавала им самодовлеющий характер»⁶.

Итак, ткачество было вторым занятием каждого земледельца, который обеспечивал одеждой себя и свою семью⁷. Почти повсеместное возделывание в Индии хлопчатника позволяло крестьянину иметь свое сырье или прикупать его неподалеку на местных рынках. Очистка хлопка и приготовление пряжи были обязанностью женщин. В некоторых дарственных грамотах первого тысячелетия н. э. из Южной Индии в числе прочих налогов с деревни упоминаются налоги с ткацких станков⁸. В 1072 г. отсталые племена горцев в качестве поземельного налога отдавали князю кусок холста с каждых 1500 кули земли⁹.

В XI в. в индийском обществе имелись профессиональные ткачи, жившие в городе, но их было немного и их касты считались неприкасаемыми¹⁰. Это можно объяснить тем, что такие касты возникали исключительно в процессе обслуживания ткачами феодалов и потому члены этих ремесленных каст с самого начала были полностью подчинены своим господам.

Кузнецы, плотники, гончары и другие общинные ремесленники, специализируясь в своем занятии, продолжали оставаться органической частью общины. В отличие от них ткачи становились независимыми от общины и организовывались в самостоятельные корпорации — шрени¹¹, вступающие в товарные отношения с земледельческими общинами. Кастовые предрассудки (ремесленный труд считался более низким занятием, чем земледельческий) мешали выделению ткачества, но не могли остановить этот процесс. Отношение к ткачу — в недавнем прошлом земледельцу — было все же иным, чем к городскому ткачу-неприкасаемому. Переход части общинников к занятию ткачеством, особенно усилившийся в XV—XVII вв., привел к повышению самого социального статуса ткацкого ремесла. Форбс в конце XVIII в. писал: «Индусский ткач не является презренным по касте; он по своему положению идет вслед за писцом и считается выше всех ремесленников»¹². Другие ремесленники, а также неприкасаемые

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I. М., 1955, стр. 306.

⁵ К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1951, стр. 364.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, стр. 308.

⁷ См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 365.

⁸ «Epigraphia Indica», vol. XV, p. 170; A. Appadorai. Economic conditions in Southern India (1000—1500 A. D.), vol. I. Madras, 1936, p. 270; K. M. Gupta. The land-system in South India (800—1200 A. D.). Lahore, 1933, p. 174.

⁹ См. К. М. Gupta. Указ. соч., стр. 213. Кули — мелкая единица площади, равная, например, в Танджуре 0,0013 га.

¹⁰ «Alberuni's India», transl. and ed. by E. Sachau, vol. I. London, 1888, p. 101.

¹¹ Нам известен лишь один случай, когда ткачи имели в общине те же права, что и прочие ремесленники. Это деревни кандхов в Ориссе. W. W. Hunter. Orissa, vol. II. London, 1872, p. 87. Но у кандхов ремесленники — элемент пришлый из других, более развитых районов. Кандхи разрешают ремесленникам поселиться в их деревнях, так как у них самих ремесла нет, и они поэтому считают его не подобающим для себя занятием (там же, стр. 210—211).

¹² J. Forbes. Oriental memoirs selected and abridged from letters written during seventeen years residence in India, vol. III. London, 1813, p. 52.

жили обычно в отдельных поселках или кварталах (черри), ткачам же, наряду с мирасдарами, брахманами и купцами, разрешалось селиться в той части деревни (паттам), где жили только члены «чистых» каст¹³. Упоминания о поселках ткачей встречаются в надписях уже в X—XII вв. Эти данные свидетельствуют о том, что процесс отделения ткачества начался в это время¹⁴. Но, создавая свои поселения, ткачи не сразу порывали с общиной. Так, в XV в. на территории округа Южный Аркот еще сохранилась широкая община-марка, включавшая до ста деревень, — наду (букв. — «область»). Общими делами наду руководил совет — наттар (букв. «жители наду»). В надписях XV в. наряду с наттаром упоминается другой орган — тантиримар, который, судя по названию, был организацией ткачей¹⁵. Тантиримары вместе с наттарами собирали налоги с некоторых общинных¹⁶ и даже храмовых земель¹⁷, а также дарили храмам общинные земли¹⁸ и даже целые деревни¹⁹. Тантиримар в это время был уже независимой от марки организацией, которая вместе с тем сохраняла еще некоторые права на пустоши и на обработанные земли общины.

Значительно позднее ткачи окончательно порывают с общиной. Примером самостоятельной ткацкой организации является каста кайкколов. Она делилась на 72 наду, каждая из которых в свою очередь состояла из поселений ткачей. Четыре наду были главными по отношению к остальным и подчинялись «главной наду» в Канчипураме (Кондживере) — 20. Наследственный старшина главной наду (маханаттан) являлся главой всей касты. Основная его обязанность состояла в наблюдении, личном или через своих представителей, за кастовыми делами в поселениях. Каждое подразделение касты имело своего наследственного старшину²¹.

Эти ткацкие корпорации, которые мы застаем в XIX в. в виде каст, напоминают европейские цехи как по существу (вид общественного разделения труда)²², так и по форме, заимствованной в обоих случаях у земледельческой общины²³. Но если цехо-

¹³ «Minutes of evidence taken before the Select Committee of the affairs of the East, India Company», vol. III, Revenue, London, 1832. Appendix, p. 423.

¹⁴ «Madras epigraphist's report (South Indian Epigraphy; в дальнейшем — MER)», 1910, p. 30, № 318 (док. 1485 г.); MER, 1911, p. 27, № 258; MER, 1929/30, p. 22, № 207 (док. 1454 г.); «Annual report of the Mysore archaeological department (в дальнейшем — ARM)», 1923, p. 103.

¹⁵ Это название происходит от санскр. tandra — ткацкий станок. G. C. Whitworth. An Anglo-Indian dictionary. London, 1885, p. 311—312.

¹⁶ MER, 1928/29, p. 24, № 211, 212 (док. 1439 и 1463 гг.).

¹⁷ MER, 1916, p. 140, № 230 (док. 1443 г.); MER, 1928/29, p. 24, № 215 (док. 1443 г.).

¹⁸ MER, 1928/29, p. 29, № 261 (док. 1455 г.).

¹⁹ MER, 1913, p. 73, № 30 (док. 1429 г.).

²⁰ Канчипурам издавна был одним из главных центров ткачества. См. MER, 1911, p. 24, № 228.

²¹ E. Thurston. Castes and tribes of Southern India, vol. III. Madras, 1909, p. 33—36.

²² См. К. Маркс [и] Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 38; К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 346—347.

²³ Есть определенное сходство между индийскими шрени и средневековыми европейскими цехами. Шрени создавалась постепенно и в связи с этим в нее в течение некоторого времени разрешался доступ людей различных джати (каст). В доказательство можно привести два отрывка из Миташкары, сборника XI в.: «śreṇayaḥ nānājātīnām eka-jātīnām apyeka-jātīya karmopajīvinām saṅghātāḥ», т. е. «шрени — это группы (людей) из разных каст или из одной касты, зарабатывающих на жизнь одинаковым занятием», и «ekapajāvācīlporajīvināḥ śreṇayaḥ», т. е. «шрени, добывающие пропитание каким-либо одним видом ремесла или торговли». Yājñavalkya-smṛti or the institutes of Yājñavalkya with the commentary Mitakshara of Vijñāneshvara. Bombay, 1892, p. 131, 232. Более поздние сведения о существовании шрени, включавших представителей разных каст со вступительными взносами и выборными должностями в Ахмадабаде, сообщаются в «Gazetteer of the Bombay Presidency», vol. IV. Bombay, 1879, p. 106—114 и в книге

вая организация являлась «приложением устройства общины-марки, но уже к ремесленным привилегиям, а не к определенной территории»²⁴, то в Индии ремесленная каста продолжала быть связанной, как мы видели, с определенной, довольно широкой территорией.

Устойчивость территориальных связей касты объясняется тем, что ткачи, даже создав касту — шреши, продолжали жить в прежней деревне или во вновь образованном ткацком поселении и очень медленно сосредоточивались в городах²⁵. Город находился во власти феодала, от переселения туда ремесленник не мог ожидать улучшения своего положения, что, в частности, объясняет нам, почему долго сохранялись рассеянные ремесленные поселения.

Другой причиной прочности территориальных связей касты является сохранение за ткачами их наследственных участков, а иногда также некоторых прав на альмонду. Многие надписи свидетельствуют, что кайкколы длительное время имели значительные земельные владения²⁶ и много скота²⁷. Правда, есть данные, что они не работали на своих землях, а сдавали их в аренду²⁸, а в одной грамоте кайкколы, наряду с купцами, названы землевладельцами, «не употребляющими своего плуга»²⁹. Тем не менее спрос на ткани в те времена, видимо, был непостоянным, особенно на внутреннем рынке, и ткачи стремились приобрести землю. Разбогатевшие ткачи вкладывали свои средства чаще всего именно в покупку земли³⁰. Поэтому к индийскому ткачу, как и к европейскому ремесленнику, применимы слова Энгельса: «Он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород и сад, но очень часто клочок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и т. д.»³¹

Несмотря на сохранение связи ремесленников с земледелием, отношения между ремесленными и сельскохозяйственными поселениями были товарными. Это подтверждается данными о внутренней торговле. В ней, в отличие от внешней, преобладали не дорогие портативные товары, а объемистые, сравнительно дешевые и пользовавшиеся широким спросом (рис, соль, пшеница, ткани, арека, перец)³². Обмен таких товаров обычно происходил внутри небольшого района, тяготевшего к какому-нибудь городу или крупному селу, в котором был базар.

Наиболее ранние упоминания о еженедельных базарах относятся к Танджур периода государства Чола (X—XII вв.)³³. В XIV и последующих веках такие упоминания становятся настолько частыми, что еженедельные базары в большинстве районов юга следует считать твердо установившейся практикой³⁴. В 1569 г. в деревне

G. Birdwood. *Industrial arts of India*. London, 1884, p. 153—154. Впоследствии шреши, как и цехи, но в гораздо более сильной степени, замкнулись, окостенели и превратились в касты.

²⁴ Ф. Энгельс. Дополнения к III тому «Капитала». «Капитал», т. III, М., 1953, стр. 914.

²⁵ T. Bowrey. *A geographical account of the countries round the Bay of Bengal*. Cambridge, 1905, p. 72; W. H. Moreland. *Relations of Golconda in the early seventeenth century*. London, 1931, p. 63, 90; J. H. Moore. *A new complete collection of voyages and travels*, vol. II. London, 1780, p. 875.

²⁶ MER, 1921, p. 98, № 39; MER, 1928/29, p. 30, № 285; T. V. Mahalingam. Указ. соч., стр. 54 (док. 1430/31 г.); MER, 1926, p. 39, № 69 (док. 1121 г.).

²⁷ A. Appadorai. Указ. соч., т. I, стр. 374—375 (док. 1370 г.).

²⁸ MER, 1927, p. 16, № 599; MER, 1922, p. 27, № 344 (док. 1563 г.).

²⁹ MER, 1916, p. 142, № 140 (док. 1522 г.).

³⁰ MER, 1910, p. 36, № 394; MER, 1928/29, p. 39, № 407 (док. 1383 г.); MER, 1912, p. 29, № 356 (док. 1404 г.).

³¹ Ф. Энгельс. Дополнения к III тому «Капитала». «Капитал», т. III, стр. 911.

³² MER, 1910, p. 43, № 490; MER, 1914, p. 26, № 223; MER, 1932/33, p. 70 (док. 1376 г.); A. Appadorai. Указ. соч., стр. 387 (док. 1181 г.).

³³ MER, 1911, p. 68, № 321; K. M. Gupta. Указ. соч., стр. 80.

³⁴ A. Appadorai. Указ. соч., стр. 415—416 (док. 1362 г.); V. Rangacharya. *A topographical list of the inscriptions of the Madras Presidency*, vol. II. Madras, 1919, p. 1124

Тируваннамалай в Северном Аркоте базарными были два дня в неделю³⁵, а в одном из городков Гуджарата в начале XVII в. «каждую неделю бывает три базара, на которых продается много индиго, сырого хлопка, пряжи и тканей»³⁶. В конце XVIII в. Форбс писал, что «в большинстве городов и значительных деревень имеются еженедельные базары, на которые жители близлежащих селений приносят свои продукты для продажи или обмена»³⁷.

В одной из надписей XIV в. перечисляются (в районе современного Чингалата) пошлины на ткани, отправляемые из поселка кайкколов в соседний город, и на закупаемые ими товары, в частности на рис³⁸. В начале XVII в. Джозеф Салбанк наблюдал такую же картину в противоположном конце Индии — в пенджабской деревне Сакар, население которой состояло главным образом из ткачей, снабжавших тканями прилегающие области³⁹.

Специализация отдельных районов в какой-либо отрасли ремесленного производства или на какой-нибудь культуре способствовала распространению обмена за рамками местных рынков. В источниках XII и последующих веков появляются упоминания о караванах вьючных волов, на которых торговцы развозили товары по деревням⁴⁰. Китайский источник сообщает, что в XIII в. из Мальвы «ежегодно посылается в другие области для обмена 2 тыс. или больше буйволов, нагруженных хлопчатобумажными тканями»⁴¹.

В XV—XVI вв. индийское ткачество переживало подъем, который был подготовлен развитием производительных сил и процессом разделения труда, но непосредственно был вызван ростом спроса на внешних рынках. Это вызвало массовый переход к ткачеству новых групп крестьян, которые еще не сложились в касты-шреши. Поэтому в XVIII—XIX вв. среди ткачей, особенно в наиболее развитых районах, встречаются члены каст земледельцев⁴². Многочисленное ткацкое население, возникшее в некоторых районах побережья, нуждалось в привозных продуктах питания. Следовательно, расширение внешней торговли влияло на всю экономику Индии, вызывая товаризацию хозяйства.

Важным районом ткачества был Гуджарат. Большинство его населения в начале нового времени было занято выращиванием и обработкой хлопка. Ткани вывозились в Африку, Аравию, Персию, на Яву⁴³. Причем развитие гуджаратского ткачества началось задолго до появления европейцев. Еще в китайском торговом руководстве XII—XIII вв. среди товаров Гуджарата упоминаются «хлопчатобумажные ткани всех цветов»⁴⁴. В этой связи интересно, что Ахмадабад, один из центров ткачества в Гуджарате, был основан в 1417 г.⁴⁵

(док. 1364 г.); «Mysore Gazetteers», vol. II. Madras, 1930, p. 1520 (док. 1382 г.); ARM, 1925, p. 82 (док. 1418 г.); MER, 1932/33, p. 26, № 193 (док. 1455 г.); MER, 1922, № 679 (док. 1534 г.); MER, 1912, p. 52, № 70 (док. 1538 г.); MER, 1934, p. 21, № 158 (док. 1543 г.); MER, 1932/33, p. 36, № 282 (док. 1574 г.).

³⁵ MER, 1928/29, p. 41, № 427.

³⁶ S. Purchas. *His pilgrimes*, vol. III. Glasgow, 1905, p. 84.

³⁷ J. Forbes. Указ. соч., т. I, стр. 195.

³⁸ MER, 1932/33, p. 24, № 170 (док. 1374 г.).

³⁹ S. Purchas. Указ. соч., т. III, стр. 85.

⁴⁰ A. Appadorai. Указ. соч., т. I, стр. 324, 412.

⁴¹ Chau Ju-kua. *His work on the chinese and Arab trade in the 12 th and 13 th Centuries*, entitled Chu-Fan-chi. St.-Petersburg, 1911, p. 93.

⁴² См., например, M. Martin. *The history, antiquities, topography and statistics of Eastern India*, vol. II. London, 1832, p. 975.

⁴³ F. Pelsaert. *Remonstrantie*. London, 1925, p. 43; J. Forbes. Указ. соч., т. II, стр. 501—502.

⁴⁴ Chau Ju - kua. Указ. соч., стр. 92.

⁴⁵ C. E. Bayley. *The local Muhammadan dynasties. Gujarat*. London, 1886, p. 90.

Другим значительным районом производства тканей на внешний рынок был Коромандельский берег с центром в Масулипатаме⁴⁶. Местные ткани посылались не только морем в страны Юго-Восточной Азии, но и по суше через Лахор в Иран. Пельсарт, посетивший Индию в XVII в., отмечал, что торговля по суше почти прекратилась⁴⁷. Ремесленное население побережья потребляло хлеб, доставляемый из внутренних районов. «На этом берегу есть красивая река (Кришна. — Л. А.); по ней перевозится соль, которая добывается в областях Малипатнама и Низапатама (Масулипатам и Низапатам. — Л. А.) и приносит значительные прибыли, если ее перевезти вглубь материка, а на обратном пути везти зерно»⁴⁸. Как и Гуджарат, Коромандель славился тканями еще в XII в.⁴⁹. Уже в 1585 г., т. е. до появления здесь европейских факторий, Масулипатам был важным торговым центром, куда заходили суда из Бирмы, Суматры и Западной Индии⁵⁰.

На юге центром хлопчатобумажного и шелкового производства был Коимбатур. Местные ткани вывозились китайцами еще в XV в.⁵¹, а также, возможно, потреблялись на Малабаре, где индийские купцы распределяли их среди крестьян в качестве натурального аванса под урожай пряностей⁵².

Морленд, подводя итоги своего изучения состояния индийского ремесла до проникновения европейцев, отмечал, что ткацкая промышленность в прибрежных районах развивалась, снабжая тканями азиатский рынок, и «европейские купцы должны были приспособиться к тому положению, которое они застали»⁵³. Таким образом, можно считать несомненным, что в Индии уже с XIV—XV вв., если не раньше, получило широкое распространение простое товарное хозяйство ткачей, все больше обособлявшееся от земледелия. Между простым товарным хозяйством ткача и рынком неизбежно возникает купец-скупщик. Ремесленник вынужден был прибегать к посредничеству скупщика, так как при преобладании натурального хозяйства он не мог быть уверен, что найдет достаточно емкий рынок для своих изделий.

В XVII в. на Короманделе скупкой занимались купцы из касты комати. Они «сами или их слуги ездят по деревням, собирая коленкор у ткачей, а также другие товары, которые они затем перепродают большими тучами в портовых городах иностранным купцам на деньги или обменивают на товары»⁵⁴.

Чтобы закрепить за собой изделия ремесленника и получить их по минимально низкой цене, купец нередко переходил от скупки готовых товаров к авансированию под еще не готовую продукцию. Ткачи шли на это, так как часто сами не имели достаточно средств для закупки сырья и продовольствия, а аванс давал им известную гарантию более или менее длительной работы с обеспеченным сбытом. Многочисленные примеры авансирования производителей в Бенгалии и Майсуре в конце XVIII — начале XIX в. содержатся в капитальных отчетах Бьюкенена. Отдельные примеры приведены в статье Э. Н. Комарова и В. Я. Граше «Некоторые данные об общественном разделении труда и экономической организации ремесла в Индии на рубеже XVIII и XIX веков»⁵⁵. Мы постараемся показать, что эта система существовала значительно раньше.

⁴⁶ T. Bowrey. Указ. соч., стр. 72; W. H. Moreland. Указ. соч., стр. 63; J. Olafsson. Life and travels, vol. II. London, 1932, p. 458.

⁴⁷ F. Pelsaert. Указ. соч., стр. 30.

⁴⁸ W. H. Moreland. Указ. соч., стр. 68.

⁴⁹ Chau Ju-kua. Указ. соч., стр. 96.

⁵⁰ S. Purchas. Указ. соч., т. X, стр. 172.

⁵¹ G. Phillips. Mahuan's account of Cochin, Calicut and Aden. «Journal of the Royal Asiatic Society» (JRAS), 1896, p. 343.

⁵² «The book of Duarte Barbosa», vol. II. London, 1921, p. 56.

⁵³ W. H. Moreland. From Akbar to Aurangzeb. London, 1923, p. 134.

⁵⁴ W. H. Moreland. Relations..., p. 162.

⁵⁵ «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», вып. XV. М., 1955, стр. 3—20.

В Индии в XVI—XVIII вв. было несколько богатейших купцов⁵⁶. Иногда они стояли во главе сильных купеческих корпораций, которые так же, как и объединения ремесленников, назывались «шрени» и основывались на взаимном кредите, подчинении мелких купцов крупным и скреплялись кастовыми связями. Крупнейшими корпорациями такого рода были четти, вианари, бринджари. Эти крупные купцы или корпорации нередко монополизировали торговлю каким-либо товаром или несколькими товарами. Например, купцы, жившие на левом берегу Джамны, напротив Агры, имели исключительное право торговли с Бенгалией и другими восточными областями⁵⁷. В XVII в. Мир-Джумла, вазир правителя Голконды и один из крупнейших купцов своего времени, завоевав в середине XVII в. Карнатик, захватил в свои руки торговлю отбеленными тканями, цена на которые в результате этого поднялась на 20%⁵⁸.

Индийские торгово-ростовщические слои были тесно связаны с феодальной верхушкой, а отдельные их представители входили в ее состав и могли использовать государственный аппарат для получения торговых привилегий и оказания давления на ремесленника. Но главную роль все же играло закабаление экономическими методами.

О степени зависимости ткачей от торгово-ростовщического капитала свидетельствуют те трудности, с которыми столкнулись европейцы, начавшие вывоз тканей в Европу. Европейские торговцы стремились, естественно, установить непосредственные торговые отношения с местными ткачами и красильщиками в обход индийских скупщиков⁵⁹. С этой целью они пытались сконцентрировать ткацкое население в Бомбее и вокруг Мадраса, где они имели возможность непосредственно контролировать производство, распределять денежные авансы, прикуп и основу для ткани⁶⁰. Но устройство таких поселений было, во-первых, дорого и не всегда поэтому оправдывало себя. Во-вторых, оно не решало вопроса, так как эти поселения не удовлетворяли и десятой доли спроса европейцев на ткани. Наконец, приходилось обращаться к тем же индийским купцам, за которыми были, по-видимому, закреплены все ремесленники.

Попытка голландцев самостоятельно организовать производство тканей в Кочине путем переселения туда нескольких мастеров-красильщиков провалилась. Им пришлось обратиться к канарцу Бабу Прабху, который и перевез ремесленников на Малабар из Тутикорина⁶¹. В Бомбей переселил ткачей и первое время контролировал их работу в качестве посредника Ост-Индской компании купец Гирдхар⁶².

Делались попытки авансировать ткачей в других районах без посредников, но почти всегда они приводили к плачевным результатам. Феодальные междоусобицы XVII в. вызывали частые перемещения населения, в частности ремесленников. Индийский купец по большей части мог найти убежавшего ремесленника и потребовать возвращения долга. Иностранцы не обладали в то время такими возможностями. В результате каждое

⁵⁶ Приведем только два примера. В Кочине в 1500 г. были два купца, каждый из которых имел по 50 судов (J. H. Moore. Указ. соч., т. I, стр. 272). В XVIII в. оборот торговли Абдул Гафура из Сурата был равен торговому обороту всей английской Ост-Индской компании (там же, стр. 667).

⁵⁷ F. Pelsaert. Указ. соч., стр. 4.

⁵⁸ «Journal of the Bihar Research Society», March — June, 1947, vol. 33, parts I—II, p. 75. Много примеров торговых монополий приводит Морленд (W. H. Moreland. From Akbar to Aurangzeb, p. 147—149).

⁵⁹ При этом они шли иногда на известные материальные потери. Например, в 1674 г. некоторые купцы Броча предложили «привозить отбеленные ткани в Бомбей на свой собственный риск и продавать их Компании по той же цене, если не дешевле, чем их можно купить в Броче, причем того же качества и образца, как и повсюду в других местах». Англичане отказались, но неизвестно, сумели ли они впоследствии установить прямые отношения с ткачами Броча (см. Ch. Fawcett. Указ. соч., т. I, стр. 110).

⁶⁰ Ch. Fawcett. Указ. соч., т. I, стр. 37, 56, 166, 182, 271.

⁶¹ K. M. Panikkar. Malabar and the Dutch. Bombay, 1931, p. 143, 153.

⁶² Ch. Fawcett. Указ. соч., т. I, стр. 165, 182.

переселение ремесленников приводило к потере части авансированных денег⁶³. Кроме того, ткачи, связанные контрактами с местным скупщиком и надеявшиеся на его поддержку, иногда отказывались выполнять обязанности по отношению к иностранцам. В договор 1639 г., заключенный англичанами с веллорским раджей Венкатой III (1630—1642) в связи с основанием Мадраса, был включен пункт, в котором раджа обещал «в случае, если эти люди (купцы, красильщики и ткачи. — Л. А.) откажутся от выполнения своих обязательств, возполнить англичанам все те суммы, которые будут числиться за ними (купцами и пр. — Л. А.) по записям или же предоставить им (англичанам. — Л. А.) этих людей, если они будут обнаружены в какой-либо части наших владений»⁶⁴. Но через несколько лет Венката умер, а его преемники не имели уже реальной власти.

Милла и Милфорд, факторы из Пуликата, сообщали в 1622 г., что если бы они имели дело непосредственно с ткачами и художниками по тканям, то «к концу года, когда мы ожидаем получения наших товаров, мы, несомненно, получили бы лишь половину и, кроме того, подверглись бы риску, что они убегут туда, где они не будут бояться, что мы их найдем и получим наши деньги»⁶⁵. Факторы доказывают, что необходимо примириться с посредничеством местных купцов, которые будут ответственны за авансированные деньги. Через несколько лет к тому же выводу пришли факторы Мадраса⁶⁶.

Аббат Карре рекомендовал французам перенять следующий опыт английской и голландской ост-индских компаний: «Служащие каждой фактории при покупке товаров для экспорта в Европу или для восточной торговли должны, насколько возможно, иметь дело непосредственно с купцом (курсив мой. — Л. А.), продающим этот товар»⁶⁷. «Следует посылать с кораблем служащего, хорошо осведомленного в торговле. Это должно предотвратить надувательство со стороны индийских посредников, которые, если за ними не следить внимательно, обычно забирают все выгоды от товара, попавшего к ним»⁶⁸. Необходимость посредничества усугублялась еще тем, что у англичан иногда не хватало наличных денег для авансирования. Тогда, как это было в Карваре в 1670—1675 гг., авансы выдавались не только через индийских купцов, но и деньгами, занятыми у этих купцов из 1,25% месячных⁶⁹.

На каждой европейской фактории был один или несколько посредников из индийцев, которые и совершали все сделки со скупщиками⁷⁰. В Бенгалии они назывались далалами. От их услуг отказались только в 1758 г., когда англичане захватили Бенгалию⁷¹. Посредники имели своих агентов на местах, за которых несли материальную ответственность перед Компанией⁷².

Таким образом, несмотря на упорные попытки европейцев вступить в непосредственный контакт с производителями тканей, им это за немногими исключениями не удалось, индийские купцы в течение XVII — XVIII вв. сохраняли руководящее положение в индийском ремесле. Это подтверждает наш вывод, что по крайней мере в наиболее развитых районах торгово-ростовщический капитал подчинил себе ткачество еще раньше⁷³.

⁶³ Ch. Fawcett. Указ. соч., стр. 254, 328.

⁶⁴ W. Foster. The English factories in India (1637—1641). Oxford, 1912, p. 158.

⁶⁵ W. Foster. The English factories in India (1622—1623). Oxford, 1901, стр. 104.

⁶⁶ W. Foster. The English factories in India (1642—1645). Oxford, 1918, p. 46.

⁶⁷ «The travels of Abbe Carre in India and the Near East», vol. I. London, 1947, p. 161.

⁶⁸ Там же, стр. 162—163.

⁶⁹ Ch. Fawcett. Указ. соч., т. I, стр. 258, 294, 327, 338.

⁷⁰ Такие посредники были не только у англичан, но и у португальцев и у голландцев. Carre. Указ. соч., т. II, стр. 138; Ch. Fawcett. Указ. соч., стр. 360; W. H. Moreland. From Akbar to Aurangzeb, p. 135; K. M. Panikkar. Указ. соч., стр. 143.

⁷¹ K. Datta. Studies in the history of the Bengal Subah, 1740—70, vol. I. Calcutta, 1936, p. 114—115.

⁷² Ch. Fawcett. Указ. соч., т. I, стр. 236.

⁷³ См. также W. H. Moreland. From Akbar to Aurangzeb, p. 192.

Очень мало известно нам о разделении труда в процессе производства тканей. Но совершенно неосновательным является утверждение К. А. Антоновой, что даже ткач-кустарь, работавший на ост-индские компании, делал сам все операции, включая набойку тканей⁷⁴. Во всяком случае не позже XVII в. и на Короманделе и в Гуджарате появились особые специальности красильщиков и художников по тканям⁷⁵. В Гуджарате в XVIII в. появились ремесленники, специально занимавшиеся приделением, а ткани, произведенные в Дубее и Зиноре, красились в Ахмадабаде и Сурате⁷⁶. Это создавало предпосылки для возникновения рассеянной мануфактуры, широкое развитие которой было прервано европейцами.

В некоторых случаях подчинение торгово-ростовщическому капиталу вело к лишению ткача средств производства и к возникновению первоначальных форм наемного труда в ткачестве. Задолженность ростовщикам или храмам часто приводила к распродаже земельных участков ткачей⁷⁷, что ставило ремесленника в крайне невыгодное положение. В период феодализма воспроизводство в хозяйстве ремесленника нередко было невозможно без добавочных средств, которые давало земледелие. Ткач иногда терял даже станок, хотя он был настолько несложен, что почти не представлял никакой ценности⁷⁸.

Ставки переходили в собственность храмов⁷⁹, ростовщиков или разбогатевших ткачей, которые нанимали для работы на них разорившихся ремесленников. Например, в 1532 г. храм предоставил ткачу дом и станок⁸⁰.

Храмовые ткачи платили денежную ренту храму и налоги сюзерену храма (крупному феодалу или князю)⁸¹. Это значит, что большую часть своей продукции они сбывали сами. На экономическую самостоятельность ткачей указывает и то обстоятельство, что они довольно часто играли значительную роль в управлении храмами. Например, вместе со жрецами и настоятелями они распоряжались раздачей в пользование храмовых земель⁸², а один из кайкколов в 1573 г. был назначен настоятелем храма⁸³.

О значительном сосредоточении средств производства в одних руках свидетельствует грамота 1505 г. Грамота уполномочивала феодала, получившего лен от правителя Виджаянагара, собирать налоги со 100 ткацких станков, принадлежащих Кунитири Линга Шетти (купцу), и с 16 станков ткача Вирайи⁸⁴. На этих станках работали, очевидно, нанятые ткачи.

Хайдер Али создал в Майсуре мастерские, в частности ткацкие⁸⁵, в которых работали ткачи, не имевшие средств производства. Мастерские сохранили название карха-

⁷⁴ К. А. Антонова. Указ. соч., стр. 139.

⁷⁵ W. H. Moreland. Relations..., p. 63; T. Bowrey. Указ. соч., стр. 72.

⁷⁶ J. Forbes. Указ. соч., т. III, стр. 501—502.

⁷⁷ «Chronological list of the inscriptions of the Pudukkottai State». Pudukkottai, 1929, p. 57, № 379 (док. 1269 г.), p. 68, № 429 (док. 1300 г.); MER, 1912, p. 29, № 353 (док. 1398 г.).

⁷⁸ «Станок состоит из четырех раздвоенных палок, воткнутих в землю, и двух брусьев, соединяющих эти палки, к которым прикрепляются концы ткани» (H. Rice. Native life in South India. London, 1889, p. 160).

⁷⁹ MER, 1911, p. 30, № 300.

⁸⁰ MER, 1914, p. 52, № 452.

⁸¹ MER, 1910, p. 112, № 300 (док. 1230 г.), 354 (док. 1388 г.); MER, 1923, p. 29, № 370 (док. 1388 г.); MER, 1927, p. 113, № 491 (док. 1360 г.); MER, 1928/29, p. 40, № 414 (док. 1490 г.). Иногда часть своих платежей они вносили натурой (в тканях). См. MER, 1913, № 308.

⁸² MER, 1911, p. 79, № 296; MER, 1913, p. 43, № 356 (док. 1533 г.); MER, 1928/29, p. 32, № 300 (док. 1396 г.).

⁸³ MER, 1910, p. 42, № 482.

⁸⁴ Nilakanta Sastri. Further sources of the Vijayanagara history, vol. III. Madras, 1936, p. 89.

⁸⁵ Kirmani. The history of the reign of Tipu Sultan. London, 1864, p. 286.

на, хорошо известное по могольскому периоду⁸⁶, но их организация значительно изменилась. В них вместо принудительного труда крепостных существовал наемный труд рабочих⁸⁷.

Уже в XIV—XV вв. в Индии были мелкие мастерские, руководимые самими ремесленниками. В 1404 г. кайкколы платили храму по 2 фанама в год с человека и 2 фанама с каждого станка⁸⁸. Видимо, у ткача могло быть несколько станков. В 1397 г. один из кайкколов платил в качестве налога по 4 фанама «с каждого своего станка». Количество станков не названо, но несомненно, что их было несколько⁸⁹. Т. В. Махалингам в результате исследования ряда других надписей приходит к выводу, что в период Виджаянагара существовали мастера, стоявшие во главе небольших мастерских: «По этой системе обычно главные ремесленники, называемые ачарья (учителя, мастера.— Л.А.), имели несколько подмастерьев (apprentices), работавших под их руководством»⁹⁰.

Олафсон в XVII в. рассказывал о крупных мастерских художников по тканям в районе современного Танджура, но из его описания не ясно, кто был организатором этого производства⁹¹.

Рассмотренные нами факты, относящиеся к наиболее передовым, главным образом южным и прибрежным, районам Индии, свидетельствуют, что в этих районах, по крайней мере с X—XII вв., ткачество начало отделяться от земледелия. Земледелец отказывался от своего второго занятия — ткачества, одновременно часть общинников, выходя из общины, превращалась в ткачей и образовывала поселения или кварталы и свои территориальные общины-шрени. Ремесленные поселения ткачей вступали в товарные отношения с деревней. Этот процесс подрывал основу застойности индийской общины. В то же время ткачи в большинстве случаев сохраняли земледелие в качестве подсобного занятия.

Сильный толчок развитию ткачества дало расширение внешнего рынка в результате роста связей с Ближним Востоком, Юго-Восточной Азией и Китаем. Наблюдался массовый переход к ткацкому ремеслу многих земледельцев Бенгалии, Короманделя и Гуджарата. Развивались крупные города, вроде Ахмадабада и Масулипатана. Рост рыночных связей ремесла способствовал разделению ткачества и земледелия.

На основе развития простого товарного хозяйства в Индии появилась система скупки и авансов, приведшая к подчинению ткачей торгово-ростовщическому капиталу, к постепенной потере ими хозяйственной самостоятельности и средств производства. В то же время эти процессы привели к выделению части богатых ткачей, которые иногда использовали свои средства для расширения производства тканей.

Скупщики и богатые ткачи создают более или менее крупные производственные объединения ремесленников типа простой кооперации с наемным трудом. Эти предшественники мануфактуры несли в себе консервативные и паразитические элементы. Вся система эксплуатации ремесленника торговым капиталом предполагала в качестве одной из своих предпосылок сохранение существовавшего феодального строя. Маркс писал о подчинении ремесла торговому капиталу: «Подобные отношения повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития. Не совершая переворота в способе производства, они только ухудшают положение непосредственных производителей, превращают их в простых наемных рабочих и пролетариев при худших условиях, чем у рабочих, непосредственно подчиненных капиталу, и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого способа производства»⁹².

Тем не менее развитие ремесла и подчинение его скупщику подготавливали некоторые условия для развития капиталистических отношений. Нам кажется, что каким бы значительным ни был разрыв между более передовыми и более отсталыми областями, описанные процессы в той или иной мере были присущи всей Индии.

SUMMARY

His study of epigraphs and of facts recorded by travelers who visited India in the 13—18th centuries leads the author to the conclusion that the process which divorced weaving from farming was at work in the more advanced districts of India long before the Europeans had penetrated there. The result of this process was the development of simple commodity production by weavers who worked for the domestic and foreign market. The appearance of the middleman who enslaved the weaver by giving advance in money and in kind finally divorced the weaver from the means of production and led to the development of the primary forms of wage labour and of the initial division of labour in manufacture. All that prepared the ground for the industrial production of textiles in the 17th and 18th centuries, the normal development of which was arrested by the British conquerors.

⁸⁶ Kirmani. The history of Hyder Naik. London, 1842, p. 474.

⁸⁷ Там же, стр. 499 (Хроника Мирзы Икбала).

⁸⁸ MER, 1911, p. 83, № 293.

⁸⁹ MER, 1929/30, p. 23, № 221.

⁹⁰ T. V. Mahalingam. Economic life in the Vijayanagara Empire. Madras, 1951, p. 107.

⁹¹ J. Olafson. Указ. соч., т. II, стр. 142.

⁹² К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 347.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ «ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАПИСОК» СЫМА ЦЯНЯ

М. В. КРЮКОВ

В 1955—1956 гг. мировая научная общественность отмечала знаменательную дату в истории китайской культуры: 2100 лет со дня рождения основоположника китайской исторической науки, выдающегося историка-энциклопедиста Сыма Цяня. За годы, непосредственно предшествовавшие юбилею, в деле изучения Сыма Цяня был сделан большой шаг вперед. Китайскими учеными опубликовано значительное количество работ, восполняющих многие «белые пятна» в исследовании основного труда историка — «Исторических записок». Характерной чертой этих новейших исследований является всесторонняя оценка вклада Сыма Цяня в китайскую и мировую культуру. Китайские ученые встретили юбилей смелой постановкой новых проблем, ранее не получавших должного освещения. Впервые был поднят вопрос об оценке элементов материализма и диалектики в мировоззрении Сыма Цяня¹. Тщательному изучению подвергнуты особенности исторического метода Сыма Цяня². Поставлена проблема оценки его вклада в мировую историографию³. Началось изучение художественных особенностей «Исторических записок» и их места в истории китайской литературы, а также поэтического творчества Сыма Цяня⁴. Широкую дискуссию вызвали некоторые спорные вопросы

¹ 侯外廬。司馬遷著作中的思想性和人民性 (Хоу Вай-лу. Идеиность и народность произведений Сыма Цяня). 人民日報 «Жэньминьжибао», 31 декабря 1955 г.; 任繼愈。司馬遷哲學思想 (Жэнь Цзи-юй. Философские идеи Сыма Цяня). 新建設 «Синь цзяньшэ», 1956, № 6; 鄧潭洲。試論司馬遷史記的思想性 (Цэн Тань-чжоу. Об идеиности «Исторических записок» Сыма Цяня). «Синьцзяньшэ», 1956, № 4; 尙鉞。我國偉大的歷史學家——司馬遷 (Шан Юэ. Сыма Цянь — великий историк нашей страны). 教學與研究 «Цзяосюэ юй яньцзю», 1956, № 2 и др.

² 季鎮淮。司馬遷 (Цзи Чжэнь-хуай. Сыма Цянь). Шанхай, 1955; 盧南喬。司馬遷在祖國文化遺產上的偉大貢獻與成就 (Лу Нань-цзю. Великий вклад и достижения Сыма Цяня в области культурного наследия нашей родины). 文史哲 «Вэнь ши чжэ», 1956, № 1; 盧南喬。論司馬遷及其歷史編纂學 (его же. О Сыма Цяне и его методах исторического повествования). «Вэнь ши чжэ», 1955, № 11 и др.

³ 齊思和。史記產生的歷史條件和它在世界史學上的地位 (Ци Сы-хэ. Исторические условия появления «Исторических записок» и место последних в мировой исторической науке). 光明日報 «Гуанминьжибао», 19 января 1956 г.

⁴ 李長之。中國文學史略稿 (Ли Чан-чжи. Очерк истории китайской литературы). гл. 6. «Проза и поэзия ханьской эпохи». Шанхай, 1955; 李長之。司馬遷在中國文學史上的地位 (его же. Место Сыма Цяня в истории китайской литературы). «Юйвэнь сюэси», 1956, № 8; 季鎮淮。司馬遷是怎樣寫歷史人物的傳記的從「實錄」到典型化 (Цзи Чжэнь-хуай. Как писал Сыма Цянь биографии исторических деятелей. От «правдивых записей» к типизации). 語文學習 «Юйвэнь сюэси», 1956, № 8; 殷孟倫。略談司馬遷現實主義的寫作態度 (Инь Мэн-лун. Коротко о реализме Сыма Цяня). «Вэнь ши чжэ», 1955, № 12; 殷孟倫。通過「魏其武安侯列傳」來看司馬遷史記的語言藝術 (его же. Художественные особенности языка «Исторических записок» Сыма Цяня по материалам «Биографии Вэйци У Ань-

биографии историка⁵. Известный вклад в изучение наследия Сыма Цяня внесли ученые других стран, в первую очередь Японии, располагающей крупнейшими китаеведческими силами, а также ученые Европы⁶.

Отметила юбилей Сыма Цяня и советская общественность. 22 декабря 1955 г. состоялось торжественное заседание, организованное ВОКС совместно с Институтом востоковедения АН СССР, на котором Л. И. Думан сделал доклад о жизни и деятельности Сыма Цяня, что было отмечено в китайской и японской печати⁷. На нынешнем этапе изучения Сыма Цяня его историческое наследие выходит на международную научную арену, занимая должное место в культурной сокровищнице человечества.

За последнее время все более актуальное значение для зарубежного китаеведения и для самого Китая приобретает проблема перевода и популяризации «Исторических записок». В Китае — стране, создавшей на протяжении многих столетий исключительные по обилию и ценности письменные памятники культуры, поставлена ныне задача сделать их достоянием широких масс трудящихся. Для этого задумана и уже развывается большая работа по переводу древних памятников на современный язык

хоу). «Вэнь ши чжэ», 1956, № 6; 莊誦眞。略談「史記」 (Чжуан Юн-чжэнь. Коротко об «Исторических записках»). «Гуанминьжибао», 4 марта 1956 г.; 趙省之。司馬遷賦作的評價 (Чжао Шэнь-чжи. Об одах Сыма Цяня). «Вэнь ши чжэ», 1956, № 2; 高平。史記的思想性與藝術性 (Гао Хэп. Идеиность и художественность «Исторических записок»). «Вэнь ши чжэ», 1956, № 2 и др.

⁵ См. статьи Го Мо-жо, Лю Цзи-цзюаня, Ван Да-цзиня, помещенные на страницах журнала «Лини Яньцзю» (歷史研究) (1955, № 6; 1956, № 3 и 4), а также рецензию Чжао Янь-ши и Чэнь Лань-сяня на второе издание книги Чжэнь Хэ-шэна «Хронологическая канва биографии Сыма Цяня» (鄭鶴聲。司馬遷年譜) «Гуанминьжибао», 16 августа 1956 г.

⁶ На страницах японских научных журналов появились статьи по отдельным вопросам «Исторических записок» 福永光司。司馬遷の人間觀 (Фукунэга Мицуси. Взгляды Сыма Цяня на человеческие взаимоотношения. 東洋の文化と社會 («Тоё-но бунка то сякай»), 1953, № 3; 石黒俊逸。史記孟子荀卿列傳の構成 (Исикуро Тосихару. Композиция биографий Мэн-цзы и Сюнь Циня в «Исторических записках»). 支那學研究 («Синагаку кэнкю»), 1955, № 12; 宇要宮清吉。史記貨殖列傳に就いて (Уцуномия Сэйкити. По поводу «Биографий стяжателей» в «Исторических записках») (名大文學部研究論集) «Надай бунгакубу кэнкю ронсэ», 1952, № 1 и др. В 1953 г. в Токио была переиздана «История исторической науки в Китае» Найто Торадзиро (内藤虎次郎。支那史学史), одна из глав которой посвящена анализу исторического метода Сыма Цяня. Крупным событием в синологической жизни Японии является издание большой работы проф. Токийского педагогического института Мидзусава Тоситада «Исправления и дополнения свода комментариев и критического исследования «Исторических записок» (水澤利忠。史記會注考證校補)。 В этой книге, печатающейся сейчас отдельными выпусками, автор ставит своей задачей расширить и углубить, на основании дополнительных материалов, капитальную работу (Тикинава Камэтаро «Свод комментариев и критическое исследование «Исторических записок» (瀧川龜太郎。史記會注考證), переизданную в десяти томах в Пекине в 1956 г. Наконец, с 1955 г. в Японии начал выходить специальный периодический орган, освещающий вопросы изучения наследия Сыма Цяня, — «Отчеты об исправлениях и дополнениях свода комментариев и критического исследования «Исторических записок» (史記會注考證校補彙報); второй номер журнала вышел в сентябре 1956 г. Из западноевропейских ученых, занимающихся «Историческими записками», нужно отметить немецкого сиолога Ф. Егера (см. его статьи о Сыма Цяне в «Oriens Extremus», т. 2, 1955, № 1, и в «Asiatica», 1955), а также французского ученого М. Кальтенмарка.

⁷ См. «Гуанминьжибао», 19 января 1956 г.; а также 吉川鉄次郎。ある書物と學者の運命 (Есикава Кодзиро. Судьба книги и ученого. «Отчеты об исправлениях и дополнениях», 1956, № 2) и др.

байхуа. Первые опыты перевода «Исторических записок» на байхуа уже сделаны⁸. Поэтому сейчас появляются объективные условия для объединения и координации усилий китайцев различных стран в работе по созданию полноценного перевода трудов Сыма Цяня. На Международном конгрессе синологов в Лейпциге (1955 г.) обсуждался вопрос о совместной работе над переводом «Исторических записок». Несомненно, что успех в этом деле может быть обеспечен лишь при тесном научном сотрудничестве с китайскими учеными.

Задача перевода «Исторических записок» на европейские языки назрела давно: наиболее полный из имеющихся в настоящее время переводов этого крупнейшего исторического и литературного памятника древнего Китая, выполненный в начале XX в. Э. Шаванном, включает не более одной трети всего труда⁹, а остальные переводы представлены отдельными разрозненными главами. За последние годы сделаны некоторые новые переводы Сыма Цяня¹⁰, самым крупным из них является сборник, вышедший в свет Государственным издательством художественной литературы¹¹.

Об интересе советского читателя к этому изданию красноречиво говорит тот факт, что весь его тираж в 90 тыс. экземпляров разошелся очень быстро. Известно, что до сих пор мы имели на русском языке лишь переводы Иакнифа Бичурина, опубликовавшего еще в начале XIX в. материалы из трех глав, посвященных соседним Китаю племенам (некоторые главы «Исторических записок» были переведены акад. В. М. Алексеевым, однако эти переводы до сих пор не изданы). Таким образом, 18 глав, вошедшие в сборник «Избранное», представляют первый опыт перевода на русский язык значительной части (около 1/7) всего труда Сыма Цяня, охватывающего 130 глав-томов. Следует отметить научную ценность предисловия к переводу, написанного Л. И. Думаном. В нем впервые в советском Китаеведении дана всесторонняя научная характеристика жизни и деятельности Сыма Цяня, показаны особенности его метода, дан анализ его мировоззрения.

Появление сборника «Избранное» знаменательно как первый шаг на пути к популяризации в Советском Союзе исторического наследия Сыма Цяня. Вместе с тем этот сборник вскрыл неблагоприятное положение дел в этой области советского Китаеведения. Недостатки сборника заслуживают самого пристального внимания, так как они выходят за рамки частных ошибок в переводе. Анализ этих недостатков, связанных с решением принципиальных вопросов популяризации древнекитайских историко-литературных памятников, был бы полезен для выяснения некоторых общих принципов перевода «Исторических записок» Сыма Цяня.

Можно выделить три группы таких вопросов: 1) подлинность современного текста «Исторических записок»; 2) принципы отбора переводимых глав; 3) адекватность перевода.

I

Известно, что «Исторические записки» были созданы более двух тысяч лет тому назад. В течение десяти столетий они распространялись в рукописных списках отдельными главами. Неудивительно, что, говоря словами одного из современных исследовате-

⁸ 翟錦園。史記故事選 (Цюй Туй-юань. Избранные главы «Исторических записок»). Шанхай, 1956; 隋樹森。L 信陵君列傳 7 譯文 (Суй Шу-сэнь. Перевод «Биографии Синь Лин-цзюня»). «Юйвэнь сюэси», 1956, № 9; 云泉。L 荊何傳 7 譯文 (Юнь Цюань. Перевод «Биографии Цзинь Кэ»). «Юйвэнь сюэси», 1956, № 9 и др.

⁹ E. Chavannes. Mémoires historiques de Sse-ma T'sien, t. I—V. Paris, 1895—1905.

¹⁰ John de Francis. Biography of the marquis of Huai-jin. «Harvard journal of Asiatic Studies» vol. 10, 1947; № 2, F. Jäger. Eine Textdublette im 97. Kapitel des Schigi. «Asiatica», 1955; Jang Hsien-yi and Gladys Jäng. Ssu-ma Chien. Four Biographies. «Chinese literature», 1955, № 4 и др.

¹¹ Сыма Цянь. Избранное (в дальнейшем — СИ). Пер. В. Панасюка. Предисл. и прим. Л. И. Думана. М., Гослитиздат, 1956.

лей Сыма Цяня — Ли Чан-чи, «Исторические записки» в нынешнем их виде можно сравнить с античной вазой, первоначальный орнамент которой лишь местами отчетливо виден под множеством позднейших наслоений¹². Реставрация столь же необходима для современного текста «Исторических записок», как и для всякого древнего произведение искусства. Это понимали еще средневековые китайские историки, и текстологические исследования «Исторических записок» занимают едва ли не главное место во всей обширной литературе, написанной в течение столетий о Сыма Цяне и его книге.

Тщательная критическая подготовка текста является при всей ее трудности необходимой составной частью работы по переводу Сыма Цяня. Как подошли к решению этого вопроса составители сборника «Избранное»? Если судить по предисловию к переводу, то нельзя сказать, что этот вопрос выпал из их поля зрения. В предисловии правильно указывается, что «Исторические записки» «подверглись интерполяциям со стороны позднейших авторов, причем не всегда возможно выявить все вставки, дополнения»¹³. Но автор предисловия говорит лишь о двух категориях интерполяций: о десяти главах, которые были утеряны и восполнены впоследствии¹⁴, и о продолжениях «Исторических записок», освещающих события с начала I в. до н. э., — дата, до которой сам Сыма Цянь довел первоначально свое повествование¹⁵. Читатель, естественно, делает из этого вывод, что если та или иная включенная в перевод глава не относится к десяти утерянным главам и не содержит описания событий, хронологически выходящих за предел начала I века до н. э., то, значит, подлинность этой главы не подвергается сомнению. В действительности дело обстоит намного сложнее.

В настоящее время, на основании изучения источников, можно восстановить главные вехи в истории рукописи Сыма Цяня и определить основные категории позднейших интерполяций, а также включений, не принадлежавших автору «Исторических записок». О чем говорят эти свидетельства?

1. Прежде всего, при работе над «Историческими записками» Сыма Цянь использовал материалы, подготовленные и частично обработанные Сыма Танем, его отцом и предшественником на должности придворного историка. Вероятно, Сыма Цянь включил в «Записки» некоторые главы, написанные в основном его отцом, возможно даже без дополнительной переделки¹⁶.

2. Рукопись Сыма Цяня лишь после смерти историка увидела свет, благодаря его внуку Ян Хою, который подверг книгу некоторой доработке¹⁷.

3. Затем ряд глав «Исторических записок» был утерян. Некто Сюй Шао-сунь восстановил отсутствующие главы¹⁸.

4. Тот же Сюй Шао-сунь от своего имени дополнил ряд других глав «Исторических записок»¹⁹.

5. Примеру Сюй Шао-суна последовали некоторые его современники, начавшие составлять «Продолжения „Исторических записок“» и присоединявшие их непосредственно к начальному тексту без каких-либо указаний на свое авторство. Исследователи насчитывают более 15 таких интерполяторов, в том числе Лю Няна, Ян Сюна и других²⁰.

¹² 李長之。司馬遷—人格與風格 (Ли Чан-чи. Сыма Цянь как человек и его стиль). Пекин, 1948, стр. 155.

¹³ СИ, стр. 18.

¹⁴ Там же, стр. 17.

¹⁵ Там же, стр. 18.

¹⁶ См. 史記會注考證 («Исторические записки» — в дальнейшем ИЗ), т. 10. Пекин, 1955, стр. 5207.

¹⁷ См. 班固。漢書 (Бань Гу. Ханьшу, гл. 62). 二十五史 (сб. «25 историй»), т. I, 1934, стр. 513.

¹⁸ Слова комментатора Чжан Яня. ИЗ, т. 10, стр. 5353.

¹⁹ См. ИЗ, гл. 126, 127, 128 и др.

²⁰ См. 劉知幾。史通 (Лю Чжи-цзи. Исторический свод). Кантон, 1833, т. 3, стр. 16; ИЗ, т. 10, стр. 5355.

6. В первом десятилетии нашей эры Лю Синь интерполировал «Исторические записки», пытаясь использовать их искаженный текст в политических целях для оправдания узурпации власти Ван-Маном²¹.

7. В 70—80-х годах н. э. Ян Чжун, на основании императорского указа, произвел изъятия из текста «Исторических записок», сократив его примерно на $\frac{7}{10}$: с 526 500 иероглифов до 100 000 иероглифов²². Каким образом текст «Исторических записок», сокращенный в несколько раз Ян Чжуном, вернулся к первоначальному объему (нынешний текст примерно соответствует объему, указанному самим Сыма Цянем — более 500 000 знаков — и даже несколько превышает его)? Была высказана гипотеза, что сокращенный текст «Исторических записок» был дополнен из соответствующих глав «Ханьшу», в которой были использованы материалы «Исторических записок». Эта всесторонне аргументированная гипотеза является, очевидно, единственно правильным решением данной проблемы, поскольку только она может дать удовлетворительный ответ на ряд возникающих в связи с этим вопросов²³.

8. Наконец, к посторонним включениям в текст следует отнести многочисленные искажения при переписке и опечатки, по традиции сохранявшиеся без исправлений²⁴. Таким образом, дошедший до нас текст «Исторических записок» содержит в себе по крайней мере восемь различных категорий включений, к которым сам Сыма Цянь никакого отношения не имел.

Как мы видели выше, в предисловии к сборнику «Избранное» упоминаются лишь две категории интерполяций. Более того, хотя теоретически проблема аутентичности и поставлена в предисловии (пусть даже в таком усеченном виде), но в практическом плане, при работе над переводом текста, эта проблема не нашла никакого отражения. В результате этого многочисленные позднейшие наслоения на древней базе были приняты переводчиком за подлинный первоначальный орнамент. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие этот факт.

Внимательный читатель, несомненно, обратил внимание на то, что в «Биографии Сыма Сян-жу» (последней из включенных в сборник глав) упоминается имя Ян Сюна — литератора и ученого конца I в. до н. э. (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.). Сыма Цянь, умерший задолго до рождения Ян Сюна, не мог, разумеется, упоминать в своей книге его имя. В комментарии к этому месту перевода мы читаем: «Начиная со слов «Ян Сюн считает» и кончая словами «ничего не остается», эту фразу (курсив мой. — М. К.) не мог написать Сыма Цянь. Это позднейшая вставка»²⁵. Возникает вопрос: на основа-

²¹ Прямых документальных доказательств привести пока нельзя. Однако есть свидетельства, что Лю Синь интерполировал другие исторические сочинения; с другой стороны, некоторые части самого текста «Исторических записок» говорят в пользу этой гипотезы, впервые выдвинутой Цуй Ши, а затем получившей дальнейшее обоснование в исследованиях Ли Ци-чао и других специалистов по этому вопросу см. 崔適 〇 史記探源 (Цуй Ши. Исследование «Исторических записок»), т. I, 1924. Пекин, стр. 1—9; 梁啓超 〇 要籍解題及其讀法 (Ли Ци-чао. Библиография важнейших письменных памятников). Пекин, 1925, стр. 48—51; 李奎福 〇 史記決疑 (Ли Куй-ло. Решение спорных проблем «Исторических записок») 清華學報 («Цинхуа сюэбао»), 1927, т. 4, № 1, стр. 1181—1191; O. Franke. Gardner. Chinese traditional historiography. «Orientalistische Literaturzeitung», 1940, № 3/4.

²² См. 范曄 〇 後漢書 (Фань Е. Хоуханьшу, гл. 78). Сб. «25 историй», стр. 84.

²³ Была высказана еще средневековыми историками. Наиболее подробно она разбирается в статье Ли Куй-ло «Решение спорных проблем». Сейчас нет возможности сколько-нибудь подробно останавливаться на этих вопросах. Познакомиться с ними можно по упомянутым выше работам Цуй Ши и Ли Куй-ло.

²⁴ Любопытный пример того, как несомненная описка неизменно сохранялась во всех изданиях текста, приводит Ян Шу-да в своих «Комментариях к Ханьшу» (楊樹達, 漢書管闕), 1935, стр. 374.

²⁵ СМ, стр. 358.

нии какого критерия составители сборника установили, начиная с каких слов и кончая какими словами ограничивается эта позднейшая вставка? Читатель не найдет ответ на этот вопрос. В данном случае составители нашли удивительно простое решение проблемы: натолкнувшись на явный анахронизм, они объявили интерполяцией фразу, в которой этот анахронизм встретился. А есть ли в этой главе другие фразы, не принадлежащие Сыма Цяню? Если судить по данному комментарию (кстати говоря, единственному во всей книге комментарию такого рода), то на этот вопрос составители по сути дела дают отрицательный ответ. Однако если заинтересоваться, каким образом имя Ян Сюна могло попасть в текст главы, то противоположный вывод напрашивается сам собой. Сопоставление текста этой главы «Исторических записок» с «Биографией Сыма Сян-жу», помещенной в «Ханьшу», дает основание предположить следующее.

Биография Сыма Сян-жу, написанная Сыма Цянем, оказалась в числе тех глав, которые были сокращены (целиком или частично) Ян Чжуном. Спустя некоторое время, сокращенный текст этой главы был дополнен из соответствующей главы «Ханьшу». В частности, послесловие автора к этой биографии было, очевидно, целиком заимствовано из «Ханьшу». Восстанавливая текст «Исторических записок», переписчик не обратил внимания на анахронизм в тексте. Только так можно логически объяснить, почему современный текст гл. 117 «Исторических записок» почти дословно совпадает с текстом соответствующей ей гл. 57 «Ханьшу», и то, как в «Исторических записках» попало имя Ян Сюна. Мы имеем основание предполагать, что в известном смысле интерполяцией является не только и не столько заключительная фраза главы, а вся глава в целом, так как она была восстановлена по тексту другого памятника. Нельзя отрицать, что даже и в этом случае в современном тексте гл. 117 «Исторических записок» могут содержаться материалы, собранные Сыма Цянем, — ведь этот источник использовался автором «Ханьшу» при составлении им своей книги. В данном случае часть материалов, заимствованных Бань Гу у Сыма Цяня, могла вновь попасть из «Ханьшу» в восстановленный текст «Исторических записок». Но это не снимает вопроса о неаутентичности текста гл. 117 «Исторических записок» в ее современном виде. Мы знаем, что одни и те же материалы подчас освещались Сыма Цянем и Бань Гу с диаметрально противоположных точек зрения. Достаточно вспомнить «Биографии странствующих рыцарей» в «Исторических записках» и в «Ханьшу», где это проявляется особенно рельефно. Поэтому мы не имеем никаких оснований утверждать, что в данном случае оценки, данные Сыма Сян-жу этими двумя историками, совпадают. Очевидно, установление аутентичности текста данной главы не может свестись к исключению из него одной единственной фразы, содержащей бесспорный анахронизм. Проблема эта гораздо более сложна и заслуживает того, чтобы ею занялись более глубоко.

Чтобы показать, к чему может привести игнорирование проблемы подлинности текста при переводе «Исторических записок», приведем еще один пример. В главе 86 — «Биографии мстителей» — рассказывается о том, как некто Цзин Кэ совершил неудачное покушение на Циньшихуана, который был спасен дворцовым лекарем Ся У-цзюем. В послесловии к биографии Цзин Кэ автор этой главы опровергает некоторые необоснованные версии, касающиеся обстоятельств покушения, и добавляет: «Только Гунсунь Цзин-гун да Ду Шэн, которые странствовали вместе с Ся У-цзюем, могли знать подробности этого дела. Они и рассказали мне, как все было в действительности»²⁶. Как следует из подстрочного примечания к переводу, покушение Цзин Кэ произошло в 226 г. до н. э.; очевидно, в то время дворцовому лекарю Ся У-цзюю было никак не меньше 30—35 лет. Если даже Гунсунь Цзин-гун и Ду Шэн, «странствовавшие вместе с ним», были несколько моложе Ся У-цзюя, то так или иначе, к моменту появления на свет Сыма Цяня (145 г. до н. э.) им должно было быть около 110—120 лет. Они, конечно, ничего не могли рассказывать новорожденному Сыма Цяню; если подобный разговор и имел место, то только 20—30 лет спустя. Даже если предположить, что глава о Цзин Кэ написана отцом Сыма Цяня (что можно сделать с большими оговорками), то бесе-

²⁶ СМ, стр. 217.

довать с Гунсуном и Дуном он мог только в ранней юности. Если же, вслед за составителями сборника, нигде не оговаривающими сомнительности этого текста, признать гл. 117 принадлежащей Сыма Цяню, то сделать это можно, лишь признав, что приятелю дворцового лекаря отличались необычайным долголетием и оба дожили до 140—150 лет²⁷.

Примеров, подобных приведенным выше, в сборнике конечно немного. Но нетрудно убедиться, что большинство из включенных в перевод глав имеет интерполяции. Для этого достаточно ознакомиться с материалами текстологических исследований Цуй Ши, Лян Юй-шэна, Ван Ин-линя, Лю Сянь-си, Ли Ли, Д. Бодда и других специалистов, разрабатывавших проблему аутентичности «Исторических записок» по отдельным главам. Можно соглашаться с этими исследователями или противопоставлять их выводам свою точку зрения, но нельзя уклоняться при переводе текста от рассмотрения вопроса об его аутентичности. Текстологическая подготовка перевода древнего текста требует гораздо более кропотливой и трудоемкой работы, чем сам перевод. Вместе с тем она является неотъемлемой частью всякого научного перевода классического произведения, первым предварительным условием и одним из основных требований к такому переводу.

II

С вопросом об аутентичности текста связан вопрос о принципах отбора глав, включаемых в перевод. Составителям не следовало включать в сборник главы, подлинность и авторство которых сомнительны. Так, до сих пор серьезные споры вызывает вопрос об авторстве биографии Лао-цзы, резко отличающейся по своему стилю, композиции и идейной направленности от остальных глав «Исторических записок»²⁸. Будучи включенной в перевод без комментариев и каких-либо оговорок, эта глава может явиться источником неправильных суждений об историческом методе и мировоззрении Сыма Цяня. Однако все это лишь одна сторона вопроса. Главное здесь заключается не столько в том, что в сборник вошел ряд неаутентичных глав и глав, не характерных для Сыма Цяня как источника, сколько в том, что главы, весьма важные для характеристики его труда, остались вне перевода.

Читатель обратит внимание на то, что все вошедшие в сборник главы, за исключением биографии Сыма Сян-жу, относятся по своему содержанию к эпохам, предшествовавшим периоду жизни самого Сыма Цяня. Писал ли вообще историк о современном ему обществе? Не только писал, но «повседневная» история занимает в его книге важное по своему значению и объему место. Именно в главах, посвященных недавнему прошлому и современности, наиболее отчетливо проявились идейные и политические воззрения автора «Исторических записок». Выдающейся особенностью подхода Сыма Цяня к изложению исторических событий было то, что он не только стремился «выяснить» суть изменений прошлого и настоящего, но и высказать об этом «свое собственное мнение»²⁹. Это мнение историка, действительно высказанное им в его книге, во многом коренным образом расходилось с господствовавшими тогда идеями. Сыма Цянь подвергает резкой критике «жестоким чиновников», показывая, что сам император был вдохновителем их бесчеловечности; он высмеивает

²⁷ Послесловие этой главы начинается в переводе словами: «Я, придворный историк Сыма Цянь, добавлю...». Это вольность переводчика, так как в оригинале все послесловия к главам начинаются словами: «Придворный историк сказал...», что в одинаковой мере может быть отнесено и к Сыма Цяню и к Сыма Таню.

²⁸ См. 羅振澤 о老子及老子書的問題 (Ло Гэнь-цзэ. Вопрос о Лао-цзы и книге Лао-цзы). 古史辨 «Гушибянь», № 4, а также 高亨 о 史記老子世系考 (Гао Хэн. Исследование генеалогии Лао-цзы по «Историческим запискам»). 國立北平圖書館館刊 («Голи бэйпин тушугуань гуанькань»), 1935, т. 9, № 3; 高亨 о 史記老子傳淺證 (его же. Критическое исследование биографии Лао-цзы в «Исторических записках»), «Гушибянь», № 6, 譚戒甫 о 史記老子傳考正 (Тань Цзэ-фу. Критическое исследование биографии Лао-цзы); там же; 武內義雄 о老子原始 (Такэути Есио. Лао-цзы и истоки его учения). Киото, 1926.

²⁹ ИЗ, т. 10, стр. 5244.

императорских фаворитов, выброшенных на поверхность общественной жизни волной случайной милости «сына неба»; он выражает свое сочувствие борцам за справедливость, против жестокостей и угнетения; он воспекает руководителей народного восстания, потрясшего основы Циньской империи. И можно только пожалеть о том, что в перевод не были включены наиболее яркие в этом отношении главы—такие, как глава о Чэнь Шэ и У Гуане, как «Биографии странствующих рыцарей», «Биографии жестоким чиновников», «Биографии фаворитов» и т. д. Народность политических убеждений Сыма Цяня, которая могла быть проиллюстрирована материалом из этих глав, отходит в сборнике на задний план, затухает. Это, конечно, неправильно.

То же случилось и с общетеоретическими взглядами историка. В предисловии к сборнику закономерно указывается на значение экономических воззрений Сыма Цяня. «В его труде впервые в древней китайской историографии, если не считать экономического трактата Гуань-цзы, имеются три специальные главы по экономике... Безусловно, внимание Сыма Цяня к экономическим вопросам свидетельствует о его материалистическом понимании истории»³⁰. Внимание Сыма Цяня к вопросам экономики, действительно, свидетельствует об элементах материализма в его исторической концепции, а внимание составителей сборника к экономическим взглядам Сыма Цяня может свидетельствовать только о том, что они недооценивают значения этих взглядов для характеристики всего труда историка в целом. Здесь следует напомнить, что Сыма Цянь, как это правильно отмечается в предисловии, явился автором оригинального метода исторического повествования. Он впервые ввел деление исторического сочинения на пять разделов: «Основные анналы» (本紀), «Хронологические таблицы» (表), «Трактаты» (書), «Истории наследственных домов» (世家) и «Биографии» (列傳). Эта композиция его труда — один из составных элементов исторического метода Сыма Цяня — стала в историографии стран Востока традиционной. Собственно говоря, только отказавшись от простого хронологического принципа изложения истории и применив комплексный метод, сочетающий в себе биографический (в 列傳 и 世家), хронологический (в 表 и 本紀) и тематический (в 書) планы повествования, Сыма Цянь смог овладеть таким огромным материалом, собранным им, и создать первую в древнем мире всеобщую историю страны. Деление «Исторических записок» на пять разделов открывало перед историком новые горизонты углубленного исследования; введение такого деления — качественный скачок в развитии древней историографии — характерная черта, отличающая «Исторические записки» от всех предшествующих исторических сочинений в Китае и на Западе.

Можно ли получить полное представление о труде Сыма Цяня лишь по одному из пяти его разделов? Это весьма сомнительно. Между тем в «Избранное» вошли главы одного только последнего раздела — «Биографии».

Чем руководствовались при этом составители сборника? Ответ на этот вопрос следует искать, по всей видимости, в заключительной части предисловия, где говорится: «Биографии, или жизнеописания, «Исторических записок» представляют собой подлинные шедевры литературного творчества. Это своеобразные исторические новеллы... Стиль жизнеописаний — это ритмическая проза»³¹. Вряд ли можно возражать против стремления составителей включить в «Избранное» наиболее яркие в художественном отношении главы «Исторических записок». Но нельзя согласиться с самим делением труда Сыма Цяня на две части: с одной стороны, жизнеописания, с другой, главы всех остальных разделов. Против такого деления на художественные и «нехудожественные» главы говорит уже тот факт, что в классическую литературную хрестоматию «Гуань-цзы» включены главы не одного, а четырех разделов «Исторических записок».

Общезвестно, что специально экономическая глава — «Биографии стяжателей» — является одной из самых ярких в художественном отношении глав «Исторических за-

³⁰ СИ, стр. 25.

³¹ СИ, стр. 29.

писок». Стройность логического построения, образность языка, наряду с глубиной философского содержания, — вот характерные черты «теоретических» глав «Исторических записок» (в них Сыма Цянь обосновывает принципы материалистического понимания истории). Вспомним хотя бы знаменитый отрывок из «Биографий стяжателей», в котором автор доказывает, что деятельность людей направляется в конечном счете их материальными запросами. Понятия долга, преданности, храбрости и т. д., выступающие на поверхности явлений, при ближайшем рассмотрении оказываются лишь выражением стремления людей к материальному благополучию. «Воины в армии — осаждают города, стремятся первыми взобраться на городскую стену; врываются в стан врага и преследуют его; обезглавливают вражеских военачальников и захватывают их знамена; рвутся вперед, навстречу стрелам и метательным камням; не боятся идти в огонь и в воду, — и все это для того, чтобы получить побольше вознаграждение! Молодчики в темных закоулках — нападают, грабят, убивают и закапывают свои жертвы; разбойничают и творят беззакония; обворовывают могилы и отливают фальшивую монету...; попав в руки правосудия, идут на плаху, — и все это лишь из-за стремления к наживе! А вот пример сегодняшнего дня: красавицы из Чжао и Чжэн — заботятся о своей внешности, томо перебирают струны люти, носят одежды с длинными рукавами и разукрашенные туфли; увлекают взорами и призывают голосом сердца; ради исполнения своих желаний готовы деться за тысячу ли, будь то старец или юнец, не все ли равно им? Ведь они алчут лишь одного — богатства! Скучающий наследник — украшает свой головной убор и свой меч; выезжает один в нескольких колесницах, — тоже лишь для того, чтобы показать, как он богат! Охотники и рыболовы — браконьерствуют, нарушая запрещение охотиться утром и по ночам; не обращают внимания на иней и снег; скачут по ущельям, подвергаясь опасности быть съеденными дикими зверями, — для того, чтобы попробовать вкус дичи! Играют и устраивают скачки, петушинные бои и собачьи бега; лицемерят и бахвалятся друг перед другом; стремятся во что бы то ни стало одержать верх, — и все это потому, что боятся потерять!.. Вот что такое стремление к богатству и накоплению!»³².

Не касаясь оценки этих взглядов по существу, подчеркнем лишь ярко проявляющееся здесь блестящее полемическое единство образного и логического, что в сущности характерно для всех лучших философских памятников древности. Попытка делить труд Сыма Цяня на «научные» главы, являющиеся объектом изучения для специалистов, и «занимательные» главы, представляющие интерес для массового читателя, пороена уже в самой основе своей: недаром В. М. Алексеев писал о невозможности «отделить Сыма Цяня — ученого от Сыма Цяня — литератора»³³.

Поэтому вызывает удивление, что при переводе «Автобиографии автора» составители сборника сочли нужным включить в него лишь первую часть 130-й главы, а вторую ее половину — опустить. А ведь именно во второй части «Автобиографии» Сыма Цянь дает исключительно интересную для нас оценку своего труда, излагает мотивы, побудившие его написать всеобщую историю страны. Почему из перевода главы 130-й выброшены материалы, характеризующие историческую концепцию автора, его понимание исторического процесса, его метод исследования? Прodelывая такую ничем не обоснованную операцию над текстом, составители сборника, сами того не желая, играют на руку тем из западных синологов, которые пытались исказить подлинный облик Сыма Цяня — историка, представить его «летописцем», «компилятором»³⁴, в лучшем случае — «трудолюбивым чиновником»³⁵, но никак не воинствующим мыслителем, исследователем, ученым. Полноценный перевод «Исторических записок» явился бы лучшей, самой объективной и убедительной характеристикой Сыма Цяня — основоположника науч-

³² ИЗ, т. 10, стр. 5162—5163.

³³ В. М. Алексеев. Утопический монизм и китайские церемонии в трактатах Су Сюня. «Советское востоковедение», 1945, № 3, стр. 159.

³⁴ G. Haloun. Die Rekonstruktion der chinesischen Urgeschichte, durch die Chinesen. «Japanisch-Deutsche Zeitschrift für Wissenschaft und Technik», H. 7, Juli 1925, S. 246.

³⁵ H. Dubs. The land of humanistic scholarship. Oxford, 1949.

ной историографии в Китае и выдающегося мыслителя древности. Поэтому неудовлетворительная подборка глав, включенных в сборник «Избранное», — это не частный вопрос, а вопрос, имеющий большое принципиальное значение.

III

Перевод Сыма Цяня, несомненно, является делом трудным. Исключительная точность, лаконичность и образность его языка, восхищающая читателя, знакомого с «Историческими записками» в оригинале, представляет для иноязычного переводчика большие затруднения. Перевод труда Сыма Цяня предполагает знание фактической истории Китая, а также знакомство с суммой художественных средств, характерных для стиля историка, с системой его общеполитических представлений, с его методом научного исследования. В своей книге Сыма Цянь часто (особенно в послесловиях — резюме к главам) обращается непосредственно к читателю: доказывает свою точку зрения, опровергает одни версии и выступает в защиту других. Переводчик не может быть посторонним свидетелем диспута автора с его противником. Он должен сам принять участие в споре, возникнуть в ход логических доказательств Сыма Цяня, обдумать правомерность его доводов, привлечь для этого материал других глав. Если переводчик не будет размышлять вместе с автором над описываемыми последним событиями, он не сможет правильно понять, а следовательно, и перевести их.

В «Биографии Ли Сы» Сыма Цянь рассказывает о споре Чжао Гао с героем главы. Чжао Гао убеждает Ли Сы, что мудрый должен судить о явлениях не только по их внешним признакам (末), но и по их сущности (本)³⁶. В резюме к главе Сыма Цянь возвращается к этой мысли при оценке деятельности самого Ли Сы, подчеркивая необходимость различать в его поступках главное, первостепенное (本) от второстепенного, несущественного (末). Переводчик недостаточно уяснил себе содержание разговора Чжао Гао и Ли Сы, поэтому от него ускользнула органическая связь послесловия с повествовательной тканью главы. Введенный в заблуждение многозначностью словарного состава древнекитайского языка, переводчик трактует термин 末 не в его взаимосвязи с противоположным ему термином 本, а переводит его как «конец» (!)³⁷, что, во-первых, приводит к бессмыслице, а во-вторых, скрадывает основную мысль послесловия, построенного как раз на противопоставлении этих двух понятий. Перевод одной лишь языковой оболочки без глубокого проникновения в содержание текста приводит переводчика к конфликту со здравым смыслом и к прямым курьезам³⁸.

Для данного перевода характерны ошибки, являющиеся результатом слабого знания переводчиком излагаемого автором конкретного исторического материала. Только этим можно, в частности, объяснить тот факт, что переименование княжества Шаолинь превращается в переводе в смену фамилии одним из предков Сыма Цяня³⁹; правитель

³⁶ Буквально: «видя ветви, понимать, где корень (見末而知本)». ИЗ, т. 8, стр. 3950.

³⁷ СИ, стр. 245.

³⁸ Вот один из примеров этого. Император Гао Цзу начал приготовления к церемонии назначения главного полководца. «Военачальники радовались, — читаем мы в переводе, — наконец-то они обрели себе главного полководца (курсив мой. — М. К.). Но когда в войсках узнали, что главным полководцем назначен Хань Синь, все были крайне удивлены» (СИ, стр. 260). Военачальники, действительно, радовались, видя приготовления императора, но радовались они вовсе не тому, что обретут главного полководца. «Все военачальники радовались, — читаем мы в оригинале, — каждый из них надеялся, что именно он станет главным полководцем. Но вот церемония назначения состоялась — главным полководцем стал Хань Синь! Все в армии были поражены» (ИЗ, т. 8, стр. 4053).

³⁹ В переводе: «Тот Сыма, который остался в Шаолине, сменил имя на Сянь» (стр. 34). В оригинале: «少梁更名曰夏陽 [княжество] Шаолинь было переименовано в

местности Цзяоси — в князя с девизом Цзяоси-ван⁴⁰ и т. д. Именно поэтому переводчик не видит иногда реального содержания, скрывающегося за тем или иным историческим термином. Так термин 通侯 'высший сановник' он переводит как 'тунский хоу'⁴¹; выражение 陸下, имеющее значение 'император' (при обращении к нему или при упоминании о нем) переведено в биографии Ли Сы как обращение к простому смертному⁴²; термин 君侯, употреблявшийся в ханьское время при обращении к высшим чиновникам, переводится в той же главе как 'император', что, разумеется, искажает смысл всей фразы⁴³; термин 約束 (или, сокращенно, 約), имевший в эпохи Чуньцю и Чжаньго наряду с общим значением ('связывать обязательством', 'ограничивать свободу') совершенно конкретное значение ('огласить приказ о своем назначении полководцем', 'привести войска к присяге на верность'), переведен восемью различными способами, во всех восьми случаях, в которых он встречается в тексте избранных глав⁴⁴. Переводчик имеет смутное представление о системе китайского календаря: сочетания циклических знаков 己卯 и 庚辰, встречающиеся в «Биографии У Цзы-сюя», он считал возможным перевести как 'в год цзи-мао...' и 'на следующий год...' ⁴⁵. Но ведь циклические знаки впервые стали применяться для летоисчисления лишь при поздних Ханях, а до этого использовались исключительно для обозначения дней⁴⁶. Поэтому сочетания 己卯 и 庚辰 означают в данном случае не 'год цзи-мао' и 'год гэн-чэнь', а 'день цзи-мао'

Ся-ян» (ИЗ, т. 10, стр. 5183). Переименование княжества Шаолин произошло, как известно, после присоединения его к Цинь в одиннадцатом году правления Хой-вэнь-вана (327 г. до н. э.). См. об этом: 楊寬・戰國史 (Ян Куань. История Чжаньго). Шанхай, 1955, стр. 259.

⁴⁰ В переводе: «Сын Ся, по имени Цзе, получил от Цзяо-си-вана звание тайфу» (стр. 58). В оригинале: 假之子解爲西王邛太傅 'Сын Ся, по имени Цзе, был тайфу правителя местности Цзяоси, носившего имя Ап'. (ИЗ, т. 7, стр. 3267).

⁴¹ СИ, стр. 228. Любопытно, что первоначально этот термин обозначался иероглифом 徹侯. Но во время правления ханьского У-ди на иероглиф 徹 было наложено табу (徹 было именем У-ди и употреблять его в письме запрещалось); он был заменен аналогичным по смыслу иероглифом 通. Так возникло сочетание 通侯, не имеющее ничего общего с титулами «хоу» (например, «хуайиньский хоу» и т. д.). О толковании термина см. словарь «Цыхай» (辭海), т. 2, стр. 187. Содержание термина 通侯 никогда не вызывало сомнений (см. D. Bodde. China first unifier. Leiden, 1938. E. Chavannes. Указ. соч., т. II, стр. 529—530).

⁴² В переводе: генерал Мэн Тянь обращается к сыну Циньшихуана, Фу Су, со словами: «Вы живете вне столицы и вас не назначили наследником престола» (стр. 230). В оригинале: 陸下居外、未立太子. 'Император в разъездах и наследник еще не назначен' (ИЗ, т. 8, стр. 3952). Переводчик считает, что выражение 陸下 можно было употребить в обращении к сыну императора, даже не являвшемуся наследником престола. Это неверно. См. словари «Гоюй цидянь» (國語辭典), т. 1, стр. 116 и «Линьмянь цидянь» (聯語辭典), т. 10, стр. 107.

⁴³ СИ, стр. 229; ИЗ, т. 8, стр. 3948. Толкование термина см.: «Цыхай», т. I, 丑, стр. 40.

⁴⁴ СИ, стр. 67 (дважды), 68, 70, 71, 167, 170, 171, ср. ИЗ, т. 7, стр. 3292 (дважды), 3294, 3301 (дважды); т. 8, стр. 3786, 3789 и 3790. Термин 約束 интересно и убедительно анализируется на большом фактическом материале Масубути Туцао в его статье «По поводу 約 в эпохи Чжаньго, Цинь и Хань» (增淵龍夫・戰國秦漢時代に於ける「約」について東方學論集 «Тохогагу ронсю», 1955, № 3).

⁴⁵ СИ, стр. 85.

⁴⁶ Подробнее об этом см.: 陳遵婦・中國古代天文學簡史 (Чэнь Цзунь-гуй. Краткий очерк истории древнекитайской астрономии). Шанхай, 1955, стр. 86; 郭沫若・甲骨文字研究 (Го Мо-жео. Изучение надписей на гадательных костях). Пекин, 1952, стр. 78—81.

и 'день гэн-чэнь'⁴⁷. Сколько же времени прошло в действительности с того момента, когда чуский Чжао-ван бежал из столицы до момента вступления усцев в столицу Чу? Мнения автора и переводчика по этому вопросу резко расходятся: по Сыма Цяню, осада чуской столицы продолжалась не более суток, по В. Панасюку — целый год! Если бы переводчик В. Панасюк внимательно ознакомился с четырьмя упоминаниями о том же самом событии в других главах «Исторических записок», а также с упоминанием о нем в «Чуньцю»⁴⁸, то он, пожалуй, не допустил бы этой ошибки.

Частная ошибка усугубляется и может вырасти в чуждую духу оригинала характеристику явления или исторического лица, если переводчик, ища выхода из логического противоречия в переводе, начинает домысливать непонятый им отрывок текста. В биографии Хань Синя автор рассказывает о том, что будущий главнокомандующий войсками императора Гаоцзу, не имея в молодости ни должности, ни средств к существованию, вынужден был скитаться по чужим людям, питаясь за их счет. Одно время он жил у своего земляка, сельского старосты. Вскоре, однако, жена хозяина усмотрела в нахлебнике обузу. Чтобы избавиться от Хань Синя, хитрая женщина начала готовить пищу рано утром, и хозяева съедали завтрак еще в постели. Когда же к столу приходил Хань Синь, то на его долю уже ничего не оставалось. Хань Синь разгадал эту уловку и, возмущенный, ушел из дома старосты. Так выглядит этот эпизод у Сыма Цяня⁴⁹. В переводе В. Панасюка он приобретает совершенно неожиданную трактовку. «Особенно часто он (т. е. Хань Синь. — М. К.) жил и кормился у своего земляка, смотрителя станции Наньчан. В течение нескольких месяцев жена старосты пыталась приворожить его. Она готовила ему пищу и старалась подавать ее утром, когда он был еще в постели. Но Хань Синь не притрагивался к пище. Он понял намерение женщины, и, разгневанный, ушел совсем»⁵⁰. Мнимая «женобоязнь» Хань Синя получает развитие в последующих строках перевода. «Один молодой мясник из Хуайиня с презрением говорил о Хань Сине: „Такой здоровый, носит меч, а женщины побаиваются!“». Другой над ним потешался: „Хань Синь, ты способен убить каждого из нас, но у тебя нет того, что есть у нас!“... Хань Синь, лукаво улыбаясь, распахивал халат...»⁵¹. Вторую половину последней фразы переводчик заменяет многоточием, сочти ее, по-видимому, несовместимой с нормами нравственности. Сыма Цянь, между тем, и не думал покушаться на нравственность читателя. В оригинале мы читаем: «Некоторые из молодых мясников в Хуайини пытались оскорбить Хань Синя, говоря ему: „Хоть и большой ты вырос и любишь носить при себе меч, но вообще-то ты трус!“». Кто-то из толпы стал глумиться над Хань Сином, говоря: „Хань Синь, если ты не боишься смерти, то сразись со мной на мечах; а если боишься, то согласишься даже проползти у меня между ног!“». И вот Хань Синь; пристально взглянул на парня, с трудом пролез у него между ног. И весь город стал смеяться над Хань Сином, удостоверившись в том, что он трус...»⁵². Нетрудно видеть, что «робость перед женщинами» родилась в Хань Сине не под кистью Сыма Цяня, а под пером переводчика.

Нет нужды говорить, что перевод классика должен прежде всего отвечать требованию точности. Свобода перевода, допустимая и даже необходимая для передачи ху-

⁴⁷ В переводе: «В год цзи-мао чуский Чжао-ван бежал из своей столицы, а на следующий год войска Хо Люя вступили в Ин». В оригинале: 己卯・楚昭王出奔・庚辰・吳王入郢 (ИЗ, т. 7, стр. 3328) 'В день цзи-мао [одиннадцатой луны] чуский Чжао-ван бежал, а в день гэн-чэнь (т. е. на следующий день. — М. К.) чуский князь вступил в Ин'.

⁴⁸ ИЗ, т. I, стр. 369; т. 3, стр. 1034; т. 5, стр. 2091; т. 5, стр. 2514; «Чуньцю», четвертый год правления Дин-гуна (春秋集解) «Чуньцю с комментариями». Шанхай, 1936, стр. 130.

⁴⁹ ИЗ, т. 8, стр. 4050.

⁵⁰ СИ, стр. 258.

⁵¹ Там же, стр. 259.

⁵² ИЗ, т. 8, стр. 4051.

дожественных образов, возможна лишь в пределах системы этих образов. Поэтому самого сурового осуждения заслуживают попытки переводчика «домыслить» за автора, «улучшить» его текст. Стремление к «улучшению» оригинала, характерное для данного перевода в целом, объясняется, очевидно, стремлением переводчика сделать перевод «Исторических записок» более «удобочитаемым». Нуждается ли произведение Сыма Цяня в подобном улучшении? Ответом на этот вопрос могут служить характеристики языка и стиля «Исторических записок», данные крупнейшими китайскими мастерами слова (напомним, что Лу Синь называл их «верифицированными» Ли Сао.). Поэтому более правильным было бы, если бы переводчик отказался от попыток пересказа Сыма Цяня своими словами, а попытался глубже проникнуть в особенности его стиля, вскрыть богатство его художественных приемов с тем, чтобы более полно и точно передать их в переводе. К сожалению, огромное разнообразие художественного арсенала автора далеко не достаточно использовано переводчиком. Он, в частности, почти совершенно игнорирует систему модальных частиц — одно из специфических для древнекитайского языка средств передачи эмоциональной окрашенности речи. Поэтому, например, сцена прощания Сыма Цяня с умирающим отцом рисуется переводчиком в спокойно-повествовательных тонах, что обедняет перевод и не соответствует духу подлинника⁵³. Перевод портит также модернизмы, которыми он буквально пестрит⁵⁴.

Пока речь идет о стилистических достоинствах или недостатках, отношение к точности перевода во многом зависит от вкуса и является вопросом дискуссионным. Но дискуссии не подлежат такие вольности в переводе, которые искажают содержание оригинала. Совершенно недопустимо произвольное исключение из перевода отдельных фраз или частей фраз. Переводчик в ряде случаев по своему усмотрению расправляется с текстом, даже не оговаривая эти купюры⁵⁵.

Некоторые частные неточности (вызванные или непониманием текста, или небрежным отношением к переводу) приобретают принципиальное значение, коль скоро они имеют отношение к историческим фактам. На стр. 224 перевода мы читаем, что когда император передал на рассмотрение Ли Сы доклад некоего Чуи Юй-юэ, министр

⁵³ СИ, стр. 41—42; ИЗ, т. 10, стр. 5197—5198.

⁵⁴ В переводе произведения, написанного в первом веке до нашей эры, странно звучат такие фразы, как: «Формально он является гегемоном, а фактически лишился симпатий во всей Поднебесной» (стр. 261); «... если не запретить эти частные учения, то государь может потерять авторитет и среди его подданных будут сколачиваться группировки» (стр. 224) и многие другие.

⁵⁵ В главе 87 («Биография Ли Сы») Сыма Цянь показывает закулисную борьбу, предшествовавшую возведению на престол Эрпихуана. Придворный евнух Чжао Гао убеждает первого министра Ли Сы принять участие в заговоре и убрать с дороги сына Циньшихуана Фу Су и генерала Мэн Тяня. В противном случае, говорит он, Фу Су станет императором и сделает Мэн Тяня своим первым министром, а Ли Сы останется ни с чем. «Подумайте сами, — говорил Чжао Гао, — можете Вы сравниться с Мэн Тянем своими способностями? Можете ли Вы сравниться с Мэн Тянем дальновидностью? Можете Вы заслугами? Можете Вы сравниться с Мэн Тянем в том, что Поднебесная не знала от него дурного? Можете Вы сравниться с Мэн Тянем в том, что он всегда пользовался доверием старшего сына императора?» (ИЗ, т. 8, стр. 3948). В переводе: «Но разве государь не говорил, что Мэн Тянь способнее всех и заслуг у него больше, чем у других, и что старший сын доверяет только ему? — спросил Чжао Гао» (стр. 227). Не говоря о прочих фактических ошибках в данном отрывке, обратим внимание на то, что два из пяти доводов Чжао Гао (третий и четвертый) переводчиком выброшены. Это сделано им умышленно, так как в следующей же фразе оригинала мы читаем: «[Ли] Сы ответил: „Во всех этих пяти [отношениях] я уступаю Мэн Тяню“» (此五者皆不及蒙恬). Совершенно невероятно, чтобы переводчик не понял эту последнюю фразу. Но чтобы скрыть произвольное исключение из предыдущей фразы двух доводов Чжао Гао, он вынужден был прибегнуть к новой вольности: 此五者 он переводит как «то, что Вы говорите» (стр. 228).

Ли Сы, «исказив смысл автора, подменил содержание доклада и представил его правителю» (между тем как Сыма Цянь пишет не о том, что Ли Сы подменил содержание доклада, а о том, что он, «сочтя мнение его неверным, отверг его доводы» 謬其說, 誦其辭⁵⁶). В той же главе Циньшихуану приписывается попытка «оглушить народ, и ставя в пример древность, заставить его не осуждать деяния царя» (в то время как Циньшихуан ставил своей целью как раз обратное: «недопустить, чтобы в Поднебесной порицали современность, сравнивая ее с древностью» 使天下無以古非今⁵⁷), — для этого, в сущности и были сожжены конфуцианские книги. В биографии Сыма Жао-цзюя действующие лица, по воле переводчика, поменялись местами: Сыма Жао-цзюй оказывается на должности инспектора армии, а Чжуан Цзя — полководцем, хотя в «Исторических записках» сказано, что Сыма Жао-цзюй соглашается стать полководцем при условии, если на должность инспектора назначат какого-нибудь уважаемого сановника, и князь назначает инспектором Чжуан Цзя⁵⁸.

Особенно внимательно переводчик должен был подойти к переводу резюме к главам — важнейших частей каждой главы. Резюме — это композиционное нововведение Сыма Цяня, характеризующее его метод исторического повествования. В самой главе автор дает изложение фактов, в послесловии — делает выводы из изложенного. Здесь он говорит языком ученого — от своего собственного имени. В резюме он указывает на те источники, которые были использованы им при работе над данной главой; приводит мнения других авторов; на основании сопоставления различных версий делает обобщение и дает оценку тем лицам и событиям, о которых рассказан выше. Резюме к главам — это та своеобразная трибуна, с которой Сыма Цянь, по его словам, высказывает «свое собственное мнение», свои взгляды на историю. Невнимание переводчика к формам исторической критики Сыма Цяня приводит к тому, что в переводе некоторых из послесловий-резюме содержатся грубые ошибки, искажающие то самое собственное мнение историка, которое особенно бережно следовало донести до читателя⁵⁹. Что же касается резюме к биографии Сыма Жао-цзюя (в переводе оно начинается словами: «Я, придворный историк Сыма Цянь от себя добавлю...»), то все это резюме действительно «добавлено от себя», но не придворным историком Сыма Цянем, а его переводчиком В. Панасюком. В переводе нет ни одной фразы, которая соответствовала бы смыслу оригинала. Общая идея этого резюме прямо противоположна тому, что хотел сказать Сыма Цянь⁶⁰.

Таким образом, данный перевод не отвечает основному требованию, предъявляемому к переводам древних памятников, — требованию точности в передаче смысла подлинника.

* * *

Все общие недостатки сборника «Избранное» протекают, очевидно, из одного источника. Они обуславливаются сознательным курсом составителей сборника на создание «популярного» перевода ряда наиболее интересных и интересных глав «Исторических записок». Только этим можно объяснить то расхождение, которое существует между предисловием к переводу и самим переводом. В предисловии дается серьезный и аргументированный анализ научной деятельности Сыма Цяня, а перевод в целом характеризуется весьма слабым знанием переводчиком существа того, что переводится. В предисловии рассматриваются особенности исторического метода и мировоззрения Сыма Цяня, а наиболее характерные в этом отношении главы в перевод не включены. В предисловии специально оговаривается необходимость решения вопроса об аутентичности современного текста «Исторических записок», а для переводчика такой про-

⁵⁶ ИЗ, т. 8, стр. 3942.

⁵⁷ Там же, стр. 3943.

⁵⁸ ИЗ, т. 7, стр. 3291; СИ, стр. 66—67.

⁵⁹ СИ, главы о Гуань Чжуню и Янь Иню (стр. 55), о Су Циню (стр. 120), о Хань Синю (стр. 282), о Ли Сы (стр. 245).

⁶⁰ ИЗ, т. 7, стр. 3295—3297; СИ, стр. 69.

блемы не существует вовсе, и он переводит все подряд, не задумываясь над тем, кому принадлежит авторство переводимого им текста. Таким образом, сборник «Избранное» никак не может быть признан адекватным переводом того памятника, о котором идет речь в предисловии.

Было бы, разумеется, неправильным отрицать, что выход сборника имеет при всех его недостатках определенное положительное значение. Сборник популяризирует труд древнекитайского ученого, и в этом заслуга его составителей. Но именно потому, что данный перевод является у нас первым в своем роде, нужно решительно вскрыть ошибочность методов и пути, избранных составителями для популяризации труда Сыма Цяня.

Следует признать, что в деле изучения и издания древнекитайских исторических памятников мы намного отстали от требований жизни и от достижений зарубежной синологии. Нельзя мириться с таким положением, когда на русском языке нет фактически ни одного удовлетворительного перевода основных произведений классической философской и исторической литературы Китая. Большинство этих памятников доступны лишь ограниченному кругу китаистов. А интересующиеся Китаем, его культурой и историей широкие круги историков, филологов, искусствоведов СССР по-прежнему вынуждены пользоваться переводами с китайского на западноевропейские языки.

Мы должны ликвидировать свое отставание в области изучения китайских исторических источников и памятников культуры. Для решения этой задачи есть только один путь: дать советскому читателю научный перевод основных памятников древнекитайской литературы и истории. Второго пути нет. К популяризации мы можем придти только через научный перевод, базирующийся на всестороннем исследовании. Подход к древнекитайскому историческому памятнику с меркой тех требований, которые предъявляются к переводу, скажем, средневекового романа, чреват серьезными последствиями, о чем свидетельствует первый опыт перевода Сыма Цяня. Из этого опыта следует вывод: популяризировать древние памятники можно, только опираясь на твердый фундамент научного перевода. От научного перевода — к популярному, а не наоборот. От углубленного исследования — к популяризации, а не наоборот. Адекватным может быть только перевод, выполненный на основе научного исследования памятника.

Задачу создания на русском языке перевода «Исторических записок» можно решить лишь в том случае, если мы используем все ценное из того, что уже сделано в этом отношении зарубежными учеными, в первую очередь учеными Китайской Народной Республики. Без этого мы не сможем правильно решить основные проблемы, встающие перед переводчиком древнекитайского памятника вообще и «Исторических записок» в частности. Без этого невозможно будет решить основную проблему работы над переводом — *проблему аутентичности текста* и установления позднейших интерполяций. Работы Б. Карлгрена⁶¹ дали много нового для методологии установления подлинности древнекитайских текстов. Нужно выяснить, что в обоснованном им лингвистическом методе может быть использовано в практическом плане применительно к установлению подлинности современного текста «Исторических записок». За последнее время вопрос о лингвистическом критерии аутентичности привлек внимание специалистов-филологов и вызвал оживленный обмен мнениями⁶². Несомненно, что только комплексное применение разнообразных критериев аутентичности даст нам решение вопроса. Вместе с тем,

⁶¹ B. Karlgren. The authenticity and nature of Tso-chuan. Göteborgs Högskolas Årsskrift, XXXII, № 3, 1926; *его же*. The authenticity of ancient Chinese texts. «The Museum of Far Eastern Antiquities». Stockholm, 1929, № 1.

⁶² 楊伯峻。從漢語史的角度來鑒定中國古籍寫作年代的一個事例 (Ян Бо-цзюнь. Один из примеров установления эпохи древнекитайского письменного памятника с точки зрения истории китайского языка). «Синьцзяньшэ», 1956, № 7; 趙捷民。用漢語幾個詞字確定古籍的寫作年代是全面的麼? (Чжао Цзе-минь. Является ли всесторонним методом установление эпохи памятника по нескольким словам?) Там же, № 9. 楊伯峻對趙捷民同志意見的答辭 (Ян Бо-цзюнь. Ответ тов. Чжао Цзе-мину). Там же.

критически восприняв достижения традиционных китайских исследований памятников, следует продолжать разработку отдельных критериев (хронология, табуирование имен, философский критерий и т. д.).

В настоящее время в Институте китаеведения АН СССР начата подготовка полного перевода «Исторических записок». Само собой разумеется, что такая работа не может быть выполнена в течение короткого времени и поэтому она не снимает задачи предварительного перевода отдельных частей труда Сыма Цяня. В связи с этим нужно решить вторую проблему — *вопрос о принципах отбора глав*, с которых следует начать перевод «Исторических записок». Задача состоит, очевидно, в том, чтобы по мере подготовки полного издания дать в первую очередь перевод глав, представляющих наибольшую ценность и интерес с двух точек зрения: во-первых, как материал для характеристики Сыма Цяня — историка и мыслителя и, во-вторых, как фактический материал по древней истории Китая.

Наконец, третья проблема — *проблема адекватности перевода*. Решить ее можно будет только в том случае, если мы решительно покончим с дилетантским подходом к переводу древнекитайских памятников. История нашей науки говорит о том, что перевод памятника, выполненный без глубокого их изучения, никогда не составлял подлинного вклада в науку. Так, навсегда забыты, скажем, переводы Бальмонта из «Шицзина» и Ду Фу — переводы высокохудожественные по своей поэтической форме, по совершенно чуждые духу оригинала. Мы знаем и другие примеры: вдумчивые и прекрасно фундированные переводы греческих историков, выполненные Ф. Г. Мищенко и акад. С. С. Жебелевым⁶³, до сих пор продолжают служить делу популяризации этих достижений античной исторической науки. Прекрасным образцом научного перевода древнекитайского памятника является работа Н. И. Конрада о военном трактате Сунь-цзы. Это перевод, выполненный параллельно с исследованием и вытекающий из исследования, подкрепленный убедительным анализом обширной комментаторской литературы как китайской, так и японской (кстати, перевод Сыма Цяня также немалым без привлечения японских комментариев и исследований текста!). К сожалению, мы не можем назвать ни одной работы, которая могла бы идти в сравнение с переводом Н. И. Конрада.

Из западноевропейских сиологов, давших образец научного перевода труда Сыма Цяня, следует назвать прежде всего Э. Шаванна, хотя его переводы были созданы более 40 лет тому назад. Мы можем и должны показать ошибки Э. Шаванна в трактовке некоторых сторон исторического метода Сыма Цяня; но научная добросовестность Шаванна-переводчика достойна уважения и подражания. Его метод работы над переводом «Исторических записок» характеризует такая деталь: только для того, чтобы перевести биографию Конфуция (гл. 47), Шаванн предпринял специальное исследование учения Конфуция и его школы. Несомненно, что задача полного перевода Сыма Цяня на русский язык может быть выполнена лишь в том случае, если работа по переводу будет вестись одновременно с углубленным изучением его труда с историко-философской точки зрения.

Таковы некоторые общие вопросы перевода и популяризации наследия Сыма Цяня, не получившие еще у нас своего практического разрешения. Сейчас, когда после организации в системе Академии наук СССР самостоятельного научно-исследовательского центра по изучению Китая — Института китаеведения созданы условия для улучшения работы во всех областях советского китаеведения, наше отставание в деле изучения памятников культуры Китая становится все более нетерпимым. Проблемы перевода и популяризации древних памятников должны привлечь внимание специалистов.

Обсуждение и разработка этих проблем окажут неоценимую помощь при создании на русском языке полного перевода «Исторических записок». Такое обсуждение, несомненно, нашло бы отклик у наших китайских коллег и у западных сиологов, поскольку насущные проблемы перевода древнекитайских памятников встают сейчас не только

⁶³ Геродот. История в девяти книгах. Пер. Ф. Г. Мищенко, т. 1—2. М., 1888; Фукидид. История. Пер. Ф. Мищенко в переработке С. Жебелева. М., 1915.

перед зарубежной синологией, но и перед учеными Китая. Эта новая обстановка создает благоприятные условия для налаживания широкого и плодотворного научного сотрудничества между специалистами различных стран, работающими над переводом и популяризацией исторических источников и культурных памятников Китая. В то же время эта новая обстановка предъявляет новые, повышенные требования к нашей работе в этой области.

SUMMARY

The article sheds light on some questions relating to the translation of Sym Tsian's «Historic Notes». The shortcomings found in the «Selected Works» (M. Goslitizdat, 1956) are attributed mainly to failure of the persons responsible for its compilation to devote proper attention to problems arising in the study of an ancient memorial. In application to the «Historic Notes» these problems may be divided into three groups: 1) authenticity of the text; 2) selection of the chapters for translation; 3) adequacy of the translation. In particular, the popularization of ancient Chinese memorial, and especially of the «Historic Notes», can be accomplished successfully, given a scientific translation. And that requires the collective efforts of our own specialists and cooperation with foreign scientists, Chinese in the first place, who are studying Sym Tsian's historic heritage.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ У ТУРКМЕН В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ В XIX ВЕКЕ

Ю. Э. БРЕГЕЛЬ

История хорезмских туркмен изучена крайне слабо. В особенности мало разработана их социально-экономическая история до присоединения Хивинского ханства к России (1873). Это в первую очередь объясняется незначительным количеством источников, введенных до сих пор в научный оборот. Между тем архив хивинских ханов XIX в., обнаруженный и описанный крупным советским востоковедом П. П. Ивановым¹, содержит много материалов по истории туркмен, главным образом хорезмских. Эти материалы совершенно не использованы историками Туркмении. Сам П. П. Иванов в своем описании показал огромное значение архива для истории Хивинского ханства в целом. В частности, он дал подробное описание и переводы документов по истории казахов и каракалпаков, однако недостаточно внимания уделил документам, касающимся туркмен; о многих из них он вообще не упомянул, о других сказал лишь вскользь. Изучение архива показывает, что он содержит обширные материалы по различным вопросам истории туркмен в XIX в. (1824—1873). Особенно интересны сведения о землевладении и нукерской службе туркмен в Хивинском ханстве. Рассмотрение этих вопросов в свете материалов архива хивинских ханов и является задачей настоящей статьи.

Наиболее ранние сведения о туркменском землевладении относятся к концу 30-х — началу 40-х годов XIX в. и принадлежат русским пленным, находившимся в Хиве в 20—30-х годах XIX в. По их рассказам, «поселенные» в Хиве туркмены (в 1833 г.) выставляли по одному воину с каждых 10 семейств, за что получали по 10 тананов земли на семью; кроме того, они должны были платить подати наравне с узбеками². Турнаев, ездивший в Хиву в 1834 г., отметил в своем путевом журнале, что туркмены «владеют жалованною от хана землею», причем она разделена на небольшие участки по числу мужчин в каждом семействе, примерно по 30 сажень на человека³. И. Г. Данилевский, побывавший в Хивинском ханстве в 1842 г., писал, что туркмены, которые получили землю в ханстве, платят налоги и выставляют одного всадника с трех киби-

¹ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Л., 1940. После П. П. Иванова изучением архива в связи с вопросом о землевладении в Хивинском ханстве плодотворно занимался М. Ю. Юлдашев.

² «Сведения о Хивинском ханстве». «Журнал мануфактур и торговли», 1843, ч. II, стр. 144, 146, 154—155. Те же сведения повторил в своей книге М. И. Еванин, только в его изложении одни из «поселенных туркмен» платили подати, а другие выставляли по одному всаднику с 10 семей и податей не платили (М. И. Еванин. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873, стр. 52).

³ М. И. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1869, стр. 271.

ток⁴. Риза-Кули-хан, возглавлявший посольство в Хиву в 1851 г., писал, что хивинский хан дает своим приближенным из туркмен землю и воду; всякий, кому он дает один «танап», приводит во время похода одного всадника, всякий, кому он дает 10 «танапов» — приводит 10 всадников⁵.

Приведенными свидетельствами исчерпываются данные о землевладении у туркмен до присоединения Хивы к России (1873). Гиршфельд и Галкин, авторы изданного в 1902—1903 гг. описания Хивинского оазиса, рассматривают интересующий нас вопрос более подробно. «Земли атлык, — пишут они, — находятся почти исключительно в пользовании туркмен, которые в прежнее время поземельной подати не платили, а обязаны были за нее военною службою, выставляя... с каждых 30 танапов 1 вооруженного всадника. Отсюда произошло название земель атлык (от слова ат — конь), причем этим именем называют участок земли в 30 танапов⁶. В другом месте эти авторы отмечают, что очень часто на одном атлыке «для уменьшения тягости податного обложения» проживает по две семьи и больше, однако в «податных списках» атлычные земли записаны лишь на главу одной семьи⁷. Кроме того, по словам Гиршфельда и Галкина, «безземельные туркмены» получали во временное пользование казенную землю, уплачивая за это натуральный налог — даик⁸.

В нашей исторической литературе чаще всего воспроизводятся эти данные Гиршфельда и Галкина⁹, причем их относят ко всему XIX в.

Интересные сведения об атлыках имеются в полевых материалах туркменской этнографической экспедиции МГУ 1955 г. под руководством Г. Е. Маркова¹⁰. Как утверждает большинство опрошенных стариков туркмен, атлыками именовались участки в 30 танапов; лишь немногие указывают меньшие размеры (10—12—25 танапов). Некоторые информаторы говорят, что все туркменские земли делились на атлыки по 30 танапов или что все туркмены имели атлыки; при этом, по их словам, за атлыки платился налог и они считались полной собственностью владельца, подобно мульку. Но многие информаторы считают, что атлыки давались предводителям (старшинам, кедхуда), которые служили пукерами у хана и не платили налогов. По словам одного старика узбека из Иклялинского района, атлыки по 30 танапов имели приближенные хана и часть туркмен. Интересно, что по утверждению некоторых стариков, старшины, получавшие атлык, делили его затем на всех членов своего родового подразделения.

Обратимся теперь к материалам архива хивинских ханов. Прежде всего необходимо остановиться на самом термине «атлык». Этот термин встречается в архиве сравнительно редко и употребляется в разных значениях. Иногда он применяется как слово «атлы» в его основном значении, т. е. «всадник»¹¹. Как название участка земли слово «атлык» мы находим всего в нескольких документах, причем главным об-

⁴ И. Г. Данилевский. Описание Хивинского ханства. «Записки ИРГО», кн. V, СПб., 1851, стр. 94. Англичанин Аббот, который был в Хиве в 1839 г., писал, что кочевники или «население, исчисляемое кибитками» (в том числе и туркмены), поставляют одного всадника с каждых четырех семей (J. Abbot. Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg, vol. II. London, 1843, appendix, p. LI).

⁵ «Материалы по истории туркмен и Туркмени», т. II. М.—Л., 1938 (в дальнейшем — МИТТ II), стр. 296.

⁶ Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса..., ч. II. Ташкент, 1903, стр. 37—38.

⁷ См. там же, стр. 55.

⁸ См. там же, стр. 38.

⁹ Обычно, однако, упускается из виду важное указание о том, что на одном атлыке очень часто проживает несколько семей.

¹⁰ См. полевые записи № 3, 7, 10, 11, 12, 19, 21, 22, 43, 47, 48, 52. Цитируемые здесь и в дальнейшем полевые записи хранятся на кафедре этнографии исторического факультета МГУ.

¹¹ Архив хивинских ханов, дафтар 25, л. 148 б; 46, л. 22 б.

разом в выражении «атлычная земля» (اتلیق یری или یری اتلیق)¹². И слово «атлык» и выражение «атлычная земля» могут употребляться как для обозначения определенных участков (например, یری اتلیق یش)¹³, так и в качестве собирательного термина для особой категории земель, в отличие от каких-либо других категорий, например, хассэ¹⁴. Вместе с тем такого рода земельные участки назывались не только «атлык», но зачастую и «атлы»¹⁵. В некоторых документах в применении к земельному участку встречается также термин «пукер», равнозначный термину «атлык»¹⁶.

Таким образом, «атлы» и «атлык» являются синонимами и употребляются параллельно как в значении «всадник», так и в значении «земельный надел». «Атлык» как название земельного участка происходит не непосредственно от слова «ат» (конь), а от «атлы» или «атлык» (ср. чагатайское اتلیغ — «конный», «верховой», اتلیق — «конные воины», «кавалерия»), в значении «всадник». Этот термин был перенесен и на название земельного участка, который приходился на одного всадника¹⁷. Таким же образом, по-видимому, и термин «пукер» иногда обозначал участок земли, приходившийся на одного пукера.

Туркмены получали необработанные земли в низовьях каналов. Такие земли назывались в Хиве *боз ер* (بوز یر) — т. е. целинные, ранее не обработанные¹⁸. Хотя к ним подходили крупные каналы, но они, очевидно, не считались еще орошенными, или «оживленными» (تازہ), так как средние и мелкие каналы («ибы» и «сальма») на них еще не были созданы¹⁹. Это подтверждается тем, что в документах архива предоставляемые туркменам небольшие участки «оживленной», но еще не обработанной земли (*тазе боз* — تازہ بوز) выделяются особо²⁰.

В литературе до сих пор не было указаний на то, кому первоначально принадлежала земля, из которой парезались атлыки. В одном из документов архива упоминается, что атлыки отводились из земли *ханлык* (خانلیق)²¹. Термин «земли ханлык» употребляет только Вамбери, причем он понимает под этим государственные земли, известные в русской литературе под названием падишалых, а в документах архива именуемые обычно хассэ²². Можно предположить, что термин «ханлык» употреблялся в разговорной речи и соответствовал официальному «хассэ» и литературному «мемлекет-и-падишахи». То, что атлычные земли выделялись из земель хассэ, подтверждается также пометками в некоторых списках над именами туркмен, получавших атлыки: «его земля [передана] в хассэ» (یری خاصه دا).²³ По-видимому, при переселении тех, кто жил на атлыках, их земли возвращались в хассэ²⁴.

По вопросу о размере атлыков из материалов архива можно извлечь лишь отрывочные сведения, относящиеся далеко не ко всем племенам и районам. Однако суммировав эти данные, мы получаем достаточно интересную картину.

¹² Архив хивинских ханов, дафтар 96; 26, л. 70а, 72б, 84б; 21, л. 177б; 10, л. 243 б.

¹³ Там же, дафтар 26, л. 86б.

¹⁴ Там же, дафтар 26, л. 72б (внизу); 96 и др. Термином «хассэ» в документах архива обозначаются государственные земли, известные в литературе под названием падишалых.

¹⁵ Там же, дафтар 21, л. 178а—179а; 98.

¹⁶ Там же, дафтар 91; 21, л. 174б—176б.

¹⁷ Термин «атлык» в этом значении больше нигде в Средней Азии не применялся.

¹⁸ См. «боз ер» у Агехи, МИТТ II, стр. 580. Туркмены называют эти земли «пар-тоу».

¹⁹ Эту сеть туркмены создавали сами.

²⁰ Архив хивинских ханов, дафтар 96; 26, л. 71а.

²¹ Там же, дафтар 26, л. 84б.

²² См. А. Вамбери. Очерки Средней Азии. М., 1868, стр. 219.

²³ Архив хивинских ханов, дафтар 26, л. 71а, 73а.

²⁴ Если бы они выдавались из личных земель хана, то, вероятно, в этом случае отходили бы снова к хану.

Таблица 1

Размер атлыков, выдававшихся туркменским племенам*

Годы	Районы	Племена	Размер атлыков в танапах**	Число атлыков	Примечания
20-е годы XIX в.	Боз-яб (пизовья)	Чоудоры	50	39	
1852	Ак-тепе	Имрели	50	45	
1852	Кызыл-Такыр	Али-или	30	94	
1860	Кызыл-Такыр	Гёклены	50	501	
1861/62	(?)	Арабачи	20	23	Атлыки выданы «из земель уйгуров», по-видимому, где-то между Ташаусом и Газаватом.
1861/62	(?)	Али-или	20	34	
1861/62	(?)	Али-или	50	2	
1861/62	(?)	Тиведжи	20	30	
1861/62	(?)	Сарыки	20	5	
1864	Между Кятом и Гурленом	Чоудоры	10	19	Атлыки выданы «из земель кыят-кунгратов».
1864	Между Кятом и Гурленом	Чоудоры	20	1	
1863—1872	Бака-чанак	Арабачи	20	15	Документ датируется приблизительно
1868	(?)	Карадашлы	50	248	
1870	Кызыл-Такыр и Кандум-кала	Чоудоры	50	155	
1870	Кызыл-Такыр и Кандум-кала	Маприки	50	177	
1870	Кызыл-Такыр и Кандум-кала	Гёклены	50	382	
1870	Кызыл-Такыр и Кандум-кала	Али-или	30	315	
1870	Кызыл-Такыр и Кандум-кала	Теке	30	55	
1870	Кызыл-Такыр и Кандум-кала	Махтумы	30	75	
1864—1870	Янгй-арык	Гёклены	8	51	Документ датируется приблизительно.
		Всего	50	2266	
		в том числе	30	1549	
			20	539	
			8—10	108	
				70	

* Источники: Архив хивинских ханов, дафтар 5, л. 153 (20-е годы XIX в.); 26, л. 846 (1852 г.); 96 (1852 г.); 98 (1860 г.); 25, л. 1486 (1861/62 г.); 9, л. 16а (1861/62 г.); 21, л. 2136 (1864 г.); 10, л. 2446 (1863—1872 гг.); 91, 21, л. 1746—1766 (1868 г.), 1776 (1870 г.), 2076 (1864—1870 гг.).

** Хивинский танап был равен 0,3—0,45 га.

На основании приведенных данных можно, прежде всего, заключить, что с 20-х по 70-е годы XIX в. размеры атлыков были в общем неизменны. Вместе с тем, как видим, площадь атлыка была различна в зависимости от района: ближе к хорошо орошенным культурным землям (как район Янгй-арык, земли кыят-кунгратов и уйгуров) атлыки были значительно меньше (20, 10 и даже 8 танапов), чем в слабо орошенных районах (как Ак-тепе, Кызыл-Такыр), где они равнялись 30—50 танапам²⁵.

²⁵ Нужно иметь в виду, что подавляющее большинство туркмен поселилось как раз в этих более отдаленных районах.

Две трети всех атлыков, размер которых указан в архиве, были по 50 танапов. Мнение Гиришфельда и Галкина и почти единодушные утверждения стариков туркмен, будто атлыком назывался участок в 30 танапов, объясняется тем, что с 1873 г., когда пукерская служба у туркмен была заменена налогом салгыт-кесме, атлык как единица податного обложения был принят повсюду в 30 танапов. Отсюда и счет «на атлыки», о котором говорят Гиришфельд и Галкин. Это уже более позднее явление, которое в памяти местных жителей заслонило то, что было ранее.

Что основная масса атлыков была размером в 50, а не 30 танапов, подтверждается и «Запиской» Лыкошина 1912 г.²⁶

Центральным вопросом при изучении туркменского «атлычного» землевладения является вопрос о том, кто был владельцем атлыка, или атлычной земли. Материалы архива не дают на это прямого ответа. Для решения этой проблемы приходится обратиться к некоторым косвенным данным. Представление о том, что атлык давался на каждую семью (кибитку — *اويلى*), невозможно увязать с тем соотношением числа кибиток и атлыков у туркмен, которое дают Гиришфельд и Галкин, Лобачевский и Лыкошин²⁷.

Таблица 2

Соотношение числа кибиток и атлыков*

Племена	1900 г.		1912 г.			
	По Гиришфельду и Галкину		По Лобачевскому	По Лыкошину		
	кибиток	атлыков	кибиток	кибиток	атлыков	земли в танапах
Йомуты в районе Тахта	10 600	1 000	9 000	около 7 000	1 000	50 000
в районе Мангыта	1 260			(?)	300	15 000
в районе Куля-Ургенча	3 140			8 500	250**	до 20 000
Чоудоры	5 500	400	7 000	7 000	550	до 30 000
Имрели	около 5 000	600	3 500	до 7 000	700	45 000
Карадашлы	около 2 000	250	2 000		300	
Всего	27 500	2 250	30 000	—	3 100	160 000***

* Источники: Гиришфельд и Галкин. Указ. соч., ч. II, стр. 66—70 и табл. 1 и 2; Лобачевский. Хивинский район. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Ташкент, 1912, стр. 54—55, 66, табл. 3; Лыкошин. Записка о состоянии Хивинского ханства в 1912 г. — Цит. по: Г. Е. Марков. Очерк истории формирования туркменского населения Хорезмского оазиса в XVII—начале XX в. (канд. дисс.), М., 1954, стр. 264—265.

** В районе Куля-Ургенча значительная часть туркмен (озерные йомуты) не имела атлыков и держала государственные (надшальчинные) земли.

*** Примерно такая же площадь туркменских земель была зафиксирована и в 1925 г. — 48 764 десятины (около 130 000 танапов). «Материалы по районированию Средней Азии, кн. 2, Хорезм». Ташкент, 1926, стр. 18.

Как видим, на 7—10 кибиток (семей) приходился всего один атлык. Если считать, что атлык давался на одну семью, то, естественно, возникает вопрос: на какой же

²⁶ См. табл. 2.

²⁷ Эти сведения относятся к 1900 и 1912 гг., но соотношение вряд ли могло существенно измениться после 1873 г., так как, с одной стороны, со времени присоединения ханства к России не произошло сокращения числа атлыков, а с другой, — за тот же период не было значительного прироста туркменского населения.

земле жили остальные семьи, т. е. подавляющее большинство туркмен? Невозможно согласиться с предположением, что «рядовые» туркмены, не получавшие атлыков, жили где-то в другом месте на падшальчной земле (как утверждают, например, авторы макета «Истории Туркмени»).²⁸

Прежде всего, ни один из имеющихся источников (включая этнографические данные) не говорит о наличии большого количества государственных земель, занятых туркменами, где-либо кроме двух районов: на правом берегу Аму-Дарьи и к северу от Куны-Ургенча²⁹. Известно, далее, что туркмены расселялись всегда строго по родовым группам (тире); такое расселение в большинстве случаев сохраняется до настоящего времени. Поэтому совершенно ошибочным является утверждение, что в одном месте — на атлычной земле — жили «привилегированные» лица из какого-либо тире, а в другом — на падшальчной земле — жили «рядовые» туркмены из того же тире.

Можно сделать другое предположение: остальные туркмены арендовали землю у владельца атлыка и были зависимы от него³⁰. Но это значит признать наличие массы безземельных и развитые феодальные отношения (в таких же формах, как у хивинских узбеков) у туркмен еще в первой половине XIX в., в период их поселения в Хивинском ханстве. Однако это не подтверждается всеми сведениями, имеющимися в литературе, и не установлено с достаточной достоверностью даже для конца XIX в.

Обратимся к некоторым этнографическим данным. Почти все рассказы стариков туркмен свидетельствуют, что у туркмен Хорезмского оазиса до самого последнего времени сохранялась большая семья³¹. Так, у туркмен-ата, по рассказам стариков, еще в их молодости все, имевшие общего предка, жили вместе одной семьей, которая называлась ходжалык, или машгала (т. е. хозяйство). Во главе семьи, насчитывавшей 15—25, а по утверждению некоторых даже 50—60 человек, стоял старик — ходжалык-баши, которого все слушались беспрекословно. В каждом хозяйстве было несколько кибиток. У имрели, как сообщают старики, в больших семьях было до 50—60 человек; они вели общее хозяйство, но женатые сыновья жили в отдельных юртах. То же самое отмечается у карадашлы: семьи состояли из 20—30 человек, у женатых сыновей были отдельные жилища (ятак-джай), но хозяйство оставалось общим и его вел ходжалык-баши. У го́кленов на правом берегу Аму-Дарьи, по рассказам стариков, Сафар-Кули-бекиль, владевший атлыком, обрабатывал его сам со своей семьей, насчитывавшей 30 человек. Большая семья, как уже указывалось в нашей литературе, была характерна и для мервских текинцев в середине XIX в.³²

Однако, судя по тем же этнографическим материалам, неразделенные большие семьи существовали уже не повсеместно; хотя все еще было характерно стремление сохранить общее хозяйство, женатые сыновья нередко выделялись, причем это не встречало особых затруднений³³. Поэтому вряд ли можно утверждать, что у хорезмских туркмен, по крайней мере во второй половине XIX в., сохранялась такая же большая семья, какая была известна, например, у славян. Но в то же время есть ряд свидетельств о том, что выделенные взрослые сыновья жили всегда рядом с отцом³⁴; образовывалась группа хозяйств, тесно связанных как родственными отношениями, так и хозяйственными интересами, которая могла включать несколько родственных семей

²⁸ См. Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 275, 265; Н. Ибрагимов. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах. «Военный сборник», 1874, т. 98, стр. 134.

²⁹ Так утверждает, например, А. А. Росляков (А. Росляков. Краткий очерк истории Туркменистана. Ашхабад, 1956, стр. 147).

³⁰ См. полевые записи № 5, 28, 42, 45, 46, 51, 52.

³¹ Ага Карриев, В. Мошкова, А. Насонов, А. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 339.

³² Полевые записи № 45, 51, 52. По Н. Ибрагимову, выделение или оставление в семье женатого сына целиком зависят от воли отца. См. Н. Ибрагимов. Указ. соч., стр. 150.

³³ Полевые записи № 38, 40, 55.

разных поколений. По-видимому, именно такая группа называлась у туркмен «бир ата» (т. е. происходящие от одного предка) или «кан дюшер».

Подобные группы, названные им «семейно-родственными», отмечены С. М. Абрамзоном у киргизов и казахов³⁴. Такую же группу представляло собой каракалпакское «коше»³⁵.

Можно полагать, что на атлыке проживала именно такая семейно-родственная группа, а в некоторых случаях, особенно в более раннее время, — большая неразделенная семья. Это, конечно, не исключает в подобной группе имущественного расслоения, при котором родственные семьи зависят в той или иной степени от одного или нескольких наиболее богатых семейств и эксплуатируются ими.

Наличие имущественного расслоения среди туркмен в XIX в. бесспорно. Как будет показано ниже, не каждый туркмен имел возможность служить нукером. Нукером становился глава наиболее богатой семьи, возглавлявшей семейно-родственную группу³⁶. Он был формально как бы ее «представителем», и на его имя выдавался атлык, атлычная земля. В свою очередь, он руководил разделом полученной земли на участки, поступающие в распоряжение отдельных малых семей³⁷.

Очевидно, атлычная земля, особенно первоначально, считалась собственностью семейно-родственной группы в целом. Хотя на это нет прямых указаний, такое заключение можно вывести из того, что у хивинских туркмен вплоть до революции сохранялось представление о племени, родовом подразделении как верховном распорядителе полученной от хана земли. Так, Агехи в рассказе о событиях 1856 г. сообщает, что после восстания йомутские племена вернулись в район Ак-Сарая — Янги-яба и «поселились здесь каждый на своей земле», а затем каждое из прочих туркменских племен «заняло принадлежавшую ему территорию»³⁸. Ибрагимов сообщает, что у племени ата был «документ на владение занимаемой ими землею, выданный ханом Алла-Кули»³⁹. Должно быть, подобный же ярлык на земли в низовьях канала Найман был выдан Мухаммед-Рахим-ханом нескольким текинским «предводителям вместе с их подданными»⁴⁰. Лыкошин рассказывает, что куль-йомуты считали нарушителями традиций и изменниками группу своих соплеменников, арендовавших у ханского сановника пожалованную ему ханом землю, которая ранее считалась принадлежавшей «всем туркменам» (т. е. куль-йомутам)⁴¹. В архиве хивинских ханов упоминаются «земли имрели» и «старинные земли имрели». В описаниях земельных участков отмечаются земли племени ата, земли подразделения казак и подразделения карадашлы из племени имрели⁴².

Приведенные выше данные не означают, конечно, что у туркмен фактически земля находилась в распоряжении всего рода или племени; это было лишь представление, уже не отражавшее реально сложившихся отношений.

По словам стариков туркмен, хивинское правительство выдавало землю на все

³⁴ С. М. Абрамзон. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. Сб. «Родовое общество». М., 1951, стр. 152—156.

³⁵ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950, стр. 82.

³⁶ Впрочем, следует отметить, что сам глава семьи или семейно-родственной группы мог, видимо, и не служить нукером, — вместо него мог служить кто-либо из его ближайших родственников (сын, младший брат и т. п.).

³⁷ По словам Турпаева, земля делилась по числу мужчин в каждой семье (см. выше). О том, что земля, полученная туркменами, дробилась затем на небольшие участки (по 3—5 тананов), рассказывают все информаторы; разделом руководил старшина — атлык-баши (полевые записи № 10, 11, 13, 15, 17, 19).

³⁸ МИТТ II, стр. 579.

³⁹ Н. Ибрагимов. Указ. соч., стр. 134, прим. 2.

⁴⁰ МИТТ II, стр. 391.

⁴¹ Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 289.

⁴² Архив хивинских ханов, дафтар 21, л. 81а, 179а; 96; 26, л. 846.

тире (родовое подразделение)⁴³. Действительно, судя по описаниям атлычных земель, полученных племенами али-или и имрели, эти земли отмерялись большей частью крупными участками, сразу на целое подразделение (родовую группу), причем вся земля записывалась на имя старшины, предводителя родовой группы. Из этого еще не следует, что старшина произвольно распоряжался этой землей. Он лишь руководил дальнейшей разбивкой земель на отдельные атлыки, которая осуществлялась, по-видимому, при участии всех старшин данного подразделения⁴⁴.

В каждом тире и даже в племени (получившем землю в одном районе) все атлыки были, как правило, одинаковой величины. Но были и исключения: иногда на одну семью (семейно-родственную группу) приходилось $1\frac{1}{4}$ —2 или же $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ атлыка⁴⁵. Причины этого пока трудно объяснить.

Судя по рассказам туркмен, считалось, что при дальнейшем разделе земли в атлыке между членами семейно-родственной группы каждый брал столько земли, сколько мог обработать, однако на деле большую роль играли имущественное положение и степень родства со старшиной, который ведал разделом земли.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что туркменские атлыки представляли собой участки, на которых проживала семейно-родственная группа (или большая неразделенная семья). Данная группа освобождалась от поземельного налога при обязательстве ее главы (или его ближайшего родственника) служить нукером у хивинского хана. Атлыки делились на мелкие участки, которыми владели малые семьи, входившие в состав родственной группы⁴⁶.

Атлыки в известной мере напоминают некоторые виды военно-ленного землевладения, существовавшие в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, в частности сефевидский тиул⁴⁷ и особенно афганский джагир-кульба⁴⁸. У атлыков было одно существенное отличие, которое не позволяет полностью отождествить их с феодальным военно-ленным держанием: нукер, на имя которого выдавался атлык и который возглавлял семейно-родственную группу, не был феодалом. Главное условие владения атлыком (несение военной службы) было то же, что и при пожаловании тиула или джагир-кульба. Однако отношения между нукерами и остальными членами группы, проживавшей на атлыке, как было показано выше, не были аналогичны тем, которые существовали между владельцем тиула (или джагир-кульба) и зависимым от него населением⁴⁹.

Приведенное выше определение атлыка нельзя еще считать полностью доказанным. По моему мнению, оно является наиболее вероятной гипотезой, помогающей объяснить

⁴³ Полевые записи № 28, 50, 52, 53.

⁴⁴ Земля отмерялась хивинскими чиновниками-землемерами, которых туркмены называли «таначчи» (полевые записи № 50, 52).

⁴⁵ Такие случаи довольно редки: см. архив хивинских ханов, дафтар 26, л. 726; 21, л. 175а, 175б, 176а; 91, л. 26, 36.

⁴⁶ Это не значит, что вся площадь атлыка распределялась между отдельными семьями. Туркмены получали обычно плохо орошенные земли и обрабатывали их переложным способом, так что значительная часть земли могла пустовать. Площадь возделываемой части атлыка сокращалась или расширялась в зависимости от состояния ирригационной сети. По словам стариков, отдельные семьи могли увеличить свой надел за счет необработанной земли (полевая запись № 49).

⁴⁷ Атлык близок лишь к одной из разновидностей тиула — землям кочевых и полукочевых племен, зачастую не имевшим точного наименования (см. И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, стр. 81, 191—192, 206, 213).

⁴⁸ См. И. М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954, стр. 193, 319—322.

⁴⁹ Характерной чертой тиулов кочевых племен и джагир-кульба являлось то, что их владельцы эксплуатировали в основном оседлое иноплеменное население, находившееся на этих землях (см. И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 311; И. М. Рейснер. Указ. соч., стр. 322).

уже известные нам факты⁵⁰. Однако по ряду важных вопросов — таких, как история возникновения атлычной формы землевладения, условия наследования атлыка, формы землепользования на атлычных землях, — мы еще не можем даже строить предположения ввиду отсутствия фактического материала.

Туркменской родовой верхушке и ишанам выдавалась сверх атлычной еще земля «за аксакальство» — в виде награды или подарка (инам)⁵¹. Судя по тому, что в некоторых документах эта земля, в отличие от атлычной, называется «своей», или «собственной», землей (اوزی)⁵², она являлась муьком, т. е. принадлежала старшинам на правах частной собственности. В некоторых случаях, видимо, небольшие участки муьковой земли получали и рядовые нукеры — главы семейно-родственных групп⁵³. Размеры инамов, которые давались старшинам, были различны — от 10 до 50, а иногда даже до 100 тананов⁵⁴. На этой земле находилась и усадьба (хаули) старшины⁵⁵. Очевидно, старшины не обрабатывали эти земли собственными силами и сдавали их в аренду издольщикам, о чем свидетельствуют рассказы стариков туркмен⁵⁶. Раздавая туркменским старшинам крупные участки земли в частную собственность в виде «подарков», хивинское правительство стремилось создать себе из них надежную опору. Вместе с тем образование крупных — по хивинским масштабам — земельных владений у родо-племенной верхушки и имущественное расслоение среди рядовых туркмен являлось основой развития феодальных отношений у туркменских племен Хорезмского оазиса.

* * *

В литературе существует представление о туркменских нукерах, служивших хивинскому хану, как о конном войске⁵⁷. Материалы архива хивинских ханов вполне это подтверждают. Почти всюду, где речь идет о туркменских воинах, о них говорится как о всадниках. В большинстве случаев по отношению к туркменам вместо термина «нукер» применяется термин «атлы» — всадник.

⁵⁰ В частности, становится понятным, почему туркмены, через земли которых проезжал в 1834 г. Турнаев, жаловались ему на «малое число данной земли» (М. Н. Гаакин. Указ. соч., стр. 278). Если считать, что на каждую малую семью (кибитку) приходилось 30—50 тананов (1 атлык), то жалобы на малоземелье невозможно объяснить, особенно если мы учтем, что средний надел узбекского крестьянина в Хиве был 5 тананов, а обладавший 10 тананами считался уже зажиточным человеком. Размер в 50 тананов, как заметил П. П. Иванов, характерен для владений хивинских феодалов (П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 24); нельзя было бы утверждать, что целые племена состояли исключительно из феодалов.

⁵¹ Архив хивинских ханов, дафтар 96; 91; 26, л. 846. Инам — награда, или подарок, от вышестоящего лица. По рассказам стариков туркмен земли, которые предводители получали в подарок от хана, назывались «силах» (полевая запись № 22). Интересно, что при саначиковом — общинном — землепользовании у туркмен старшинам и мирабам также выделялись особые участки, называвшиеся «силах» (точнее — сылаг, от глагола сыламак), т. е. «подарок», однако «сылаг», в отличие от «инам», обозначает вообще подарок, который дается в знак уважения вышестоящему лицу от нижестоящего.

⁵² «Собственная» земля Аба-юзбашин; земля, выданная «самому» (или «личному») Аба за аксакальство (اوزیغه اقسقالیغه بیریلکان یری). Архив хивинских ханов, дафтар 96. Ср. также пометку اوز ملکی в дафтаре 91, л. 3а (над одним из имен в списке нукеров-карадашлы, получивших атлыки).

⁵³ Ср. Архив хивинских ханов, дафтар 91, л. 3а и слова اوز یرلاری в дафтаре 26, л. 846.

⁵⁴ Архив хивинских ханов, дафтар 21, л. 1776; 25, л. 1486 — 149а; 9, л. 186—19а.

⁵⁵ Там же, дафтар 96, л. 1а.

⁵⁶ Полевые записи № 22, 53. Многие старики, впрочем, утверждают, что арендаторов-издольщиков среди туркмен было мало (полевые записи № 10, 11, 22).

⁵⁷ См. «История народов Узбекистана», т. II. Ташкент, 1947, стр. 162.

Бухарский историк Мир-Абдулкерим писал, что у йомутов в начале XIX в. каждая семья выставляла двух всадников⁵⁸. А. А. Росляков, исходя из этого, полагает, что 12—15 тыс. семейств хивинских туркмен могли выставить 25—30 тыс. конных воинов⁵⁹. Отсюда следует, что конными воинами являлись все взрослые мужчины⁶⁰. Однако изучение источников показывает, что это не так.

Хивинские хроники в ряде случаев упоминают не только конных, но и пеших туркменских воинов. Интересно, в каких именно случаях говорится о «пеших» туркменах. Во время восстания 1856 г. все йомуты, «кто имел какие-либо средства передвижения и даже пешие», двинулись в Хиву⁶¹. В 1858 г. ранее откочевавшие на юг гоклены, решив вернуться в Хивинское ханство, «с трудом — кто пеший, кто конный» выступили в Хорезм⁶². При описании восстания туркмен в 1867 г. говорится, что туркмены подошли к хивинскому войску «со всеми своими конными и пешими бойцами»⁶³; «они со всей своей конницей и пешими выступили из своего стана»⁶⁴; «Мурад-казы... во главе многочисленных пеших и конных йомутов»⁶⁵; Ата-Мурад-хан «прибыл с двумястами пеших стрелков на помощь мятежникам»⁶⁶. В архиве хивинских ханов, в тетради, относящейся к тому же периоду (1283/1867), упоминается пять пеших йомутов во главе с неким Амангельды⁶⁷.

Во всех цитированных местах, как видим, имеются в виду либо туркменские восстания, либо перекочевки целого племени, т. е. такие события, в которых принимало участие все туркменское население. Интересно сопоставить с этим еще два свидетельства. И. Г. Данилевский (1842) сообщает следующее: «Один житель Келата рассказывал нам, что был очевидцем, как туркмены, собираясь отомстить келатам за угнанный у них скот, не могли набрать 2000 лошадей для набега, несмотря на то, что число туркменских кибиток простиралось до 10 000»⁶⁸. В 1915 г., во время туркменского восстания, дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе Колосовский докладывал, что в лагере восставших туркмен под Газаватом было всего около двух тысяч человек, из них до 500 конных, а остальные пешие⁶⁹.

Сопоставим число кибиток и количество лошадей у туркмен по данным начала XX в. По Гиршфельду и Галкину, в бекстве Ильялы было 7163 кибитки туркмен и 1332 двора узбеков, лошадей всего 4700; в бекстве Порсу — 5500 кибиток туркмен, а лошадей — 3900. Правда, у йомутов, по их словам, было 40 800 лошадей на 15 000 кибиток⁷⁰. Но по данным Лобачевского, всего у хивинских туркмен в 1910 г. насчитывалось 39 600 лошадей (на 33 171 кибитку)⁷¹. Если же мы примем во внимание имущественное расслоение, то придется признать, что лошадь была далеко не у каждой малой семьи⁷².

⁵⁸ МИТТ II, стр. 203.

⁵⁹ А. А. Росляков. Аламань. «Советская этнография», 1955, № 2, стр. 57.

⁶⁰ Имея в виду, что «семейство» в данном случае то же, что «кибитка», и исходя из общепринятого расчета: пять человек на одну кибитку.

⁶¹ МИТТ II, стр. 559. Здесь и в дальнейшем курсив мой. — Ю. В.

⁶² МИТТ II, стр. 595.

⁶³ МИТТ II, стр. 628.

⁶⁴ МИТТ II, стр. 631.

⁶⁵ МИТТ II, стр. 632.

⁶⁶ МИТТ II, стр. 635.

⁶⁷ Архив востоковедов Института востоковедения АН СССР, ф. 33 (архив Куна), № 8, л. 126.

⁶⁸ И. Г. Данилевский. Указ. соч., стр. 128, прим. Речь идет о текинцах.

⁶⁹ Г. И. Карпов и Д. М. Батцер. Хивинские туркмены и конец кунградской династии. Ашхабад, 1930, стр. 59.

⁷⁰ Гиршфельд и Галкин. Указ. соч., т. II, стр. 66—70, табл. 1 и 2; стр. 194, табл. 3.

⁷¹ Лобачевский. Указ. соч., стр. 54—55 и табл. 3; стр. 80, 105.

⁷² Нужно еще учесть, что если у рядового туркмена, занимавшегося земледелием, была только одна рабочая лошадь (ябу), то она не всегда могла быть пригодна для похода, особенно через пустыню.

Ясно, что не все туркмены могли служить у хана конными нукерами. Понятно поэтому утверждения большинства стариков туркмен о том, что нукерами у хана служили только предводители, старшины, батыры и т. п.⁷³ Можно предположить, правда, что это относится к более позднему времени, после 1873 г., когда обязательная нукерская служба для туркмен была отменена. Но для сравнения можно привести чрезвычайно интересное свидетельство, относящееся к 1745 г. В журнале Копытовского имеется следующая запись, сделанная со слов брата чоудорского старшины Канбарбека: «Хотя до к ним [туркменам] шах [Надир] прислал и парочного персидского хана... чтобы они были у него в подданстве и дали б ему войска, токмо [были] б все [из] знатных, а они де перее думали было и отдать ис подлого, а паче ис пешего народа (курсив мой. — Ю. В.), но потом услышали, что он желает лучших, то де они отказали ему»⁷⁴. Здесь прямо ставится знак равенства между «пешим» и «подлым» народом (или, по крайней мере, большей его частью), который противопоставляется «знатным», являющимся, очевидно, конными.

Таким образом, конными нукерами могли служить лишь наиболее зажиточные туркмены — старшины и главы семейно-родственных групп, — которые были в состоянии не только явиться на службу на коне и с оружием, но и «привести с собой двух верблюдов для перевозки походного провiantа»⁷⁵. На имя этих людей и давались атлыки, они и фигурируют во всех документах архива. Рядовые туркмены не участвовали в походах и набегах не потому, что не хотели (это было обычно весьма прибыльным занятием), а потому, что не имели лошадей и снаряжения.

Напомню слова Абульгази (середина XVII в.) о туркменах, которые были им подчинены Хиве: «Хорошие из них (т. е. знатные, богатые — Ю. В.) стали нукерами, а плохие — райятами»⁷⁶. То же характерно и для XIX в., судя по материалам архива хивинских ханов. П. П. Ивановым был опубликован только один список нукеров-туркмен (за 1827 г.). Мною обнаружены в архиве еще два списка нукеров-туркмен; по трем спискам можно с достаточной достоверностью установить число нукеров-туркмен в Хивинском ханстве в 1825—1832 гг. (см. табл. 3).

Данные о количестве туркменских кибиток, относящиеся к 1900—1910 гг., со значительной степенью вероятности можно отнести и к первой половине XIX в., поскольку число кибиток, видимо, изменилось незначительно⁷⁷.

Из приведенной таблицы явствует, что туркмены выставляли одного нукера в среднем не менее чем на пять-шесть семейств (кибиток). Вряд ли $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{6}$ часть населения можно причислить к «военно-феодальной знати», как делает А. А. Росляков⁷⁸. Нукерами служили вообще наиболее состоятельные туркмены, причем старшины — «ханы», беки, векили, юзбаны и др., которых, может быть, только и правомерно называть «военно-феодальной знатью», — составляли лишь часть нукеров.

⁷³ Полевые записи № 3, 7, 17, 30, 31, 46, 47, 48.

⁷⁴ «Из истории сношения России с туркменами в XVIII в.». «Красный архив», 1939, № 2 (93), стр. 221.

⁷⁵ МИТТ II, стр. 296. По словам русских пленных в Хиве, хивинские нукеры брали на двух-трех человек одного верблюда с продовольствием. Неизвестно, впрочем, имеются в виду все нукеры или только узбеки. («Журнал мануфактур и торговли», 1843, ч. II, стр. 151—152).

⁷⁶ *يخشى لاری نوکر و یمانلاری رعیت بولدیار*. См. А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. Текст, перевод, исследование (докт. дисс.). Л., 1947, т. I, стр. 34, 102; т. II, стр. 2.

⁷⁷ Естественный прирост населения перекрывался убылью в результате восстаний и откочевки части туркмен на юг.

⁷⁸ А. А. Росляков. Аламань. «Советская этнография», 1955, № 2, стр. 50. В своей последней работе А. А. Росляков бездоказательно утверждает, что нукеры у хивинских туркмен составляли 6—7% населения, и относит их к «классу феодалов» (А. А. Росляков. Краткий очерк истории Туркменистана, стр. 145—147).

Таблица 3

Численность нукеров-туркмен по племенам в сравнении с количеством кибиток*

Племена	Нукеры			Кибитки (семьи) **		Атлыки
	1825 г.	1827 г.	1831/32 г.	1900 г.	1909—1910 гг.	
Йомуты	1 036	1 087	1 059	15 000	17 500	1 550
Чоудоры	1 060	1 237	1 889	5 500	7 000	550
Имрели	410	1 065	1 005	около 5 000	3 500	700
Карадашлы	110	190	296	около 2 000	2 000	300
Али-или	—	—	199	—	—	—
Токо	225	234	339	—	—	—
Сарыки	—	16	27	—	—	—
Мехинли	—	—	100	—	—	—
Гёкленлы	116	265	—	—	—	—
Ата	—	—	—	—	—	—
Ших	30	30	—	—	—	—
Всего	2 987	4 124	5 925	30 050	33 171	3 100

* Источники: Архив хивинских ханов, дафтар 59, л. 23а—25а (1825 г.); 5, л. 181а—219а (1827 г.); 59, л. 12а—166 (1831/32 г.). *Гиришбелд* и *Галкин*. Указ. соч., т. II, стр. 66—70, табл. 1 и 2. *Лобачевский*. Указ. соч., стр. 54—55, табл. 3.

** Я привожу число кибиток только по четырем основным племенам и итоговое, так как для других племен оно не характерно в применении к более раннему периоду (в связи с многочисленными переселениями).

Конечно, в походах участвовали не только те лица, которые официально числились нукерами. Отдельные авторы указывают, что туркмены всегда выставляли в поход большее число нукеров, чем от них требовали⁷⁹. Объяснение этому (впрочем, требующее дальнейшего подтверждения фактами) дает А. А. Росляков, сообщая, что туркменская знать привлекала бедноту к участию в набегах, снабжая ее конями и оружием и забирала половину добычи или платя деньгами за приведенных пленных⁸⁰.

Точных данных о том, несли ли нукерскую службу туркмены, поселенные на падшалычной земле, еще нет⁸¹. Можно предположить, что именно к ним относятся сведения о туркменах, которые поставили одного нукера с каждых десяти хозяйств. Впрочем, этот вопрос требует дополнительного исследования.

Документы архива дают богатый материал о характере и организации нукерской службы туркмен. Из списков нукеров видно, что туркменское войско было организовано строго по родо-племенному признаку. Это подтверждается и хивинскими хрониками⁸². Старшины, возглавлявшие родовые подразделения, во время войны являлись начальниками конных отрядов, которые выставлялись соответствующими подразделениями. Нукерами отдельного туркменского племени командовал узбекский военачальник. Хивинские хроники упоминают об этом уже с 1826 г.⁸³, т. е. с начала правления Алла-Кули-хана, но особенно ясно это прослеживается с 1836 г. В 1834 г.

⁷⁹ «Журнал мануфактур и торговли», 1843, ч. II, стр. 155.

⁸⁰ А. А. Росляков. Аламань..., стр. 50—51.

⁸¹ Падшалычную землю туркмены держали главным образом в районе Куна-Ургента и на правом берегу Аму-Дарьи.

⁸² МИТТ II, стр. 472; 436 и др. Добыча также делилась по племенам (см. МИТТ II, стр. 399).

⁸³ МИТТ II, стр. 435. Ранее есть еще три упоминания об узбеках, командующих отрядами туркменских племен (МИТТ II, стр. 372, 401, 424), первое из них относится к 1805 г. Но в подавляющем большинстве случаев туркменские отряды выступают в это время еще под командованием собственных предводителей.

хроники последний раз отмечают отряд племени имрели под командованием туркменских предводителей⁸⁴. В последующие годы войска каждого туркменского племени находились исключительно под начальством узбекских сановников: например, кыят Худайр-бий командовал войском гёкленов с 1836 до 1855 г.⁸⁵ В ряде мест в хивинских хрониках есть свидетельства о том, что узбекские сановники не только командовали туркменскими нукерами во время войны, но и управляли, каждый соответствующим племенем, также и в мирное время⁸⁶.

Архив хивинских ханов содержит большой материал, позволяющий установить, какое вознаграждение получали туркменские нукеры. Постоянного денежного жалования у них не было. Не подтверждается также документами архива то, что после каждого похода вознаграждались все участвовавшие в нем воины, как об этом говорит Агехи⁸⁷. Денежные выдачи нукерам-туркменам можно отметить двух видов: награды (инам) за доставленные головы и пленников, вознаграждение за ранение, потерю лошади и оружия и денежная компенсация в случае смерти нукера (очевидно, семье). Размеры этих выдач были следующие: за голову (или «пару ушей») убитого врага — 10 тилля; за доставленного пленника — 20 тилля⁸⁸; за ранение — от 1 до 10 тилля⁸⁹; по случаю смерти — 20 тилля⁹⁰; за ранение лошади — 5—10 тилля⁹¹; за потерю оружия (сабли, ружья) в бою — 1 1/2—4 тилля⁹².

Одним из видов денежных выдач туркменам являлся *конук* (قونوق). По-видимому, когда-то в более раннее время этот термин соответствовал *коналга* قونالغه (постоян, т. е. возлагавшаяся на население повинность по содержанию войск)⁹³. Но в середине XIX в. «конук» обозначал лишь особый вид денежного вознаграждения⁹⁴. Насколько можно проследить по документам архива, туркмены получали конук только тогда, когда несли военную службу на территории Хивинского ханства. Обычный размер конука — 1—1 1/2 теньга в день на человека, и лишь в очень редких случаях — 2 теньга⁹⁵. Начальники туркменских отрядов получали, как правило, больше, иногда до нескольких тилля в день. К конуку, вероятно, можно отнести и денежные выдачи

⁸⁴ МИТТ II, стр. 466.

⁸⁵ См. МИТТ II, стр. 466, 470, 475, 486, 502, 507, 511, 513, 519 и др. Там же указываются имена узбеков, командовавших войсками чоудоров, йомутов, тазе-контратов и других туркменских племен.

⁸⁶ См. МИТТ II, стр. 548—549, 585, 613, 627.

⁸⁷ МИТТ II, стр. 504. В ряде дафтаров архива есть обширные списки нукеров, получивших по 3—5 тилля, но в них значатся только нукеры-узбеки.

⁸⁸ Архив хивинских ханов, дафтар 26, л. 88а и др.; 76, л. 106 и др.; 59, л. 13а; 90, л. 19а и др.; Архив Куна, № 8, л. 146, 24а, 24б и др. Эта же «такса» упоминается и у Агехи (МИТТ II, стр. 617). В самых ранних записях встречается меньшее вознаграждение за пленников: 1—10 тилля (дафтар 26); возможно, что там имеется в виду «полная тилля», в то время как в поздних записях — повсюду «малая тилля» (9 теньга).

⁸⁹ Архив хивинских ханов, дафтар 26, л. 76 сл.; 90, л. 226 и др.; Архив Куна, № 8, л. 5а, 17а.

⁹⁰ Архив хивинских ханов, дафтар 76, л. 21а; 90, л. 236 и др.; Архив Куна, № 8, л. 176 и др.

⁹¹ Архив хивинских ханов, дафтар 26, л. 76 б; 90, л. 226 и др.; Архив Куна, № 8, л. 16, 5а, 20а. Иногда за ранение лошади давали и 20 тилля.

⁹² Архив хивинских ханов, дафтар 76, л. 286, 126; Архив Куна, № 8, л. 19а, 24а и др.

⁹³ См. МИТТ II, стр. 598, прим. 3.

⁹⁴ В некоторых документах указывается, что конук выдается правительством из собранного салгута или из сумм, полученных от купцов. (Архив хивинских ханов, дафтар 76, л. 376, 72а; Архив Куна, № 8, л. 436).

⁹⁵ См. Архив хивинских ханов, дафтар 76, 90 и др. В 1859 г. старшины йомутов требовали, чтобы правительство выдавало каждому всаднику 2 теньга конука в день, но это требование не было удовлетворено (МИТТ II, стр. 598).

туркменским караулам — *караул-пулы*⁹⁶. Кроме копука, туркменским отрядам, приходившим в Хиву из других мест (Ахала, Мерва и др.), выдавалось *йол азукасы* (يول آذوقسى) — деньги на пропитание в дороге.

Наряду с копуком туркменские нукеры получали еще *серпай*, или *серона* (سروپاي), т. е. почетную одежду: иногда только халаты, а иногда также сапоги и шапки. В некоторых случаях одежда заменялась денежным вознаграждением — *серпай пулы* (سروپاي فولی)⁹⁷. Серпай получали чаще всего туркменские начальники и старшины (кедтуды), а рядовые нукеры — реже, большей частью за какие-нибудь заслуги⁹⁸.

Такова была система содержания туркменских нукеров в Хивинском ханстве. Из вышесказанного следует, что служба хивинским ханам была для тех туркмен, которые являлись нукерами, безусловно выгодной. Не говоря уже о добыче при грабеже, которая была основной целью всех хивинских походов (как для самого хивинского хана, так и для каждого его воина), только на различные награды и подарки, получаемые нукером, вполне могла существовать вся его семья⁹⁹. Поэтому неправы те авторы, которые считают, что нукерская служба была обременительной для самих туркменских нукеров¹⁰⁰. Однако большинству туркмен, не являвшихся нукерами, она, по-видимому, ничего не давала. Они не участвовали ни в военных грабежах, ни в получении наград. Зато состоятельная часть туркмен — «атлы» и в особенности родо-племенная верхушка — была заинтересована в этой службе. Наживаясь во время походов хивинских ханов на соседние страны, они получали дополнительные возможности для эксплуатации своих соплеменников.

* * *

В XVI—XVIII вв., когда туркмены еще не осели в Хорезмском оазисе, их зависимость от хивинских ханов выражалась в уплате зеката и поставке нукеров. В XIX в., с началом массового поселения туркменских племен на хивинской территории, выставление нукеров связалось с наделением атлычной землей. Нукерская служба способствовала дальнейшему обогащению зажиточной верхушки, ускоряя классовую дифференциацию среди туркмен.

⁹⁶ Архив хивинских ханов, дафтар 46, л. 496 и др.

⁹⁷ Там же, дафтар 58, л. 136; Архив Куна, № 8, л. 4а.

⁹⁸ Н. Муравьев пишет, что по возвращении из набегов, когда туркмены представляют хивинскому хану $\frac{1}{8}$ добычи, последний «благодарит их и даже некоторых по усмотрению дарит халатами и разными вещами, стоящими в несколько раз менее доставленной ими дани». (Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. II, М., 1822, стр. 119—120).

⁹⁹ На 1 тилля в середине XIX в., как показывают документы архива, можно было купить 12—15 батманов пшеницы (реже — 10 или 20 батманов), а джугары еще больше (Архив хивинских ханов, дафтар 83, л. 856; 33, л. 226, 246, 27а). Следовательно, доставив одну голову, нукер мог купить 120—150 батманов пшеницы, т. е. обеспечить хлебом трех человек на целый год.

¹⁰⁰ В несколько ином положении были южнотуркменские племена. Известно, что в первой половине XIX в. они упорно сопротивлялись требованиям хивинских ханов о выставлении нукеров. Это можно объяснить тем, что обязанность выставить нукеров означала признание политической зависимости от Хивы и сопровождалась выдачей заложников, уплатой зеката и подчинением присланному из Хивы чиновнику.

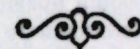
SUMMARY

The Turkmen who in the 19th century settled in the Khiva Khanate received allotments which were called *atlik* or *atli*. The Turkmen *atlik* was an allotment held by a large (undivided) family, or by a group of related small families; the head of the family or of the group of families was bound to serve the Khan of Khiva as a nuker. The size of the *atlik* varied in different districts, but as a rule it amounted to about 50 tanaps.

The Turkmen *atlik* bears a certain resemblance to the Afghan *djagir-kulba* and to some kinds of the Sefevide *tijuls*.

The chiefs of the Turkmen tribes and clans were also granted by the Khiva khans holdings (*in'am*) ranging from 10 to 100 tanaps for the *aksakallik*. These holdings were granted apparently *as mulk*.

Only those chiefs and the well to do Turkmen served as nukers, the average being one nuker for every 5-6 families.

ИЗ ИСТОРИИ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

С. Л. БУДКЕВИЧ

26 июля 1939 г. японскому послу в США была вручена нота государственного департамента, извещавшая о денонсации правительством США японо-американского договора о торговле и навигации, заключенного еще в 1911 г. Лаконичная нота государственного департамента указывала, что причиной денонсации является стремление правительства США «способствовать защите и обеспечению прав и интересов США в соответствии с новой обстановкой»¹. И хотя в коммюнике японского министерства иностранных дел говорилось, что содержание ноты не дает возможности понять «действительные мотивы, лежащие в основе этой акции американского правительства»², характер японо-американских отношений, сложившихся к лету 1939 г., не оставлял сомнений относительно истинных мотивов решения правительства США расторгнуть договор, в продолжение двадцати восьми лет регулировавший экономические связи двух стран.

В течение многих лет, предшествовавших второй мировой войне, на мировых рынках и особенно в западной части Тихого океана, японские монополии были одним из наиболее серьезных конкурентов монополий США.

Главной ареной борьбы империалистических держав в западной части Тихого океана был Китай. Соединенные Штаты, Япония и Англия, имевшие в Китае наибольшие «интересы», уже в течение ряда десятилетий вели между собой ожесточенную борьбу за завоевание китайского рынка, за установление на обширных территориях Китая безраздельного господства своих монополий.

Агрессивная война, предпринятая японскими империалистами против китайского народа в 1931 г., а затем возобновленная в еще более широком масштабе в 1937 г., была фактически направлена не только против китайского народа, но и против интересов США, Англии и других держав.

Агрессии японских колонизаторов против китайского народа в 1937 г. предшествовала тщательная военная и политическая подготовка. В области внешнеполитической одной из наиболее ответственных задач японской дипломатии было добиться признания западными державами преимущественности экономических и политических интересов Японии в Китае и тем самым, уже формально, похоронить так называемую Вашингтонскую систему, определявшую отношения капиталистических стран на Дальнем Востоке со времени Вашингтонской конференции 1921—1922 гг.

Первые попытки японской дипломатии в этом направлении относятся еще к середине 30-х годов, когда японский министр иностранных дел Хирока в речи на заседа-

нии японского парламента 23 января 1934 г. провозгласил Японию «единственной опорой мира в Восточной Азии», единолично несущей «ответственность за его сохранение»³.

Комментируя эту часть заявления Хирока, японский автор Кийсава отмечает, что «тезис о том, что ответственность, которая лежит на Японии, — это ответственность за Восточную Азию — был провозглашен впервые»⁴.

Выступление Хирока было предназначено для того, чтобы выяснить, какую позицию займут западные державы, если Япония намерена будет добиваться ликвидации режима, установленного договором девяти держав⁵, и требовать признания за ней особой роли в делах Восточной Азии. Несколькими месяцами позднее, 17 апреля, такая попытка была повторена в более категорической форме. Заведующий отделом печати японского министерства иностранных дел Амо в своем выступлении на пресс-конференции [заявил, что Япония несет особую ответственность в Восточной Азии. Указывая на роль Японии как «единственной стабилизирующей» силы на Дальнем Востоке, Амо сказал, что «любое объединенное действие, предпринятое иностранными державами даже под видом финансовой или технической помощи Китаю... будет иметь политическое значение»⁶.

Отрицательная реакция на заявление Амо в правительственных кругах США и Англии выпудила японское министерство иностранных дел несколько отмежеваться от требований, изложенных в заявлении Амо. В конце апреля Хирока сообщил американскому и английскому послам, что Амо выступил якобы без его ведома и одобрения и что «Япония, в действительности, не имеет намерения добиваться специальных привилегий в Китае, нарушать его территориальную и административную целостность или создавать трудности для торговли с ним других стран»⁷. Тем не менее, 28 апреля государственный секретарь США Хэлл телеграфировал американскому послу в Японии Грю, чтобы он «как можно скорее» вручил японскому министерству иностранных дел меморандум по поводу заявления Амо. В меморандуме указывалось, что «правительство США... намерено подтвердить свою прежнюю позицию в отношении американских прав и интересов в Китае»⁸.

В связи с демаршем, предпринятым США и Англией⁹, Хирока выступил 1 мая 1934 г. с официальным разъяснением, в котором указывалось, что «Япония продолжает признавать принцип «открытых дверей».

Японская дипломатия, несмотря на то, что «неофициальное» заявление Амо не дало желаемых результатов¹⁰, продолжала настойчиво добиваться осуществления поставленной перед ней цели. Так, 16 мая 1934 г. японский посол в США Сайто во время посещения Хэлла вручил ему под видом «сугубо частных» соображений самого

³ См. К. Кийсава. Указ. соч., стр. 84—85.

⁴ Там же, стр. 85.

⁵ Один из основных договоров Вашингтонской конференции (1921—1922), которым легализовался выдвинутый американцами принцип «открытых дверей» и «равных возможностей» как основа политики иностранных держав в Китае. Этот договор, явившись победой американской дипломатии, был фактически направлен против пригласившей Японии на монопольные права в Китае.

⁶ Полный текст заявления Амо см. FR, vol. I, p. 224—225.

⁷ FR, vol. I, p. 227.

⁸ FR, vol. I, p. 231.

⁹ Правительство Англии направило ноту протеста против заявления Амо.

¹⁰ Хотя Хирока в своем официальном выступлении 1 мая 1934 г. и вынужден был заявить, что Япония по-прежнему признает «незыблемость» принципа «открытых дверей», он тем не менее подчеркнул, что «ввиду территориальной близости к Китаю, Япония не сможет оставить без внимания действия, противоречащие поддержке мира и порядка в Восточной Азии» (К. Кийсава. Указ. соч., стр. 86).

¹ 清澤河 日米關係史 (К. Кийсава. История японо-американских отношений 米國の太平洋政策 («Тихоокеанская политика США»))

² «Papers relating to the Foreign Relations of the United States and Japan, 1931—1941». Washington, 1943, vol. II, p. 190 (в дальнейшем — FR), Токио, 1941.

Сайто секретный меморандум по вопросу об улучшении японо-американских отношений¹¹.

Главным пунктом этого меморандума было предложение опубликовать совместное заявление США и Японии, в котором было бы указано, что «оба правительства взаимно признают, что Соединенные Штаты в восточной части Тихого океана, а Япония — в западной, являются стабилизирующими факторами, и в соответствии с этим оба правительства используют все силы, имеющиеся в их распоряжении, чтобы в районах, географически примыкающих к их странам, создать режим закона и порядка»¹².

Меморандум Сайто показал, что японская дипломатия все еще пытается добиться согласия США на «полюбовное» разделение Тихого океана на две сферы влияния: западную — японскую и восточную — американскую. Но такое разграничение сфер влияния не устраивало правящие круги США. Как пишет такой знаток внешней политики Соединенных Штатов, как Фостер Ри Даллес, через всю историю США красной нитью проходит стремление установить свой контроль над торговлей в районе Тихого океана¹³.

Китай — крупнейшая страна мира, с колоссальными природными и людскими ресурсами, обладал, как пишет Ф. Р. Даллес, «огромной притягательной силой в глазах американцев со времени, когда впервые была открыта торговля с Китаем»¹⁴. И поскольку Соединенные Штаты, уже на протяжении многих лет настойчиво добивавшиеся укрепления своих позиций в Китае, были далеки от намерения уступить их кому бы то ни было, государственный департамент незамедлительно ответил предложение Сайто. Это, однако, не обескуражило японских дипломатов. Они и в дальнейшем, неоднократно, прямо или косвенно, ставили перед США вопрос о том, что политика, определяемая Вашингтонскими соглашениями, устарела и ее необходимо «модернизировать». Так, в ходе довольно длительных переговоров о введении в Маньчжоу-го нефтяной монополии, ощутимо затрагивавшей интересы американского капитала, Хирота и Сайто не раз довольно прозрачно намекали, что положительное (т. е. в интересах американских монополий) разрешение этой проблемы связывается с позицией правительства США в отношении договора девяти держав и доктриной о «непризнании»¹⁵, которая выражала политику американского империализма в Китае, направленную к утверждению в нем своего господства и вместе с тем была проявлением японо-американского антагонизма.

В апреле 1935 г. в связи с вручением Японии ноты протеста США против введения в Маньчжоу-го нефтяной монополии Хирота в беседе с Грю уже прямо заявил, что японское правительство не находит возможным вмешиваться в действия «независимого» государства, и, что «до тех пор, пока существование Маньчжоу-го не будет признано, никаких дискуссий не может проводиться в отношении этой страны»¹⁶.

Тем не менее правительство США продолжало отстаивать основные принципы своей дальневосточной политики — доктрину «открытых дверей» и «равных возможностей», являющуюся главным дипломатическим орудием США в их политике на Дальнем Востоке, целью которой, как справедливо пишет прогрессивный американский

автор Д. Марион, было «завоевание главенствующей роли в Азии»¹⁷. Японская дипломатия, в свою очередь, не забывая на неудавшиеся предыдущие попытки вынудить США капитулировать в кардинальном вопросе их дальневосточной политики, настойчиво навязывала правительству США идею разделения Тихого океана на японскую и американскую сферы влияния. Чтобы обосновать и оправдать новую агрессию против Китая, японские колонизаторы раздували антикоммунистическую истерию.

Международная реакция надеялась, что новая агрессия Японии против Китая станет прелюдией к войне еще большего масштаба — к войне империалистической Японии против Советского Союза. Она рассчитывала, что война Японии с Китаем, а еще более с Советским Союзом, ослабила бы национально-освободительную борьбу и укрепила бы позиции колониальных держав на Востоке.

Однако, как и в период японской агрессии в Северо-Восточном Китае, между империалистическими державами происходила явная и скрытая борьба. США так или иначе пытались противодействовать притязаниям Японии на установление своего безраздельного господства в Китае.

Отражением этой борьбы двух империалистических соперников была полемика, возникшая вокруг заявления государственного секретаря США Хелла, сделанного им 16 июля 1937 г. в связи с началом японо-китайской войны¹⁸. Хэлл, крайне осторожно осуждая агрессию Японии, в то же время дал ясно понять японским правящим кругам, что Соединенные Штаты ожидают признания договорных американских «прав» и «интересов» и намерены настаивать на сохранении в Китае политики «равных возможностей» и «открытых дверей». Вручая японскому послу текст своего заявления, Хэлл выразил надежду, что японское правительство разделит точку зрения правительства США по затронутым в заявлении вопросам¹⁹ (и этим самым подтвердит свое признание интересов американских монополий в Китае. — С. В.).

Спустя три недели последовал ответный меморандум правительства Японии. Японское правительство, отмечалось в меморандуме, солидаризуется со всеми принципами, изложенными государственным секретарем США, но вместе с тем убеждено, что «в применении к Дальнему Востоку цели, поставленные государственным секретарем, могут быть достигнуты только в том случае, если будут приняты во внимание и признаны специфические обстоятельства в этом районе»²⁰. Японская дипломатия стремилась вновь поставить перед правительством США вопрос о том, что принципы, предусмотренные договором девяти держав, уже устарели и не могут регулировать отношения капиталистических «партнеров» на Дальнем Востоке. Японский демарш вызвал весьма отрицательную реакцию со стороны правительства США. Выступая на пресс-конференции 23 августа 1937 г., Хэлл подчеркнул, что «принципы, изложенные в заявлении от 16 июля, применимы как во всем мире, так и в районе Тихого океана», и что «эти принципы воплощены во многих договорах, включая договоры, заключенные на Вашингтонской конференции»²¹.

Захватывая территории Китая, японские колонизаторы расхищали национальные богатства страны и грабили китайский народ. Все предприятия на оккупированной территории, находящиеся в собственности национального китайского капитала или в собственности китайского правительства, попали в руки японских монополий.

Одновременно с этим японскими оккупационными властями вводились многочисленные ограничения в отношении других иностранных монополий, в частности и американских. Дипломатия США тщательно регистрировала все случаи ущемления японцами интересов американских монополий. Достаточно сказать, что немногим более чем за два года, прошедших с начала войны в Китае, американское посольство в Япо-

¹⁷ Д. Марион. Базы и империя. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1948, стр. 102.

¹⁸ Полный текст заявления см. в FR, vol. I, p. 325.

¹⁹ См. «Peace and war. United States foreign policy, 1931—1941», Washington, 1943, p. 372.

²⁰ FR, vol. I, p. 343.

²¹ «Peace and war...», p. 376.

¹¹ FR, vol. I, p. 238.

¹² FR, vol. I, p. 232—233.

¹³ См. F. R. Dulles. America in the Pacific. Boston and New York, 1932, p. 1.

¹⁴ Там же, введение, стр. X.

¹⁵ Имеется в виду нота государственного секретаря США Стимсона от 7 января 1932 г. правительствам Китая и Японии. В этой ноте правительство США заявило, что оно «не предполагает признать какой-либо договор или соглашение..., которое могло бы нанести ущерб правам Соединенных Штатов либо их гражданам в Китае, включая договоры и соглашения, касающиеся... прав, известных под наименованием политики «открытых дверей» («Peace and war. United States foreign policy, 1931—1941». Washington, 1943, p. 160).

¹⁶ FR, vol. I, p. 150.

нии зафиксировало 500 случаев нарушений американских прав и интересов в Китае и в связи с этим сделало японскому министерству иностранных дел 382 письменных представления²².

Агрессия империалистической Японии в Китае поставила под угрозу позиций американских монополий в Китае. Отношения между США и Японией явно обострились. В ноте государственного департамента США от 6 октября 1938 г. довольно резко выражался протест против многочисленных случаев нарушения японцами принципа «открытых дверей» и «равных возможностей».

В ноте было поставлено три требования: отказаться от проведения мер, прямо или косвенно направленных к дискриминации американского предпринимательства торговли; устранить режим монополии и различных видов преференций, которые нарушают принцип «равных возможностей»; прекратить вмешательство японских властей в Китае в американские права собственности²³.

Содержание и тон этой ноты, как и прежние многочисленные дипломатические демарши США, а также неоднократные отклонения Соединенными Штатами японских притязаний на признание за Японией особой роли в делах Восточной Азии, свидетельствовали о том, что США намерены и далее отстаивать принцип «открытых дверей» и «равных возможностей» как основу, обеспечивающую сохранение своих интересов в Китае.

Чем же объяснялась позиция правительства США в вопросе о признании за Японией «особой миссии» в Восточной Азии?

Буржуазные историки склонны объяснять эту позицию США гуманными принципами защиты территориальной целостности и государственной независимости Китая, якобы являвшимися основой отстаиваемой Соединенными Штатами доктрины «открытых дверей» и «равных возможностей» в Китае. Между тем реальная действительность заставляет сделать совершенно иные выводы. Даже Ф. Р. Даллес был вынужден признать, что заинтересованность Соединенных Штатов в Китае «определяется не какими-либо альтруистическими побуждениями защитить суверенитет дружественного США государства, неспособного оборонить себя самостоятельно от иностранной агрессии, а настойчивым требованием торговли на Дальнем Востоке»²⁴.

Хотя Правительство Соединенных Штатов и не оказывало эффективного сопротивления японской агрессии в Китае, но это вовсе не означало, что американские монополии готовы были примириться с утратой своих позиций в Китае. Для них Китай был выгоднейшей сферой приложения капитала и источником извлечения максимальных прибылей — страной, в которой при помощи пресловутой политики «открытых дверей» и «равных возможностей» они стремились утвердить свое полное и безраздельное господство. Заинтересованность Соединенных Штатов, писал Ф. Р. Даллес, в сохранении своих торговых путей на Тихом океане и своей торговли на Востоке является «ключом и к нынешней политике» США²⁵.

Естественно, что каждый раз, как только японская дипломатия в той или иной форме пыталась поставить под сомнение возможность признавать и далее доктрину «открытых дверей» как основу, определяющую отношения держав в Китае, это вызывало отрицательную реакцию государственного департамента.

Попустительство японской агрессии правящими кругами Соединенных Штатов и Англии в течение всего времени перехода Японии к активной «материковой» политике, вселяло в агрессора уверенность в том, что США, Англия и другие западные державы неспособны действительно сопротивляться новому переделу мира, предпринятому странами агрессивного блока. Эта уверенность еще более окрепла в результате сговора этих держав в Мюнхене — сговора, оказавшего роковое влияние на развитие событий и на Дальнем Востоке. Ближайшим следствием «Мюнхена» явилось

расширение японскими империалистами масштаба военных действий и распространение их на территорию Южного Китая. В течение октября 1938 г. японские войска захватили Кантон и Ханькоу; в феврале 1939 г. — остров Хайнань, а в марте того же года — находящиеся далеко на юге острова Спратли.

Оккупация японцами новых территорий Китая внесла существенные коррективы в стратегическую обстановку на Тихом океане. Захват острова Хайнань и островов Спратли создавал угрозу колониальным владениям США, Франции, Англии и Голландии. Важнейшие же коммуникации этих стран на Тихом океане легко могли бы оказаться под контролем военно-морских и военно-воздушных сил Японии.

Другим непосредственным следствием «Мюнхена» было широкое наступление, предпринятое правящими кругами Японии и в области внешнеполитической.

3 ноября 1938 г. была опубликована декларация японского правительства, в которой впервые было провозглашено, что цель войны в Китае — построение «нового порядка» в Восточной Азии²⁶.

Содержание формулы о «новом порядке» было более детально раскрыто в двух заявлениях японского премьера Коноэ, сделанных им 3 ноября и 22 декабря 1938 г.²⁷

Провозглашение японскими правящими кругами строительства «нового порядка» в Восточной Азии было уже открытым отказом Японии от договора девяти держав и легализованным этим договором принципа «открытых дверей» в Китае. Это было подтверждено и в других официальных документах японского правительства. Так, 18 ноября 1938 г. японское министерство иностранных дел вручило государственному департаменту США ноту, являвшуюся ответом на ноту государственного департамента от 6 октября 1938 г., содержащую протест против нарушения американских прав в Китае. Отводя этот протест, японское правительство заявило в ноте, что оно «твердо уверено в том, что перед лицом новой ситуации любая попытка применить к нынешним и будущим условиям идеи и принципы прошлого никогда не приведет ни к установлению действительного мира в Восточной Азии, ни к разрешению назревших проблем»²⁸.

Эта нота, предшествовавшая ей декларации японского правительства и заявления Коноэ не оставляли и тени сомнения в намерении Японии покончить со своими обязательствами по договору девяти держав и добиваться от своих партнеров по Вашингтонским соглашениям признания господствующего положения Японии в Восточной Азии. Киёсава, комментируя японскую ноту, так ее и расценивал. «До этого времени, — писал он, — Япония придерживалась признания договора девяти держав, а все нарушения его объясняла чрезвычайными обстоятельствами. В этой же ноте был ясно выражен отказ признавать далее этот договор»²⁹.

Так был дан ответ японского министерства иностранных дел и правительством США. А вскоре последовала и реакция: 31 декабря 1938 г. государственный департамент США передал японскому министерству иностранных дел ноту. Правительство США, указывалось в ноте, не может согласиться с тем, что какое-либо правительство может взять на себя право определить условия «нового порядка» на территории, не находящейся под его суверенитетом. Правительство США предупреждало, что «сохраняет за собой все существующие права и не может согласиться с каким-либо нарушением любых из этих прав»³⁰.

Резкость тона ноты государственного департамента объяснялась тем, что вопросы, поднятые японцами, как в предыдущих официальных правительственных заявлениях, так и в этой ноте, далеко выходили за пределы обсуждения частных вопросов японо-американских отношений в Китае. Нота свидетельствовала также о том, что выражен-

²⁶ Текст декларации см. в еженедельнике японского кабинета министров 週報 («Сюхо») от 9 ноября 1938 г., стр. 27.

²⁷ Первое заявление Коноэ опубликовано в «Сюхо» от 9 ноября 1938 г., стр. 28—30, а второе — в номере от 28 декабря 1938 г., стр. 42—43.

²⁸ К. Киёсава. Указ. соч., стр. 100.

²⁹ Там же, стр. 101.

³⁰ «Peace and war...», p. 443—447.

²² FR, vol. II, p. 32.

²³ FR, vol. I, p. 790.

²⁴ F. R. Dulles. Указ. соч., стр. X.

²⁵ Там же, стр. IX.

ное в формуле о «новом порядке» в Восточной Азии стремление японских колонизаторов установить свое безраздельное господство в Китае, находилось в остром противоречии с американской доктриной «открытых дверей».

Именно это и являлось причиной нарастания противоречий между Японией и Соединенными Штатами.

10 июля 1939 г. Хэлл в беседе с японским послом Хориноути сказал, что «интересы и права США на Дальнем Востоке чрезвычайно важны» и что серьезность вопроса определяется тем — будет или нет весь Китай и прилегающие к нему острова «маньчжуризованы» Японией; будут или нет заключенные ранее договоры нарушены; будут или нет соблюдаться в Китае интересы и других, кроме Японии, стран. Хэлл, намекая на возможность применения Соединенными Штатами соответствующих санкций, заявил: «Если какая-либо одна нация сделает это на одной половине земного шара, то другая какая-либо нация может сделать то же самое на другой половине»³¹.

Прошло немногим более двух недель, и 26 июля США объявили о денонсации японо-американского договора о торговле и навигации.

Нота о денонсации была вручена в дни работы англо-японской конференции «круглого стола», начавшейся в Токио 24 июля 1939 г. Незадолго до конференции, 2 июля 1939 г. было подписано соглашение Арита—Крэйги, по которому английское правительство обязалось воздерживаться от «каких-либо мероприятий или действий, мешающих японским войскам достичь своих целей в Китае»³².

Японо-английская конференция в Токио должна была разрешить все вопросы, связанные как с проводившейся в то время японской блокадой английской концессии в Тяньцзине, так и вообще с японо-английскими отношениями в Китае.

Начатые переговоры, которые могли привести к установлению японо-английского сотрудничества, вызвали отрицательную реакцию Вашингтона. Правящие круги Соединенных Штатов опасались усиления позиции Японии на Дальнем Востоке в результате возможного сговора Англии с Японией. И стремление повлиять на ход японо-английских переговоров было, бесспорно, решающим мотивом в выборе даты объявления о денонсации. В результате акции правительства США работа конференции вскоре зашла в тупик, и 20 августа 1939 г. она была прекращена по взаимному желанию.

Денонсация японо-американского торгового договора была прежде всего проявлением возросшей напряженности в японо-американских отношениях. В многочисленных комментариях японской печати денонсация договора рассматривалась главным образом как выражение правительством США недовольства политикой Японии в Китае и ущемлением там американских интересов. «Атмосфера антияпонской настроенности в США, — говорилось в передовой «Нихон Хёрон», — создавалась в результате противоположности американской и японской точек зрения по вопросу о Китае. По этой же причине произошла и денонсация договора»³³.

Японское министерство иностранных дел комментировало американскую ноту о денонсации довольно сдержанно, однако и оно оценило ее как недружелюбную политическую акцию правительства США. В статье информационного бюро министерства иностранных дел отмечалось, что правительство США ограничилось лишь лаконичным извещением о денонсации договора, не считая даже нужным сказать о своих пожеланиях в отношении будущего японо-американских торговых отношений. Нота американского правительства, говорилось в этой статье, явилась актом, обычно не наблюдаемым в отношениях двух дружественных стран. Здесь господствует убеждение, что за денонсацией скрываются политические мотивы, а не соображения интересов торговли и экономики, как об этом заявлено в тексте ноты»³⁴.

Последующий ход событий показал, что денонсация торгового договора действи-

тельно имеет политические мотивы и является акцией правительства США на возросшую угрозу со стороны Японии американским стратегическим планам в западной части Тихоокеанского бассейна. Руководители американской политики считали, что вследствие большого значения для Японии торговли с США³⁵, экономические санкции против Японии могут быть весьма эффективными. Исходя из этого, американские правящие круги и решили освободиться от торгового договора, которым они были до известной степени связаны, и использовать наступившее «бездоговорное» положение, чтобы оказать давление на Японию. Такая оценка денонсации торгового договора подтверждается и содержанием японо-американских переговоров, начавшихся осенью 1939 г.

Денонсация японо-американского торгового договора не привела, однако, к изменению американцами экономических санкций и не отразилась на общем объеме японо-американской торговли³⁶. Поставки военнопотребительского сырья из США в Японию после денонсации не только не сократились, но даже и увеличились. Более того, вскоре после денонсации, правительство США поспешило заверить японское правительство, что даже и при наступлении бездоговорного состояния прежние льготные таможенные тарифы для Японии будут сохранены. Это «решение» правительства США поддержать нормальные коммерческие отношения даже после истечения срока действия японо-американского торгового договора, — заявил японский министр иностранных дел Номура, — было расценено японским правительством весьма положительно»³⁷.

Двойственность и противоречивость такой политики правительства США являлись отражением тех планов, которые вынашивала американская буржуазия в отношении Дальнего Востока в связи с войной в Китае. Несмотря на то, что японская агрессия в Китае глубоко задевала интересы американских монополий, реакционные круги США поддерживали и поощряли ее.

Подогревая и поощряя японскую агрессию, американская монополистическая буржуазия рассчитывала решить одновременно задачи, определяемые ее собственными интересами на Дальнем Востоке: подавить штыками японской армии революцию в Китае и этим укрепить пошатнувшееся положение империализма в колониальных и зависимых странах всего Востока; нанести удар Советскому Союзу и тем самым усилить позиции международной реакции, и, наконец, используя неминуемое истощение и ослабление в войне самой Японии, устранить ее как своего наиболее опасного соперника на Тихом океане. Проводя политику поддержки и поощрения японской агрессии, американские империалисты вместе с тем были готовы вцепиться в горло Японии, как только последняя зайдет слишком далеко в ущерб интересам американских монополий в Китае и на Тихом океане вообще. Денонсация торгового договора, не сопровождаемая какими-либо мерами действительного экономического воздействия на агрессора, и была проявлением политики США, направленной на защиту интересов американских монополий в Азии и разжигание пожара войны руками японских милитаристов.

³⁵ В 1936 г., т. е. накануне нападения японских империалистов на Китай, доля США в импорте Японии важнейших товаров составляла: нефти — 76%; железного лома 70%; автомобилей 94,3%; двигателей внутреннего сгорания — 89%; металлообрабатывающих станков — 45%; хлопка — 56% и т. д. (米國の太平洋政策 «Тихоокеанская политика США», Токио, 1941, стр. 152).

В 1938 г. в торговле с третьими странами, т. е. странами, не входившими в так называемый неновый блок (куда входили помимо Японии и ее колоний, Маньчжоу-го и другие территории Китая, захваченные японскими империалистами), 27,5% японского экспорта направлялось в США и 40,2% всех импортируемых товаров поступало также из США («Нихон-Хёрон», декабрь 1939 г., стр. 206).

³⁶ Только во второй половине 1940 г. в результате еще большего обострения японо-американских противоречий, правительство США предприняло первые попытки экономического давления на Японию.

³⁷ J. Grew. Ten years in Japan. New York, 1943, p. 311.

³¹ «Peace and war...», p. 446.

³² «China weekly reviews», July 29, 1939, p. 255—256.

³³ 日本評論 (Нихон Хёрон), декабрь 1939, стр. 12.

³⁴ «Сюхо», 16 августа 1939 г., стр. 33.

1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия развязала войну в Европе. Война в Европе поставила перед японскими правящими кругами новые серьезные проблемы. Требовалось прежде всего определить свое отношение к ней. На чрезвычайном заседании японского кабинета министров 4 сентября 1939 г. было принято решение о проведении политики «невмешательства» Японии в войну, начавшуюся в Европе, и о скорейшем «урегулировании» китайских «событий»³⁸.

В первый период войны в Европе (до «Дюнкерка» и капитуляции Франции), когда ее исход еще не был ясен, а военная мощь Англии и Франции переоценивалась японскими политиками, правящие круги Японии (кабинеты Абэ и Иноуэ) занимали выжидательную позицию. В то же время, готовясь извлечь для себя максимальные выгоды из новой международной обстановки, порожденной войной в Европе, они стремились форсировать разрешение китайской «проблемы» с тем, чтобы иметь свободные руки, когда настанет время для участия в «игре» еще большего масштаба.

Говоря об «урегулировании» событий в Китае, японские колонизаторы имели в виду добиться полной капитуляции Китая, используя для этого все силы и средства, имеющиеся в их распоряжении. «Политика японского империализма в новой международной обстановке, — писал Мао Цзэ-дун, — заключается в том, чтобы бросить все свои силы в наступление на Китай, попытаться покончить с Китаем и тем самым подготовить расширение в будущем своих авантур на международной арене»³⁹.

Главную задачу принятого внешнеполитического курса японские правящие круги рассчитывали осуществить не только силой оружия, но и путем разного рода внешнеполитических акций, не исключая давления на западные державы и сговора с ними за счет Китая. Японские политики полагали, что Англия и Франция, занятые войной в Европе, и Соединенные Штаты, внимание которых было также приковано к этой войне, станут теперь более податливыми и вынуждены будут пойти на сделку с Японией и признать ее «новый порядок» в Восточной Азии.

Эти расчеты, а также стремление усилить свои внешнеполитические позиции, ослабленные накануне войны в Европе, побудили Японию вступить в переговоры с Соединенными Штатами.

Американские правящие круги, так же как и японские, стремились с наибольшей выгодой для себя использовать конъюнктуру войны и еще более укрепить свои позиции за счет своих занятых войной конкурентов из обоих враждующих лагерей.

Деятельность американской дипломатии заключалась в том, чтобы избежать преждевременного втягивания страны в войну. Не случайно поэтому посол Грю в одном из своих политических обзоров настойчиво рекомендовал правительству Соединенных Штатов «всеми средствами сохранить статус-кво на Тихом океане хотя бы до тех пор, пока война в Европе будет выиграна или даже проиграна»⁴⁰.

Таким образом, несмотря на то, что ко второй половине 1939 г. японо-американские противоречия значительно обострились, а отношения между США и Японией напряжены, обе стороны были заинтересованы в том, чтобы попытаться прийти к какому-либо компромиссу путем переговоров. В первых числах ноября 1939 г., в Токио, между Грю и Номура начались переговоры, представлявшие собой попытку урегулировать отношения Японии и Соединенных Штатов.

Первая встреча (4 ноября 1939 г.) американского посла Грю и японского министра иностранных дел Номура показала, насколько глубока пропасть, разделяющая точки зрения обеих сторон. Номура сказал тогда, что «Япония и США являются стабилизирующими факторами в своих соответственных районах (курсив мой. — С. В.)» — и обе эти страны стремятся отвести от себя разрушительные последствия войны»⁴¹. В этом замечании Номура была, по существу, сформулирована японская точка зрения: «Азию нам, а Америку — вам».

³⁸ «Сюхо», 13 сентября 1939 г., стр. 2.

³⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 121—122.

⁴⁰ «Peace and war...», p. 571—572.

⁴¹ FR, vol. II, p. 31.

Грю указал, что предпосылкой улучшения отношений обеих стран является, безусловно, уважение американских договорных прав и интересов в Китае, от которых правительство Соединенных Штатов не намерено отказываться. Грю выдвинул два условия, необходимых для устранения напряженности в японо-американских отношениях: первое — прекратить бомбардировки американских объектов, оскорбления американских граждан, грубое нарушение американских прав и интересов в Китае, и второе — предпринять меры, «которые для американского народа и правительства США служили бы доказательством действительного намерения Японии улучшить свои отношения с Соединенными Штатами». Первым шагом в этом направлении должно быть открытие Янцзы для американского судоходства⁴².

Ближайшая цель, которую преследовало японское министерство иностранных дел, вступая в переговоры, состояла в том, чтобы добиться заключения нового торгового договора или какого-либо другого соглашения, регулирующего торговые отношения обеих стран. Во время первых встреч с Грю, Номура и выдвинул этот вопрос. Однако попытки договориться о заключении торгового соглашения с США ни к чему не привели. Японское правительство решило пойти на некоторые уступки. 18 декабря 1939 г. Номура сообщил Грю, что Япония готова снять блокаду на Янцзы вниз по течению от Нанкина.

В тот же день государственный департамент переслал Грю пространный документ о торговой политике Соединенных Штатов и о позиции правительства США в вопросе о заключении нового торгового договора с Японией⁴³. Грю должен был довести его до сведения японского министерства иностранных дел в «удобный для этого момент» переговоров. Государственный департамент указывал, что сохранение японскими властями дискриминационного режима для американской торговли в Китае «является серьезным препятствием для заключения нового торгового договора с Японией»⁴⁴.

Заявление заканчивалось пожеланием, что японское правительство, учтя точку зрения правительства США, предпримет реальные шаги к устранению дискриминации и тем откроет дорогу к установлению договорных торговых отношений между США и Японией.

Следует также отметить, что пересылая текст заявления, Хэлл дал указание Грю не проявлять самому инициативы в отношении переговоров о заключении нового торгового договора, а использовать положения этого заявления только в том случае, если ответственными лицами японского правительства вопрос о заключении нового торгового договора будет настойчиво выдвигаться.

На другой день Хэлл дал Грю дополнительные указания: «Хотя это заявление касается только коммерческой стороны наших отношений с Японией, это вовсе не значит, что правительство Соединенных Штатов намерено пересмотреть свою позицию в отношении других сторон японо-американских отношений. Правительство Соединенных Штатов продолжает сохранять в полной силе свою точку зрения, о которой было заявлено во многих случаях наших отношений с Японией, и в особенности, в notes от 6 октября и 31 декабря 1938 г.»⁴⁵.

Из всего этого видно, что готовность японского правительства открыть для американского судоходства нижнее течение Янцзы была признана правительством США как совершенно недостаточная компенсация за восстановление договорных торговых отношений между Японией и Соединенными Штатами.

Вместе с тем, неясность перспектив дальнейшего хода войны в Европе побуждала правящие круги США придерживаться тактики выжидания, чтобы, не связывая себя какими-либо обязательствами, путем ведения переговоров выиграть время и сохранить статус-кво на Тихом океане до более полного выяснения обстановки в Европе.

Тактика выжидания, принятая американской дипломатией, нашла свое выра-

⁴² FR, vol. II, p. 33.

⁴³ Полный текст этого заявления см. FR, vol. II, p. 190—192.

⁴⁴ FR, vol. II, p. 192.

⁴⁵ FR, vol. II, p. 193.

жение, также и в позиции, занятой правительством США в вопросе о возможности заключения с Японией временного торгового соглашения. Как видно из инструкции Халла послу Грю, правительство США всячески стремилось оттягивать решение вопроса о заключении даже временного торгового соглашения. Однако, если это временное соглашение все же можно будет заключить, то оно должно быть «очень ограниченным и иметь такой характер, чтобы правительство Соединенных Штатов было бы свободно наложить ограничения на торговлю, если развитие событий сделает это необходимым для лучшей защиты американских интересов»⁴⁶.

Поскольку Номура продолжал настойчиво добиваться согласия правительства США на ведение специальных переговоров о заключении нового торгового договора или временного соглашения, рассматривая это как основу урегулирования японо-американских отношений, Халл дает Грю указание поблагодарить министра за проявленное японским правительством намерение урегулировать японо-американские отношения, а затем сделать устное заявление и передать его текст Номура⁴⁷. В отношении же возможности заключить временное соглашение Халл предписывал Грю, чтобы он заявил от имени правительства Соединенных Штатов, что оно «выражает пожелание о том, чтобы этот вопрос пока оставался бы открытым»⁴⁸.

Вручение этого заявления было кульминационным пунктом проводившихся переговоров. И так как ни одна из сторон не выразила намерения поступиться в пользу другой интересами своей колониаторской политики в Китае, переговоры зашли в тупик и вскоре были прекращены.

В ходе переговоров обнаружились глубокие разногласия между Соединенными Штатами и Японией. Переговоры не смягчили напряженности японо-американских отношений, а обнаружили дальнейшее обострение японо-американских противоречий на Тихом океане.

На острую и непримиримость японо-американских противоречий неоднократно указывал В. И. Ленин. Так, еще в 1918 г. он говорил, что экономическое развитие США и Японии «в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горячего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем»⁴⁹. Ленинское предвидение полностью оправдалось. Дальнейшее обострение японо-американского соперничества на Тихом океане и привело к военному столкновению этих двух стран.

SUMMARY

The «new order in East Asia», proclaimed by the Kono government in November 1938, meant that the Japanese imperialists intended to bring China under their undivided rule, and it was therefore entirely at variance with the American «Open door» doctrine which was designed to secure to the United States monopolies domination of the Asian markets.

The denunciation of the Japano-American trade treaty of 1911 indicated that the contradictions between Japan and the United States had grown sharper, and the subsequent growth of the tension between them resulted in war.

⁴⁶ FR, vol. II, p. 194.

⁴⁷ Имеется в виду заявление, разработанное государственным департаментом и пересланное послу Грю 18 декабря.

⁴⁸ FR, vol. II, p. 195.

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 332.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ

(О диссертации Н. И. Зоммера «Об основаниях новой китайской философии»)

Е. ЖИЛКИН и М. НУГМАНОВ

О постоянном интересе русских востоковедов к вопросам идеологии народов Востока свидетельствует факт написания воспитанником первой Казанской гимназии Николаем Ивановичем Зоммером (1824—1847) диссертации «Об основаниях новой китайской философии». Эта диссертация была напечатана в Ученых записках Казанского университета за 1851 год, книга I.

В своей работе Зоммер отмечает, что первые проявления философской мысли в Китае прослеживаются за три тысячи лет до н. э., т. е. в начале истории Китая.

Диссертация посвящена исследованию философии Конфуция и его последователей. Основным источником, из которого Зоммер брал сведения о новой китайской философии, был сборник под названием «Син-ли дацюань Хэй Тун». Исследование Зоммера свидетельствует о стремлении автора объективно излагать мировоззрение Конфуция. «Я сказал уже, — писал Зоммер, — что влияние Конфуция на Китай чрезвычайно; но это влияние имеет и дурную сторону. Его философия, оковавшая умы китайцев, остановила надолго свободное развитие философствующего ума» (стр. 117—118)¹.

Диссертация Зоммера не лишена и недостатков. Некоторые спорные вопросы он оставляет открытыми и не всегда высказывает свое отношение к неправильной трактовке, а порой и прямой фальсификации китайской философии на Западе. В работе Зоммера оказалось отрицательное влияние установившихся в то время среди философов Западной Европы ложных представлений о неразрывной связи учения Лао-цзы с религией. «В настоящее время в Китае, — пишет Н. И. Зоммер, — три народные религии: 1) Жу-цзыо — религия ученых, государственная, с которой философия Конфуция находится в тесной связи; 2) Фо-цзыо и 3) Дао-цзыо, а потому и три философские системы: 1) философия, связанная с религией ученых, — философия ученых (последователей Куи-Цзы); 2) философия Буддийская и 3) философия Лао-цзы» (стр. 117).

В то же время Зоммер сделал важные критические замечания в адрес некоторых философов Западной Европы, хотя он и знал, что его работа, по установленному обычаю, должна быть апробирована на Западе (ее читал и одобрил профессор Берлинской Академии наук Шотта). Н. И. Зоммер активно выступал в защиту народа, культуры и философии Китая, справедливо возмущаясь «странными рассуждениями» Гегеля и Риттера о китайской философии. Зоммер считал, что Гегель необоснованно отрицал существование китайской философии вообще. «Пора европейцам, — писал он, — по-

¹ Страницы, приведенные в тексте данной статьи, относятся к книге I Ученых записок Казанского университета, где была напечатана диссертация.

основательнее вникать в рассмотрение Китая, достойного, по своей древнейшей цивилизации, полного внимания всякого образованного человека» (стр. 167).

Упрекая европейских ученых за их насмешки над «10 000 китайских церемоний», Зоммер писал, что 10 000 китайских церемоний заслуживают не осмеяния, а удивления, так как китайские церемонии (формы учтивости) доказывают, до какой утонченности развились в Китае общественная и частная жизнь. Записки об обрядах (Ли-Цзи), писал Зоммер, служат также доказательством, что когда вся Европа была покрыта мраком грубого невежества, Китай достиг уже высокой степени гражданственности.

Н. И. Зоммер справедливо отмечает, что переводы работ китайских философов на западноевропейские языки изобилуют многочисленными недостатками и ошибками, в результате чего в некоторых переводах не осталось и тени китайского оригинала.

Появление работы Зоммера было весьма положительным фактом, свидетельствующим о борьбе прогрессивных русских ученых против некоторых западноевропейских философов, отрицавших значение китайской философии и необходимость ее изучения.

SUMMARY

Brief information is given about the investigations conducted by N. Zommer into the philosophy of Confucius and his followers. The author of the paper adopted an objective approach to the world outlook of Confucius and his disciples, paying due tribute to the merits of their philosophy and criticizing the negative influence of the reactionary aspects of their ideas. N. Zommer takes an active stand in defence of the ancient culture of the Chinese people against its unfounded belittlement and even negation by some of the West European philosophers.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ЕГИПТЕ

(Обзор)

А. Ф. СУЛТАНОВ

Героическая борьба народа Египта за свою национальную независимость привлекает внимание советской общественности к истории этой страны, к развитию ее культуры. Не имея возможности в кратком обзоре дать исчерпывающее освещение многовековой культуры Египта, остановимся на основных вехах ее развития в новое и новейшее время, на ее роли в борьбе египетского народа против иностранного господства и феодальных отношений.

I

Первые удары по средневековой отсталости Египта были нанесены в период реформ Мухаммеда Али-паши в 30—40-х годах прошлого столетия. Завоевание Египтом фактической независимости, создание национальной армии и флота и некоторых отраслей национальной промышленности, смелые шаги в области реформирования системы администрации и просвещения — все это знаменовало начало пробуждения страны от многовекового застоя, наступление новых, более прогрессивных буржуазных отношений.

К 40-м годам XIX в. впервые в истории Египта были созданы 63 светские государственные школы, в которых обучалось 10 тыс. учащихся. Для подготовки специалистов, необходимых реорганизованной египетской армии, флоту и вновь создаваемой национальной промышленности, было открыто более десяти высших и средних специальных учебных заведений, в том числе высшие медицинские и ветеринарные школы, высшее инженерное училище, сельскохозяйственная школа, школа иностранных языков для подготовки переводчиков и несколько военных школ. В эпоху реформ в Египте проводилась политика возрождения арабской культуры и языка. Обучение в начальных и средних учебных заведениях стало осуществляться вместо турецкого на арабском языке. Более трехсот юношей-египтян, окончивших светские школы и ал-Азхар, были посланы в Европу для завершения своего образования. Таким образом создавались значительные кадры египетской интеллигенции. Впервые стали выходить газеты и журналы на арабском языке, была создана типография, появились переводы научно-технической литературы.

Первым просветителем Египта был писатель Рифа'а бей ат-Тахтáви (1801—1873), известный филолог, историк, педагог, переводчик французского гражданского кодекса, а также ряда научных трудов и учебников на арабский язык. В 1826 г., вскоре после окончания ал-Азхара, ат-Тахтáви был послан в Париж в качестве воспитателя студенческой миссии. Там он провел несколько лет и был очевидцем революции 1830 г. По возвращении в Каир ат-Тахтáви издал книгу «Путешествие в Париж», в которой описал научную и общественную жизнь столицы Франции, революционные события 1830 г. и французскую конституцию, деятельность французских академий языка, литературы, естественных наук, искусства и философии. Книга ат-Тахтáви оказала

большое влияние на формирование взглядов первых просветителей Египта¹. А. Тахтáвй создал и возглавил переводческое бюро, издавшее до 2000 книг, переведенных с европейских языков, был директором школы переводчиков и ряда других школ, редактировал первую египетскую газету «Ал-Вакáл'ал-Мисрý» и первый научно-педагогический журнал. Из его многочисленных учеников крупный вклад в развитие современной культуры внес поэт и писатель Али Мубарак (умер в 1893 г.) — основатель знаменитой национальной библиотеки в Каире.

С 60-х годов XIX в. при Са'аде и особенно хедиве Исма'илю усиливается проникновение иностранного капитала и англо-французское вмешательство во внутренние дела Египта, что вызывало возмущение египетского народа. В 1881 г. вспыхнуло поддержанное народными массами восстание египетской армии под руководством Ахмеда 'Арабý-пашы. Восставшие требовали изгнания иностранцев, проведения социальных реформ, созыва избранного народом парламента и принятия демократической конституции. Восстание было жестоко подавлено английскими интервентами и завершилось оккупацией Египта в сентябре 1882 г.

Большую роль в восстании сыграли сподвижники 'Арабý — пламенные борцы за свободу, писатели, ораторы и публицисты: 'Абдаллах Надýм (1844—1896), Адýб Исхáк (1856—1885) и Махмýд Самý ал-Барудý (1838—1896). 'Абдаллах Надýм, выдающийся поэт и драматург, был также и автором ряда патристических статей. Его пламенные стихи были направлены против английских оккупантов и продажного хедива Тевфики, который после поражения восстания своим торжественным въездом в Каир в сопровождении эскорта английских войск «спородил в стране атмосферу нравственного позора и унижения, находившуюся в явном противоречии с национальным духом, достоинством и обычаями»². Еще до восстания сторонники 'Арабý-пашы 'Абдаллах Надýм вместе с Адýбом Исхáком создали тайное общество «Молодой Египет» (впоследствии переименованное в «Благотворительный союз»).

После поражения восстания 'Абдаллах Надýм всю свою энергию направил на дело улучшения народного просвещения. Он собирал пожертвования от населения и открывал бесплатные школы для сирот и детей бедняков, писал стихи и пьесы на темы из жизни народа и сам ставил их в народных школах вместе с учениками. В созданных им журналах 'Абдаллах Надýм призывал молодежь быть преданной народу и родине. Современные египетские писатели и поэты, отстаивающие принципы реализма и народности в литературе, справедливо считают а. Тахтáвй и 'Абдаллаха Надýма основоположниками демократических тенденций в египетской литературе.

Подавление восстания и английская оккупация Египта в 1882 г. коренным образом изменили положение в стране. Во всех оставшихся незакрытыми школах была повышена плата за обучение, и поэтому среднее и высшее образование оказалось доступным лишь для избранных, которые должны были занять ответственные посты в государственном аппарате и служить опорой империализма, абсолютизма и феодализма³. В ответ на неоднократные требования и попытки египетских просветителей увеличить сеть средних и высших учебных заведений фактический правитель Египта лорд Кроммер в 1905 г. заявил: «Я не думаю, что поощрение среднего и высшего образования в Египте ускорит рост элементов внутренней автономии Египта; до тех пор, пока не изменится нравственный облик (!— А. С.) египтян, с этим не следует торопиться»⁴.

Как отметили в 1894 г. в своем постановлении Законодательный совет, созданный при английской администрации, «Школьное дело и народное образование в Египте

¹ 'Абд ал-Латýф Хамза. Ас-сахафа ва-л-адаб фý Миср. (Пресса и литература в Египте). Каир, 1955, стр. 28—29.

² 'Абд ар-Рахман ар-Рáфýй. Саурат ал-'Арабý ва ихтилáл ал-биритáния (Восставшие 'Арабý и английская оккупация). Каир, 1949, стр. 455.

³ Рашид ал-Баррáви. Хáжýхат ал-инкилáб ал-ахýр фý Миср (Сущность последнего переворота в Египте). Каир, 1952, стр. 74.

⁴ Ахмед Рушдý Сáлих. Лорд Кроммер фý Миср (Лорд Кроммер в Египте). Каир, 1945, стр. 80—81.

вообще за последнее время (имеется в виду 12 лет английской оккупации.—А. С.) не только не развивалось, но деградировало. Можно без преувеличения сказать, что люди, поставленные руководить органами народного просвещения в Египте, прилагали все свои усилия к тому, чтобы всеми способами тормозить дело народного образования и закрыть народу доступ к нему»⁵.

Однако репрессии английских оккупантов не были в состоянии задержать развитие национальной культуры. Известную положительную роль в развитии современной культуры Египта сыграли деятели мусульманской реформации, группировавшиеся вокруг журнала «Ал-Манáр» (Мухаммед 'Абдо, Рашид Ридá и др.). Но особенно большое значение в борьбе за национальную свободу, за просвещение народа и прогресс имело творчество писателей и поэтов: Кáсима Амýна (1863—1908) — автора книг, в которых впервые был поставлен вопрос о раскрепощении женщины; основоположника жанра исторического романа, историка и филолога Джирджи Зейдана (1861—1914); поэта и публициста Вáли ад-дина Икана (1874—1921); поэта и прозаика Мустафы Лутфý ал-Манфалутý (1876—1925); романиста Мухаммеда ал-Мувайлихý (1858—1930); публициста и политического деятеля Ахмеда Лутфý ас-Сейида. Последний на страницах издававшейся им газеты «Ал-Джерýда» излагал философские взгляды Вольтера, Жан Жак Руссо, Джона Стюарта Милля и Льва Толстого.

Выдающаяся роль в формировании общественного мнения и в организации национального сопротивления в конце XIX столетия принадлежит Мустафе Кáмилю (1874—1908) — основателю Национальной партии (1907) и органа этой партии газеты «Ал-Ливá». Его деятельности посвящена третья из названных работ ар-Рафии. Поняв тщетность надежд на то, что «цивилизованная» Европа предоставит независимость его родине, Мустафа Кáмил призывал к активной борьбе против оккупантов, «убивающих все национальное, стремящихся вытравить национальные чувства, честь, достоинство и язык египтян, против тех, кто полагал, что за деньги можно купить всю нацию и совесть народа»⁶. Его пламенные речи и памфлеты, с которыми он выступал не только в Египте, но и в столицах ряда западноевропейских государств, звучали в тот период, когда многие представители египетской интеллигенции начали отходить от национально-освободительного движения, полагая, что «им лучше заискивать перед оккупантами, сдаться на милость победителя и устраивать свои личные делишки, приспособляясь к режиму оккупации»⁷. Обращаясь к египетским студентам с призывом к патристической борьбе, Мустафа Кáмил говорил: «Тот, кто не борется за изгнание оккупантов из родной страны, считая это посторонним делом, тот подобен человеку, который видит, как поджигают дом соседа, и не принимает мер к предотвращению пожара...»⁸.

Мустафа Кáмил открыл в Каире за свой счет народную школу на 300 учеников и собирал пожертвования для основания первого египетского народного университета. В письме к своему другу и соратнику Мухаммеду Фаряду он писал в 1906 г.: «Пусть запомнят те, кто имеет разум и память, что среди детей бедных кварталов и низших слоев населения, которым оккупационные власти закрыли доступ к учебе и просвещению, имеются такие одаренные головы, которые, если бы их обучали, могли бы стать предметом гордости Египта навеки»⁹.

В первые десятилетия XX в. развивалось творчество египетских прозаиков и поэтов — Мустафы Лутфý ал-Манфалутý, Хáлила Мутрáна, Ахмеда Шауфý, Хáфиза Ибрахýма и Мухаммеда ал-Мувайлихý. В их произведениях нашли отражение борьба против тирании Абдул-Хамида II и английских оккупантов и революционный порыв египетского народа в 1919—1921 гг. Мухаммед ал-Мувайлихý оставил замечательное

⁵ Там же, стр. 82.

⁶ 'Абд ар-Рахман ар-Рáфýй. Мустафа Кáмил—му'ассис ал-харака ал-ватáний. (Мустафа Кáмил — основатель национального движения). Каир, 1955, стр. 179, 237.

⁷ Там же, стр. 171.

⁸ Там же, стр. 107.

⁹ Ахмед Рушдý Сáлих. Указ. соч., стр. 81—82.

произведение — «Приключение Исы бин-Хишма». Рисуя картины угодничества внуков египетского реформатора Мухаммеда 'Али-паши перед английскими оккупантами и рабского подражания египетских помещиков-аристократов «модным» английским нравам и заморским обычаям, он подвергает убийственной критике египетское общество периода английской оккупации¹⁰.

Огромную роль в воспитании египетской молодежи в духе ненависти к оккупантам и собственным угнетателям сыграли произведения Мустафы ал-Манфалутя, проза которого отличалась большой поэтичностью, а стихи были свободны от оков средневековой рифмы. Мустафа ал-Манфалутя призывал к беспощадной борьбе против империалистов и требовал освобождения феллахов от помещичьей кабалы. Он настаивал также на том, чтобы детям феллахов была предоставлена возможность получить образование. Бросая вызов своим политическим противникам, ал-Манфалутя писал: «Вы хотите, чтобы я, подобно другим поэтам, расточал дифирамбы власти имущим вместо разоблачения их своим пером-киркой. Я предпочту смерть такому унижению. Я хочу жить свободным, независимым, не боясь никого и не обращая внимания на угрозы продажных писак из подкупленных газет! Я буду беспощадно критиковать зло, не взирая на лица... Раб, закованный в золотые цепи, окруженный почестями и лестью тиранов, не может быть свободным, да избавят меня люди от подобного почета»¹¹.

Венцом египетской поэзии периода от оккупации страны до восстания 1919 г. была революционно-романтическая поэзия Халиля Мутрāна (1871—1949). Бежав из Ливана от произвола турецких властей, преследовавших его за революционную деятельность, Халиль Мутрāн обосновался в Египте. В стихах-касыдах и баснях, впервые получивших право гражданства в арабской литературе, он звал народ к неустанной борьбе за свободу и независимость.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция вселила в сердца народов Востока надежды на освобождение от угнетения. В 1919 г. в Египте произошло всенародное антианглийское национально-освободительное восстание, которое было потоплено оккупантами в крови рабочих и феллахов. Несмотря на поражение, это восстание не прошло бесследно для Египта. Оно ослабило позиции английского империализма в стране и оказало огромное влияние на последующий ход событий, на развитие общественной мысли, национальной культуры и, в частности, художественной литературы.

В Египте развивается публицистическая и художественная литература реалистического направления, призывающая к национальному освобождению и культурному возрождению страны. Эпоха национального возрождения (так называют в Египте период от 1919—1930 гг.) выдвинула на первый план таких писателей, критиков, публицистов, историков, как Амян ар-Рафия, Мухаммед Хусейн Хайкал, Салама Муса, Таха Хусейн, Махмуд Теймур, Тауфик ал-Хаким, Ахмед Амян, Ибрахим ал-Мазини, Махмуд 'Аббас ал-'Ахмд, Ибрахим ал-Мисри и другие. Большинство из них были выразителями чаяний прогрессивных кругов национальной буржуазии, стремившейся к национальной независимости и к упразднению феодально-клерикальных институтов. Эти писатели впервые стали изображать жизнь простого народа, вскрывать социальные пороки общества.

Произведения Тауфика ал-Хакима «Возвращение духа» и «Записки провинциального следователя» явились образцом реалистической повести из жизни и быта простых людей египетских городов и деревень в 1919—1930 гг. Следует особо отметить глубоко содержательные критические статьи, трактаты и романы Таха Хусейна (например, «Будущность цивилизации в Египте», «Дни»), новеллу «Зейнаб» Хусейна Хайкала,

¹⁰ Надим 'Ади. Та' рих ал-адаб ал-'араби. (История арабской литературы). Алеппо, 1954, стр. 490—491.

¹¹ Надим 'Ади. Указ. соч., стр. 490—491.

очерки и рассказы Салама Муса, Ибрахима ал-Мисри («К свету»), произведения Исма'ила Мазхара и других. В египетской литературе утверждается новый жанр — новелла. Основоположителем этого жанра считается талантливый писатель Махмуд Теймур, находившийся, по его собственному признанию, под значительным влиянием А. П. Чехова. Египетские литераторы становятся ведущим отрядом арабской литературы.

В эти же годы появилось несколько работ религиозно-философского содержания, которые свидетельствовали о больших сдвигах в области идеологии. В 1925 г. египетский ученый 'Аля 'Абд ар-Разики выступил с получившей широкую известность на всем мусульманском Востоке книгой «Халифат и основы государства в Исламе». Автор открыто призывал к отделению мусульманской церкви от государства и доказывал невозможность возрождения халифата. Выступление 'Аля 'Абд ар-Разики вызвало острый конфликт между египетским двором и кругами ал-Азхара, с одной стороны, и египетской общественностью, с другой, и автор книги был лишен сана шейха ал-Азхара. Знаменитый литературовед и писатель Таха Хусейн, автор диссертации «Доисламская поэзия» написал в 1927 г. несколько очерков и статей, в которых критиковал отдельные положения Корана и доисламской поэзии. Высказанные им сомнения в подлинности преданий о древних пророках и в достоверности хадисов о пророке Мухаммеде вызвали бурю негодования в кругах улемов и привели к осуждению автора советом улемов ал-Азхара¹².

Несмотря на то, что ревнители старой идеологии старались всячески сохранить свои позиции, новые тенденции в развитии национальной культуры все более крепли. К этому периоду относится появление ряда очерков Салама Муса о социализме, опубликованные в газете «Ас-Сийаса», в журналах «Ал-Муктафа» и «Ал-Хилал» статей и очерков Лутфи ас-Сейда, Исма'ила Мазхара, Амяна Са'яда, Хусейна Хайкала, а также других крупных египетских публицистов и писателей на тему о национальной культуре и возрождении арабского Востока.

Интересные данные о расширении сети высших учебных заведений, о развитии национальной прессы в этот период содержатся в «Ежегоднике арабской культуры». К 1925 г. ряд институтов (медицинский, юридический, сельскохозяйственный, торговый, инженерно-технический, ветеринарный и институт гуманитарных наук) был слит и на их базе создан Каирский государственный университет. В течение 1928—1932 гг. были открыты Каирская академия арабского языка, учительские институты, средние школы и реорганизованы школы первой ступени. Были пересмотрены программы ал-Азхара, в котором, наряду с богословскими, стали преподаваться и светские науки — география, естествознание и математика, при нем был открыт факультет арабского языка и литературы. В 1925 г. были основаны специальная Высшая школа изящных искусств и Институт арабской музыки. В Каире в эти годы открыт Музей современного искусства, развивают свою деятельность различные научные общества, например, географическое общество, медицинское общество, общество политической экономии и другие; начинают свою деятельность национальная театральная труппа и киностудия. Широкое развитие в этот период получила и национальная пресса Египта, представленная многочисленными газетами и журналами различных направлений.

Однако на поступательный ход развития египетской литературы и культуры в целом, начавшийся после восстания 1919—1921 гг., известный отпечаток наложил период реакционной диктатуры Сидки-паши (1930—1934), выражавшего интересы полуфеодалов-земледельцев и крупной реакционной буржуазии, опиравшейся на английских оккупантов¹³.

Изменилось и содержание художественной литературы. В отличие от литературы 20-х годов, в которой преобладали прогрессивные тенденции, многие произведения 30-х годов отмечены пессимистическими настроениями. Писатели старшего поколения в ряде случаев оторвались от народа и от связанных с его жизнью и борьбой тем, их лозунгом стало «искусство для искусства».

¹² Ch. Issawi. Egypt: an economic and social analysis. London. 1947, p. 180—188.

¹³ Рашид ал-Баррауи. Указ. соч., стр. 70.

II

С началом второй мировой войны и приходом к власти вафдистского кабинета (февраль 1942 г.) наблюдается подъем демократического движения. Борьба идейных течений разгорается вновь. Появляются прогрессивные издания: газета «Ал-Джамахира», журналы: «Ал-Маджалла ал-Джедида», редактируемый писателем Ибраһимом Ал-Мисри, «Ал-Фаджр ал-Джедид» и «Ат-Тали'а», редактируемые Абд ар-Рахманом аш-Шарқави, и «Ал-Катиб ал-Мисри», редактором которого являлся Тәхә Хусейн. Но к 1946 г. у власти вновь оказалась коалиция реакционных партий.

Сменявшие друг друга реакционные кабинеты, приходившие к власти «волею короля» и «высших сфер» (т. е. английского посольства), закрывали подлинно национальные прогрессивные газеты и журналы («Ал-Джамахира», «Ал-Фаджр ал-Джедид» и «Ат-Тали'а», «Ал-Катиб ал-Мисри» и др.). Зато появились новые периодические издания, вроде «Jeudi» и «Ахбәр ал-Наум», которые повели борьбу с демократическими идеями, именуемыми в официальной прессе «разрушительными идеями».

Книжки, журналы и брошюры, разоблачавшие реакционную политику правительства, призывавшие к борьбе против «трех основных зол египетского общества» — нищеты, масс, их невежества и болезней, — после второй мировой войны были конфискованы, авторы их объявлены «носителями разрушительных идей» и брошены в тюрьмы. Реакция расправилась также и с прогрессивной частью профессуры и студенчества Каирского университета.

В период господства реакции и чрезвычайных законов военного времени не успевший развиваться и окрепнуть национальный театр выродился в помесь западного кабаре с гаремным «искусством». Молодая национальная кинопромышленность не выдерживала конкуренции с наводнившими страну английскими и особенно американскими кинокартинами, отравлявшими сознание египетской молодежи.

* * *

В июле 1952 г. в Египте произошел антимонархический переворот, возглавленный Советом руководства революции, равнозначный по своему содержанию антиимпериалистической революции. Ожилилась деятельность многочисленных общественных организаций: молодежных, женских и других. Массовый характер приняло женское движение. Впервые за многовековую историю Египта было признано равноправие женщин во всех областях общественной и государственной жизни.

Прогрессивные писатели Египта в острой полемике, которая развернулась на страницах периодической печати в 1952—1956 гг., развенчали сторонников антинародной школы реакционного романтизма и индивидуализма и провозгласили принцип реализма и народности. За последние несколько лет опубликованы сотни рассказов, повелл, повестей, романов, литературно-критических очерков египетских писателей и критиков нового направления. Эти произведения правдиво повествуют о жизни, быте и борьбе простого народа — феллахов, рабочих, ремесленников, мелких служащих и учащейся молодежи. Новая литература, по мнению прогрессивных египетских писателей, должна быть народной по крови, по духу, по форме, чтобы читатель мог сказать о ней: «Да, это Египет, это — мы, наши феллахи, рабочие, служащие, студенты, женщины», и вместе с тем она должна быть гуманистичной, общечеловеческой, звать вперед, бороться за мир во всем мире. Египетские же писатели старшего поколения «срослись с правящими классами прошлого, пошли за караваном, а не впереди каравана»¹⁴.

Новая школа реализма и народности, как писал египетский критик 'Абд ал-'Азиз Анис, должна «связать литературу с обществом живой связью и сделать литературу верным зеркалом жизни общества с его тревожениями, надеждами и ростом»¹⁵. Она должна «звать и толкать общество вперед, вскрывать пороки общества и требовать улучшения существующего положения и устранения причин голода, холода и

болезней, а не убаюкивать людей, твердя, что жизнь легка, что голодный счастлив, что голому не нужна одежда»¹⁶.

Наиболее яркими представителями новейшего направления в египетской художественной литературе являются писатели 'Абд ар-Рахман аш-Шарқави, Юсеф Идрис и 'Абд-ар-Рахман ал-Хамси. Самое значительное из произведений аш-Шарқави — большой роман «Земля», посвященный борьбе египетских феллахов за землю и воду, за освобождение от гнета помещиков в период реакционной диктатуры Сидки-наши в 1930—1933 гг. «Земля» — первый реалистический роман в современной арабской литературе, в котором широко используется народный разговорный язык. По меткому определению ливанского писателя и критика Хусейна Мурүва, повести и романы аш-Шарқави «заставляют читателя на самом деле жить среди своих героев-феллахов, чувствовать запах земли и аромат жизни». Наряду с 'Абд ар-Рахманом аш-Шарқави, одним из зачинателей школы реализма и народности в художественной литературе Египта является выходец из народа 'Абд ар-Рахман ал-Хамси, автор сборника рассказов «Неостывающая кровь». Его рассказ «Сон» (носящий в значительной мере автобиографический характер), в котором описаны скитания каирского безработного, египетская литературная критика относит к лучшим произведениям писателей новой школы. Третьим ярким представителем нового направления является молодой писатель Юсеф Идрис. Сборник коротких рассказов писателя «Дешевые ночи» выдержал за три года несколько изданий и пользуется огромной популярностью среди молодежи Египта и других арабских стран.

Новое направление в художественной литературе стало ведущим в Египте и нашло признание во всех арабских странах. Впервые в истории арабской литературы писатели показывают жизнь и борьбу простого человека, верящего в светлое будущее. Герои их произведений — строители нового Египта без империалистов и без помещиков; они принимают активное участие в строительстве, проводимом в стране, в осуществлении земельной реформы, в создании социальных центров по перестройке египетской деревни, в беззаветной борьбе против англо-французско-израильских агрессоров.

Заслуживают упоминания значительные успехи в области театра и музыки. Композиторы Ибраһим Хаджадж, 'Азиз аш-Ша'ун и Хафиави делают смелые шаги в создании национальной оперы и балета, симфонических произведений. Молодой композитор Халим ад-Даба недавно закончил симфонию «Освобождение», посвященную знаменательным событиям 23 июля 1952 г. (свержению монархии в Египте).

Серьезные достижения имеет и национальная кинопромышленность. За последние годы выпущен ряд фильмов, правдиво отображающих современную действительность и проникнутых патристическими идеями борьбы за права простого человека.

Египетское правительство принимает меры к расширению сети школьного и внешкольного общего и специального образования. В 1954 г. принят восьмилетний план строительства 5 тыс. новых школ, из них 750 построены в период 1954—1955 гг. Планируется также строительство двух новых учительских институтов (мужского и женского), десяти учительских техникумов, а также ряда училищ для переподготовки учителей. В настоящее время ведется подготовка к открытию университета в столице провинции ат-Тахрир — городе Насир. В декабре 1956 г. принят новый закон о профессионально-техническом обучении. В связи с этим в Каире создается Центральный совет руководства профессионально-техническим образованием, а на местах — провинциальные Советы. В стране введено бесплатное обучение во всех начальных школах, снижена плата за обучение в высших школах, предполагается ввести бесплатное обучение в средних школах. В 1956 г. принято решение о создании 800 социально-культурных центров по экономической и культурной перестройке деревни. Около 200 таких центров уже развернули свою деятельность, остальные будут построены в ближайшие годы. Средства для этого выделяются из фонда реализации конфискованных земель, дворцов и имений бывшей королевской династии.

Основными центрами культурной жизни страны являются большие города и преж-

¹⁶ «Ал-Мисри», 3 января 1954 г.

¹⁴ «Ал-Мисри», 5 февраля 1953 г.

¹⁵ «Ал-Мисри», 23 мая 1953 г.

де всего столица республики Каир — крупнейший город Африки с населением в 2,5 млн. человек. Здесь находится много типографий и около 30 издательств, 14 из них (например, «Мактабат ан-нахда ал-Мисрийя», «Дар-ал-хари ал-ишрийя», «Дар-ал-фикр», «Дар ат-тахрир», «Роз ал-Нусеф», «Дар ал-ма'ариф», «Ал-Ахрām» и др.) являются крупнейшими на Ближнем Востоке. В Каире и Александрии издается более 400 газет и журналов, из них 358 — на арабском языке, в том числе такие известные газеты, как «Ал-Ахрām», «Ал-Джумхурия», «Аш-Ша'б» и «Ал-Масā». Ежегодно здесь издается более 800 названий книг, которые распространяются во всех арабских странах, а три египетские радиовещательные станции обслуживают весь арабский Восток.

В Каирской академии арабского языка, основанной в 1932 г., в настоящее время изучаются проблемы национального языка и диалектов, издается энциклопедия арабского языка, разрабатываются научно-техническая терминология и другие проблемы языка и письменности.

Каир и Александрия славятся своими музеями и библиотеками, известными далеко за пределами страны. В знаменитой Каирской национальной библиотеке, основанной в 1870 г., хранится более 500 тыс. томов книг и 58 тыс. ценнейших рукописей. Кроме того, богатейшие библиотеки имеются при I Каирском университете и университете ал-Азхар, в книгохранилище которого насчитывается 24 тыс. рукописей. В Национальном музее древнеегипетских памятников и Музее мусульманской культуры сосредоточены ценнейшие памятники по истории материальной культуры древнего Египта и мусульманского мира, а также уникальные рукописи. В период господства иностранных оккупантов многие ценные памятники были вывезены из стран в музеи Лондона и Парижа, Берлина и Вашингтона. Правительство Египетской республики решило принять меры для охраны памятников старины. В августе 1955 г. было издано постановление о возрождении культурного наследия прошлого, а также о переводе на арабский язык и опубликовании 80⁰ названий различных ценных изданий мировой литературы, в том числе трудов по истории древнего Египта, по истории и культуре арабов.

В послевоенные годы усиливается значение Каира как центра культурного возрождения всего арабского Востока. С 1945 г. здесь находится резиденция Лиги арабских стран, при которой имеются комитеты по изучению социальных, экономических и культурных проблем арабских стран. Комитеты созывают ежегодные конференции, на которых заслушиваются доклады специалистов по различным вопросам. При Лиге функционируют также постоянный Комитет по вопросам арабской культуры, Институт изучения арабской культуры, научный центр изучения и издания рукописей, а также секции по переводам и изданию научных трудов. Комитет изучает проблемы унификации школьных программ в арабских странах и, в частности, вопросы унификации преподавания истории и географии арабских стран во всех учебных заведениях стран, объединенных в Лиге.

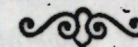
Созданный в 1953 г. при Лиге арабских стран Высший институт изучения арабских проблем ставит своей задачей «подготовку высококвалифицированных кадров, которые будут глубоко и широко изучать национальные, социальные и экономические проблемы арабского мира и смогут сознательно служить целям возрождения арабской нации»¹⁷. В институте принимается молодежь, имеющая высшее образование. Интересно отметить, что в 1953/54 учебном году в аспирантуре института обучались, кроме египтян, из Ирака—12 человек, Сирии—10, Саудовской Аравии—7, Палестины—6, Иордании—4, Ливана—2 и по одному аспиранту из Йемена, Ливии, Туниса, Алжира, и Марокко.

На факультетах Института изучаются идейные течения и направления в литературе арабских стран, проблемы национального языка и научной терминологии, история арабов и проблема арабского единства, национальная экономика, социальное законодательство, вопросы образования арабской нации и другие насущные проблемы арабского Востока¹⁸.

¹⁷ Сатр 'ал-Хусари. Хаулийат ас-сакафа ал-'арабийя («Ежегодники арабской культуры»), т. 4. Каир, 1954, стр. 395

¹⁸ См. там же, стр. 395—405.

Современная арабская культура Египта, зародившаяся и складывавшаяся в длительной и упорной борьбе за национальную независимость, вступила после второй мировой войны и особенно после антиимпериалистического, антифеодального революционного переворота 1952 г. в новую полосу развития. На этом этапе национальная культура развивается в условиях героического сопротивления египетского народа всем попыткам снова надеть на него империалистическое ярмо, в условиях борьбы за демократизацию общественной и государственной жизни. Прогрессивная интеллигенция Египта и молодежь страны прилагают все усилия к тому, чтобы сделать новую культуру достоянием широких народных масс.

ПРИНЦИПЫ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ РОМАНА «ШУЙХУЧЖУАНЬ»

М. В. СОФРОНОВ

Основным способом словообразования в китайском языке является сложение корней. Этот способ состоит в том, что два или более знаменательных корня соединяются в одно слово, которое при грамматическом оформлении выступает обычно как единая, хотя и сложная основа. Сложение корней широко распространено и в языке исследуемого романа¹.

В данной статье рассматривается система словообразования, характерная для категории глагола. Под глагольным словообразованием следует подразумевать сложение глагольных корней с глагольными же, именными или качественными корнями в одно слово, относящееся к категории глагола. Все глаголы, состоящие из двух или более корней, могут быть названы сложными глаголами. В зависимости от способа образования и характера составляющих корней различные типы сложных глаголов обнаруживают разные грамматические свойства. Нашей задачей является классификация способов глагольного словообразования, основанная не только на значениях компонентов сложных глаголов, но также и на определенных грамматических признаках, свойственных различным типам сложных глаголов.

I

В этом разделе мы рассмотрим способы образования таких сложных глаголов, которые по своим основным грамматическим свойствам не отличаются от глаголов, состоящих из одной морфемы.

А. Сложение синонимичных корней. Сюда относятся сложные глаголы вида:

揀選	цзяньсяуань	(два корня со значением 'выбирать')	'выбирать'
歡喜	хуаньси	(два корня со значением 'радоваться')	'радоваться'
懼怕	цзюйпа	(два корня со значением 'бояться')	'бояться'
居住	цзюйчжюу	(два корня со значением 'жить')	'жить'
捉拿	чжона	(два корня со значением 'схватить')	'схватить'
綁縛	банфу	(два корня со значением 'связать')	'связать'
愛惜	айси	(два корня со значением 'любить')	'любить'
等候	дэнхюу	(два корня со значением 'ждать')	'ждать'
叫喚	цзюэхань	(два корня со значением 'кричать')	'кричать'
看望	каньван	(два корня со значением 'смотреть')	'смотреть' и т. п.

¹ Роман «Шуйхучжуань» является произведением китайской средневековой литературы, написанным на разговорном языке той эпохи. Самое старое из сохранившихся изданий относится к началу XVI в., однако первоначальный текст романа был создан приблизительно в начале XIV в. Известно несколько редакций романа. Мы пользовались редакцией, состоящей из 71 главы и представляющей собой сокращенный вариант первоначального текста. Ссылки в тексте нашей статьи даются на страницы издания 水湖·施耐庵著·作家出版社·Пекин, 1956.

Некоторой части глаголов, образованных этим способом, свойственна обратимость: корневые морфемы, входящие в состав подобных глаголов, могут меняться местами. При этом значение двусложного глагола остается прежним. Так, например, наряду с указанным выше глаголом 揀選 цзяньсяуань 'выбирать' в языке исследуемого романа фигурирует также и 選揀 сяуньцзянь: 高俅得大尉，揀選吉日良辰去殿帥府裏到任。'Гао Цю был удостоен звания тайвэя; он выбрал (揀選) день, благоприятствующий вступлению в новую должность, и отправился во дворец, чтобы приступить к делам' (стр. 14). 當日便叫楊志一面打拴担脚，一面選揀軍人。'В тот день [Лян Чжун-шу] приказал Ян Чжи укладывать корзины и выбирать (選揀) солдат' (стр. 174).

Наряду с указанным выше глаголом 歡喜 хуаньси 'радоваться', существует также глагол 喜歡 сизуань с обратным порядком корней: 金大堅見了銀子心中歡喜。'Увидев серебро, Цзинь Да-цзянь в душе обрадовался' (стр. 465) 宋江道：「倒是先還了錢吃酒我也歡喜。等我先取銀子與你。」'Сун Цзинь сказал: «Если даже [нужно] платить вперед, мне все равно понравится. Подожди, сейчас я выну серебро и отдам тебе» (стр. 420). Примечательно, что на этой же 420 странице два раза встречается слово 歡喜 хуаньси.

В языке «Шуйхучжуань» глагольный корень может находиться в одном из двух возможных состояний: в свободном — когда корень выступает как самостоятельный глагол, или в связанном, — когда он представляет собой часть более сложного целого.

В ряде случаев сложные глаголы рассматриваемого типа употребляются наряду с односложными, которые входят в их состав на правах корневых морфем. При этом возможны следующие варианты параллельного употребления.

1. Параллельно употребляются два сложных глагола с разным порядком корней, и в то же время самостоятельно существуют глаголы, которые на правах корневых морфем входят в их состав. Примером такого рода может служить глагол 選揀 сяуньцзянь. Как уже отмечалось выше, наряду с ним встречается второй сложный глагол 揀選 цзяньсяуань с обратным порядком корней, и, кроме того, в тексте романа постоянно встречаются односложные глаголы 揀 цзянь и 選 сяунь. То же можно сказать и о глаголах 綁縛 банфу 'связывать', 捉拿 чжона 'схватить' и т. п.
2. Параллельно фигурируют сложный глагол и два односложных глагола-синонима, входящие в него на правах корневых морфем. Так, например, наряду со сложным глаголом 懼怕 цзюйпа употребляются односложные глаголы 懼 цзюй и 怕 па. К этой же категории относятся глаголы 倚仗 ичжан 'опираться', 看望 каньван 'смотреть', 料想 лянсян 'думать' и т. п.

3. Параллельно употребляются сложный глагол рассматриваемого типа и глагол, входящий в него на правах одной из корневых морфем. Примером может служить сложный глагол 迎迓 ш'я 'встречать', наряду с которым широко распространен односложный глагол 迎 ш, в то время как второй корень самостоятельно не употребляется. По-видимому, он вышел из употребления в разговорном языке уже после образования сложного глагола и сохранился в нем как корневая морфема. В эту группу входят также глаголы 愛惜 айси 'любить', 等候 дэнхюу 'ожидать', 觀看 гуанькань 'смотреть'. Из состава перечисленных выше трех сложных глаголов самостоятельно не употреблялись соответственно только морфемы 愛 ай, 等 дэн и 看 кань.

Глаголы рассматриваемого типа в принципе неделимы, однако иногда встречаются примеры, когда между морфемами, составляющими глагол, стоит тот или иной знаменательный элемент. Так, например, глагол 招納 чжаона 'набирать, вербовать' может быть разделен следующим образом: 招黃納士 чжао сянь на ши, дословно 'призывать мудрецов и принимать воинов', глагол 摩擦 моца 'тереть, чесать': 摩拳擦掌 мо цюань ца чжан 'чесать кулаки и тереть ладони'; глагол 撼搖 ханьляо 'колебать, качать': 撼天搖地 хань тьян зю ди 'сотрясать небо и колебать землю'; глагол 救濟 цзюцзи 'помогать': 救貧濟老 цзю тинь цзи лао 'помогать бедным и оказывать содействие старикам'. Сложные глаголы этого вида, разделенные теми или иными знаменательными элементами, представляют собой устойчивые сочетания, образовавшиеся в более ранний период истории китайского языка.

Б. Сложение несинонимичных корней, являющееся, пожалуй, наиболее распространенным способом глагольного словообразования.

Смысловые отношения между морфемами сложных глаголов этого типа весьма разнообразны. Разумеется, четких формальных границ между различными видами глаголов, состоящих из несплошных корней, не существует, и поэтому обнаруживается большое количество переходных случаев. Все же эти глаголы можно, правда весьма условно, разделить на три вида.

1. В глаголах первого вида отдельные составляющие морфемы характеризуют действие сложного глагола с разных сторон:

洗漱 <i>сису</i>	(мыть + полоскать рот)	‘заниматься туалетом’
收拾 <i>шоуши</i>	(взять + подобрать)	‘собрать, приготовить’
知覺 <i>чжицяюэ</i>	(знать + чувствовать)	‘воспринимать, ощущать’
招呼 <i>чжаоху</i>	(махать рукой + кричать)	‘призывать’
披掛 <i>пигуа</i>	(одеть [доспехи] + прицепить [оружие])	‘вооружиться’ и т. п.

В отличие от сложных глаголов, составленных из синонимичных корней, ни один корень сложных глаголов рассматриваемого вида не может выступать как эквивалент всего глагола.

2. В глаголах второго вида первая морфема указывает на способ совершения действия, обозначенного второй морфемой.

探聽 <i>таньтин</i>	(допытываясь, слушать)	‘разведывать’
報說 <i>баошо</i>	(докладывая, говорить)	‘сообщать’
攻打 <i>гунда</i>	(атакуя, бить)	‘осаждать, вести приступ’
埋藏 <i>майцзан</i>	(закапывая, прятать)	‘прятать’
爭論 <i>чжэнлунь</i>	(борясь, рассуждая)	‘спорить’ и т. п.

В том, что первая морфема в глаголах рассматриваемого вида указывает на способ совершения действия, обозначенного второй морфемой, легко убедиться из сопоставления следующих сложных глаголов:

探聽 <i>таньтин</i>	(допытываясь, слушать)	‘разведывать’
探看 <i>танькань</i>	(допытываясь, смотреть)	‘разведывать’
巡看 <i>сюнькань</i>	(обходя, смотреть)	‘обходить дозором’
搜尋 <i>соукань</i>	(разыскивая, смотреть)	‘обыскивать’

Глаголы *探聽 таньтин* и *探看 танькань*, которые переводятся на русский язык одинаково, фактически обозначают разные действия, однако способ совершения действия один и тот же. Он выражен глагольной морфемой *探 тань* ‘доискиваться, допытываться’. Разница значений этих глаголов хорошо заметна в следующих примерах: 比及兄長臥病時，小生果果使人去大名探聽消息，梁中書晝夜憂驚，只恐俺軍馬臨城。‘Пока ты, брат мой, был болен, я часто посылал в Даминфу людей чтобы разведать новости. Лян Чжун-шу днем и ночью находится настороже и боится наступления наших войск на город’ (стр. 769). 吳學究道：「主帥且休煩惱，誰人敢下去探看一遭，便見有無。」‘У Юн сказал: ‘Не надо беспокоиться, главнокомандующий. Кто осмелится спуститься [на дно колодца] и разведать, есть ли [Цай Цзинь]?’ (стр. 643).

Напротив, последние три глагола *探看 танькань*, *巡看 сюнькань* и *搜尋 соукань* обозначают одно и то же действие, совершаемое различным способом. В первом случае на способ совершения действия, обозначенного морфемой, *看 кань*, указывает уже известная нам морфема *探 тань* ‘допытываться’, во втором и третьем случаях — морфемы *巡 сюнь* ‘двигаться по кругу, обходить’ и *搜 соу* ‘искать’.

То же можно сказать и о следующем ряде:

報說 <i>баошо</i>	(докладывая, говорить)	‘сообщать’
傳說 <i>чуаньшо</i>	(передавая, говорить)	‘рассказывать’
訴說 <i>сушо</i>	(жалуясь, говорить)	‘жаловаться’

Аналогичный ряд можно построить относительно любого сложного глагола рассматриваемого вида. Отсюда можно заключить, что в эпоху написания исследуемого романа такие глаголы образовывались значительно свободней, чем в современном китайском языке. Об этом свидетельствует хотя бы следующий пример: 趙能道：「說得是；再

仔細搜一搜看。這夥人再入廄裏來搜看。‘Чжао Нэн сказал: ‘Правильно, обыщите-ка еще раз!». Стражники вновь вошли в кумирню и стали обыскивать ее’ (стр. 493).

Мы видим, что первый корень сложного глагола мог быть повторен для образования формы однократности (*搜—搜看 соу-и-соукань*). Таким образом, глаголы рассматриваемого типа не считались неделимыми целыми. В сознании говорящих они совершенно определенно распадались на составляющие. Однако такого рода случаи скорее исключение, чем правило. В языке исследуемого романа этот пример является единственным.

3. В сложных глаголах третьего вида вторая морфема указывает на результат действия первой глагольной морфемы:

打翻 <i>дафань</i>	(ударить + перевернуть)	‘опрокинуть ударом’
推倒 <i>туйдао</i>	(толкнуть + перевернуть)	‘перевернуть толчком’
搗死 <i>шао</i>	(уколоть пикой + умереть)	‘погибнуть от удара пикой’
說知 <i>шочжи</i>	(говорить + знать)	‘поведать’
射殺 <i>шэша</i>	(стрелять + убить)	‘колоть, застрелить’
說誘 <i>шою</i>	(говорить + соблазнять)	‘соблазнять’
搜捉 <i>соучжо</i>	(разыскивать + схватить)	‘схватить’ и т. п.

Сложные глаголы двух предыдущих видов характеризуются тем, что в них переходные морфемы складываются с переходными же и непереходными — с непереходными. В отличие от них, характерной особенностью сложных глаголов, рассмотренных в третьем пункте, является то, что вторые морфемы могут быть переходными — *殺 ша* ‘убивать’, *誘 сю* ‘соблазнить’, *捉 чжо* ‘хватать’ и *知 чжи* ‘знать’; нейтральными — *翻 фань* ‘перевернуть, перевернуться’, *倒 дао*, *опрокинуть*, *опрокинуться* и в двух случаях непереходными — *死 си* ‘умереть’.

Сложные глаголы рассматриваемого вида (во всяком случае, те, у которых в качестве второй морфемы выступают *翻 фань*, *倒 дао*, *死 си* и *殺 ша*) создавались в языке того периода совершенно свободно. Об этом свидетельствуют следующие ряды:

打翻 <i>дафань</i>	(ударить + перевернуть)	‘перевернуть ударом’
搗翻 <i>шаофань</i>	(уколоть + перевернуть)	‘перевернуть ударом пикой’
砍翻 <i>кань фань</i>	(ударить топором + перевернуть)	‘перевернуть ударом топора’ и т. п.
打倒 <i>дадао</i>	(ударить + опрокинуть)	‘опрокинуть ударом’
推倒 <i>туйдао</i>	(толкнуть + опрокинуть)	‘опрокинуть толчком’
踢倒 <i>тидао</i>	(пинать + опрокинуть)	‘опрокинуть пинком’ и т. п.
搗死 <i>шаоси</i>	(уколоть + умереть)	‘умереть от удара пикой’
燒死 <i>шаоси</i>	(жечь + умереть)	‘сжечь досмерти’
淹死 <i>янси</i>	(тонуть + умереть)	‘утонуть’ и т. п.
射殺 <i>шэша</i>	(стрелять + убить)	‘застрелить’
刺殺 <i>цыша</i>	(колоть + убить)	‘заколоть кинжалом’
打殺 <i>даша</i>	(ударить + убить)	‘убить ударом’ и т. п.

В ходе дальнейшего развития китайского языка сложные глаголы со вторыми морфемами *翻 фань*, *倒 дао* и *死 си* перешли в категорию результативных глаголов, которые будут рассмотрены ниже. Сложные глаголы, где вторая морфема *殺 ша*, в современном языке не встречаются. В романе «Шуйхучжуань» у глаголов со вторыми морфемами *翻 фань*, *倒 дао* и *死 си* отсутствует фиксация морфем *不 бу* и *得 де*, что является главным признаком принадлежности к категории результативных глаголов.

Для всех видов сложных глаголов, рассмотренных в пункте А, они не характерно, что, в отличие от сложных глаголов, рассмотренных в пункте А, они не могут быть разделены какими-либо знаменательными или служебными элементами. Если некоторые сложные глаголы пункта А допускают перестановку морфем, то сложные глаголы рассматриваемого вида не допускают никаких перестановок, поскольку подчинительная связь необратима.

В. Сложение качественных и глагольных корней, являющееся малопродуктивным способом глагольного словообразования. В эту группу входят глаголы вида:

活捉 <i>хоэжэ</i>	(живой + схватить)	‘схватить живьем’
痛打 <i>тунда</i>	(больной + бить)	‘поколотить до боли’
高吊 <i>гаодяо</i>	(высокий + вешать)	‘высоко повесить’
闲走 <i>сянцзюу</i>	(праздный + ходить)	‘прогуливаться’
远接 <i>юаньцзе</i>	(далекий + встречать)	‘встречать заблаговременно’ и т. п.

Легко заметить, что по характеру связи между корнями глаголы этой группы близко примыкают к сложным глаголам, о которых говорилось в пункте Б. Разница между ними состоит в том, что у глаголов рассматриваемой группы первый корень обозначает не действие, а качество.

Г. Сложение корней, из которых первый является именным, а второй — глагольным. Сюда относятся глаголы вида:

面见 <i>мианцзянь</i>	(лицо + увидеть)	‘лично встретиться’
心爱 <i>синтай</i>	(сердце + любить)	‘любить [всем] сердцем’
眼见 <i>янцзянь</i>	(глаз + увидеть)	‘увидеть [своими] глазами’
背靠 <i>байкао</i>	(спина + прислониться)	‘прислониться [спиной]’
手起 <i>шоуци</i>	(рука + поднять)	‘поднять [рукой]’

В исследуемом романе количество глаголов, построенных таким образом, сравнительно невелико. Именные корни этих глаголов представляют собой в свободном состоянии существительные, относящиеся к категории неотчуждаемой принадлежности², преимущественно — это названия частей тела.

II

Как уже упоминалось, сложные глаголы, рассмотренные в предыдущем разделе, при грамматическом оформлении выступают как единая, хотя и сложная основа. При этом не может быть речи о какой-либо самостоятельности морфем, составляющих глагол.

Помимо глаголов, обладающих указанными выше свойствами, существует другая группа сложных глаголов, составные части которых сохранили известную самостоятельность. В эту группу входят глаголы, состоящие из двух глагольных корней, причем первый корень обозначает некое действие, а второй корень, или модификатор, — результат действия, обозначенного первым корнем. Сложные глаголы данного типа называют результативными.

Модификаторы результативных глаголов могут обозначать направленность действия, выраженного первым корнем, степень его проявления и, наконец, его конкретный результат.

Результативные глаголы делятся на две большие группы, которые характеризуются как лексическими, так и грамматическими особенностями: глаголы с модификаторами, обозначающими направление движения, и собственно результативные глаголы, модификаторы которых не обозначают направления движения.

В первую группу входят результативные глаголы вида:

奔入 <i>бэнжу</i>	(бежать + войти)	‘вбежать’
跳出 <i>тяочу</i>	(прыгать + выйти)	‘выпрыгнуть’
走上 <i>цаоушан</i>	(идти + подняться)	‘взойти’ и т. п.

В языке исследуемого романа количество возможных модификаторов несколько больше, чем в современном китайском языке. Так, наряду с 进 *цзинь* ‘входить’, 出 *чу*

² Ср. А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка, ч. I. М., 1952, стр. 64, 67—68. По поводу категории неотчуждаемой принадлежности см. также А. А. Драгунов. К вопросу о классификации простых предложений современного китайского языка. Сб. «Некоторые вопросы китайской грамматики». М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 13, 22, (прим. С. Е. Яхонтова).

выходить, выводить’, 上 *шан* ‘подниматься, поднять’, 起 *ци* ‘поднять, подняться’, 下 *ся* ‘опуститься, опустить’, 過 *го* ‘миновать’, 回 *хуй* ‘возвращаться, возвратить’, 開 *кай* ‘открываться, открывать’, встречающимися и в современном китайском языке, имеются также модификаторы: 入 *жу* ‘входить, вводить’ (распространенный гораздо больше, чем его синоним 進 *цзинь*), 歸 *гуй* ‘возвращаться’, 落 *ло* ‘опуститься, опустить’, 攏 *лун*, 近 *цзин* ‘приближаться, приближать’, 轉 *чжуань* ‘поворачиваться, поворачивать’, 還 *хуань* ‘возвращать, возвращаться’. Последние шесть модификаторов употребляются сравнительно редко.

Все названные выше модификаторы могли сочетаться как с непереходными (см. выше), так и с переходными глаголами:

插入 <i>чажу</i>	(втыкать + вводить)	‘втыкать’
推出 <i>туйчу</i>	(толкать + выводить)	‘вытолкнуть’
拔起 <i>бацци</i>	(дергать + поднять)	‘выдернуть’
放下 <i>фанся</i>	(класть + опустить)	‘поставить вниз’ и т. п.

Характерным признаком результативных глаголов направления движения является свойственная им категория ориентации, т. е. указание на направленность действия относительно говорящего или того места, куда мысленно помещает себя говорящий. Такого рода указание достигается путем присоединения к модификатору глаголов 來 *лай* ‘приходить’ или, наоборот, 去 *цуй* ‘уходить’. Так, 奔入 來 *бэнжунлай* означает ‘вбежать’ (приблизившись к говорящему или к тому месту, куда он себя мысленно помещает), 奔入 去 *бэнжунцуй* означает ‘вбежать’ (удалившись от говорящего) и т. п. Особое место по отношению к категории ориентации занимает модификатор 起 *ци* ‘поднять’, подняться, который может сочетаться с 去 *цуй* ‘уходить’ только в специальном контексте.

Вторым отличительным признаком результативных глаголов с модификаторами, обозначающими направление движения, является их способность к инфлексии морфемы 將 *цзян*, в результате чего образуются такие глаголы, как 跑將出來 *паоцзянчунлай*, 放將下去 *фанцзянсяцуй* и т. п. При этом 將 *цзян* может быть инфиксом только в тех результативных глаголах, при которых имеется 來 *лай* или 去 *цуй*. При переходных глаголах морфема 將 *цзян* показывает, что прямое дополнение, которое должно было бы стоять после модификатора, по тем или иным причинам опущено. Чаще всего прямое дополнение опускается тогда, когда оно представляет собой нечто известное для читателя. При непереходных глаголах морфема 將 *цзян* показывает, что опущено косвенное дополнение со значением места, обычно стоящее непосредственно после модификатора. Как и в предыдущем случае, косвенное дополнение опускается тогда, когда представляет собой нечто известное для читателя.

О том, что морфема 將 *цзян* указывает именно на опущение дополнения (прямого или косвенного), свидетельствует невозможность постановки какого-либо дополнения после модификатора в глаголах с инфлексированным 將 *цзян*.

В группу результативных глаголов с модификаторами, не обозначающими направление движения, входят глаголы вида:

望見 <i>ванцзянь</i>	(смотреть издали + увидеть)	‘увидеть’
攔住 <i>люнцзю</i>	(схватить + остановить)	‘крепко схватить’
尋着 <i>сюнчжао</i>	(искать + достигнуть успеха)	‘найти’
射中 <i>шэчжун</i>	(стрелять + попасть)	‘попасть в цель’
作成 <i>цаочэи</i>	(делать + завершить)	‘сделать’
吃盡 <i>чицзинь</i>	(есть + истощить)	‘съесть до конца’ и т. п.

Первый корень перечисленных выше глаголов обозначает некое действие — 望 *ван* — ‘смотреть’, 尋 *сюн* ‘искать’, 作 *цао* ‘делать’, 吃 *чи* ‘есть’ и т. п., а модификатор указывает на непосредственный результат или на степень проявления действия.

Характерной чертой глаголов рассматриваемой группы является то, что в качестве

модификторова здесь могут быть использованы не только глаголы, как это было показано выше, но и прилагательные:

拭淨 *шицзин* (тереть + чистый) 'стереть начисто'
 吃饱 *чибао* (есть + сытый) 'наестся досыта' и т. п.

В отличие от глаголов предыдущей группы со строго определенным числом модификаторов при результативных глаголах данной группы в роли модификаторов используется более широкий круг глаголов и прилагательных. Теоретически, количество модификаторов представляет собой неопределенную величину, равную количеству возможных результатов действий. Фактически же в языке исследуемого романа в роли модификаторов, не обозначающих направление движения, используются около пятидесяти глаголов и не более двадцати прилагательных.

Поскольку глаголы этой группы в подавляющем большинстве случаев не обозначают движения, они, естественно, не могут сочетаться с глаголами 來 *лай* 'приходить' и 去 *цуй* 'уходить', следовательно, им не свойственна категория ориентации. Этот момент важен как формальный признак, отличающий рассматриваемую группу от предыдущей группы сложных глаголов.

Модификаторы, не обозначающие направление движения, могут сочетаться как с переходными глаголами (что происходит чаще всего), так и с непереходными.

В отличие от глаголов, рассмотренных в предыдущем разделе, при грамматическом оформлении результативных глаголов далеко не всегда выступают как единая основа. В целом ряде случаев видовременное оформление результативных глаголов относится только к первой морфеме. Кроме того, оба вида результативных глаголов обладают одним общим свойством, объединяющим их в единую категорию. Этим свойством является образование форм модальности путем инфлексии морфем 得 *да* и 不 *бу*; инфлексия *да* дает форму возможности, а инфлексия *бу* — невозможности доведения действия до результата, обозначенного модификатором.

奔得入 <i>бэн дэжу</i>	(бежать + <i>да</i> + войти)	'мочь вбежать'
跑得下 <i>пао дэся</i>	(бежать + <i>да</i> + опуститься)	'мочь сбежать вниз'
跳得出 <i>тяо дэчу</i>	(прыгать + <i>да</i> + выйти)	'мочь выпрыгнуть'
拔得起 <i>ба дэци</i>	(дергать + <i>да</i> + поднять)	'мочь выдернуть'
看得见 <i>кан дэцзянь</i>	(смотреть + <i>да</i> + увидеть)	'мочь увидеть'
吃得盡 <i>чи дэцзинь</i>	(есть + <i>да</i> + полностью)	'мочь съесть до конца'
射得中 <i>ше дэчжун</i>	(стрелять + <i>да</i> + попасть в цель)	'мочь попасть [в цель]' и т. п.

В языке романа «Шуйхучжуань» отрицание 不 *бу* ставится перед сложными глаголами в исключительно редких случаях. Обычно оно инкорпорируется в состав сложного глагола, и, как уже было сказано, в этом случае весь глагол в целом приобретает значение невозможности доведения действия, выраженного первым корнем, до результата, обозначенного модификатором.

奔不入 <i>бэн бужу</i>	(бежать + <i>бу</i> + войти)	'не мочь вбежать'
跑不下 <i>пао буся</i>	(бежать + <i>бу</i> + опуститься)	'не мочь сбежать вниз'
跳不出 <i>тяо буучу</i>	(прыгать + <i>бу</i> + выйти)	'не мочь выпрыгнуть'
拔不起 <i>ба буци</i>	(тянуть + <i>бу</i> + поднять)	'не мочь выдернуть'
看不见 <i>кан буцзянь</i>	(смотреть + <i>бу</i> + видеть)	'не мочь увидеть'
吃不盡 <i>чи буцзинь</i>	(есть + <i>бу</i> + полностью)	'не мочь съесть до конца'
射不中 <i>ше буцжун</i>	(стрелять + <i>бу</i> + попасть)	'не мочь попасть [в цель]' и т. п.

При результативных глаголах современного китайского языка употребляется главным образом отрицание 沒 *мэй*. В языке исследуемого романа 沒 *мэй* еще не фигурирует как отрицание, будучи вполне самостоятельным глаголом со значением 'не иметь, отсутствовать'. Отрицания 不曾 *бу цэн* и 未曾 *вэй цэн*, которые по своим функциям приблизительно соответствуют современному 沒 *мэй*, перед результативными глаголами встречаются еще реже, чем отрицание 不 *бу*.

Таким образом, результативные глаголы в романе «Шуйхучжуань» имеют в общем только одну форму отрицания — образование модальной формы путем инфлексии 不 *бу*. Однако превращению 得 *да* и 不 *бу* в инфиксы при результативных глаголах предшествовала весьма длительная эволюция.

Иероглиф 得 *да* в языке романа, по-видимому, служит для обозначения нескольких знаменательных глаголов и целого ряда различных по своим функциям служебных морфем. В частности, под этим иероглифом скрывается суффикс, который, присоединяясь к глаголу, придает ему значение возможности совершения действия. Значение инфикса 得 *-да* непосредственно связано со значением модального суффикса. Превращение суффикса в инфикс, протекало, по всей вероятности, следующим образом. Когда в раннем среднекитайском языке начали образовываться результативные глаголы, модификаторы были еще вполне самостоятельными членами предложения, составлявшими с главным глаголом свободные словосочетания. Естественно, что при этом главный глагол был способен сочетаться с модальным суффиксом 得 *-да* для образования формы возможности. На первых порах между главным глаголом и модификатором могли быть поставлены любые знаменательные и служебные элементы, и в таких случаях модификатор ставился после глагола со всем относящимся к нему оформлением (включая и суффикс 得 *-да*). В дальнейшем связи между главным глаголом и модификатором окрепли, и постановка знаменательных элементов между компонентами возникающего результативного глагола стала скорее исключением, чем правилом, однако оформление главного глагола на 得 *-да* сохранилось. Таким образом, модификатор примкнул к главному глаголу и суффикс 得 *-да* сделался инфиксом.

Современные китайские ученые выводят формы с инфиксированным 不 *-бу* из словосочетаний типа 呼之不去 *ху чжи бу лай* 'зову его, [но он] не идет', 揮之不去 *хуй чжи бу цуй* 'отсылаю его, [но он] не уходит', замечая при этом, что первоначально отрицание еще не вносило в значение словосочетания модального оттенка. Модальность значения отрицания 不 *бу* в составе таких сочетаний появляется сравнительно поздно. Проф. Люй Шу-сян совершенно справедливо видит причину приобретения отрицанием 不 *бу* модального значения в соотносительности форм с инфиксами 得 *-да* и 不 *-бу*. Вследствие этой соотносительности модальное значение, свойственное результативным глаголам с инфиксированным 得 *-да*, распространилось и на формы с инфиксированным 不 *-бу*.

Итак, несмотря на кажущуюся близость форм модальности, образованных при помощи инфлексии 得 *-да* и 不 *-бу*, они значительно отличаются друг от друга по происхождению. В языке «Шуйхучжуань» это генетическое отличие проявляется в том, что морфема 得 *да* во всех случаях относится к первому корню результативного глагола, а морфема 不 *бу* тяготеет к модификатору³. Для иллюстрации этого положения возьмем два примера, где между элементами результативных глаголов поставлены дополнения: 吳用道: 你作起神行法來, 誰人趕得上你? 'Когда ты используешь волшебство, кто же сможет догнать тебя?' — сказал У Юн (стр. 622). 朱全忠不得一口氣吞了他. 只是趕不上. 'Чжу Туц от злости готов был проглотить его, но только догнать никак не мог' (стр. 608).

Такие примеры, где дополнение поставлено между элементами результативного глагола, а также отсутствие в языке исследуемого романа таких сочетаний, как 趕他得下 'снять *да* ся особенно хорошо показывают различие между морфемами

³ См. 呂叔湘. 漢語語法論文集 (Люй Шу-сян. Сборник статей по грамматике китайского языка). Пекин, 1955, стр. 68.

⁴ Проф. Люй Шу-сян объясняет это явление иначе. Он считает, что главная причина тяготения морфемы 得 *да* к первому корню результативного глагола заключается в «притягательной силе» глагола. Эта сила больше всего воздействует на служебные элементы (в нашем случае на *да*), несколько в меньшей степени — на модификатор и менее всего на дополнение, так как оно имеет наиболее независимое от глагола значение (Люй Шу-сян. Указ. соч., стр. 67).

бу и да. Морфемы не бу и 得 да, различны по своему происхождению, в языке «Шуйхучжуань» служат единой цели — созданию форм возможности или невозможности доведения действия до результата, указанного модификатором.

Инфиксация не бу и 得 да является общим свойством обоих видов результативных глаголов и представляет собой основной грамматический критерий для выделения этих глаголов из всей системы глагольного словообразования.

Помимо указанных грамматических особенностей результативных глаголов следует еще отметить и то, что они образовывались в речи значительно свободнее, чем сложные глаголы других видов.

То обстоятельство, что составные части результативных глаголов могут быть разделены упомянутыми выше служебными элементами, побуждает китайских ученых считать результативные глаголы словосочетаниями, а модификаторы — самостоятельным членом предложения — «бутой» (補語)⁵. Однако такая трактовка результативных глаголов вряд ли правильна не только по отношению к современному китайскому языку, для которого построена эта концепция, но даже и по отношению к языку исследуемого романа. Китайские ученые исходят из бесспорного положения о неделимости слова. И, действительно, ни односложные слова, ни огромная масса многосложных слов, обладающих теми же свойствами, что и односложные, не допускают деления на составные части. Однако при рассмотрении глагольного словообразования исследователи упускают из виду возможность существования категории сложных глаголов, составные части которых сохраняют известную самостоятельность. Из предыдущего изложения ясно, что инфиксация морфем не -бу- и 得 -да- представляет собой форму проявления самостоятельности составных частей результативных глаголов⁶.

Инфиксация не -бу- и 得 -да- является формой, свойственной только результативным глаголам, а единство слова не может быть нарушено оформлением.

SUMMARY

The basic principle of word formation in the Chinese language is the combination of significant morphemes. And the article in question deals with the formation of compound verbs on the basis of this principle.

Compound verbs formed of two or more significant morphemes are classified according to their grammatical properties in two large groups:

1. Compound verbs constituted of entirely interdependent morphemes which function grammatically as a compound stem. Verbs of this group are formed by combining verbal morphemes with verbal, nominal and adjective morphemes.
2. Compound verbs constituted of morphemes which possess a certain degree of independence and may therefore be treated as separable ones.

These are the so-called resultative verbs, which are classified in two types: 1) resultative verbs denoting the direction of action, and resultative verbs which do not indicate this direction. Both types can infix the morphemes *pu* and *te*. Furthermore, resultative verbs indicating direction cover the category of orientation with which the morpheme *chiang* is directly connected.

⁵ См. 語法講話 (抽印本) «Лекции по грамматике китайского языка». Сост. Сектор грамматики Института языкознания АН КНР. Пекин, 1953, стр. 6, 31—34.

⁶ Следует отметить, что относительная самостоятельность составных частей сложных глаголов свойственна не только китайскому языку. Из европейских языков это особенно хорошо заметно в немецком (см. Д. М. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1953, стр. 293).

А. И. ЛЕВКОВСКИЙ. *Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г.* Институт востоковедения АН СССР, М., Госполитиздат, 1956, 419 стр.

Монография А. И. Левковского имеет важное значение не только потому, что она раскрывает особенности капиталистического развития колониальной Индии. Ценность ее заключается и в том, что она помогает разобраться в сходных процессах, происходивших в других странах Азии и Африки, до недавнего времени находившихся под господством империализма. В основу своего исследования автор положил материалы различных комиссий и экономических обследований, статистических сборников, отчетов банков и промышленных предприятий, законодательные акты и стенографические отчеты заседаний британского парламента, а также сведения из индийской прессы. Главные проблемы, которые исследовал автор, — содержание и методы колониальной эксплуатации на различных этапах экономического развития Англии и Индии, организационная структура английских монополий в Индии, развитие в ней капитализма и углубление на этой почве противоречий между тенденцией самостоятельного экономического развития и колониальным господством Англии.

Первая глава — «Превращение Индии в аграрно-сырьевой придаток капиталистической Англии» — является содержательным очерком истории экономики Индии с XVIII в. до начала второй мировой войны.

Нам кажется, что автору следовало уделить больше внимания внутренним предпосылкам развития капитализма в Индии, и в этой связи более подробно остановиться на уровне экономического развития, достигнутом этой страной накануне ее завоевания. А. И. Левковский полагает, что развитие феодализма «в первой половине XIX в. вступило в последнюю стадию — стадию своеобразного позднего феодализма» (стр. 26). Не касаясь этого дискуссионного положения, отметим, что отсутствие в книге развернутой характеристики уровня развития индийского феодализма в XVII—XVIII вв. может создать у читателя преувеличенное представление о прогрессе индийского общества в колониальный период. Правда, выше автор констатирует зарождение мануфактуры в феодальной Индии, но не дает полной оценки этому явлению. Между тем в работах ряда советских индологов отмечается, что установление развитых форм феодальной собственности на землю, разложение общины, углубление общественного разделения труда, подчинение торговцами и ростовщиками непосредственных производителей в ремесле и возникновение первых мануфактур в Индии имели место еще до вторжения английских колонизаторов. Следовательно, в стране уже в XVIII в. складывались предпосылки для возникновения капиталистических отношений.

В ходе развития капитализма в Индии, пишет автор, противоречия между иностранными монополиями и индийскими феодальными элементами, с одной стороны, и молодым индийским капитализмом, с другой, все более усиливались; чем больше развивались капиталистические отношения в стране, тем больше углублялись и обострялись противоречия колониальной экономики. Это весьма важное положение в моно-

графии во многом предопределило и другие правильные выводы автора при анализе сложных экономических процессов колониальной Индии.

Все же в трактовке некоторых частных вопросов, связанных с этой проблемой, положения, выдвигаемые А. И. Левковским, вызывают сомнения. Хотя название монографии свидетельствует о вполне законном желании автора не брать на себя всестороннее рассмотрение сложнейшего процесса развития капитализма в такой стране, как Индия, однако очевидно, что невозможно правильно понять какую-либо сторону этого процесса без анализа образования внутреннего рынка, что, как известно, является основой и сущностью самого развития капитализма. Для Индии вопрос о внутреннем рынке приобретает особо важное значение, поскольку со второй половины XIX в. национальная промышленность начинает обостряющуюся конкурентную борьбу на этом рынке с растущим иностранным импортом. Не выявляя двойственной и внутренне противоречивой природы индийского рынка, А. И. Левковский явно преувеличивает объем трансформации местного торгово-ростовщического капитала в компрадорский капитал (стр. 6, 57). (Напомним, что ежегодный оборот внутренней торговли, по данным индийских экономистов Шаха и Камбата, после первой мировой войны в 10—11 раз превышал объем внешней торговли.) Тем самым он по существу стирает разницу между компрадорами — представителями индийского торгово-ростовщического капитала, обслуживавшими колониальную торговлю, и более многочисленными группами местных торговцев, которые прежде всего были связаны со сбытом индийских товаров и составляли часть национальной буржуазии. Эта ошибка ведет к переоценке сил империализма и недооценке сил буржуазно-национального движения.

По нашему мнению, автор, правильно отметив роль колониальной диктатуры английского военно-бюрократического аппарата в создании максимально благоприятных условий для ограбления Индии английскими монополиями, не показал, однако, что этот аппарат сам по себе был важнейшим орудием колониальной эксплуатации и наиболее общим и всеобъемлющим выражением и воплощением колониальной монополии британского империализма в стране. Во второй и третьей главах монографии рассматриваются основные формы и средства колониальной эксплуатации Индии в эпоху империализма: во второй главе — английские управляющие агентства, в третьей — английская банковская система. Наибольший интерес как по богатству новых фактических материалов, так и по глубине анализа представляет исследование системы управляющих агентств. Автор прослеживает процесс превращения крупных английских торгово-посреднических фирм, возникших еще в конце XVIII в., в своеобразные английские монополии и подчеркивает их роль в эпоху империализма в дальнейшем широком притоке в Индию английского капитала. По словам индийского экономиста Локанатхана, приведенным в монографии А. И. Левковского (см. стр. 118), «английские управляющие агентства в Бенгалии, Ассаме и в других провинциях образовали что-то вроде горлышка бутылки, через которое британский капитал притекал в Индию и распределялся между различными предприятиями, основанными британскими управляющими агентствами». Поддержка со стороны колониальных властей, знание местных условий, а главное, непосредственная связь с монополистическим капиталом Англии и самое широкое участие в вывозе этого капитала в Индию обусловили быстрый рост мощи управляющих агентств, которые опутали народное хозяйство колониальной страны и, наряду с английскими банками, стали важнейшим орудием империализма в порабощении и эксплуатации колонии.

Деятельность управляющих агентств, однако, далеко не ограничивалась посредническими функциями. Захватив контроль над страховыми компаниями, джутовыми фабриками и угольными копями, чайными плантациями, торговыми фирмами и транспортными предприятиями, они и сами неизбежно стали крупными монополиями, действующими в условиях колониальной экономики.

Управляющие агентства не ограничивались приложением в Индии капиталов из метрополии. Все большее значение для английских агентств приобретало широкое использование в своих интересах местных индийских капиталов и, в известной степени,

подчинение индийских промышленных предприятий, которые в конце концов лишались самостоятельности и были вынуждены оплачивать «услуги» агентства крупной долей своих прибылей. Таким образом, эти колониальные монополии, особенно в Восточной Индии (на западе они были слабее), с одной стороны, направляли большие массы индийского капитала в нужное англичанам русло, а с другой, подчиняли контролю индийские промышленные предприятия и перекладывали значительную часть прибылей индийской буржуазии в свой карман.

Большой заслугой А. И. Левковского является исследование тех путей и методов, при помощи которых колониальные монополии получили возможность распоряжаться большими массами индийского капитала и поставили под свой контроль многие индийские компании. Установлению контроля управляющих агентств над индийскими капиталами способствовали созданные самим колониальным режимом трудности: индийские предприятия не могли получить кредита без ручательства агентств; кроме того, ввиду отсутствия в Индии собственного машиностроения и технического образования индийские предприниматели вынуждены были обращаться к английским агентствам при закупках оборудования и для приглашения специалистов. Другими словами, необходимым условием господства английских управляющих агентств в экономике Индии было сохранение ими контроля над процессом воспроизводства и прежде всего над доставкой оборудования.

А. И. Левковский показывает, как в силу развития в Индии собственной капиталистической промышленности, возникновения индийских управляющих агентств и растущей конкуренции индийской и английской буржуазии в системе управляющих агентств стали появляться первые бреши. Около трети вновь возникших индийских компаний, особенно в таких отраслях, как сахарная и цементная промышленность, в 1936—1937 гг. действовали самостоятельно, не находясь под контролем английских управляющих агентств.

К числу недостатков этой оригинальной главы исследования следует отнести то, что автор рассматривает английские управляющие агентства с самого начала их деятельности в эпоху империализма как своеобразные колониальные монополии. Конечно, управляющие агентства, поскольку они являлись орудием английского финансового капитала, с самого начала эпохи империализма стали неразрывной и важной частью капитала, с самого начала эпохи империализма стали неразрывной и важной частью системы колониальной эксплуатации Индии английскими монополиями. Но нам представляется, что сами они оформились в монопольные объединения, действующие на индийской почве, не сразу, а по мере распространения своего контроля над многочисленными английскими и индийскими фирмами.

Не прослежено автором и другое важное экономическое явление, свидетельствующее об усилении паразитизма английских управляющих агентств. Мы имеем в виду вначале сокращение, а затем, в период между первой и второй мировыми войнами, почти полное прекращение строительства английскими агентствами новых промышленных предприятий. Английские агентства, особенно после кризиса 1929—1933 гг., ограничиваются главным образом установлением своего контроля над уже действующими предприятиями, фактическим поглощением их и, за исключением сахарной и цементной промышленности, не создают новых предприятий.

Очерк о банковской системе Индии (глава III) не вносит принципиально нового в понимание колониальной эксплуатации страны британским империализмом по сравнению с тем, что дали труды Палм Датта и других исследователей-марксистов. Сосредоточив у себя (на 1941 г.) свыше 2500 млн. рупий депозитов индийских вкладчиков, английские банки тормозили миграцию капитала индийских имущих слоев в фабричную промышленность. Непосредственно или при посредстве индийского торгово-ростовщического капитала эти банки скупали у крестьян и ремесленников продукцию по монопольно низким ценам. Непосредственный производитель, отмечая автор, получал от 42 до 74% цены продукта, а остальное присваивали посредники, в первую очередь британские колонизаторы (стр. 193).

При работе над последними двумя главами монографии (IV и V) задача автора осложнилась тем, что многие проблемы, которые затронуты в них, уже подвергались исследо-

ванию в нашей экономической литературе. Тем не менее, А. И. Левковский сумел не только привлечь новый интересный материал, но и по-своему поставить и решить ряд важных вопросов.

В четвертой главе рассматривается развитие (вплоть до 1947 г.) крупного индийского капиталистического предпринимательства.

Как известно, зачатки капиталистических отношений в промыслах были почти полностью уничтожены в первой половине XIX в. Возобновившийся в последней трети XIX в. процесс развития мануфактуры наталкивался на конкуренцию английской и уже начавшей в то время развиваться индийской фабричной промышленности. Поэтому Индия не прошла мануфактурной стадии капитализма, хотя мануфактура существует в стране и по настоящее время на условиях подчинения в различных формах крупному капиталу, главным образом через посредство скупщика-ростовщика.

В Индии крупный промышленный капитал возник почти исключительно из торгового и ростовщического капитала. До мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. перерастание мануфактуры в фабрику в колониальных условиях было весьма редким явлением. Поэтому А. И. Левковский правильно начинает четвертую главу с описания методов обогащения крупных торговцев и ростовщиков Индии. Основными источниками богатств крупной индийской буржуазии, формировавшейся со второй половины XIX в., были компраторство и самостоятельная торгово-ростовщическая эксплуатация крестьян и ремесленников.

Уже в начале своей деятельности, утверждает А. И. Левковский, крупные индийские капиталисты перенимали материально-организационные формы, присущие английскому капиталу; они образовывали, в частности, свои управляющие агентства (стр. 213). Но тут же автор подчеркивает и качественное отличие индийских управляющих агентств от английских. Если последние, отмечает он, представляли собой одну из форм (лучше — одно из орудий) колониальной эксплуатации, то индийские агентства являлись своеобразной формой складывания крупного национального предпринимательства. Особенно важной функцией индийских управляющих агентств, ввиду слабости в колониальной Индии национального капиталистического кредита, стало финансирование индийской фабрично-заводской промышленности.

В монографии содержится достаточно фактов о различных манипуляциях индийских управляющих агентств, которые, используя свое бесконтрольное положение в фирме, извлекали огромные прибыли, не восстанавливая полностью основного капитала. «Эти факты, — заключает А. И. Левковский, — демонстрировали не только паразитический характер системы управляющих агентств, которые являлись формой образования английских и индийских монополий, но и сложный характер воспроизводства в Индии. В натуральной форме оно не могло происходить без поставок иностранного оборудования, а воспроизводство в стоимостной форме мешали, в частности, английские монополии и частично индийские агентства» (стр. 223). Этот в целом правильный вывод нуждается в уточнении. Присвоение капиталов подконтрольных компаний индийскими управляющими агентствами было также своеобразной формой централизации капиталов для перевода их как в новые отрасли промышленности (включая выработку гидроэлектроэнергии, металлургию, производство цемента), так и в промышленное строительство в новых районах.

Переходя к характеристике национального кредита, автор, к сожалению, не анализирует взаимоотношений системы индийских акционерных банков с кредитной системой индийских местных банкиров. Правда, в книге есть немало отдельных верных замечаний о роли местных банкиров (стр. 258—259 и др.); которых ранее наши экономисты вообще почему-то игнорировали. Однако надо было исследовать деятельность тех местных банкиров, которые (и это автор отмечает) стали финансовой опорой многих, если не большинства, индийских управляющих агентств, в частности крупнейших монополистических объединений. К тому же анализ системы неорганизованного кредита обрывается в монографии на 20-х годах. У читателя может создаться впечатление, что в последующие годы преобразование системы неорганизованного кредита в банковскую систему уже завершилось. Между тем, вплоть до 1947 г., хотя точных данных нет,

система национального организованного кредита (акционерные и кооперативные банки, страховые общества), несомненно, контролировала меньшие массы ссудного капитала, чем туземные банкиры. Конечно, по мере развития этих двух систем их интересы все более переплетались. Тем более необходим общий анализ всего комплекса национального кредита.

Структура организованного кредита, развитие банков и концентрация их капитала рассмотрены А. И. Левковским с достаточной убедительностью. Но читатель получил бы более четкое представление о характере индийских акционерных банков, если бы автор дал общую характеристику отраслевого направления их кредитов (сведения об этом рассеяны в разных частях работы).

Переходя к рассмотрению дальнейшего развития местного капиталистического предпринимательства, А. И. Левковский описывает обогащение крупнейших индийских капиталистов в годы первой мировой войны. В период войны не только усилились противоречия между крупной индийской буржуазией и колонизаторами, но и возникли новые формы связи между ними (стр. 237—238). К сожалению, это правильное положение автор подкрепляет лишь одним фактом: выгодными правительственными заказами металлургическому заводу Тата. В книге недостаточно четко определена одна из основных причин обострения противоречий между индийской буржуазией и колонизаторами: углубление разрыва между размером накопления ею денежного богатства и возможностями его вложения в крупное производство. Война, обогатившая местную буржуазию и одновременно отрезавшая ее от заморских рынков оборудования, особенно остро подчеркнула технико-экономическую зависимость Индии вызванную отсутствием национального производства современного оборудования.

Ограничение возможности расширенного воспроизводства в промышленности было, видимо, одной из главных причин функционирования крупного местного капитала в сфере крестьянского и ремесленного мелкотоварного производства. В рассматриваемой главе уделено много внимания этой сфере деятельности крупного капитала. Автор правильно отмечает, что к началу XX в. в ведущих отраслях ремесла сложились низшие формы капиталистического предпринимательства. Их последующее развитие протекало в условиях засилья английского финансового капитала и местных скупщиков — торговцев и ростовщиков (стр. 245). Например, в начале 30-х годов XX в. только 20% ткачей провинции Бомбей были относительно независимы. Остальные в большинстве случаев являлись по существу рабочими рассеянной мануфактуры, и лишь 5% ткачей преуспевали и выбились во владельцы мануфактуры (стр. 247). Доход торговцев-посредников при сбыте готовых тканей колебался от 5 до 46% продажной цены на них (стр. 249). Значительная часть этих доходов попадала в руки английских монополистов и местных крупных капиталистов.

Нельзя полностью согласиться с автором в том, что «обогащение торговцев-ростовщиков было прямо пропорционально разорению ткачей и упадку ручного ткачества» (стр. 250). Если бы дело обстоит так, то торгово-ростовщический капитал очень быстро уничтожил бы само условие своего обогащения — мелкое ремесло. А главное, разорение ткачей совсем еще не означало разорения ремесла. Как правильно показывает далее сам автор, увеличивалось число мелких капиталистических предприятий типа мануфактуры, на которых ткачи работали уже простыми наемными рабочими. Наконец, после кризиса 1929—1933 гг. растет число мелких механизированных предприятий.

Заключительная часть главы посвящена истории развития индийских монополистических объединений. «Индийские монополии, — пишет автор, — выросли из концентрации капиталистического производства. Но их развитие было ускорено концентрацией торгово-ростовщического капитала, концентрацией банковского капитала, базировавшегося в значительной мере на концентрации низших форм капитала: торгового и ростовщического» (стр. 282). В книге приведены данные, свидетельствующие о значительной концентрации производства в тех отраслях промышленности, где сложились индийские монополии: в металлургии, цементной и сахарной промышленности. Однако автору надо было отметить, что дальнейшая концентрация производства в Ин-

длин ограничивалась тем противодействием, которое английские монополии и сам колониальный аппарат чинили развитию крупной национальной промышленности. В дальнейшей разработке нуждается также проблема связи индийских монополий с торгово-ростовическим капиталом, особенно с капиталом, действующим в деревне.

А. И. Левковский правильно рассматривает взаимоотношения индийских монополий с империализмом и местными феодальными элементами как сложное диалектическое единство противоречий и связей. Подчеркивая общую тенденцию к углублению этих противоречий, автор научно обосновывает возможность подхода к индийским монополистам как к особой группе национальной буржуазии. Наряду с этим в книге отмечаются, хотя и не исследуются, противоречия, имеющиеся между мелкой и средней буржуазией, с одной стороны, и монополистами, с другой.

В последней главе дается общая характеристика народного хозяйства Индии в 1939—1947 гг. Автор описывает ограбление страны английским финансовым капиталом, обогащение местных монополий в годы войны и подвергает анализу обострение кризиса британского господства над Индией после войны.

Прибегнув к безудержной эмиссии бумажных денег в годы войны, колонизаторы выкачали из Индии на 5,4 млрд. долл. ценностей (стр. 310). Денежное обращение Индии оказалось на грани катастрофы. Главная тяжесть войны легла на плечи преобладающей части трудового населения — крестьянства. Нарушение традиционных рыночных связей и спекулятивное взвинчивание цен английскими и местными капиталистами были непосредственными причинами голода десятков миллионов индийцев. Но в конечном счете голод был порождением гнета английского финансового капитала и феодально-помещичьего землевладения. В книге приведены многочисленные сведения о парцеляризации и обезземеливании индийского крестьянства. Автор считает, что 3/4 работающих крестьян возделывали чужие поля (стр. 302). Значительную часть сельскохозяйственного продукта по-прежнему перехватывали торговцы и ростовщики.

Увеличение производства некоторых видов промышленных товаров во время войны, отмечает А. И. Левковский, происходило в основном не за счет строительства новых предприятий, а за счет усиленной эксплуатации большего числа рабочих и использования законсервированных производственных мощностей (стр. 318). По подсчетам индийских экономистов, за годы войны в результате частично невозмещаемого износа почти половина машин и оборудования (по стоимости) амортизировалась. Экстенсивный характер роста производства, вызвавший сильный износ оборудования и ухудшение материального положения рабочих, привел к падению производительности труда. К сожалению, автор — и это серьезный недочет монографии — не проанализировал такого важнейшего условия возникновения колониальной сверхприбыли, как вынужденная продажа рабочей силы по цене, значительно уступающей ее стоимости.

По нашему мнению, автору следовало бы подчеркнуть жизненную заинтересованность рабочего класса и крестьянства колониальной Индии в достижении независимости и буржуазно-демократических преобразованиях, хотя, понятно, исторические устремления пролетариата не ограничивались этим.

За время войны была погашена индийская государственная задолженность Англии и ликвидирован долг железных дорог на сумму в 372 млн. ф. ст. Кроме того, от 150 до 200 млн. ф. ст. английских активов было выкуплено индийскими капиталистами. Однако, правильно подчеркивает автор, были выкуплены главным образом те английские ценные бумаги, которые приносили фиксированный доход, т. е. примерно соответствующий средней норме прибыли. Индийские капиталисты выплачивали за английские активы огромные суммы, во много раз превышающие их нарицательную стоимость. Те же командные высоты, которые обеспечивали английским монополиям извлечение сверхприбыли, прежде всего управляющие агентства и банки, остались почти нетронутыми.

В условиях общего ослабления британского империализма английские монополисты для сохранения своих позиций вынуждены были пойти на создание компаний совместно с крупнейшими индийскими капиталистами. Эти компании, которые называют смешанными, образовались главным образом (этого автор не подчеркнул) в машино-

строении и химической промышленности, т. е. в отраслях, призванных ослабить экономическую зависимость страны. А. И. Левковский сделал правильный вывод, утверждая, что образование смешанных компаний означало не только усиление связей иностранных и индийских монополий, но и явилось следствием развития капитализма в Индии. Тем самым создавалась более широкая основа (лучше — подготавливался новый этап) для дальнейшего обострения противоречий между иностранными и местными монополистами — смешанные общества явились не только формой сотрудничества, но и сферой борьбы.

Автор дает интересный анализ данных переписи иностранных капиталовложений, проведенной Резервным банком Индии в июне 1948 г. Объем прямых иностранных капиталовложений в Индии для этого года оценивался обычно в 5190 млн. рупий. Между тем эту цифру составляет рыночная цена лишь тех инвестиций, которые юридически принадлежали иностранным вкладчикам. В действительности же английские монополии получали прибыли не только с этого капитала, но и с огромной массы контролируемого ими индийского капитала. Автор приводит пример, когда всего лишь 24 английских управляющих агентства, имея только 14,6% простых акций, руководили деятельностью 334 местных акционерных компаний, которые владели капиталом в 900 млн. рупий лишь в простых акциях (стр. 351). Однако, видимо, из-за недостатка материала, автор не сделал попытки хотя бы примерно подсчитать весь индийский капитал, подконтрольный иностранцам.

Извлекая огромные прибыли, иностранные капиталисты сосредоточивали в своих руках значительную часть тех средств, которые могли бы пойти на дальнейшее развитие страны. Другими словами, они, как подчеркивает автор, во многом контролировали ход воспроизводства, придавая ему то направление, которое противоречило экономическим интересам Индии. Этот важнейший вывод углубляет понимание особенностей развития капитализма в колониальной стране.

Ослабление конкуренции иностранного импорта в годы войны, военные заказы и спекуляции на черном рынке принесли колоссальные богатства крупным индийским фабрикантам, банкирам, ростовщикам и помещикам. Среднегодовые прибыли фабрикантов Бомбея в годы войны, например, в 11 раз превысили довоенный уровень прибылей (стр. 364). Автор приводит ряд фактов, свидетельствующих, что резкое увеличение прибылей местных капиталистов, так же как и иностранных монополистов, происходило за счет чудовищного усиления эксплуатации рабочего класса и ухудшения его материального положения.

Большой цифровой материал, собранный в книге, свидетельствует, что за годы войны крупная индийская буржуазия серьезно расширила и укрепила свои позиции, причем не только абсолютно, но и относительно, путем некоторого оттеснения английского капитала. Однако этот процесс, отмечает автор, выразился главным образом в увеличении числа акционерных компаний, подконтрольных индийским монополиям, рост их производственной базы был значительно меньшим. Расширенное воспроизводство в Индии все более сдерживалось английскими империалистами, использовавшими отсутствие национальной базы машиностроения.

До предела обострившееся противоречие между потребностью в самостоятельном развитии и колониальным гнетом с неотвратимой неизбежностью ставило вопрос о ликвидации власти колонизаторов, о создании суверенного национального государства. «В этом в первую очередь были заинтересованы основные массы населения: крестьянство, ремесленники и рабочий класс. Именно эти классы и группы индийского общества составляли движущие силы национально-освободительного движения. В создании самостоятельного государства была заинтересована и индийская национальная буржуазия, интересы которой вступали во все больший конфликт с английскими колонизаторами. Однако позиция этой буржуазии в силу ее классовых интересов в этом вопросе была весьма специфичной: с одной стороны, у нее имелись реальные противоречия с империализмом, а с другой, — с пролетариатом. Неудивительно, что индийская буржуазия выступила за такие формы развертывания антиколониального движения, которые не способствовали бы росту самостоятельных выступлений рабочего класса» (стр. 395).

В «Заключении» автор кратко характеризует те трудности, которые достались молодой Республике Индии в последние от колониализма, а также первые успехи индийского народа в достижении экономической независимости.

Как уже мог заметить читатель, в структуре монографии не выдержан единый принцип: первая и пятая главы исследуют общие экономические вопросы колониальной Индии в рамках определенных периодов, вторая, третья и четвертая посвящены анализу отдельных проблем, излагаемых в хронологическом порядке. Эта структура, по нашему мнению, неудачна. Она привела к тому, что, например, читатель сначала ознакомился с темой «Эксплуатация Индии английским финансовым капиталом» (гл. I, § 5), а уже затем, в последующих главах, — с системами управляющих агентств и банков. Получается разрыв между анализом сущности и средств колониальной эксплуатации. Вообще первая глава в известной мере страдает обзорностью, тогда как во второй, третьей и четвертой недостает общего экономического фона. По-видимому, чувствуя этот недостаток, А. И. Левковский в первой главе приводит отдельные положения из последующих глав, а во второй, третьей и четвертой повторяет многие положения, уже известные из предыдущей главы. В результате восприятие читателем сложного содержания книги затруднилось, а ее объем чрезмерно разросся.

В целом книга написана ясным языком, научная терминология не вызывает сомнений, но благое стремление автора к образности местами приводит к стилистическим усложнениям и витиеватости.

Таковы, по нашему мнению, основные достоинства и недочеты этого интересного, полезного исследования. С появлением книги А. И. Левковского советское индологическое исследование вплотную подошло к решению такой сложной задачи, как создание монографии, охватывающей все основные стороны развития капитализма как в колониальной, так и в независимой Индии.

В. И. Павлов и И. М. Рейснер

SUMMARY

A. I. Levkovsky's monograph is appraised in the review as a valuable contribution to the study of the development of capitalism in colonial India. The author's greatest merit is his study of the system of British managing agencies, the main organizational channels of the British monopolies in India. The book discloses the historic conditions in which the colonial monopolies secured control of a large share of Indian capital. Analysing the process of reproduction in the colony, the author shows the growing contradictions between imperialism and the Indian national bourgeoisie (the big business included).

Among the weak points of the book noted in the review is an inadequate analysis of the internally contradictory nature of the Indian market, with a resulting overestimation of the comprador activities of the Indian merchants. The reasons for the interest of the working classes of colonial India in the independent development of their country require a deeper study.

«Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949 гг.)», 2 изд. М., Госполитиздат, 1956, 783 стр.

Вышло из печати второе издание книги «Международные отношения на Дальнем Востоке». Первое издание этого труда, авторами которого являются советские ученые [Г. Н. Войтинский], А. Л. Гальперин, А. А. Губер, А. М. Дубинский, Е. М. Жуков, Л. И. Зубок, А. Л. Нарочницкий, появилось в 1951 г. и нашло широкий отклик среди научной общественности нашей страны и в странах народной демократии¹. При обсуждениях первого издания, организованных некоторыми кафедрами высших учебных заведений, и в опубликованных рецензиях это издание было оценено положительно². Были, однако, высказаны критические замечания и пожелания в целях улучшения этой большой и нужной работы.

Во втором издании, состоящем из двенадцати глав, предисловия и послесловия, расширены хронологические рамки исследования³ и учтены замечания рецензентов. Рецензируемая книга значительно дополнена.

Освещение международных отношений на Дальнем Востоке начинается с середины XIX в. и доводится до всемирно-исторической победы народно-демократической революции в Китае и образования Китайской Народной Республики (1949 г.)

Такой подход к освещению международных отношений в этой части света вполне оправдан, так как известно, что 40—50-е гг. прошлого столетия были рубежом в историческом развитии народов Восточной Азии — началом активного вмешательства стран Запада в судьбы народов Дальнего Востока; с другой стороны, победа народно-демократической революции в Китае является переломным моментом в истории великого китайского народа и всех народов Востока. Благодаря расширению хронологических рамок исследования авторский коллектив существенно углубил научный характер сей работы⁴.

Новое издание книги «Международные отношения на Дальнем Востоке» начинается с анализа международных отношений на Дальнем Востоке 30—60 годов XIX столетия (глава первая), т. е. с периода «опиумных» войн и Тайпинского восстания в Китае. В то время были заложены основы политики неравноправных договоров и соглашений капиталистических государств с правительством феодального Китая, действовавшим вопреки национальным интересам китайского народа. «После опиумной войны 1840 года, — писал Мао Цзэ-дун, — он (Китай. — П. С.) постепенно превратился в страну полуколониальную и полупфеодальную»⁵. В этот период капиталистические страны вторглись и в Японию и навязали ей ряд неравноправных договоров.

После 70-х годов начинаются колониальные захваты, достигающие наибольшего размаха; обостряется в чрезвычайной степени борьба за территориальный раздел земного шара, тесно связанная с ростом капиталистических монополий в ряде западно-европейских стран и с постепенным переходом их к империализму. Поэтому автор-

¹ Книга вышла на немецком языке в 1952 г. в Германской Демократической Республике.

² См. «Коммунист», № 15 и «Вопросы истории», № 12 за 1953 г.; «Новый мир», 1952, № 10; «Дальний Восток», 1954, № 4.

³ В первом издании книги сравнительно узкие хронологические рамки работы (с 70-х годов прошлого столетия до окончания второй мировой войны в 1945 г.) не были оправданы.

⁴ В первом издании серьезные возражения вызвала периодизация первой части исследования по главам, так как авторы исходили из фактов дипломатической истории.

Увлечение дипломатической историей привело к тому, что вопрос о перерастании капитализма в империализм почти не нашел отражения в этом издании. Не было освещено то новое, что появилось в международных отношениях на Дальнем Востоке в эпоху империализма.

⁵ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, М., 1953, стр. 142.

ский коллектив поступил правильно, посвятив следующую, вторую главу, где рассматриваются причины дальнейшего обострения противоречий на Дальнем Востоке, периоду с 1871 по 1894 г. С 70-х годов XIX в. на первый план выступают новые процессы: происходит внедрение иностранной торговли в глубь Китая, уменьшается его влияние в феодальных государствах, входивших в состав империи или зависимых от нее, ускоряется захват этих государств капиталистическими странами. Тогда же происходит бурный раздел «незаятых» островов Океании. На путь агрессивной внешней политики становится Япония после незавершенной буржуазной революции 1868 г.

Вследствие ожесточенной борьбы капиталистических государств за раздел богатых природными ресурсами густо населенных стран Восточной Азии именно здесь в последней трети XIX в. образовался очаг острых империалистических противоречий. Важнейшим объектом устремлений колониальных держав, стремившихся к новым территориальным захватам, был Китай.

Международные отношения на Дальнем Востоке в период с 1894 по 1905 г., т. е. от японо-китайской войны до конца русско-японской, описаны в книге в третьей главе, а период с 1905 по 1914 г., т. е. от русско-японской до конца первой мировой войны, — в четвертой главе. Правильность периодизации в данном случае не нуждается в дополнительных разъяснениях. Периодизация следующих глав, включая и последнюю, двенадцатую, посвященную международным отношениям в период после второй мировой войны (в первом издании эта глава отсутствовала), также не вызывает замечаний.

Принятая периодизация первой части, как и всей книги в целом, отражает исторический процесс развития главных капиталистических государств и стран Восточной Азии, а следовательно, и развитие международных отношений на Дальнем Востоке. Она позволяет полнее (по сравнению с первым изданием) осветить процесс перерастания капитализма в высшую и последнюю стадию — империализм и более четко проследить процесс превращения ряда стран Дальнего Востока, и в первую очередь Китая, в полуколониальные, полуфеодальные государства.

Научное освещение истории международных отношений невозможно без глубокого анализа всей совокупности экономических и политических интересов соответствующих государств, без всестороннего марксистского исследования их экономических и политических связей.

В рецензируемой работе большое место уделено экономическому анализу многих исторических международных проблем. Полнее, чем в первом издании, вскрыты экономические и политические причины возникновения японо-китайской войны (1894—1895 гг.). При анализе экономической экспансии японского капитала в Корею после этой войны в книге приведены данные, показывающие, что внешняя торговля Кореи в тот период фактически была монополизирована Японией (стр. 136). Этим, кстати сказать, опровергается неправильное утверждение, высказанное в ряде ранее вышедших работ, что монополистом на корейском рынке в тот период выступал американский капитал. Экономические данные приведены в книге и при изложении доктрины «открытых дверей» — орудия экспансионистской политики США в Китае.

В работе отмечается влияние на международные отношения экономического кризиса 1907 г. При этом делается вывод, что обострение экономической борьбы между империалистическими странами сопровождалось крупными политическими событиями, свидетельствовавшими об образовании двух коалиций среди европейских стран и указывавшими на приближение европейского и мирового кризиса (стр. 201).

При освещении вопроса о происхождении первой мировой войны в работе дается экономический анализ причин вступления японского империализма в войну на стороне Антанты и США. «Японские монополии (Мицубиши, Мицубиси и др.) не хотели мириться с таким положением, когда Англия все еще занимала первое место в Китае как по капиталовложениям, так и по торговле. Они не хотели мириться и с планами американских империалистов, которые, опираясь на доктрину «открытых дверей», стремились занять господствующее положение во всем бассейне Тихого океана» (стр. 251—252). Япония, успешно используя военную обстановку, сумела значительно потеснить

своих конкурентов на китайском рынке, что подтверждается данными о торговле с Китаем в годы мировой войны. В книге приведен фактический материал о деятельности американских монополий в Китае в период войны, а также данные о тех больших выгодах, которые США получили, участвуя в первой мировой войне. В результате усиления активности японского и американского капитала в период первой мировой войны, говорится в книге, все больше обострялись японо-американские противоречия на Дальнем Востоке.

В настоящем издании приводится анализ тех изменений, какие произошли в 20-х годах в соотношении экономической мощи империалистических держав, и прежде всего трех главных империалистических конкурентов на Дальнем Востоке — США, Англии и Японии (стр. 376—381).

В книге имеется раздел «Мировой экономический кризис. Оккупация Японией Маньчжурии». В этом разделе показано, как мировой экономический кризис 1929—1933 гг., обостривший противоречия капитализма, поставил на очередь новую войну как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных капиталистических стран. Кризис усилил также тенденцию империализма к разрешению империалистических противоречий за счет Советского Союза и увеличил опасность военного нападения на СССР. Но превосходство социалистической системы усиливало влияние первого в мире социалистического государства на трудящихся капиталистических и колониальных стран. Политика мира, последовательно проводимая СССР, была важнейшим фактором в борьбе за сохранение мира на Дальнем Востоке.

В противоположность первому изданию, на этот раз в книге содержится большой дополнительный материал о деятельности монополий отдельных капиталистических государств в Китае. К 1931 г. Англия все еще сохраняла за собой первое место по капиталовложениям в Китае, Япония — второе, США — третье. Однако по сравнению с 1914 г. капиталовложения США увеличились в четыре раза. В книге приведен материал о деятельности в Китае в 30-х годах крупных американских монополий и банков, в частности «Нейшенл сити банк оф Нью-Йорк», «Чэйз банк», «Америкен экспресс компани» и «Америкен ориентал банкинг корпорейшн». Американские монополии занимали прочные позиции в авиационной промышленности и в других отраслях экономики Китая. Экономическая экспансия американского капитала в Китае встречала противодействие не только со стороны японских монополистов, но и английских (стр. 429). Убедительно показаны в книге экономические и политические причины возникновения очага войны на Дальнем Востоке: «Борьба империалистов Англии, США и Японии за Китай, и в особенности за центральные, наиболее богатые рынки, приобрела особую остроту» (стр. 429—430).

Внутренняя политика отдельных держав в данном издании труда советских ученых анализируется полнее, шире освещается связь и влияние внутренней политики отдельных государств на внешнюю политику этих государств. Авторскому коллективу удалось лучше проанализировать возникновение и развитие глубоких империалистических противоречий. Уделяя большое внимание американско-японским и японо-английским экономическим и политическим противоречиям, авторы сумели полнее показать зарождение и развитие этих противоречий, послуживших в конце концов причиной войны на Тихом океане в 1941 г.

Более полно, чем в первом издании, показано в книге влияние национально-освободительного движения на международные отношения на Дальнем Востоке. В частности, при освещении важных вопросов международных отношений в период от японо-китайской до русско-японской войны авторы ссылаются на материалы об освободительной борьбе народов Кубы и Филиппин против испанского колониального режима в 90-х годах XIX в. В работе показана героическая борьба корейского народа против японских милитаристов в период от установления протектората до аннексии Японией Кореи, а также антияпонская деятельность прогрессивной корейской интеллигенции и патриотов-просветителей.

В разделе о международных отношениях в период первой мировой войны приведен фактический материал о резко отрицательном отношении китайского народа

к грабительскому «21 требованию», выдвинутому Японией. «Яда, содержащегося в «21 требовании», с избытком хватало, чтобы погубить Китай как государство; и известие об этих условиях сразу же вызвало возмущение всего китайского народа»⁶. Все это привело к бойкоту японских товаров, продолжавшемуся более шести месяцев. Японская торговля с Китаем сократилась на 33%. По всему Китаю возникали организации, объединявшие представителей различных слоев населения против попыток японских империалистов превратить Китай в колонию (стр. 262).

При освещении мандучинского вопроса в книге показывается отношение к этому вопросу китайского народа. Решения Парижской мирной конференции, говорится в книге, вызвали негодование китайского народа. 4 мая 1919 г. в Пекине состоялась многотысячная демонстрация протеста против Версальского грабительского договора и пекинского японофильского правительства, известная под названием «движение 4 мая». В книге верно отмечается, что «движение 4 мая» являлось переломным периодом в истории национально-освободительного движения китайского народа. Начался переход от старой демократической революции к новодемократической революции (стр. 345).

Большое место в рецензируемой книге уделено показу национально-освободительного движения китайского, корейского и других народов Дальнего Востока после второй мировой войны (см. гл. 12).

Победа китайской народной революции открыла новый период в истории Китая и народов всей Азии. Образование Китайской Народной Республики означало появление наиболее мощного государства народной демократии в Азии (стр. 707). Китайская Народная Республика провозгласила основой своей внешней политики ленинскую идею мира и дружбы между народами и проводит социалистическую внешнюю политику. Между КНР и Советским Союзом, а также странами народной демократии установилась нерушимая дружба и сотрудничество в интересах мира и социализма. Таким образом, в новом издании книги четко прослежен процесс превращения колоний и полуколоний из резерва империализма в резерв и составную часть лагеря мира, демократии и социализма.

В советской литературе, к сожалению, до сих пор нет специальной работы, которая рассматривала бы внешнюю политику Советского Союза со дня основания и до настоящего времени, в особенности на Дальнем Востоке. Надо сказать, что заслугой авторского коллектива является сделанная им первая серьезная попытка показать советскую внешнюю политику на Дальнем Востоке в действии, поскольку речь идет об основных вопросах, осветить ее важное место во всей системе международных отношений, начиная с 1917 г.

Советской внешней политике в рецензируемой книге посвящена специально переработанная глава, озаглавленная «Великая Октябрьская социалистическая революция и Дальний Восток». Эта глава (шестая) дополнена материалами об активной борьбе передовых рабочих и всей прогрессивной общественности Англии, Франции, Японии и США против интервенции империалистов этих стран в Советскую Россию (стр. 319—320). В книге содержатся также новые материалы об интервенции империалистов на советском Дальнем Востоке и о противоречиях в лагере империалистов. В работе отмечается, что, борясь против интервентов, советская дипломатия разоблачала их замыслы и провокационные дипломатические маневры, срывая их хищнические планы (стр. 332).

Активной борьбе советской дипломатии в интересах мира и безопасности народов уделено много внимания также при анализе борьбы двух систем и развития империалистических противоречий на Дальнем Востоке после первой мировой войны.

На основе документального и фактического материала о международной обстановке в период 1919—1922 гг., авторы заключают, что в империалистическом лагере появились две тенденции: с одной стороны, стремление империалистов объединиться

для борьбы с Советской республикой и, с другой, стремление к установлению мирных отношений с ней. При проведении своей миролюбивой внешней политики советское правительство использовало борьбу обеих тенденций как среди группировок буржуазии отдельных стран, так и между различными империалистическими государствами. Советское правительство настойчиво стремилось закрепить завоеванную в тяжелой борьбе против интервентов и белогвардейцев мирную передышку и превратить ее в длительную полосу мирного социалистического строительства и мирного соревнования двух систем (стр. 361).

Во втором издании книги более четко, чем в первом, освещена борьба Советского Союза за мир и безопасность на Дальнем Востоке в 1931—1937 гг. Полнее изложена позиция советской дипломатии на Брюссельской конференции, созванной по инициативе Лиги Наций (стр. 485—488). Советский Союз шел на конференцию, имея в виду защитить интересы китайского народа, и на самой конференции представители СССР отстаивали принцип коллективной безопасности, вплоть до применения, в соответствии с уставом Лиги Наций, коллективных санкций против японского агрессора. Наряду с более полным освещением мероприятий Советского Союза, направленных на оказание помощи китайскому народу, в книге отмечается, что активная поддержка китайского народа Советским Союзом вызвала обострение японо-советских отношений (стр. 494). В планы Японии входило создание плацдарма против СССР в Маньчжурии, Внутренней Монголии и других частях Северного Китая. Японские политики и военщина рассчитывали, что военное нападение на Советский Союз сорвет его помощь Китаю и поставит Китай перед фактом безоговорочной капитуляции, ускорит войну против СССР на Западе со стороны фашистской Германии. Все эти расчеты не оправдались.

Вопросам внешней политики СССР уделено серьезное внимание и при освещении международных отношений в период войны на Тихом океане, а также после второй мировой войны до победы китайской революции.

На основе анализа международных отношений в послеоктябрьский период, в книге раскрыты и показаны коренные отличия в принципах и целях внешней политики советского государства и капиталистических стран, показана возрастающая роль первого в мире социалистического государства в международных отношениях на Дальнем Востоке, в борьбе народов против агрессии, за мир, национальную независимость, свободу и социализм.

В выпущенном труде разоблачены несостоятельность теоретических концепций идеологов империализма, например, концепции американского советника при реакционном правительстве Юань Ши-кай Гудноу, специалиста по государственному праву, проповедовавшего восстановление монархии в Китае (стр. 270). В книге раскрыт действительный смысл «теории о преимущественных интересах» Японии на азиатском континенте (стр. 252) и дан анализ некоторых методов идеологической экспансии капиталистических государств в страны Дальнего Востока, в частности, использование американскими правящими кругами миссионеров, многие из которых прокладывали дорогу американскому капиталу.

Однако необходимо было бы больше сказать о влиянии буржуазной идеологии на внешнюю политику отдельных капиталистических стран. Следовало бы разоблачить теоретические концепции таких, например, идеологов американского империализма, как братья Адамс (Генри и Брукс), обосновывавших важность и необходимость активизации экономической экспансии США на Дальнем Востоке и в особенности в Китае, показать влияние геополитических концепций Вильяма Гильпина, Боуриджа, идеологов вроде Мэхена, проповедовавших доктрину «морской мощи» США, и т. д. Известно, что империалистические концепции американской финансовой олигархии, с конца XIX в. мечтавшей о мировой гегемонии США, разделялись Т. Рузвельтом, В. Тафтом и другими политическими и государственными деятелями США. Следует отметить, что понятие «Дальний Восток» в ряде случаев в исследовании включает в себя и страны Юго-Восточной Азии, но при этом история международных отношений в данной части мира освещается в книге бегло и поверхностно.

⁶ Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951, стр. 210.

Более полно, чем в первом издании книги, показана связь международных событий на Дальнем Востоке с общеевропейскими и мировыми событиями. Подробнее обрисованы причины провала антисоветских провокаций в 1927—1929 гг. (гл. VIII).

В рецензируемой работе более глубоко, чем в первом издании, освещена роль китайского и других народов — действительных творцов своей многовековой истории. В ней, в отличие от первого издания, содержится больше фактического материала, показывающего действия народных масс, коммунистических и рабочих партий.

Книга написана в простой, доступной форме. Она снабжена обширной библиографией и дополнена хронологией основных событий на Дальнем Востоке за 1839—1949 гг. и указателем имен.

Суммируя, можно сказать, что перед нами серьезная исследовательская работа, посвященная международным отношениям на Дальнем Востоке. Такой обобщающей работы в советской историографии ранее не было. Что же касается буржуазной историографии, то там имеется немало книг, посвященных внешней политике отдельных капиталистических стран на Дальнем Востоке, но нет ни одной серьезной работы, обобщающей политику всех капиталистических стран в этой части света за такой большой период.

Авторы проделали большую исследовательскую работу. Они использовали решения съездов Коммунистической партии Советского Союза, Коммунистической партии Китая, Трудовой партии Кореи, а также документы и материалы советской внешней политики.

Авторы учли ряд трудов китайских и корейских историков — Ху Шена, Лю Далия, Чжао Те-шэна, Сунь Юй-тана, Цы Шу-фыня, Чень Бо-да, Ли Чен Вона и других. Эти труды показывают колониальную политику капиталистических держав в странах Дальнего Востока и борьбу народов за свою свободу и независимость. Использованы газеты и журналы коммунистических и рабочих партий, а также прогрессивная литература, издающаяся в буржуазных странах.

В книге использованы архивные документы министерства иностранных дел царской России, а также документы американского конгресса, публикации государственного департамента США и министерств иностранных дел Англии, Франции, Японии, Германии и других стран, изучены многочисленные журналы и газеты буржуазных стран. В общем можно сказать, что авторы рецензируемого сборника не прошли мимо того положительного, что дала буржуазная наука в области изучения стран Дальнего Востока и по вопросам международных отношений. Однако при освещении вопросов военного и послевоенного периодов было бы желательно более широко использовать мемуары политических и государственных деятелей.

Основные труды советских авторов, касающиеся международных отношений на Дальнем Востоке, также нашли отражение в рецензируемом труде. В определенной степени в нем подведены итоги всей работы, которая проделана советскими учеными в области изучения истории международных отношений на Дальнем Востоке.

Вышедший труд советских историков — по существу первая работа, многогранно освещающая с марксистско-ленинских позиций международные отношения за период более ста лет, вот почему она представляет большой интерес для самых широких кругов советских читателей.

П. П. Севостьянов

SUMMARY

The subject of the review is the second edition of the «History of International Relations in the Far East» (covering the period between 1840 and the end of 1949) written by a group of Soviet Orientalists. With the aid of rich documentary material the authors bring out the concrete forms and methods of the colonial policy conducted by the capitalist states in the Far East and show that the aggressive policy of these powers with regard to the peoples of the Far East is more than a century old. They also show the fundamentally different principles and aims underlying the foreign policy of the Soviet state and of the capitalist countries.

Despite some shortcomings and omissions this work is appraised as a very valuable contribution, in fact the first of its kind, to give a thorough Marxist-Leninist survey of international relations in the Far East in a period covering more than 100 years.

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Издательство Академии наук СССР выпустило в свет труд монгольского ученого-историка Б. Ширендыба о народной революции в Монголии и образовании Монгольской Народной Республики (1921—1924 гг.)¹.

Тема рецензируемой книги освещалась и ранее в советской и монгольской печати, однако в книге Б. Ширендыба впервые всесторонне показан весьма сложный комплекс обстановки и событий первых лет революции, вводятся в научный оборот новые данные, характеризующие политические и экономические преобразования, проведенные народной властью в 1921—1924 гг.

Автор использовал в своей работе обширный архивный материал, в том числе такие ценные первоисточники, как протоколы съездов Монгольской Народно-революционной партии и пленумов ЦК МНРП, протоколы Великого Народного Хурала, оригиналы официальных документов, в частности варианты проекта и утвержденный подлинник первой Конституции МНР и других законов, а также постановлений правительства. Книга Б. Ширендыба характерна обилием систематизированного фактического материала. Подвергая глубокому научному анализу события и обстановку описываемого периода, автор исследует объективные предпосылки революции, внутреннюю и внешнюю обстановку, обусловившую рост революционной партии, возмущавшей вооруженное восстание народных масс против империалистов и феодалов.

Известное ленинское положение, что «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково...»² оправдывается и на примере МНР. Естественно, что путь монгольской нации к социализму в силу особенностей ее исторического развития проходил своеобразно, и автор, на основе анализа событий и всего хода революции, показывает это своеобразно, особенности и характерные черты монгольской народной революции.

Наряду с тяжким гнетом феодалов, монгольские араты подвергались жестокой эксплуатации иностранного капитала (стр. 13, 14).

Положение трудового аратства еще более ухудшилось, когда в ноябре 1919 г. Внешняя Монголия была оккупирована войсками китайских милитаристов из проипонской анфунгетской клики.

В октябре 1920 г. в Монголию вторглись белогвардейские банды Унгерна. Образованное Унгерном марионеточное правительство во главе с богдо-гэгэном стало

¹ Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование Монгольской Народной республики (1921—1924). М., Изд-во АН СССР, 1956, 157 стр.

² В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 58.

послушным орудием в руках Унгерна. «Оккупация страны вооруженными агентами империалистов, — пишет автор, — еще более ухудшила и без того тяжелое положение трудящихся Монголии» (стр. 28).

«Национально-освободительное движение трудящихся аратов под влиянием Октябрьской революции, — говорится в книге, — в корне отличалось от стихийных, локальных аратских движений ярко выраженным антиимпериалистическим и антифеодальным характером, общегосударственным и массовым характером, созданием революционных организаций» (стр. 33). Автор рассказывает в своей книге о возникновении в 1919 г. революционных кружков, созданных Сухэ-Батором и Чойбалсаном, об организации на базе этих кружков народно-революционной партии, и освещает также деятельность партии по руководству революционной борьбой масс, по подготовке вооруженного восстания.

Подчеркивая большое значение I съезда МНРП (1 марта 1921 г.) Б. Ширендыб отмечает, что съезд признал союз трудящихся Монголии с рабочим классом России решающим условием победы антифеодальной и антиимпериалистической революции, что «Решение съезда об установлении постоянной связи с Коммунистическим Интернационалом имело огромное значение для укрепления Народной партии» (стр. 45).

В Монголии было создано Временное народное правительство, партизанские отряды реорганизованы в Народную армию, была определена также тактическая линия партии, направленная на создание единого антиимпериалистического фронта.

Созданное после освобождения Урги постоянное народное правительство приступило к осуществлению демократических преобразований в стране. Своеобразие последовавшего трехлетнего периода монгольской революции состояло в том, что демократические преобразования осуществлялись в условиях сохранения монархического образа правления. За богдо-гэгэном, главой ламаистской церкви, был сохранен титул богдо-хана — главы монгольского государства. «Народная партия и Народное правительство, — пишет Б. Ширендыб, — временно допуская сохранение ограниченного монарха, понимали, что с ростом политической сознательности народных масс настанет время объявления Монголии Народной республикой...» (стр. 68).

Сохранение за богдо-гэгэном прерогатив главы государства создавало для Народной партии и правительства известные затруднения при проведении курса на углубление антифеодальной революции, так как в лице богдо-гэгэна и его двора феодалы сохраняли легальную опору в борьбе против демократических мероприятий Народного правительства. Однако эти мероприятия настолько наделили, что феодальная реакция не в силах была воспрепятствовать их проведению. Богдо-хан вынужден был ставить свою подпись и государственную печать под законами, разрабатывавшимися Народным правительством. Он был обязан утверждать эти законы и в силу «Клятвенного договора», заключенного 1 ноября 1921 г. между Народным правительством и им. Этот документ представлял собой своеобразную конституцию, предельно ограничивавшую власть богдо-хана. В тексте «Клятвенного договора», официально именовавшегося «Положение, ограничивающее права монарха», в частности, говорилось: «2. Богдо-Жавзан-Дамба-хутухта, будучи ханом монгольского государства, в котором существует образ правления конституционной монархии, отправляет всякого рода государственных дела через посредство председателя Народного правительства... 4. Законодательные акты, издаваемые по инициативе правительства для укрепления и улучшения основ монгольского народного государства, а также ради народного блага, могут быть приведены в исполнение только после доклада богдо-хану. Такие законы не могут быть ни отвергнуты, ни аннулированы богдо-ханом. Законодательные предложения другого характера могут быть при докладе возвращаемы богдо-ханом для вторичного обсуждения, однако, не более одного раза» (стр. 67).

Из приведенных пунктов «Клятвенного договора» ясно видно, что власть богдо-хана была лишь номинальной. Вся полнота власти фактически принадлежала Народ-

ному правительству, и оно широко использовало эту власть для проведения демократических, антифеодальных преобразований.

«Народная партия и Народное правительство в 1921—1924 гг., — пишет Б. Ширендыб, — в своей борьбе за укрепление народной власти провели последовательное ограничение политических прав и экономических привилегий класса феодалов» (стр. 79). Мероприятия Народной партии и Народного правительства, пишет Б. Ширендыб, проведенные в 1921—1924 гг., обеспечили образование Народной республики и создали условия для успешной борьбы за ликвидацию класса феодалов. Автор подробно освещает законодательную деятельность Народного правительства этого периода и дает оценку каждому крупному мероприятию.

20 мая 1924 г. богдо-хан умер. Феодальная реакция начала борьбу за сохранение и в дальнейшем монархического образа правления. Феодалы и ламы подняли вопрос о необходимости найти нового «перерожденца» умершего богдо-гэгэна (по учению ламанизма высшие ламы — гэгэны и хутухты — после смерти воплощаются в каком-либо из родившихся в это время младенцев) и потребовали от правительства разрешения из родившихся в это время младенцев) и потребовали от правительства разрешения на организацию этих поисков. «Борьба за провозглашение Монгольской Народной Республики, — пишет Б. Ширендыб, — проходила в обстановке серьезной активизации реакции, возглавленной духовными феодалами. Наряду с этим нарождавшиеся буржуазные элементы, поддерживаемые агентами иностранных империалистов, пытались навязать монгольскому народу буржуазную республику, чтобы направить развитие страны по капиталистическому пути» (стр. 115). В этих условиях, говорят Б. Ширендыб, Народная партия действовала быстро и решительно. 7 июня 1924 г. Пленум ЦК МНРП постановил перенести печать богдо-хана в здание правительства для хранения, ввести в стране республиканский строй без президента как главы государства, передать всю верховную власть Великому Народному Хуралу и избирать к этому времени уже имелись необходимые условия для введения в стране республиканского строя. Народная власть укрепились не только в центре, но и на местах. В 1923 г. были проведены выборы в хошунные народные хуралы. Были демократизированы судебные и другие местные органы. Араты на практике убеждались в благоприятных для них результатах демократических мероприятий Народного правительства, авторитет народной власти в массах усиливался.

Это обусловило и провал попыток феодальной реакции сохранить монархию путем поисков нового «перерожденца» богдо-гэгэна. Решение ЦК МНРП и правительства о введении в Монголии республиканского строя было утверждено III съездом МНРП (август 1924 г.) и Первым Великим Народным Хуралом, провозгласившим Монголию Народной республикой и утвердившим 26 ноября 1924 г. Конституцию МНР.

III съезд МНРП, как справедливо подчеркивается в книге, имел исключительное значение для дальнейшего развития Монголии по некапиталистическому пути. «Руководствуясь учением марксизма-ленинизма, — сказано в книге, — съезд... определил перспективы развития Монголии, обосновал некапиталистический путь ее развития как единственно правильный путь и как генеральную линию партии» (стр. 119). Обсуждение и принятие съездом генеральной линии партии происходило в острой борьбе с возникшим в партии течением правого уклона. «В условиях Монголии того периода, — пишет Б. Ширендыб, — буржуазно-капиталистические тенденции феодальных и зажиточных хозяйств, поддерживаемые иностранным капиталом, представляли большую опасность для дальнейшего развития страны по некапиталистическому пути» (стр. 121).

Главарем правоуклонистов на III съезде МНРП был Данзан, тогда член ЦК партии и член правительства. Данзан, как выяснилось, был связан с иностранными фирмами и использовал свое служебное положение в их интересах, выступая против сотрудничества МНР с Советским Союзом. «Данзан и его компания, — говорит Б. Ширендыб, — в области политики, так же как и в области экономики, боролись прежде всего против дружбы с Советским Союзом...» (стр. 123).

Эти попытки правых уклонистов провалились. III съезд МНРП решительно осудил их антипартийные, антинародные позиции и определил генеральную линию партии, предусматривающую некапиталистический путь развития Монголии. Съезд указал, что трудящиеся араты могут идти по этому пути лишь в тесном союзе с трудящимися Советского Союза и подчеркнул, что важнейшей задачей МНРП является дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества с Советским Союзом.

Генеральная линия МНРП, определенная III съездом, была положена в основу всех решений, принятых Первым Великим Народным Хуралом. В результате большой организационной и агитационной работы партийных организаций трудящиеся араты активно участвовали в выборах делегатов в местные хуралы и в Великий Хурал. Из 77 делегатов Первого Великого Народного Хурала 71 были представителями трудового аратства и лишь 6 человек из числа бывших дворян. В составе делегатов было 46 членов МНРП и ревсомола.

Историческое значение Первого Великого Народного Хурала заключается в утверждении им республиканского строя и в принятии Конституции Монгольской Народной Республики.

Созывом Первого Великого Народного Хурала и принятием Конституции, говорит Б. Ширендыб, был завершён важнейший этап борьбы монгольского народа — слом старой феодальной государственной машины и создание новой, рожденной революцией власти народа.

Книга Б. Ширендыба — свидетельство дальнейшего развития исторической науки в МНР. Вместе с трудами Х. Чойбалсана и Ю. Цеденбалы, ранее вышедшими на русском языке, этот труд принесет большую пользу советским читателям в их стремлении к изучению истории дружественного нам братского монгольского народа.

А. Т. Якимов

SUMMARY

The abundant materials from the archives of the Mongolian People's Republic used by B. Shirendyb in his new book on the history of the Mongolian people's revolution, are of great value since they give a more concrete idea of the development of the Mongolian People's Republic in the initial period of its existence.

The review appraises this book as an important contribution to the study of the history of the Mongolian people.

A. L. BASHAM, *The Wonder that was India. A Survey of the Culture of the Indian Subcontinent before the Coming of the Muslims*. London, 1954, XXII+668 p.

Книга А. Л. Бешема вышла в серии одноязычных изданий по истории древних культур¹. Автор ее — профессор Лондонского университета — занимается главным образом идеологией древней Индии².

¹ J. C. Stobart. *The Glory that was Greece*. London, 1933; *его же*. *The Grandeur that was Rome*. London, 1935; M. A. Murray. *The Splendour that was Egypt*. London, 1949.

² A. L. Basham. *Harsa of Kashmir and the iconoclast ascetics*. «Bulletin of the School of Oriental and African studies, University of London», 1948, vol. 12, part 3—4, p. 688—691; *его же*. *The date of the end of the reign of Kumara Gupta I and the succession after his death*. Там же, 1955, vol. XVII, part 2; *его же*. *A new study of the Śaka-Kuṣāṇa period*. Там же, 1953, vol. XV, part 1, p. 80—97.

Рецензируемая книга, не будучи по теме первой в своем роде³, весьма оригинальна по своей структуре, а также по кругу охватываемых вопросов. Это систематический очерк всей древнеиндийской цивилизации. Книга включает не только историю духовной жизни общества, но и его социально-экономическую и политическую историю. Однако автор ее не претендует на исчерпывающий анализ социально-экономического развития древней Индии. Характеристике отдельных социальных институтов недостает историзма, читателю трудно, а подчас невозможно уловить направление развития тех или иных явлений.

Недостаток книги — описательность, фактологичность. Автор сообщает читателю огромное количество очень ценного и труднодоступного материала из первоисточников, но не дает объяснения многих важнейших фактов. На вопрос «почему?» автор, как правило, ответа не дает. Один из английских рецензентов справедливо назвал книгу А. Л. Бешема «энциклопедией древней Индии»⁴. Нам кажется, однако, что справочный характер и является недостатком рецензируемого труда, достоинства которого несомненны. В частности, положительной стороной книги является то, что А. Л. Бешем решает поставленные им задачи на материале, касающемся всей древнеиндийской территории, включая Цейлон, цивилизацию которого он справедливо считает теснейшим образом связанной с индийской.

Поскольку книга А. Л. Бешема, имея энциклопедический характер, справедливо может считаться ценным учебно-справочным пособием по древнеиндийской цивилизации, большое значение приобретают иллюстрации, помещенные в книгу, а также ее библиографический аппарат. Наряду с общеизвестными иллюстрациями, в книге дается большое количество ценных, редко публикуемых. Обширная библиография, систематизированная по главам и видам литературы, доведена до 1953 г.; она включает работы почти исключительно на английском языке. Последнее, конечно, в известной мере оправдано целевым назначением книги. Непонятно, однако, отсутствие каких-либо указаний на труды и публикации русских и советских индологов.

Первые три главы книги вводные. Они содержат очерки первобытной истории Индии, а также политической истории ее древнего и раннесредневекового периодов. Сюда же включен обзор английской историографии по древней Индии.

В четвертой главе помещены мало известные советскому читателю сведения о государственном и политическом устройстве и идеологии древней Индии. При анализе данных о происхождении государства А. Л. Бешем не пытается установить истинные причины и условия возникновения этого института. Автор сводит свою задачу лишь к изложению взглядов по этому вопросу самих древних индийцев.

Монархия для древней Индии была обычной формой правления, но существовали и «союзы племен», которыми управляла группа выборных вождей. Эту форму правления автор называет олигархией. Самым могущественным немонархическим государством древней Индии была федерация племен, во главе которой стояло племя Личхави. Федерацией управлял верховный раджа; он осуществлял исполнительную власть. Автор отмечает, что во времена Будды (2500 лет назад) эти племенные «республики» в своем большинстве были покорены сильными государствами. В Западной Индии они существовали более длительный период, по некоторым сведениям вплоть до V в. н. э. В период своего независимого существования многие племенные «республики» достигли довольно высокого развития, о чем свидетельствуют дошедшие до нас монеты и надписи. Однако внутреннее устройство племенных «республик» известно пока мало.

³ См. B. K. Sārkār. *Creative India from Mahenjo Daro to the age of Ramakrishna Vivekānanda*. Lahore, 1937; N. Sastri. *History of India, part 1. Ancient India*. Madras, 1950; K. G. Dutt. *Hindu culture*. Bombay, 1951; R. C. Majumdar. *The history and culture of the Indian people, vol. I*. Madras, 1950; H. G. Rawlinson. *India. A short cultural history*. London, 1954.

⁴ См. «Bulletin of the School of Oriental and African studies, University of London», 1955, vol. XVII, part 2.

По мнению А. Л. Бешема, не исключено, что они представляли собой феодальные образования.

Автор останавливается на административном устройстве древнеиндийского государства. Оно имело провинции, а последние делились на округа и районы. Система налогов, указывает А. А. Бешем, была установлена в Индии еще до династии Маурьев. Основным был поземельный налог — бхага. Бхага — часть урожая зерновых культур, обычно одна шестая. Мегасфен называет другую цифру: одну четвертую, но в «Артхашастре» говорится, что налог составлял одну треть урожая с плодородных земель. В ряде случаев, пишет А. Л. Бешем, допускалось освобождение от уплаты налогов: не облагалась, например, земля в течение первых пяти лет обработки, не платили налог деревни, на которые возлагались ирригационные или другие общественно-полезные работы. Нередко совсем освобождались от налога земли отдельных брахманов и монастырей. Кроме основного налога бхага, существовало немало других — за пользование водой из канала или водоема, считавшихся государственными, с поголовья скота и т. п. Крестьяне Южной Индии платили налог с жилища, за покупку товаров в лавке, за орудия (ткацкий станок, гончарный круг, пресс для масла и т. д.). Чиновники — анталапа взимали сборы за проход через городские ворота. Все ремесленники были обязаны раз или два в месяц по целому дню работать на государя. Некоторые слои населения, наряду с упомянутыми налогами, облагались дополнительными.

Налоги, пишет А. Л. Бешем, были тяжким бременем, в особенности в годы неурожаев. В поздних южноиндийских надписях нередко встречаются свидетельства об уклонении населения от уплаты налогов, содержатся сведения о заключении деревенского совета в полном составе в тюрьму за недоимки с населения, приводятся факты бегства крестьян из деревень, чтобы избежать непосильных поборов. Справедливо отмечая, что податная эксплуатация лично свободных общинников служила основой древнеиндийского общественного строя, А. Л. Бешем, к сожалению, не останавливается на этом важнейшем вопросе сколько-нибудь подробно. Надо сказать, что и в нашей советской историографии имеется склонность обходить вопрос о социально-экономической природе взаимоотношений крестьянина и государства в древней Индии и вообще на древнем Востоке, а также вопрос о соотношении труда общинников и рабов⁵. В той же книге описано судебное-правовое устройство и охарактеризована юридическая литература древней Индии. Общая характеристика древнеиндийского общества, положения в нем отдельных классов, семьи и личности приводятся в пятой главе книги. К сожалению, коренные вопросы классово-сословной структуры древней Индии проанализированы недостаточно. Ничего не сказано в этой главе и о классовой борьбе.

Общая оценка варн в рецензируемой книге совпадает с оценкой, принятой в советской литературе⁶. Четыре индийские варны, пишет А. Л. Бешем, возникли в недрах раннего арийского общества, в котором уже появились классы. В древнем Иране, например, существовало четыре касты, или класса, сходные во многом с индийскими варнами. Все же автор несколько преувеличивает уровень общественного развития древних индоевропейцев, к началу II тысячелетия до н. э. находившихся лишь на стадии разложения патриархального рода. Правильнее видеть в делении на варны результат постепенных социальных изменений в структуре самого древнеиндийского общества, в котором усиливалось разделение труда. Арийское завоевание также явилось мощным фактором в процессе классовой дифференциации. На дравидийском юге варна возникла сравнительно поздно; ранняя тамильская литература дает сведения об обществе, разделенном на племенные группы без заметного превосходства одной над другой.

Автор останавливается далее на структуре варн, начиная с варны брахманов. В буддийских источниках говорится о двух типах брахманов: о брахманах-ученых,

⁵ Впервые после большого перерыва эта проблема рассматривается в капитальном труде А. С. Тюменева «Государственное хозяйство древнего Шумера» (М.—Л., 1956)

⁶ См. «Всемирная история», т. I., М., Госполитиздат, 1955, стр. 600—601.

хранивших и выполнявших арийские обряды и пользовавшихся высшим почетом, и сельских брахманов, добывавших средства к жизни предсказанием и колдовством. В то же время среди профессионального духовенства также имелись различные группы.

Среди брахманов существовало и другое деление. Брахманы поздневедического периода входили в экзогамные кланы — готры. Это деление, пишет А. Л. Бешем, было заимствовано другими сословиями и сохранилось до сих пор. В дальнейшем из варны брахманов возник ряд каст, связанных между собой эндогамией и обычаями. Кроме того, брахманы подразделялись также на различные ветви, в зависимости от того, какого толкования ведических текстов они придерживались.

В отличие от большинства историков древней Индии, А. Л. Бешем много внимания уделяет вопросу о классовом положении шудр; он считает их свободными. Буддийские тексты и дхарма сутры, отмечает он, упоминают о группах неприкасаемых задолго до нашей эры. Иногда о неприкасаемых говорят как о пятом классе (рагсама). Большинство специалистов, однако, считает, что неприкасаемые полностью исключались из арийской социальной системы. В начале нашей эры среди неприкасаемых возникла своя кастовая иерархия, причем внутри каждой из таких групп были свои неприкасаемые.

Сравнивая варну с кастой, т. е. с кастой, А. Л. Бешем утверждает, что каста была менее постоянным образованием. Если одни касты исчезали, а другие появлялись, то деление на варны оставалось неизменным. Каста, подчеркивает А. Л. Бешем, — категория более поздняя, но имеющая уже тысячелетнюю историю развития. Свидетельства о зачатках кастового строя прослеживаются им в поздневедической литературе, в которой дается список профессий и указывается на их явно выраженную обособленность. Автор видит в корпоративно-ремесленном духе еще не окончательно оформившихся каст зачатки кастового строя. Для народных низов, замечает автор, большее значение имела принадлежность к касте, чем к варне, ибо только каста определяла место человека в обществе.

А. Л. Бешем считает, что касты возникли в результате стремлений многочисленных мелких народов, пришедших в соприкосновение с более высокой социальной и экономической организацией ариев, приспособиться к этой системе. Тем не менее причина, указанная автором, не единственная. Надо сказать, что и эта причина происхождения каст, выдвигаемая А. Л. Бешемом, встречает возражения со стороны некоторых индийских историков.

В книге отмечаются особенности кастовой системы на юге Индии, т. е. факты, мало известные в нашей литературе. По вопросу об особенностях рабства в древней Индии автор приходит к тем же выводам, какие сделаны в советской специальной литературе⁷.

Интересно освещение в книге малоисследованных вопросов — деление древнеиндийского общества на готры и правары, появившееся в поздневедический период, если не раньше. В период своего возникновения это деление имело родоплеменной характер. Вполне возможно, пишет А. Л. Бешем, что система готр индоевропейского происхождения, но она приобрела специфические индийские черты. Первоначально готра являлась внутрибрахманским институтом, но затем она была переплетена низшими сословиями или навязана им. Принадлежность к готре определялась верой в общего легендарного предка — эпонима, именем которого она и называлась. В религиозной литературе упоминается восемь готр. Если первоначально готра предполагала принадлежность к одному племени, то в дальнейшем брахманы разных каст могли принадлежать к одной и той же готре. Главный признак готры — ее экзогамность. Сложность кастово-племенного деления древней Индии усугублялась еще такой категорией, как правара. Принадлежность к праваре определялась именами тех легендарных мудрецов, которые считались основателями данной семьи. Правара вызвала дополнительные препятствия при заключении браков. Условия для заключения брака особенно

⁷ См. Г. Ф. Ильин. Особенности рабства в древней Индии. «Вестник древней истории», 1951, № 1.

усложнились в средние века, когда была окончательно установлена эндогамная кастовая система.

Весьма интересна характеристика древнеиндийской семьи, данная А. Л. Бешем. Семья эта, по его мнению, представляла, по существу, семейную общину с коллективной собственностью на недвижимость и отличалась крайне тесными связями между дальними родственниками.

В главе «Повседневная жизнь» интересно описание аграрного строя древней Индии. Основным населением страны, пишет А. Л. Бешем, были свободные крестьяне-общинники. Они являлись фактическими собственниками земли. Верховным собственником земли, как и всюду на Востоке, был царь. В древней Индии существовали крупные имения. Они обрабатывались либо наемными рабочими и рабами, либо сдавались в полную аренду. Соотношение различных видов землевладения установить А. Л. Бешему, к сожалению, не удалось. Причиной замедленного процесса развития крупного частного землевладения в Индии автор считает живучесть родовых связей, выражавшуюся в постоянном и обязательном разделе земли между всеми наследниками. Автор особо отмечает наличие в Индии безземельных сельских жителей уже со времени Маурьев.

Далее автор книги переходит к характеристике древнеиндийских городов. Крупные города, пишет А. Л. Бешем, появились в Индии сравнительно поздно. В городах преобладало мелкое ремесленное производство, по существовало и крупное производство типа «мануфактуры» (оружейное, ткацко-прядельное, гончарное) как частное, так и царское. Организацию этого крупного производства А. Л. Бешем ближе не исследует. Представляется мало вероятным, чтобы древнеиндийским мастерским действительно было присуще разделение труда, характерное для мануфактуры. В книге, правда, приводятся сведения об объединениях ремесленников с зачатками такого разделения. А. Л. Бешем считает объединения индийских ремесленников древней Индии кооперативными и сравнивает их с артелями в России. Помимо этого, А. Л. Бешем описывает цеховые объединения ремесленников и торговцев (*ṣṛēṇī*) и делает вывод, что в древней Индии город имел много больше «европейско-средневековых» черт, чем деревня. В книге приводятся интересные и ценные в научном отношении сведения о развитии торговли, денег и путей сообщения.

Самая большая глава книги посвящена систематизированному и многостороннему освещению религий древней Индии. Но в этой главе, к сожалению, не исследованы социальные истоки религий.

Мы отнюдь не склонны недооценивать важности сделанного автором очерка о древнеиндийских религиях, так как подобное изложение позволяет ему проследить их преемственность и четко показать, как элементы одной становятся достоянием другой. Материал, собранный в книге, позволяет составить представление о том, как возникло учение о переселении душ, самсары и кармы и т. д. А. Л. Бешем указывает, что самое раннее упоминание о переселении душ имеется в гимнах «Ригведы». Наследовались религиями и представления о вселенной. Много тождественного обнаруживается также в той области религиозных представлений, где больше всего обнажаются классовые корни религии, — в этике. Уже Упанишадам, пишет автор, присуще требование отречения от желаний как причины всех несчастий, стремление к освобождению от суеты мира путем правильного знания. Эта тождественность этических норм индийских религий свидетельствует о сравнительно медленной изменчивости основных социальных устоев древней Индии.

Наряду с такими известными индийскими религиями, как брахманизм, буддизм, джайнизм и индуизм, А. Л. Бешем пишет и о менее известных религиозных учениях, например, о вероучении адживиков, и дает сведения о влиянии индийских религий (христианство, иудаизм, зороастризм и мусульманство). При довольно пространным рассмотрении многих религий и при всей полноте их характеристик А. Л. Бешем, однако, не устанавливает действительных причин смены и вытеснения одной религии другой. Интересна попытка автора книги дать представление о зарождении материализма в древней Индии.

Наиболее удачной является, несомненно, глава об искусстве. Весьма интересна общая характеристика сущности, или, по выражению автора книги, «духа» древнеиндийского искусства. Если сюжеты и функции искусства имели религиозный характер, подчеркивает А. Л. Бешем, то дух искусства был сугубо светским, земным. В этом смысле автор противопоставляет индийское искусство ярко выраженному религиозному искусству средневековой Европы. Религиозное индийское искусство, замечает А. Л. Бешем, резко отличается и от религиозной литературы. Это естественно, так как литература создавалась брахманами и аскетами, скульптура же была делом рук светского ремесленника, воплощавшего в произведении искусства свое жизнерадостное отношение к миру, несмотря на зависимость от заказов духовенства. Автор книги отвергает традиционный взгляд на древнеиндийское искусство как на безжизненное и потустороннее и утверждает, что основной идеей этого искусства был здоровый, жизнерадостный реализм.

Мы не имеем возможности подробно остановиться на характеристиках отдельных жанров скульптуры, составляющих эту главу, скажем только, что архитектурное наследие, которому посвящена большая часть главы, делится автором на три типа: ступы, пещерные храмы и обычные храмы. Читатель найдет здесь углубленную характеристику таких классических памятников, как ранние ступы Бхархутская, Санчи и Амаравати, а из более поздних — Сарнатх и Наланда, пещерные храмы Бартабар и Бхаджа, подробнейшее описание знаменитых пещер Аджанты и многочисленных старинных храмов. Кроме того, А. Л. Бешем дает четкое описание различных стилей и школ, существовавших в древнеиндийском искусстве. Несмотря на кажущееся единство храмовой архитектуры, говорит автор, можно различить в ней два стиля и множество школ. Северный, или индо-арийский, стиль характерен закругленной башни-множеством школ. Северный, или индо-арийский, стиль характерен закругленной башней криволинейного контура, а башня южного, или дравидийского, стиля представляет собой прямоугольную усеченную пирамиду. Стадии в развитии стиля прослеживаются яснее на юге и менее ясно на севере, ибо многие средневековые храмы на севере были уничтожены завоевателями. В Тамиле автор различает стиль Паллаво, получивший дальнейшее развитие в империи Чола, и стиль Пандьян, в Декане — стили Чалукьев, Раштракутов и Хойсалов, а также крупную школу Виджаянагара. Средневековая архитектура севера проиллюстрирована в книге тремя школами: Ориссы, Бунделькханда, а также Гуджарата и Южного Раджастана.

Если в архитектуре нет преемственной связи между кирпичными строениями Харанпы и пышными индуистскими храмами, то скульптура исторических времен Харанпы и пышными индуистскими храмами, то скульптура исторических времен показывает большое сходство с доисторической скульптурой. С конца культуры Хараппы до Маурьев на протяжении целого тысячелетия каких-либо значительных работ, видимо, не имелось, во всяком случае до нас они не дошли. В период династии Маурьев их покровительство художникам, усиление влияния Запада и постепенный рост материальной культуры привели к новому возрождению искусства. Эпоха Маурьев знаменита колоннами (автор относит их к скульптуре, поскольку они не выполняют никакой архитектурной роли). В дальнейшем скульптура продолжала развиваться. Стали создаваться ступы Бхархут, Гайа и Санчи. В этих ступах нет изображения Будды, а лишь разные символические изображения «учителя». Под влиянием и Матхуры, оспаривают первенство в изображении «учителя». Под влиянием торговли с императорским Римом развилась и окрепла одна из самых замечательных школ индийской скульптуры — школа Гандхары. Ее влияние было весьма большим и перешло границы Индии — в Китай, Бирму и другие страны. На юге полуострова получила громкую славу школа Амаравати, которая отличается большим реализмом и динамизмом. Особо А. Л. Бешем останавливается на анализе собственных скульптур. Что же касается Декана, то там, пишет А. Л. Бешем, возникли собственные скульптурные школы, но и они находились под влиянием стиля Амаравати и Гунтов. Стиль Декана достигает наивысшего расцвета в период правления Паллаво. В книге А. Л. Бешема даны также небольшие, но увлекательные очерки о развитии живописи, музыки и танца древней Индии.

В последней главе рецензируемой книги автор анализирует язык и развитие лите-

ратуры древней Индии. Вначале дается сжатый очерк ее языков, причем весьма интересен материал о дравидийских языках. А. Л. Бешем прослеживает дальше происхождение и развитие многообразных систем индийской письменности. Что же касается истории древней литературы, то она изложена в книге по жанрам, в той последовательности, как они возникали. Главное внимание уделяется, естественно, санскритской литературе, но автор не упустил и литературу пали, тамильскую и другие.

В отличие от многих историков культуры, автор не ограничивает свои интересы религией, искусством, литературой, он охватывает и вопросы истории науки. Книга снабжена двенадцатью приложениями, посвященными древнеиндийской космологии и географии, астрономии, календарю, математике, физике и химии, психологии и медицине, логике и эпистемологии (теории познания), мерам и весу, монетному делу, алфавиту и произношению, а также стихосложению (просодии). Последнее из приложений посвящено истории своеобразных выходцев из древней Индии, живущих и в нашей стране, — цыган.

В эпилоге автор остановился на вопросе о взаимных влияниях Запада на Индию и Индии на весь мир. В целом книга А. Л. Бешема дает яркую картину древней Индии.

Е. С. Семенова

SUMMARY

Noting that Basham's book contains a systematic survey of India's most ancient civilization, the reviewer pays due tribute to the author's attempt to analyse the class and legal position of the Shudras, to trace the origin of the castes, and, in particular, the specific nature of the castes in the South of India.

Among the main shortcomings in Basham's book, in the reviewer's opinion, is the absence of a deep scientific generalization of the rich and valuable materials it contains. In general, however, he agrees, that this book paints a striking picture of ancient India.

ДВЕ КНИГИ ОБ ИНДОНЕЗИИ

D. WOODMAN. *The Republic of Indonesia*. London, The Cresset Press, 1955, 444 p.; A. Schiller. *The Formation of the federal Indonesia*, 1945 — 1949. The Hague — Bandung, 1955, 472 p.

Дороти Вудман в тридцатые годы активно выступала против фашизма и войны. Будучи секретарем Английского союза демократического контроля (неправительственной организации леволейбористского направления), она выпустила две книги, предупреждавшие мировую общественность о готовящейся гитлеровской Германией реваншистской войне¹. В 1935 г. Д. Вудман опубликовала книгу о движении сопротивления против германского фашизма в ряде стран Европы². В настоящее время Д. Вудман — член исполкома Английского союза демократического контроля и обозреватель журнала «Нью стейтсмен энд нейшн». На страницах этого журнала она выступает со статьями, посвященными положению в странах Азии, в частности Юго-Восточной Азии.

¹ См. Д. Вудман. Германия вооружается. М., 1935; Воздушное вооружение Германии. М., 1935.

² «Europe rises. The Story of Resistance in occupied Europe». London, 1943.

В 1951 г. Д. Вудман совершила путешествие по Индонезии — изучала страну и ее народ. При работе над книгой «Республика Индонезия» она использовала собственные наблюдения о жизни Индонезийской республики и ряд трудов об этой стране, принадлежащих западным и индонезийским авторам (список использованной литературы приводится в конце каждой главы, а также в библиографическом указателе, помещенном в конце книги).

В предисловии Д. Вудман заявляет, что она сделала попытку «описать прошлое и настоящее Индонезии с неколононалистских позиций» (стр. VII). И действительно, ее книга написана с антиколонналистских позиций. Разоблачая колониализм, Д. Вудман старается объективно разобраться в истории и современном положении Индонезии.

Такая позиция автора вызвала недовольство реакционных кругов, что нашло свое отражение в некоторых рецензиях на книгу «Республика Индонезия» в американской и английской печати. Так, газета «Крисчен сайенс монитор» 13 февраля 1956 г. писала, что книга Д. Вудман нуждается «в критическом подходе», а в газете «Нью-Йорк таймс» от 19 февраля 1956 г. говорилось, что эта книга «не подходит для среднего интеллигентного американца, так как она слишком длинна и часто скучна». Лондонская газета «Таймс» в литературном приложении (№ 18 за 1955 г.), в общем положительно оценивая книгу Д. Вудман, утверждает, что автор «в какой-то степени слишком доверчиво признает действительно ценным большую часть того, о чем ей рассказали» в Индонезии.

Изложение событий Д. Вудман довела до середины 1955 г. При этом в книге рассматривается весьма большой круг вопросов: история страны и национально-освободительного движения; экономико-географическое положение индонезийских островов; борьба индонезийского народа против империалистических интервентов в 1945—1949 гг.; государственный строй, политика правительства. Кроме того, в книге имеется характеристика основных политических партий и профсоюзов; рассматриваются национальный и религиозный вопросы; экономика, культура, быт и нравы различных индонезийских народностей и племен. Автор освещает также состояние народного образования, социального обеспечения и здравоохранения, а также взаимоотношения Индонезии с другими странами. В результате ряд вопросов излагается недостаточно глубоко или даже бегло. Поскольку же при освещении некоторых вопросов автор исходной точкой берет колониальный период, собственно Республике Индонезии в книге уделено, пожалуй, меньше места, чем к этому обязывает ее заглавие. В общем надо отметить, что книга не является научным исследованием, это скорее публицистические очерки.

Нам представляется целесообразным остановиться на двух, на наш взгляд, основных, вопросах: с каких позиций автор освещает национально-освободительную борьбу индонезийского народа и как оценивается современное внутриполитическое и международное положение Республики Индонезии.

Автор доказывает, что голландские колонизаторы завоевали Индонезию ценой огромных военных усилий и больших потерь, что освободительное движение народов Индонезии уходит в глубь веков и имеет славные, боевые традиции. Д. Вудман напоминает, например, что голландским империалистам удалось покорить область Аче (на Северной Суматре) только в результате почти 40-летней войны и обошлось это им в четыре миллиона гульденов; что остров Бали был «умиротворен» только к 1914 г. и т.д. Д. Вудман пишет, что память о народных восстаниях — 1825—1830 гг. на Яве под руководством национального героя Индонезии Дипо Негоро, имама Бонджола и Падриса на Суматре, Паттимура на Южно-Молуккских островах — как и о всех других движениях против голландских колонизаторов, вечно жила в индонезийском народе и звала к борьбе за национальное освобождение. Говоря о народном антиимпериалистическом восстании 1926—1927 гг., Д. Вудман отмечает, что это восстание дало огромный толчок дальнейшему подъему национального движения в стране.

Анализируя деятельность индонезийских политических партий и общественных организаций в 30-х годах, автор книги приходит к выводу, что вопреки утверждениям

некоторых голландских государственных деятелей, индонезийское национально-освободительное движение не было инспирировано японскими властями. «Когда японские бомбы 8 декабря 1941 г. упали на Пирл-Харбор, — пишет Д. Вудмэн, — националистское движение (в Индонезии. — Л. Д.)... уже существовало; оно не было создано японцами, как утверждала голландская пропаганда. Наоборот, отказ голландцев учесть требования индонезийских организаций привел к образованию единого фронта с целью достижения независимости» (стр. 169).

Когда в 1942 г. японо-фашистские оккупанты сменили голландских колонизаторов и установили в Индонезии свой колониальный режим, замаскированный фарисейскими лозунгами о создании «сферы взаимного соцветания», индонезийские патриоты развернули антияпонское движение сопротивления. Д. Вудмэн отмечает, что многие государственные деятели Индонезии, и в их числе президент Сукарно и бывший вице-президент Хатта, из тактических соображений сотрудничавшие с созданными японскими властями учреждениями, принимали активное участие в подпольном национально-освободительном движении.

Излагая события, которые последовали после провозглашения независимости Индонезийской республики (17 августа 1945 г.), автор вскрывает империалистический характер политики, проводившейся правящими кругами Голландии по отношению к Индонезии, и показывает беспочвенность этой политики. Голландские империалисты, говорится в книге, после окончания войны стремились «вернуться с определенными изменениями в status quo в Индонезии по состоянию на сентябрь 1939 г.» (стр. 20), т. е. восстановить в замаскированном виде колониальный режим.

Чтобы подчеркнуть полную нереальность подобных планов колонизаторов, автор останавливается на ряде волнующих эпизодов мужественной борьбы индонезийских патриотов против голландских империалистов, опиравшихся на помощь США и Англии. Д. Вудмэн пишет о битве за Сурабайю, ставшую «для индонезийской молодежи ее Сталинградом» (стр. 214), что после 1945 г. голландские интервенты так и не смогли возвратиться в Аче, о героической обороне Минахассы и Макассара; о том, что на острове Бали бои между республиканцами и иноземными оккупантами продолжались с марта 1946 г. до середины 1948 г. «Все эти факты опровергают лживую заявления голландских колонизаторов о том, что яванцы-де стремились навязать республиканский строй населению других индонезийских островов и что немусульманское население страны якобы с радостью встречало голландские войска»³.

С негодованием Д. Вудмэн говорит о том, что в конце 1946 г. карательные отряды голландской армии уничтожили на Южном Сулавеси не менее 30 тыс. индонезийцев. (По индонезийским данным, эти отряды убили более 40 тыс. жителей Южного Сулавеси.) Резкой критике она подвергает искусственную федерализацию Индонезии — политику, которую голландские власти проводили в 1945—1949 гг. «Федерируйтесь, или мы будем стрелять!» — так коротко характеризует Д. Вудмэн эту империалистическую политику (стр. 232). Действительной целью сколачивания в Индонезии так называемых автономных территорий, пишет автор, была «балканизация» этой страны, т. е. ее расчленение. Создавая постоянные очаги беспокойства и натравливая членов «федерации» друг на друга, Голландия пыталась выиграть время, чтобы собраться с силами и подавить национально-освободительное движение народов Индонезии. Д. Вудмэн отмечает, что, создавая штаты (так назывались основные «федеративные» единицы, образованные голландскими властями на территории Индонезии), глава голландской колониальной администрации ван-Моок открыто заявил о своем намерении «разгромить республику» (стр. 269).

Планы империалистов оказались построенными на песке. Колонизаторов, отмечает автор, поддерживали только некоторые феодальные круги, в то время как весь народ выступал за национальное единство и единую республику, против всех форм колониализма. Не случайно поэтому, говорит Д. Вудмэн, многие звенья так называемых

³ Большинство жителей Минахассы и Макассара (остров Сулавеси) — христиане, а балийцы в основном исповедуют индуизм.

Соединенных Штатов Индонезии (СПИ) представляли собой «совершенно искусственные создания» (стр. 268).

О том, что представляли собой продавшиеся голландскому империализму индонезийские феодалы, говорят следующие факты, приведенные в книге Д. Вудмэн. Пост «президента» «государства Пасундан» (на Западной Яве) занимал широко известный сибарит Карталегави, а пост «премьер-министра» — некто Кустомо, который за несколько месяцев до провозглашения независимости Индонезии был выпущен из психиатрической больницы.

Рассматривая положение в Индонезии после официальной передачи ей суверенитета (28 декабря 1949 г.), Д. Вудмэн критикует кабальные условия соглашения, навязанного Индонезии конференцией «круглого стола» в Гааге. Д. Вудмэн осуждает все еще продолжающуюся оккупацию Голландией исконной индонезийской территории — Западного Ириана. («Голландский интерес к Западнему Ириану, — говорится в книге, — это вопрос престижа и стратегии», стр. 102.) Вопреки утверждениям голландских реакционных кругов, что «папуасы, населяющие Западный Ириан, будто бы не желают иметь ничего общего с Республикой Индонезией», Д. Вудмэн пишет: «Когда в августе 1945 г. в Джакарте была провозглашена независимость, политически мыслящие люди в Западном Ириане предполагали, что их борьба не только против японского, но и против голландского империализма закончена, что Индонезия будет свободна от Сабанга (в Аче) до Мерауке на Западном Ириане» (стр. 105).

На примере инспирированного в 1950 г. голландскими агентами мятежа на Южно-Молуккских островах, автор показывает, что колонизаторы не прекратили борьбы против Республики.

Из внутриполитических проблем современной Индонезии, Д. Вудмэн первоочередной считает «децентрализацию нынешней администрации» (стр. 423). Подчеркнув, что террористические банды Даруль Ислама действуют по указке империалистов, автор отмечает, что «центральное правительство уделяло весьма мало внимания местным пуждам Южного Сулавеси и Аче, и поэтому люди, подобные Тенгуку Дауд Боре и Кахар Музаккару⁴, в 1955 г. все еще могут находить себе сторонников в местной повстанческой борьбе» (стр. 93). Вопрос о децентрализации — действительно одна из важнейших задач, стоящих перед страной. В 1954 г. при первом правительстве Састроамиджой был образован коммисариат по автономным районам для разработки законопроекта о местной автономии. В октябре 1956 г. Совет народных представителей Индонезии принял закон об образовании в стране четырех новых автономных провинций: Аче, Западный, Южный и Восточный Калимантан. Второй кабинет Састроамиджой провел ряд мероприятий по развитию экономики и культуры ранее отсталых территорий. Нынешнее индонезийское правительство тщательно изучает проблему местной автономии, чтобы разрешить ее в интересах укрепления национального единства и успешного развития всех частей «страны тысячи островов».

Д. Вудмэн пишет, что «республика нуждается в эффективной, стабильной и некоторой гражданской службе» (стр. 426). Правительство Республики Индонезии и все демократические партии ведут большую работу по созданию и улучшению государственного аппарата. В сентябре 1955 г. были проведены первые в истории Индонезии выборы в парламент, в декабре 1955 г. — выборы в Учредительное собрание, которое примет постоянную конституцию. На основе результатов парламентских выборов были образованы временные местные советы народных представителей и подотчетные им исполнительные советы и т. д.

«Республиканская администрация, — пишет Д. Вудмэн, — унаследовала колониальную экономику с ее основными слабостями и нестабильностью» (стр. 390). На Яве и Суматре 96% плантаций, на которых работают 800 тыс. рабочих, находится в руках иностранных монополий. Последние колониального режима проявляется также в крайне низком жизненном уровне населения Индонезии.

⁴ Д. Боре и К. Музаккар — главарь банд мятежников, первый в Аче, второй — на юге Сулавеси.

Кратко осветив мероприятия правительства, направленные к подъему экономики, и описав некоторые новые моменты в экономической жизни страны (закрепление за крестьянами Суматры 230 тыс. га бывших плантационных земель, развитие кооперативов в сельском хозяйстве и в некоторых других отраслях народного хозяйства), Д. Вудмэн подчеркивает, что одна из главных задач Индонезии — избавиться от иностранного контроля над экономикой страны. По мнению Д. Вудмэна, индонезийцы должны взять в свои руки ведение торговых операций в стране. Далее автор пишет, что страна «суждается в намного более тесно координированной финансовой и экономической политике» (стр. 425). В книге отмечается также важность проблемы переселения на другие острова Индонезийского архипелага избыточного населения с Явы и Мадур (где живет до двух третей 82-миллионного населения страны).

Огромную роль в жизни Индонезии играют политические партии и общественные организации, но глава о политических партиях в книге Д. Вудмэна — одна из самых слабых. В ней нет четкой оценки программ и деятельности политических партий, иногда автор допускает субъективные, неверные суждения. Так, Д. Вудмэн утверждает, что позиция партий Союз мусульманских священников (Нахдатул Улама) и Мусульманский союз Индонезии (Партай сарекат ислам Индонесиа) якобы намного правее, чем партии Машуми (стр. 351, 358), она ошибочно пишет, что у Национальной партии Индонезии (ПНИ) и правосоциалистической партии (ПСИ) имеется «много общего в области идеологии и программы» (стр. 351). Автор приукрашивает деятельность партии Машуми и ПСИ, пристрастно характеризует таких деятелей, как Натсыр, Рум и в особенности Сутаи Шарир. Однако, несмотря на открытые симпатии к Шариру и руководимой им правосоциалистической партии Индонезии, Д. Вудмэн все же вынуждена признать, что у Шарира «незначительный контакт с массами» (стр. 365, 367).

Не разобрался автор и в программе и тактике Коммунистической партии Индонезии и нередко неосновательно доверяет реакционной пропаганде. Тем не менее Д. Вудмэн пишет о росте авторитета компартии и Центральной федерации профсоюзов Индонезии (СОБСИ), об усилении влияния идей марксизма на все более широкие массы индонезийского народа. «Нет сомнения в том, — замечает автор, — что марксистские идеи завоевали (в Индонезии. — Л. Д.) много приверженцев...» Д. Вудмэн считает, что в Индонезии «...любая политическая партия, желающая прийти к власти, должна будет исходить из общей концепции марксистской философии» (стр. 422).

Оценивая роль Индонезии в международной жизни, Д. Вудмэн говорит, что республика твердо проводит независимую активную внешнюю политику и стремится расширить «зону мира» и «зону нейтралитета». Индонезия, пишет Д. Вудмэн, полагает, что сохранение колониализма является величайшей угрозой для мирного сосуществования государств (стр. 428).

Антиколониалистская направленность рецензируемой книги, богатый (правда, не всегда новый) фактический материал и живая форма изложения заметно выделяют книгу «Республика Индонезия» среди многих других трудов буржуазных исследователей, претендующих на научность и объективность.

* * *

Книга профессора римского и государственного права Колумбийского университета США А. Артура Шиллера — образец псевдонаучной и проколониаторской литературы. На протяжении двух последних десятилетий А. Шиллер занимается изучением индонезийского права и системы управления. Он опубликовал ряд статей по этим вопросам, а в канун второй мировой войны и в 1949 г. и сам бывал в Индонезии.

Хотя А. Шиллер старается показать свой объективизм и беспристрастность и открыто не подвергает критике государственный строй Республики Индонезии, все же читателю совершенно ясно, что его симпатии на стороне голландских колонизаторов. Более того, А. Шиллер, хочет он того или нет, по существу извращает характер событий, происходивших в Индонезии с 1945 по 1949 г.

В книге совершенно не критикуется империалистическая политика правящих кругов Голландии, США и Англии, которые пытались вооруженной силой, а также при помощи метода «разделяй и властвуй» вновь надеть (на сей раз замаскированное) колониальное ярмо на народы Индонезии. Автор проходит мимо национально-освободительного движения в стране, а интервенции голландских войск против Индонезийской республики в 1947 и 1948 гг. именует «полицейскими акциями». А. Шиллер полностью абстрагируется от вопросов экономики и политики, т. е. от реальной действительности, от жизни страны. Он занимается лишь изложением и формальным анализом нормативных актов, изданных правительством Нидерландов, различными учреждениями голландской администрации в Индонезии и созданными голландцами марионеточными органами «автономных» территорий, которые в декабре 1949 г. вошли в навязанные колонизаторами индонезийскому народу Соединенные Штаты Индонезии. В книге нельзя найти осуждения колониального управления Нидерландской Индии. Наоборот, делается попытка отрицать диктаторские полномочия голландского генерал-губернатора. А. Шиллер восхваляет созданную колонизаторами на значительной части Нидерландской Индии систему «косвенного управления», а лишнюю прав сельскую общину именует «самоуправляющейся единицей» (стр. 83).

Основная цель книги А. Шиллера состоит в том, чтобы доказать, что федеративное государственное устройство Индонезии в 1945—1949 гг. якобы не было навязано голландскими властями, а отвечало национальным интересам страны и было демократическим. А. Шиллер заявляет, что федерализм в Индонезии критиковали в значительной степени за то, что он был «инспирирован голландцами» и «навязан голландцами» (кавычки автора. — Л. Д.), а не за какие-либо существенные пробелы в плане (стр. 9). Вопреки действительности, А. Шиллер утверждает, что в XX в. Нидерландская Индия «медленно, но верно развивалась в федеративное государство» (стр. 14).

В книге содержится заявление, что федерализация Индонезии (когда страна была разделена на семь «штатов» и девять «автономных конституционных областей», а каждая из этих единиц включала различные «автономные» и «самоуправляющиеся» территории) якобы была проведена самими индонезийцами. Тем не менее автор вынужден признать, что «федеральное государство прекратило свое существование в тот момент, когда оно было официально учреждено» (стр. 27).

Полностью придерживаясь формально-юридического и догматического методов проф. А. Шиллер цитирует и анализирует в книге немало нормативных актов, которые остались лишь на бумаге и не были претворены в жизнь. Зато он часто умалчивает о том, что многие государственные органы, о которых он подробно пишет, или совсем не были созданы или существовали лишь номинально. Впрочем, в книге не без сожаления констатируется, что ряд федеральных органов, равно как и органов единиц, входивших в США, по существу даже не начал действовать и что «Восточная Индонезия была единственным государством, которое функционировало в полном объеме своей компетенции» (стр. 199).

Неоднократно в книге говорится о том, что до унитарной Республики Индонезии «по-видимому полезно... заимствовать из опыта послевоенной федеральной структуры» (стр. 197). Автору книги, таким образом, очевидно, неясно, что если «автономия» в США была задумана колонизаторами для разобщения различных индонезийских народностей и племен, то автономия в Индонезийской республике призвана служить укреплению национального единства.

В рецензируемой книге имеется большой, зачастую мало известный нормативный материал, встречаются отдельные интересные заявления и признания. Однако в ней отсутствуют факты, которые иллюстрировали бы деятельность государственных органов, нет характеристик политических партий, государственных и общественных деятелей. В связи с этим создается впечатление, что автор, укрывшись за юридическими абстракциями, не заметил Индонезии и ее народа.

Л. Я. Дадияни

SUMMARY

Noting that D. Woodman, a well known British author, criticizes in his book the colonial policy conducted in Indonesia by the Netherlands, Great Britain and the United States of America, the reviewer observes that the book shows the successes Indonesia has gained by pursuing an independent course, and the difficulties still before the country.

At the same time the reviewer criticizes the book about Indonesia written by A. Arthur Schiller, professor of law at Columbia University. A. Schiller, says the reviewer, is trying to prove that the federal system in Indonesia in 1945—1949 was sought by the Indonesians rather than forced upon them by the colonialists, that the federal state system fits in with the national interests of Indonesia. Analysing some of the legislative acts which had never reached the stage of implementation, and describing many state institutes which existed only formally, or had never been founded, says the reviewer, the author of the book draws the unfounded conclusion that the federal system is a boon to Indonesia, a country of strong separatist tendencies.

ЛЮТФЮ ЭРИШЧИ. История рабочего класса Турции (Краткий очерк). Стамбул, 1951.

Современная Турция — это аграрная страна со слабо развитой промышленностью. Основную массу турецкого пролетариата составляют рабочие обрабатывающей промышленности — свыше 60%, а также транспортные, сельскохозяйственные рабочие и горняки.

После второй мировой войны правящие круги Турции заключили ряд кабальных договоров с США и другими капиталистическими странами, в результате турецкая экономика оказалась в зависимом положении от иностранных, в первую очередь американских, монополий.

Вступление Турции в агрессивные блоки — НАТО и Багдадский пакт, повлекшее за собой милитаризацию экономики, привело страну к глубокому экономическому кризису. Трудящиеся массы страны, на плечи которых легло непомерно тяжелое бремя милитаризации, страдают от эксплуатации и своего политического бесправия. Пользуясь наличием постоянной, все растущей армии безработных, капиталисты снижают и без того нищенскую заработную плату. Растет абсолютное и относительное обнищание турецкого пролетариата.

Несмотря на ряд объективных факторов, ослабляющих рабочее движение (слабая концентрация пролетариата на фабриках и заводах, большой удельный вес рабочих мелких предприятий, значительный процент среди рабочих женщин и детей, неграмотность, текучесть, антирабочее законодательство), пролетариат Турции, численность которого достигла полутора миллиона человек, не прекращает борьбы за свои жизненные интересы и права.

За истекшие четыре десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эпоху во всемирной истории — эпоху пролетарских революций и национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, рабочий класс Турции проделал большой путь: он вырос количественно и качественно. Однако история турецкого пролетариата до настоящего времени изучена недостаточно. Специальная литература по этому вопросу, изданная в Турции, ограничивается в основном работами Хюсейна Авни — «История полуколониальной страны»¹

и «Первые выступления против иностранного капитала в 1908 г.»²; Юмрана Назиф Игитера — «Рабочее право в угольном бассейне»³, Хикмета Кызылджыма — «Социальное положение рабочего класса Турции»⁴, Джемиля Чалгюнера — «Сельскохозяйственные рабочие в Турции»⁵ и Орхана Туна — «Рабочий вопрос в Зонгулдаке»⁶.

Книжки указанных авторов касались только вопросов формирования и положения рабочего класса, они не освещали историю экономической и политической борьбы турецкого пролетариата. Это относится также и к большой работе французского экономиста Лёжёнисселя «Промышленный рабочий в Турции», которая была опубликована в Бейруте в 1948 г.⁷

Известный вклад в дело изучения истории рабочего движения в Турции сделали советские ученые-востоковеды. Первые работы, ознакомившие советскую общественность с рабочим и профсоюзным движением в Турции, появились в периодической печати — это статьи Х. Эйдуca⁸, Д. Кузьмина⁹, В. Гурко-Кряжина¹⁰, Ю. Цимринга¹¹ и других авторов.

В 1929 г. вышла в свет брошюра А. Шнурова «Турецкий пролетариат»¹², познававшая советского читателя со структурой рабочего класса, с его положением и классовой борьбой, а также с политикой правящих кругов Турции в рабочем вопросе. Некоторые сведения по истории борьбы турецкого пролетариата приводятся в трудах А. Ф. Миллера¹³, Б. М. Данцига¹⁴ и Е. Ф. Лудшувейта¹⁵. Положению и борьбе рабочего класса Турции посвящены две статьи А. Д. Новичева¹⁶. В 1956 г. вышла в свет книга Ю. Н. Розалиева, рассказывающая о положении промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны¹⁷. К сожалению, в этой работе не рассматривались вопросы истории рабочего и профсоюзного движения в Турции. Поэтому брошюра Лютфю Эришчи «История рабочего класса Турции», являющаяся первой попыткой в краткой форме изложить историю развития и борьбы турецкого пролетариата, представляет известный интерес.

В разделе «Период образования рабочего класса» автор показывает процесс формирования в Турции первых отрядов промышленного пролетариата. Начало этого про-

² Hüseyin Avni. 1908 de ecnebi sermayesine karşı ilk kalkınmalar. İstanbul, 1935.

³ Ümran Nazif Yigiter. Kömür Nav zafında amelo hukuku. Zonguldak, 1934.

⁴ Hikmet Kıvılcım. Türkiye işçi sınıfının sosyal varlığı (Birinci kitap). İstanbul, 1935.

⁵ Cemil Çalgüler. Türkiyede ziraat işçileri. Ankara, 1935.

⁶ Orhan Tuna. Zonguldakta işçi meselesi. İstanbul, 1943.

⁷ Le Genissel. L'ouvrier d'industrie en Turquie. Beyrouth, 1948.

⁸ Х. Эйдуca. Рабочее движение в Турции. «Красный Интернационал профсоюзов» 1921, № 8.

⁹ Д. Кузьмин. Рабочее движение в Турции. «Новый Восток», 1922, № 2.

¹⁰ В. Гурко-Кряжин. Рабочее и социалистическое движение в Турции. «Красный Интернационал профсоюзов», 1925, № 2—3.

¹¹ Ю. Цимринг. Очерки экономики и рабочего движения стран Ближнего Востока. «Красный Интернационал профсоюзов», 1927, № 4; его же. Профдвижение в современной Турции. «Красный Интернационал профсоюзов», 1928, № 7.

¹² А. Шнуров. Турецкий пролетариат. М. — Л., Госиздат, 1929.

¹³ А. Ф. Миллер. Краткая история Турции. Госполитиздат, 1948; его же. Очерки новейшей истории Турции. М. — Л., 1948.

¹⁴ Б. М. Данциг. Турция. М., 1949.

¹⁵ Е. Ф. Лудшувейт. Турция. Экономико-географический очерк. М., 1955.

¹⁶ А. Д. Новичев. Положение и борьба рабочего класса в Турции после второй мировой войны. «Ученые записки ЛГУ» вып. 4, 1954, № 179; его же. Положение и борьба промышленного пролетариата Турции в 1934—1939 гг. «Ученые записки ЛГУ», серия востоковедческих наук, вып. 6, 1956, № 195.

¹⁷ Ю. Н. Розалиев. Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны. М., Изд-во АН СССР, 1956.

¹ Hüseyin Avni. Bir yarım müstemlike oluş tarihi. İstanbul, 1932.

цесса относится к первой половине XIX в. Турецкий пролетариат в это время был представлен рабочими концессионных предприятий, принадлежавших иностранным капиталистам — английским, французским, немецким, бельгийским. Они захватили ключевые позиции в экономике Турции — железные дороги, рудники, коммунальные предприятия, банки — и превратили Турцию в свою полуколонию. Ввоз капитала и появление в Турции промышленных предприятий по обработке сырья, строительство железных дорог увеличили спрос на рабочую силу, основным поставщиком которой явилось безземельное крестьянство. Численность промышленного пролетариата, по словам автора, во второй половине XIX в. не превышала 10 тыс. чел. (стр. 3).

На основании многочисленных фактов автор в разделе «Рабочий класс в полуколониальный период страны» показывает бедственное положение турецкого пролетариата, испытывавшего под двойным гнетом — иностранного капитала и реакционного режима султана. «Рабочий день длился 16 часов, — отмечает автор, — заработная плата ... не превышала 6—7 пиастров в день, а в сельских районах была еще ниже...» (стр. 5). Автор приводит циничное признание правления Анатолийско-Багдадской железной дороги (немецкая концессия), прямо утверждавшего, что «... местный рабочий живет одним куском сухого хлеба с двумя гнилыми маслинами» (стр. 5). Не лучше были условия труда и на турецких государственных предприятиях. По словам Лютфю Эришчи, положение рабочих военных заводов было невыносимым (стр. 6). Голод и кабальная эксплуатация влекли за собой рост заболеваемости и смертности среди рабочих.

Бедственное положение турецкого пролетариата усугублялось его полным политическим бесправием — рабочие организации были строгойше запрещены (стр. 8). Однако, несмотря на свою малочисленность, отсталость и распыленность, рабочий класс Турции рано выступил на арене классовой борьбы.

В конце января 1872 г. рабочие Терсана — верфи в Стамбуле — в знак протеста против невыплаты заработной платы и невыносимых условий труда объявили забастовку. В стачке, отмечает автор, приняло участие много рабочих — мусульман и христиан. В июле 1872 г. бастовало свыше 300 рабочих обувных пошивочных мастерских в Бейкосе (пригород Стамбула), которые решительно выступили с требованием упорядочить оплату их труда.

Правительство султана Абдул Хамид II сурово расправлялось с забастовщиками. Но несмотря на жестокие преследования, рабочие Топхане (стамбульский арсенал) в 1895 г. организовали тайное Общество османских рабочих. Через год полиция удалось его раскрыть. Однако, указывает автор, рабочие не прекращали попыток создать свои организации, и роль рабочих в борьбе за свободу постепенно росла (стр. 8).

Революция 1908 г. создала в Турции известные условия для более широкого развития рабочего движения. Революционный подъем рабочих вылился в форму забастовок, направленных против султанского правительства и иностранного капитала. Только за два месяца — август и сентябрь 1908 г. — в Турции произошло около 30 забастовок (стр. 8). В стране образовались профсоюзы железнодорожников, моряков, печатников и другие. Несмотря на свою слабость, эти профсоюзы сыграли положительную роль в первом массовом выступлении турецкого пролетариата.

Рост рабочего движения в стране встревожил буржуазное младотурецкое правительство, ставшее у власти после революции 1908 г. «... правительство, — отмечает Лютфю Эришчи, — связанное с иностранными капиталистами, подавляло в крови забастовки и создавало препятствия в организации профсоюзов...» (стр. 8—9).

В результате систематических репрессий рабочее движение в Турции накануне мировой войны 1914—1918 гг. заглохло. «В первую мировую войну, — пишет Лютфю Эришчи, — османский рабочий класс вступил полностью изолированный и лишенный своих рабочих и политических организаций» (стр. 12—13).

В разделе «Рабочий класс во время национально-освободительной борьбы» автор показывает подъем рабочего движения, наступивший в период, когда турецкий народ поднялся на борьбу против интервентов Антанты, войска которых оккупировали Турцию после ее капитуляции в 1918 г.

Следует отметить, что Лютфю Эришчи обходит молчанием важнейший фактор, оказавший большое влияние на подъем революционного движения в Турции, — Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России.

Уже в начале 1919 г. в Стамбуле возродились профсоюзы. Они объединяли рабочих почти всех отраслей промышленности. Вслед за профсоюзами возникли первые политические партии турецкого пролетариата — Рабоче-крестьянская социалистическая партия Турции (1919 г.) и Коммунистическая партия Турции (1920 г.). Несмотря на то, что силы пролетариата были слабы, рабочий класс принял самое активное участие в национально-освободительном движении. «Рабочие Стамбула, — признает автор, — ...самоотверженно поддерживали движение национальной борьбы» (стр. 16).

Победа над интервентами в национально-освободительной войне 1919—1922 гг. способствовала росту классового самосознания и революционной активности турецкого пролетариата.

Об этом свидетельствует участие рабочих-представителей на Экономическом конгрессе в Измире, созванном в начале 1923 г. Однако столь важной вехе в истории рабочего класса Турции автор отводит только одну строчку, ошибочно к тому же утверждая, что турецким рабочим не удалось послать туда своих делегатов (стр. 17). Между тем известно, что на Измирском экономическом конгрессе рабочий класс Турции впервые выступил со своими политическими и экономическими требованиями: признание за рабочими права организации профсоюзов, отмена закона о запрещении забастовок, право рабочих на забастовки, объявление дня Первого мая праздником турецких рабочих, 8-часовой рабочий день для всех рабочих и 6-часовой для горняков, запрещение женского и детского труда в шахтах, предоставление рабочим обязательных еженедельного дня отдыха и месячного отпуска в году, а также с рядом требований по улучшению условий быта и труда¹⁸. Конгресс дал толчок подъему рабочего движения. После него наметилось движение в пользу объединения разрозненных профсоюзов в единую конфедерацию турецкого пролетариата. В 1923 г., указывает автор, был созван конгресс Стамбульского рабочего союза, к которому примкнули Союз рабочих Зонгулдака и Союз рабочих Балья-Карайдына, а также создана новая организация, принявшая название «Турецкий рабочий союз». Эта организация просуществовала до начала 1924 г., после чего была запрещена.

Вызывает законное недоумение определение Лютфю Эришчи этой организации как «авантюристической» (стр. 17). Известно, что Турецкий рабочий союз, или, сокращенно, «Бирлик», объединил в единую организацию 19 тыс. рабочих Стамбула (всего 32 союза), 15 тыс. зонгулдакских шахтеров и 10 тыс. горняков Балья-Карайдына, т. е. 44 тыс. рабочих — основную часть пролетариата Турции¹⁹.

Разумеется, стремление пролетариата к единению всегда вызывало и вызывает противодействие со стороны буржуазии. Еще в начале 1924 г. газета «Юманите», касаясь создания единой профсоюзной организации турецкого пролетариата, писала: «Это смелое решение испугало правительство, которое отказалось признать «Бирлик». Таким образом, тактика правительства по отношению к рабочему классу значительно изменилась после окончания войны. Правительство, обычно благосклонно относившееся к рабочим, когда это касалось вытеснения иностранцев, по отношению к рабочим объединениям ведет себя реакционно, как и все другие капиталистические правительства. Вето правительства никого не удивило»²⁰. Но несмотря на преследования, число профсоюзов рабочих Стамбула, Измира, Эдирне, Аданы, Бурсы, Эскишехира росло (стр. 18—19).

¹⁸ Izmir iktisad Kongresi Türkiye umumi emekçi grubu tarafından tesbit edilen esasat umumi. Izmir. Anadolu gazetesi matbaası. 1939. (арабский шрифт. «Общие принципы, выдвинутые всеобщей турецкой рабочей группой Измирского экономического конгресса»).

¹⁹ «L'Humanité», 1 января 1924.

²⁰ Там же.

В 1925 г. поднялась новая волна преследований и террора. Была запрещена деятельность Рабоче-крестьянской социалистической партии Турции²¹, закрыты рабочие газеты «Ишчи», «Вазифе», «Орак ве чекич» и журналы «Куртулуш» и «Айдылык» (стр. 20). Профсоюзам чинились всевозможные препятствия в их работе. В 1928 г. после забастовок рабочих Восточной железной дороги и стамбульского трамвая был положен конец деятельности последней самостоятельной организации турецкого пролетариата — «Амеле Теали Джемнети» (стр. 20). Предприниматели, пишет автор, при найме рабочих стали требовать справку «о хорошем поведении» (стр. 21).

Взамен классовых профсоюзов повсеместно насаждались так называемые правительственные «профсоюзы» типа касс взаимопомощи. Они, по словам Лютфю Эришчи, стали «новым средством мучения» для рабочих, так как вынуждали их на отчисление членских взносов из своего мизерного бюджета (стр. 21). Пролетариат Турции был лишен политических прав. Законом о труде от 8 июня 1936 г., который даже автор называет «антидемократическим и бюрократическим», полностью запрещались стачки (стр. 23).

Политический гнет сопровождался резким ухудшением экономического положения рабочих. Налоговое бремя росло, заработная плата падала, условия труда все более ухудшались. Отсутствие элементарных мер по охране труда увеличивало число несчастных случаев на производстве, количество которых, по словам Лютфю Эришчи, «... достигло угрожающих размеров» (стр. 25). Несмотря на то, что Турция не участвовала во второй мировой войне, рабочий класс за военные годы был доведен до последней грани нищеты. Даже официальные данные, отмечает автор, «... со всей очевидностью показывают ужасное положение рабочего класса во время второй мировой войны» (стр. 25—26).

Победа антигитлеровской коалиции над фашизмом вызвала в Турции новый массовый подъем среди трудящихся. Вновь стала легальной Социалистическая рабоче-крестьянская партия. В Стамбуле, Измире, Анкаре, Эскишехире, Адане, Зонгулдаке и других промышленных городах Турции стали возникать профсоюзы (стр. 29). Однако подъем рабочего движения в Турции в послевоенный период длился недолго. Турецкие власти, не ограничиваясь образованием полидейских партий и профсоюзов, возникших, по словам автора, «... в соответствии с директивами и на деньги Народно-республиканской партии», находившейся у власти до 1950 г. (стр. 29—30), перешли к репрессиям против прогрессивных сил. Руководители Социалистической рабоче-крестьянской партии и Федерации стамбульских профсоюзов были брошены в тюрьмы, а деятельность самих организаций запрещена (стр. 30). В феврале 1947 г. меджлис большинством голосов принял антирабочий «Закон о профсоюзах»²².

Описанием этого периода и заканчивается рецензируемая работа. Автор обошел молчанием движение сторонников мира в Турции, в котором после начала войны в Корее приняли участие также и передовые рабочие. Создается впечатление, что на работу Лютфю Эришчи наложила определенный отпечаток борьба между буржуазными партиями Турции — народно-республиканской и демократической — в период избирательной кампании 1950 г.

Представители оппозиционной тогда, демократической партии критиковали своих противников и, стараясь привлечь на свою сторону избирателей, вынуждены были открыто признавать тяжелое положение рабочего класса.

²¹ Коммунистическая партия Турции находится на нелегальном положении с 1922 г.

²² Закон не разрешает профсоюзам «... заниматься политикой, политической пропагандой и изданием политической литературы». Профсоюзам возбраняется также участвовать в различных международных организациях пролетариата (статья 5). «Закон о профсоюзах» категорически запрещает забастовки и предусматривает полное подчинение профсоюзов правительственным органам: «Профсоюзы находятся под контролем министерства труда...» (статья 14). Деятельность профсоюзов ограничивалась только вопросами страхования и повышения квалификации рабочих (см. «Son deęişikliklere göre İş kanunu ve bu Kanuna ilęili mevzuat» s. 168—172, Kanun N 5018).

Несмотря на указанные недостатки, брошюра Лютфю Эришчи представляет определенный интерес для изучающих историю рабочего класса в странах Востока, так как содержит ценный фактический материал.

Р. П. Корниенко

SUMMARY

The booklet under review is the first description of the poverty and oppression of the working class to appear in Turkish literature. Its author cites data illustrating the growth of the labour movement in Turkey. The facts about the position of the working class in Turkey, observes the reviewer, are highly instructive.

S. GLOETE. *The African Giant*. Boston, 1955, стр. 400

Южноафриканский писатель Стюарт Клютти, эмигрировав в США, по-видимому, не утратил интереса к Африке. Он написал несколько романов и публицистических книг, посвященных Африке. С. Клютти выдает себя за друга коренных жителей черного континента. В 1955 г. после очередного посещения Африки он опубликовал новую книгу — «Африканский гигант».

В наши дни об Африке пишут много и по-разному. Причины столь пристального внимания, проявляющегося к странам, еще недавно почти неизвестным, понятны. Африка сейчас — последний оплот колониализма, арена напряженной освободительной борьбы. Это понимают не только прогрессивные, но и реакционные авторы, о чем свидетельствуют даже названия недавно вышедших книг: «Возникающая Африка», «Борьба за Африку», «Африка, Африка! Континент поднимается на ноги», «Африканская смута», «Перед африканской бурей», «Африканское пробуждение», «Должны ли мы потерять Африку»¹.

Из десятков книг и сотен статей об Африке новая книга С. Клютти, известного писателя и признанного в США эксперта по африканским проблемам, выделяется откровенностью суждений о междоусобице в Африке южнее Сахары. Автор открыто высказывает ту общую для большинства западноевропейских и американских авторов точку зрения на развитие событий в африканских колониях, которую другие стараются тщательно прикрыть либеральной фразой.

С. Клютти вместе с женой побывал в Южно-Африканском Союзе, в Родезиях, Нигерии, на Золотом Береге, в Либерии, Бельгийском Конго и Кении. По словам С. Клютти, он путешествовал в основном ради развлечения: «Нашей целью было поехать, освежить впечатления, поискать приключений...» И действительно, на первый взгляд книга кажется обычным туристским отчетом, изобилующим описаниями экзотической природы, редких животных, удивительных кушаний и диких обычаев жителей тропических лесов. Однако у автора была и другая задача. Она сформулирована им в предисловии: «Выяснить суть расового брожения в Африке. Насколько способен черный человек? Чего достиг белый человек? Какова картина сегодня? Какой она будет завтра?» (стр. 1).

Поэтому мы оставим в стороне описание красот природы и неизменные «пикантные подробности», без которых на Западе не обходится ни одна книга об Африке.

¹ M. Macmillan. *Africa emergent*. London, 1949; V. Bartlett. *Struggle for Africa*. New York, 1953; D. Kartun. *Africa, Africa! A continent rises to its feet*. London, 1954; I. MacDougall. *African Turmoil*. London, 1954; J. Cookson. *Before the African Storm*. New York, 1954; B. Davidson. *African Awakening*. London, 1955; C. Legum. *Must We Lose Africa?*. London, 1955.

Посмотрим, как С. Ключи расценивает нынешнее состояние африканского общества. Высказывания С. Ключи красноречиво говорят сами за себя.

Прежде всего бросается в глаза, что С. Ключи сосредоточивает внимание на английских колониях Западной Африки и лишь мимоходом упоминает о некоторых достопримечательностях Южно-Африканского Союза и Родезий, скороговоркой перечислив проблемы этих стран. Интерес автора к Нигерии и Золотому Берегу не случаен: народы этих стран ближе, чем другие, к восстановлению своего суверенитета. (Книга была написана до образования государства Гана. — *Ред.*) С. Ключи старается показать, что они якобы не готовы к самоуправлению. Предвиди возражения читателей, хорошо знающих, что у народов Западной Африки еще в конце прошлого века были свои независимые государства, автор решается опровергнуть исторические факты. До прихода европейцев, уверяет он, в Африке южнее Сахары царил кровавый хаос. И далее: «именно затем англичане пришли в Нигерию, чтобы прекратить истребление людей» (стр. 63); «именно белый человек положил конец работорговле, которую начали не белые, а черные, и которую, если бы было возможно, они еще продолжали» (стр. 237).

В наши задачи сейчас не входит излагать историю вторжения европейцев в Африку, историю работорговли, историю разгрома и разграбления древних центров африканской культуры. Следует лишь подчеркнуть, что у африканцев есть все оснований говорить, что на черном континенте нет ничего чернее дел белого человека. Но С. Ключи предпочитает излагать историю африканских территорий в традиционном-колониальном духе, упорно повторяя ложь о цивилизаторском «бремени белого человека».

С. Ключи старательно избегает упоминаний о вкладе народов Африки в мировую культуру: читая его книгу, можно подумать, что у африканцев не было и нет никаких культурных традиций, для него не существует ни египетских пирамид, ни скульптуры Судана и Конго, ни негритянской музыки. Памятники древних цивилизаций, обнаруженные в Африке южнее Сахары, он считает творением каких-то неведомых пришельцев.

Общаясь во время путешествия С. Ключи главным образом с представителями власти. И ясно, что из бесед с ними, а не из личных наблюдений, С. Ключи делает вывод, что только европейцы заботятся о развитии и процветании африканских стран, сами же африканцы работать не хотят. Продолжая эту мысль, С. Ключи через несколько страниц заключает: «Если белый человек уйдет, африканец останется жить, но выживут и станут первыми наименее просвещенные. Миллионы умрут от голода, а также в межплеменных войнах, которые начнутся сразу. Без европейских специалистов, без торговли с Европой и Америкой все признаки цивилизации исчезнут. Ржавчина съест машины, джунгли поглотят дома, а дороги снова превратятся в лесные тропинки. Без европейца африканец пропадет» (стр. 286).

Автор приводит разговор с генерал-губернатором Бельгийского Конго. На вопрос С. Ключи, что стало бы с освоенными районами, если бы ушли европейцы, губернатор ответил: «Сюда вернется лес». С. Ключи с восторгом подхватывает: «Это классический ответ для всего континента. Другого ответа нет» (стр. 269). Действительно, от чиновников колониальной администрации другого ответа не дождешься. Но вот если бы Ключи хотел быть объективным и задал свой вопрос хотя бы тем африканским лидерам, с которыми ему иногда приходилось беседовать, то можно не сомневаться, что он получил бы достойный ответ.

В разговорах с африканцами автор совсем не касается этой темы, делая вид, что свободен от расовых предрассудков. Так, в беседе с премьер-министром Золотого Берега С. Ключи заявил: «Я предпочитаю образованных людей с достатком бедным и необразованным людям — без различия цвета кожи» (стр. 221). В самой же книге он высказывается совсем в ином духе: «Белые расы в целом являются высшими, правда, это, может быть, объясняется более благоприятными условиями. И все же до тех пор, пока положение выправится, превосходство белых должно сохраняться» (стр. 382).

Пытаясь заставить читателя поверить в необходимость сохранения «превосходства белых», автор с помощью произвольного подбора фактов берется доказать, что корен-

ные жители Африки не могут жить и работать самостоятельно. «Они, — пишет С. Ключи, — оказались способными на любую работу при наличии руководства и помощи белых. Однако без этого, как я убедился, они оказывались в течение длительного времени неспособными ни на какую работу, особенно когда дело доходит до организации, управления или финансового дела» (стр. 372). Короче говоря, С. Ключи убежден, что «назор белых остается необходимым» (стр. 291).

Подобные рассуждения, разумеется, абсурдны. Во всех африканских странах, особенно в Западной Африке, образовалась своя национальная буржуазия, занимающаяся самостоятельным предпринимательством, выделилась уже значительная прослойка интеллигенции, освоившая богатства общечеловеческой культуры, несущая знания своим соотечественникам и в ряде мест возглавившая борьбу народных масс против колониализма.

С. Ключи намеренно сеет недоверие к африканской интеллигенции. Нетрудно догадаться, чего добивается автор. Ему во что бы то ни стало нужно доказать, что африканцам, даже имеющим высшее образование, нельзя доверять руководство страной, что для этой роли годятся только европейцы. В конце книги так и сказано: «На ближайшее время прогресс Африки и африканца будет зависеть от руководства, администрации и обучения со стороны белых» (стр. 380).

Просвещение, пытается убедить С. Ключи читателя, несколько не меняет африканца. При первом удобном случае современный африканский интеллигент вместе с одеждой сбросит с себя тонкий налет цивилизации и вернется к племенному образу жизни. С. Ключи утверждает даже, что население африканских колоний якобы не только не идет вперед, но «теряет собственное умение и не обучается мастерству белого человека, т. е. фактически деградирует» (стр. 261). Игнорируя распространение в среде африканского населения освободительных идей, он с наигранным отчаянием утверждает, будто в Африке южнее Сахары безраздельно господствуют невежество, темные предрассудки и пережитки старого уклада. Как бы резюмируя свои суждения о духовном облике современного африканца, автор пишет: «Африканец, вероятно, находится в состоянии психического атакизма» (стр. 376).

Поскольку С. Ключи делает вид, что весьма озабочен созданной его воображением «беспросветной картиной» (стр. 370), естественно было бы предположить, что он выступит за скорейшее расширение системы народного образования в Африке южнее Сахары. Ему, конечно, известно, что просвещение африканского населения поставлено крайне неудовлетворительно, что до 9/10 начальных школ принадлежат религиозным миссиям, подменяющим обучение душевспасительными беседами, что средних школ не хватает и что высших учебных заведений в большинстве африканских стран совсем нет. Но это автора не беспокоит. Он предлагает не спешить с просвещением коренного населения. Политику властей Бельгийского Конго, которые сдерживают духовное развитие местного населения, он считает образцовой. «Бельгийцы действуют очень логично, — пишет он, — они полагают, что было бы ошибкой обучать своих африканских подданных бегать, прежде чем они научатся ходить» (стр. 241). Образование, как полагает С. Ключи, подчас просто опасно. Он, например, замечает по поводу миссионерских школ: «Вполне возможно, что, не отдавая себе отчета, миссионеры со своими школами и своим обучением сделали не меньше, чем марксисты, для развешивания беспорядков» (стр. 379). Это же опасение он высказывает и по поводу посылки африканских юношей в университеты за границу. «Наверное было величайшей ошибкой, — пишет С. Ключи, — посылать африканцев в Европу и Америку для продолжения обучения. В наших больших городах они встречались с коммунистами, которые заразили их своей идеологией» (стр. 380).

Тем не менее автор не решается отрицать всеобщего стремления самих африканцев к повышению своего культурного уровня. «Величайшей стала страсть к образованию, к политике, к прогрессу», — пишет С. Ключи, но тут же добавляет: «Мне кажется, одной чертой и материального и социального прогресса явилась своего рода истерическая спешка; оба вида прогресса прекрасны, но оба не имеют достаточного основания» (стр. 238).

С. Ключи считает, что просвещение не приносит непосредственной пользы африканским странам. Для развития этих стран нужны прежде всего «капиталы и технический опыт белых» (стр. 243). Африканцы же должны поставлять дешевую рабочую силу на рудники и плантации иностранных предпринимателей. «Богатства, в лесах и горах несметны, но их не будут добывать из-под земли просвещенные интеллигенты и более или менее грамотные люди, которые отказываются брать в руки какой-либо инструмент тяжелее карандаша. Промышленность должна предшествовать культуре, тяжелый труд должен предварять политику» (стр. 238). Автор, несомненно, понимает, что европейские и американские монополии вкладывают свои капиталы, разрабатывают залежи полезных ископаемых и заводят плантации вовсе не во имя альтруизма, а во имя собственных барышей. Но он находит оправдание и для разграбления колонизаторами природных богатств Африки и для эксплуатации ими коренных жителей. «Эксплуатация, — пишет он, — конечно есть. Эксплуатация, выражаясь иначе, означает прибыль, а если нет прибыли, не будет и развития» (стр. 302). Таким образом, С. Ключи предлагает африканцам примириться с участием колониальных рабов.

Суть рассуждений С. Ключи ясна. Понятно, чей социальный заказ он выполняет. В дни всеобщего подъема освободительной борьбы в африканских колониях монополистическим кругам Европы и Америки как нельзя кстати аргументы С. Ключи в защиту колониализма.

Империалистическим кругам на руку и безапелляционное заявление С. Ключи о том, что у жителей африканских стран нет сознания общности интересов, поскольку, как он пишет, в Африке «по меньшей мере две тысячи (!) языковых групп, причем каждая имеет такие различия, которые заставляют ее ненавидеть всех инородцев» (стр. 118). Автор сознательно преувеличивает этно-лингвистическую дробность населения Африки: ни один из известных специалистов по африканским языкам не называл более двухсот групп. Это преувеличение издавна практикуется и колониальными властями в целях подрыва солидарности африканцев как в масштабе континента, так и в отдельных странах. Правда, в одном месте, снова подчеркивая исключительную пестроту этнического состава, С. Ключи все же признает, что у африканцев есть одно общее стремление: «Почти наверняка нет и двух племен, имеющих на что-либо одинаковые воззрения, за исключением желания избавиться от белого человека» (стр. 237).

И совершенно нелепо звучит после этого его утверждение, будто поработанные народы не хотят освобождения. «Несмотря на их крики о свободе, — пишет он, — большинство туземцев не доверяют друг другу и не желают ухода белого человека» (стр. 153). В другом месте книги, говоря о Северной Нигерии, С. Ключи сообщает: «Насколько я мог видеть, нигде на севере нет желания, чтобы англичане немедленно ушли. Все говорят: „Мы еще не готовы, вы должны нас еще поучить“» (стр. 93). Колониальным властям осталось лишь поблагодарить С. Ключи за поддержку в трудное для них время борьбы против национально-освободительного движения.

В угоду все тем же империалистическим кругам автор трактует национально-освободительное движение как стремление возвратиться к старому образу жизни. Одной из таких попыток вернуться к прежним временам автор считает и недавние массовые выступления народа кикуйю в Кении, названные движением мау-мау: «Мау-мау, — пишет он, — явилось могучим проявлением желания идти назад в прошлое» (стр. 9). Таким образом, карательные экспедиции английских войск против безоружных кикуйю С. Ключи изображает как прогрессивный акт. Между прочим он считает, что действия карателей должны быть более решительными, потому что «почти вся черная Африка следит за Кенией с интересом и одобрением» (стр. 330), а также потому, что «гражданская война и восстание кикуйю, явившиеся частью общеафриканских волнений, ставят под угрозу базы в Африке и источники сырья» (стр. 366).

В книге С. Ключи не обошлось и без вздорных вымыслов о том, что волнения в африканских странах вызывают и организуют иностранные коммунисты.

Подводя итоги своим суждениям, автор заявляет, что никакого «африканского гиганта», да еще «сбрасывающего цепи», не существует (стр. 368). Есть лишь темная

разноплеменная масса, не имеющая ни своей собственной истории, ни перспектив для самостоятельного развития. После такого заключения курьезно звучит следующее замечание автора: «Трудно писать так, как я пишу, и все же утверждать, как я утверждаю, что я являюсь другом африканцев, но... я думаю, многие африканцы согласятся со многим из того, что я написал» (стр. 239).

Напрасно мистер Ключи надеется: африканцы сумеют разобраться не только в том, что его расистские высказывания целиком расходятся с истиной, но и в том, что его книга, замаскированная под отчет туриста, написана по социальному заказу империалистических кругов, которые тщетно пытаются спасти колониализм от окончательного разгрома.

Л. Д. Яблочков

SUMMARY

The reviewer finds that S. Cloete's «African Giant», though it is written in the form of a travel book, has a definite political bias. It contains numerous aspersions on the African peoples. Allegations about their hopeless backwardness and absolute inability to manage their own affairs without the help of Europeans, are clearly intended to justify the «necessity» of colonial administration and to defame the national liberation movements which are now gaining strength in Africa.

ХРОНИКА

ПЕРВАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВОСТОКОВЕДОВ

(4—11 июня 1956 г.)

В начале июня в Ташкенте проходила Первая Всесоюзная конференция востоковедов. На пленарных заседаниях конференции были заслушаны доклады директора Института востоковедения АН СССР, академика Тадж. АН ССР Б. Г. Гафурова «О перспективах развития советского востоковедения», чл.-корр. АН СССР Е. М. Жукова «Распад колониальной системы» и ряд других докладов востоковедов из республик Средней Азии и Закавказья.

Созданные на конференции секции рассмотрели проблемы истории народов Советского Востока, исторических, экономических и культурных связей народов Востока национально-освободительной борьбы, древней и средневековой истории, археологии, этнографии, литературы, восточных языков, рукописного наследия народов Востока.

На заключительном пленарном заседании конференции с большой речью выступил кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Н. А. Мухитдинов. Речь Н. А. Мухитдинова будет опубликована в № 5 журнала «Советское востоковедение».

В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

27 мая 1957 г. на заседании Ученого совета Института было утверждено к печати 14 научных работ на следующие темы: «Экономическая экспансия американского империализма в Саудовской Аравии» (И. П. Беляев); «Положение египетского крестьянства перед переворотом 1952 г.» (А. Ф. Султанов); «Рабочее движение на Филиппинах» (Г. И. Левинсон); «Очерки общественных отношений в государстве Надир Шаха Афшара» (К. З. Ашрафи и М. Р. Арунова); «Древнеиндийский город Таксила» (Г. Ф. Ильин); «Возникновение и развитие современной художественной прозы на пушту в Афганистане» (Г. Ф. Гирс); «Грамматическая структура арабского языка (курс арабской грамматики на сравнительной языковой основе)» (Б. Н. Гранде); «Библиография Турции» (Т. П. Черман и А. К. Сверчевская); «Рубайят Омар Хайяма» (Р. А. Алиев и Н. М. Османов). «Сборник по странам Юго-Восточной Азии»; «Современная Турция» (справочник); «Сборник, посвященный 100-летию народного восстания в Индии (1857—1859 гг.)»; «Вопросы истории и экономики Африки южнее Сахары»; «Сборник статей по японской лингвистике».

Ученый совет утвердил также план своей работы на май — декабрь 1957 г., включающий научные сессии, посвященные 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, столетию народного восстания в Индии (1857—1859 гг.); кроме того, будет проведена дискуссия на тему «О характере госкапитализма в странах Востока, вставших на путь независимости».

20 мая с. г. Институт посетила гостившая в Советском Союзе по приглашению Министерства культуры СССР делегация деятелей культуры и искусства Афганистана во главе с известным афганским писателем и ученым, Президентом Афганской академии «Пушту Толина» Гуль Пача Ульфатом.

Директор Института Б. Г. Гафуров познакомил гостей с характером деятельности Института и, в частности, сектора Афганистана. Гости проявили живой интерес к работам сотрудников Института, особенно в области афганской филологии.

* * *

22 и 23 мая 1957 г. в Институте проходила научная конференция, посвященная теме «Основные черты кризиса и распада колониальной системы на современном этапе». С докладом выступила д-р эк. наук В. Я. Васильева. В прениях участвовало 18 человек. Конференция подвела итоги конференциям на соответствующие темы, проходившим в отделах Института. На этих конференциях выступило в общей сложности около 50 научных сотрудников.

* * *

В 1956—1957 гг. заметно расширились научные связи советских востоковедов со странами Востока, наметилось деловое сотрудничество с отдельными учеными и научными учреждениями этих стран. Группа научных сотрудников Института во главе с д-ром ист. наук А. М. Дьяковым и канд. ист. наук В. В. Балабушевичем посетила Индию. Ученые ознакомились с фондами крупнейших публичных библиотек страны и собрали ценный материал для своих работ. Весьма полезным было знакомство с деятельностью научно-исследовательских учреждений и отдельных ученых. В. В. Балабушевич и Э. Н. Комаров присутствовали на годичной сессии конгресса историков Индии, а Г. Г. Котовский и П. Т. Растяпников — на годичной конференции Всендийского общества сельскохозяйственной экономики.

Национальная библиотека в Калькутте подарила советским ученым двенадцатитомный печатный каталог литературы, хранящейся в этой библиотеке. Ряд индийских ученых изъявили согласие сотрудничать с советскими индологами в издании сборника, посвященного столетию национального антианглийского восстания 1857—1859 гг., и передали советской делегации рукописи своих статей.

* * *

Весьма плодотворной была командировка научного сотрудника Института А. Н. Узянова и научного сотрудника Института этнографии Г. Г. Стратановича в Бирманский Союз. Советские ученые собрали богатый этнографический материал, ознакомились с сельскохозяйственными и промышленными кооперативами, с промышленными предприятиями, научными учреждениями, установили личный контакт с деятелями науки и культуры. А. Н. Узянов и Г. Стратанович условились, по поручению Президиума АН СССР, о сотрудничестве с бирманскими учеными в подготовке и издании в Москве коллективного юбилейного сборника «Бирманскому союзу 10 лет». При Рангунском университете создан специальный комитет для подбора авторов и обсуждения статей для этого сборника. Председателем комитета является проректор университета по научной части проф. У По Та. Уже получено согласие нескольких бирманских ученых написать для сборника статьи по географии и этнографии Бирмы, литературе и искусству бирманского народа, об административном устройстве Бирманского Союза и научной работе в независимой Бирме.

* * *

В течение года сотрудники Института С. А. Мхитарян и Т. Т. Мхитарян находились в научной командировке в Китайской Народной Республике и Демократической Республике Вьетнам. В течение трех месяцев они изучали вьетнамский язык на Вьетнамском отделении Пекинского университета и продолжали его изучение в Ханое, собирали в архивах и библиотеках ДРВ материалы для своих монографических исследований.

Т. Т. и С. А. Мхитарян ознакомились с бытом народа, памятниками культуры, научными учреждениями страны, установили личный контакт с историками и филологами ДРВ.

10 мая 1957 г. состоялось очередное заседание Российского палестинского общества при АН СССР с участием ученых-востоковедов, аспирантов и студентов Института востоковедения АН СССР, Московского университета и других научных и учебных институтов.

Были заслушаны и обсуждены доклады д-ра ист. наук М. А. Коростовцева «Порфирий Успенский», канд. филол. наук К. Б. Старковой — «Устав Кумранской общины (из материалов находок у Мертвого моря)» и сообщение члена Российского палестинского общества С. П. Потоцкого «Серебряная монета Антиоха Епифана IV из клада монет на Украине».

Выступавшие В. В. Струве, М. А. Коростовцев и Н. В. Пигулевская отметили тщательность произведенного С. П. Потоцким исследования, правильность характеристики эпохи Антиоха Епифана IV и самого царя Антиоха.

В прениях по другим докладам выступили акад. В. В. Струве, члены-корреспонденты АН СССР Н. В. Пигулевская, С. П. Толстов, проф. В. И. Авдиев, которые отметили большую научную ценность проведенных докладчиками исследований и сделали ряд дополнений и замечаний.

С марта 1957 г. в Отделе Африки работает семинар «Кризис колониальной системы в Африке». Члены семинара — сотрудники отдела — выступают с докладами по определенному району Африки, освещая вопросы: особенности экономического развития стран Африки после второй мировой войны; формирование новых социальных сил; изменение роли феодальной верхушки в политической жизни страны; образование национальных и классовых организаций; основные события национально-освободительной борьбы после второй мировой войны и т. д.

В отделе стран Ближнего и Среднего Востока (секторы Турции, Ирана, Афганистана) проходила в марте — апреле научная конференция на тему «К вопросу о развитии государственного капитализма в странах Востока». С докладами выступили Б. М. Дандиг и Г. Н. Ильинский.

В мае — июне в Отделе Дальнего Востока (секторы Кореи и Монголии) состоялась научная конференция об особенностях развития народно-демократических стран Востока в переходный период. Доклад на эту тему сделал И. Я. Златкин.

12 февраля на заседании сектора экономики Индии состоялось обсуждение тезисов Р. А. Ульяновского «К вопросу о государственном капитализме в Индии».

В ИНСТИТУТЕ КИТАЕВЕДЕНИЯ АН СССР

Группа научных сотрудников Института (Л. И. Думан, Б. К. Пашков, И. М. Ошанин, Л. З. Эйслин и Н. В. Солищева) в 1957 г. были в научной командировке в Китайской Народной Республике.

Они ознакомились, в частности, с архивными материалами Центрального пекинского архива и частично описали (Б. К. Пашков) материалы по русско-китайским отношениям на маньчжурском, китайском и русском языках, а также ознакомились с книгохранилищами дворцов маньчжурских императоров.

Советские и китайские ученые обсудили и одобрили представленный советской делегацией проект совместного пятилетнего изучения архивных материалов по русско-китайским отношениям, причем в проект были внесены некоторые изменения. Китайские ученые предложили, в частности, издать в 1960 г. на русском и китайском языках единый общий сборник архивных материалов по истории русско-китайских отношений за период XVII в. — первая четверть XVIII в.

На Ученом совете был обсужден и одобрен перспективный план изданий Института на 1958—1960 гг. Планом предусмотрено издать 65 работ общим объемом около 1200 листов, в том числе по истории 17, экономике — 12, литературе — 12, публикаций исторических памятников и переводов — 15 листов. Основная часть намеченного плана должна быть выполнена научными сотрудниками Института в порядке планового задания.

ТАДЖИКСКАЯ И ТАТАРСКАЯ ДЕКАДЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

(Сталинабад). В связи с декадой таджикской литературы и искусства АН Таджикской ССР опубликован ряд монографий по истории таджикской культуры, в том числе А. Мирзоева «Бионо», перевод книги Иби-Слима «Дониш-нома», Н. Нурджанова «Таджикский народный театр» и другие.

С 24 мая по 4 июня 1957 г. в Москве проходила декада татарской литературы и искусства.

В различных издательствах Москвы и Казани к декаде было издано много книг на татарском и русском языках. Среди вышедших книг на татарском языке — произведения основоположника татарской литературы Г. Тукая (в четырех томах), выдающегося писателя Г. Ибрагимова, одного из основателей татарской советской прозы (в трех томах), и трехтомное издание стихотворений поэта-героя Мусы Джалиля. Произведения этих писателей изданы также отдельными книгами и на русском языке.

Большим достижением татарского литературоведения является издание «Антологии татарской поэзии» на татарском и русском языках, где представлены лучшие образцы поэтического творчества, начиная с XIII в. (поэма Гали «Юсуф и Зулейха» 1203 г.) до наших дней. Изданы произведения классиков дооктябрьской и советской литературы: ученого и просветителя К. Насыри, писателя-революционера Г. Кулахметова, драматургов Г. Камалы, М. Файзи и К. Тенчуринна, поэта Х. Такташа, прозаиков М. Гафури и Ш. Камала.

Вышли в свет также сборники стихов талантливых поэтов-фронтовиков, погибших в Великую Отечественную войну, — Ф. Карима, Г. Кутуя, Н. Баяна, и многочисленные произведения современных татарских прозаиков и поэтов — К. Наджми, Г. Баширова, А. Файзи, А. Абсалимова, С. Хакимова и других.

Многое сделано за последние годы татарскими литературоведами, фольклористами и критиками. Устное творчество народа представлено сборником «Татарское народное творчество», «Татарские народные сказки» и «Народ поет» (сборник песен). Большой интерес представляет сборник «Русское народное поэтическое творчество в Татарской АССР».

Исследованию дореволюционной татарской литературы посвящены книги М. Гайнуллина и Дж. Вазеевой «Татарская литература XX века» (в двух томах), Г. Халита «Габдулла Тукай и татарское литературное движение начала XX века», М. Гайнуллина «Каюм Насыри и просветительское движение среди татар». Изданы также монографии о жизни и творчестве советских татарских писателей.

Следует отметить, что к декаде были опубликованы и капитальные труды историков и искусствоведов Татарии: «История Татарской АССР», т. I; «Татарский народный орнамент»; историческая монография Н. Ф. Калининна «Казань»; сборник «Композиторы советского Татарстана» и ряд небольших работ о жизни и творчестве татарских композиторов и артистов (С. Сайдашева, В. Насретдинова, Г. Болгарской и т. д.).

ЗАРУБЕЖНАЯ ХРОНИКА

20 и 21 мая 1957 г. в г. Улан-Баторе проходил II съезд Общества монголо-советской дружбы. В работе съезда приняли участие руководители Монгольской Народно-Революционной партии и правительства Монгольской Народной Республики.

Съезд обсудил организационные вопросы, принял новый устав Общества монголо-советской дружбы и избрал Центральный совет общества в составе 67 человек.

22 мая 1957 г. общественность Монгольской Народной Республики отметила десятилетие со дня основания Общества монголо-советской дружбы. На состоявшемся в Улан-Баторе торжественном заседании выступил первый заместитель Председателя Совета министров МНР Б. Ширендыб с докладом «Нерушимая дружба с Советским Союзом — величайшее завоевание монгольского народа».

* * *

22 мая 1957 г. скончался в Кабуле в возрасте 50 лет видный афганский писатель, член Афганской Академии «Пушту толина» Мухаммед Захир. С февраля 1957 г. Мухаммед Захир был профессором афганского языка в Среднеазиатском государственном университете им. В. И. Ленина в Ташкенте.

Мухаммед Захир написал ряд учебников на пушту для афганских школ; а также ряд работ по языку пушту и литературе.

* * *

В мае 1957 г. в Токио открылась вторая конференция ориенталистов. На конференции, кроме японских ученых, участвовали ученые-востоковеды из 14 стран Азии, Европы и Америки; в числе их чл.-корр. Академии наук Советского Союза А. А. Губер. Ученые выступили с докладами на научные темы в области истории, литературы и языков народов Востока.

* * *

В японском городке Нитака, близ Токио, завершено строительство здания Библиотеки Азиатской культуры, в которой будет храниться около 70 тыс. томов книг, полученных из различных стран Азии. Книжный фонд библиотеки включает библиотеку Го Мо-жо, которая состоит из 1500 книг, подаренных известным китайским писателем и ученым, а также 10 тыс. томов книг, полученных из Китая, и 5 тыс. томов, поступивших из Индии. Газета «Майиници» пишет, что, помимо библиотеки, в Нитака будут также созданы институт и школа азиатской культуры.

* * *

Лингвисты Корейской Народно-Демократической Республики начали борьбу за чистоту и стандартизацию корейского языка. Ученые-лингвисты Академии наук КНДР совместно с редколлегиями ряда газет и журналов проводят беседы с работниками печати. Участники бесед отмечают, что в газетах и журналах часто встречаются слова иностранного происхождения, мало доступные и чуждые народу. Было внесено предложение пересмотреть коммерческую и техническую терминологию.

Предполагается организовать беседы и лекции для рабочих, крестьян и интеллигенции о борьбе за чистоту родного языка. Журнал «Чосон ому» — орган Института языка и литературы Академии наук КНДР — будет систематически публиковать поступающие предложения на специальных полосах «За чистоту и стандартизацию нашего языка».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ОБ ОДНОМ НЕУДАЧНОМ ИЗДАНИИ ПЕРЕВОДОВ ВОСТОЧНОГО
ФОЛЬКЛОРА*

Укрепление традиционных советско-афганских отношений и расширение культурных связей вызывают у советских читателей все больший интерес к истории, культуре и литературе дружественного афганского народа. Между тем до недавнего времени у нас почти совсем не издавались на русском языке произведения афганских писателей и афганского фольклора. Поэтому необходимо поддержать инициативу Издательства художественной литературы, предпринявшего в последнее время издание произведений восточной литературы и фольклора, в том числе сборника «Афганские сказки».

Перед составителем, переводчиками и редакторами стояла серьезная и ответственная задача по отбору, переводу и редактированию материала. Необходимо было прежде всего отобрать наиболее оригинальные фольклорные произведения, содержащие то особенное и самобытное, что отличает народное творчество афганцев от фольклора других народов. Наиболее удачным с этой точки зрения следует признать помещение в первой части сборника нескольких афганских легенд. Оригинальность этих легенд доказывается не только встречающимися в них описаниями деталей быта, обычаев, хозяйственного уклада и природной среды, окружавшей афганцев. В легендах, как правило, называются также определенные афганские племена и роды (юсуфзап, барецап и т. д.), конкретные, издревле населенные афганцами местности (районы вблизи Кандагара и Пешавара), откуда происходят герои легенд. Часто указывается и время действия. И, наконец, герои легенд (Фатех-хан Барецап, могольский правитель Шамсуддин и др.), по мнению исследователей¹, являются историческими личностями².

Некоторые сомнения вызывает оригинальность сказки «Мард и Намард» (Честный и Нечестный)³, являющейся вариантом широко распространенной сказки о благородном и подлеце⁴. Однако отдельные особенности в деталях изложения сюжета позво-

* «Афганские сказки». Пер. с афган. З. Калининной, К. Лебедева, Ю. Семенова. Сост. К. Лебедев. Предисл. Ю. Семенова, М., Гослитиздат, 1955, 155 стр.

¹ См. М. Г. Асланов. Афганский фольклор (канд. дисс.). М., 1944—1945, стр. 9—10; его же. Афганский фольклор и его изучение в СССР. Труды Московского института востоковедения, № 5, 1948, стр. 341—348.

² Поэтому особенно досадно, когда переводчики легенд небрежно относятся к подобным ценным указаниям оригинала. Так, не переведено название племени (юсуфзап), откуда происходят герои одной из легенд, — Адам-хан и Дурханий, и т. д. В легенде о Фатех-хане известен город Афганистана Кала-Бис (Калайи-Бист) назван «дворцом Калабис» (стр. 93), а монгольское племя гаварл почему-то спутано со словом «гяур» т. е. «неверный» (стр. 102).

³ В предисловии к сборнику слова «Мард» и «Намард» неправильно переведены как «правда, добро» и «неправда, зло».

⁴ В комментариях Н. П. Андреева к русским вариантам этой сказки указывается, что «варианты сказки известны по всей Европе, на Кавказе, в Средней Азии, в Индии».

лят, быть может, признать за этим афганским вариантом право на самостоятельное существование. Вопрос этот еще нуждается в окончательном решении. Что же касается всей второй части сборника, содержащей сатирические басни, притчи и анекдоты, так называемые хикайаты, то включение ее является, на наш взгляд, совершенно неоправданным. Распространенные решительно во всех странах Востока и передаваемые веками из уст в уста, часто без каких-либо существенных изменений, эти анекдоты и басни никак не могут считаться оригинальными произведениями афганского народного творчества. Так, помещенную в сборнике притчу о тигре и зайчике мы встречаем в древнеиндийском сборнике «Панчатантра» (первые века нашей эры) и в его арабском варианте «Калила и Димна». Анекдот о находчивом рыбаков приводит еще таджикским поэтом XV в. Джами⁵. Другие семь хикайатов из числа помещенных в сборнике, несмотря на вольности, допущенные переводчиками, почти дословно воспроизводят анекдоты из сборника «Индийские сказки», незадолго до этого выпущенного тем же Издательством художественной литературы⁶.

Далее перед переводчиками стояла задача — не только возможно более точно передать текст оригинала, но также сохранить и донести до читателя художественные особенности афганской сказки. Как правило, для афганской сказки или легенды (как и для сказок большинства других народов) характерна своеобразная лаконичность языка, отсутствие излишнего украшения. Нет здесь ни живописных пейзажных полотен, ни пространного описания переживаний героев. Но в то же время язык сказки необычайно образен и выразителен, насыщен идиоматическими оборотами. И этим языком сказка повествует о больших человеческих чувствах. При этом широко используется включение в ткань легенды стихотворных обращений — песен, так называемых наре. Они обычно состоят из одного двустишия. Наконец, в афганских легендах и сказках, как и в сказках других народов, имеются свои традиционные зачины, концовки, обращения к слушателю, например, «короче говоря», «не стану забивать тебе голову» и т. д.⁷ Все это должно было найти отражение в переводе.

Для того чтобы читатель получил представление о том, как справились переводчики со своей задачей, сравним для примера следующий отрывок из сборника с тем, что в действительности написано в оригинале.

В оригинале (стр. 47)

Однажды Шахо подумала: «Дай-ка я взберусь на это дерево, посмотрю вокруг, не увижу ли кого?» (Это было то самое дерево, в стволе которого находилось ее ложе.)

Взобралась, а перед замком проходит караван. Она долго смотрела на тот караван. Караван прошел, Далия нет. И разлила она свою сердечную боль в песне:

«Как сидела я с подружками,
Изломала я серёжечку свою.

В сборнике (стр. 77)

Однажды Шахо забралась на иву — посмотреть, где прятался ее возлюбленный. Она забиралась все выше и выше по стволу могучего дерева, и, наконец, ее взгляду открылась неведомая прекрасная картина: вдали, сколько глаз хватало, расстилалась долина. Края ее терялись в синей дымке. А еще дальше, совсем вдалеке, громоздились горы, вознося к небесам снежные вершины. Кивая головками заходящему солнцу, гордо шли по долине верблюды. Долго смот-

и на Цейлоне, в Коре, в Персии, в Аравии, в Африке и на Мадагаскаре. Древнейшим целостным текстом является еврейский текст, известный по рукописи XII века. (но возводимый к X и даже предположительно к V в. н. э.). (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. I, Academia, 1936, стр. 585).

⁵ См. рецензию Д. Климовича в «VOKS bulletin», №6. Moscow, June 1956, p. 56.

⁶ «Индийские сказки». Гослитиздат. М., 1955, стр. 82, 84, 87—88, 100—101, 102, 106; ср. в рецензируемом сборнике соответственно стр. 125—126, 148, 127, 137, 128, 119, 143.

⁷ Подробнее о художественных особенностях афганской сказки см. в упомянутой кандидатской диссертации М. Г. Асланова.

Ко другим пришли возлюбленные,
Где же милый мой, в каком краю?»

Снова Шахо спустилась вниз⁸.

рела Шахо вслед каравану, грустно думая, что, может, кто-нибудь из погонщиков увидит ее любимого.

Спустилась Шахо с дерева вся в слезах.

Как видим, в текст сказки включена неизвестно откуда и зачем взятая, действительно, «неведомая прекрасная картина», в то же время опущен характерный для афганской сказки прием — стихотворная нара, выражающая переживания героини.

Или еще один образец перевода:

В оригинале (стр. 26)

И вот Зариф-хан и Хидри с караваном вступили на землю Индии. Смотрят: перед ними полноводная река. Брода нигде нет. Есть мост, и по нему переходят люди. Когда караван вступил на мост, сторож-мостовщик загородил ему дорогу.

В сборнике (стр. 31—32)

Много дней и ночей шел караван через пустыни и горы, через бурные потоки. И, наконец, пришел в край, где все вокруг цвело и ласкало глаз. То была Индия.

В дальней дороге все радовало Зариф-хана: и новые места, и неведомые люди, и жаркое солнце. Зато Хидри ехал на своем коне хмурый и злой и все думал, как бы ему избавиться от племянника.

Через несколько дней пути перед Зариф-ханом блеснула гладь широкой реки. В мутной воде шелкали зубами крокодилы, подплывая к самому берегу.

Караван спустился к переправе. Но только передние верблюды вступили на мост, как, откуда ни возьмись, выскочил человек в маленькой шапочке на бритой голове, замахал руками и остановил караван.

Очевидно, простое, немногословное повествование легенды показалось слишком бедным и его украсили «крокодилами в мутной воде» и «бритоголовыми» персонажами. Должно быть, это было сделано по принципу — чем больше экзотики, тем сильнее ощущает наш читатель особый колорит восточной сказки.

Такое изложение афганской легенды, конечно, нельзя назвать даже вольным литературным переводом. Если и был вначале сделан перевод, то затем он подвергся, как видно, коренной литературной переработке. В результате из него была изъята значительная часть текста и присочинены столь же значительные куски, не имеющие ничего общего с оригиналом. Между тем на титульном листе сборника имеется надпись «Перевод с афганского» и указаны фамилии составителя и переводчиков, фамилия лица, сделавшего литературную обработку, не упоминается. Остается предположить, что литературной обработкой и сочинительством занимались сами переводчики. Следовательно, на них, а также на Государственном издательстве художественной литературы и, в частности, на издательских редакторах Э. Боровике и Ф. Мендельсоне лежит вся ответственность за опубликование подобного перевода.

О том, насколько значительны изменения, внесенные в текст сказок в результате литературной обработки, свидетельствуют, например, следующие факты.

⁸ «Милли хиндара» (Народное зеркало), ч. 2. Кабул, 1946, стр. 47. Дальше всюду мы ссылаемся на оригинал этого издания.

В первой части сборника нет ни одной страницы, где из всех 40—42 строк, по крайней мере, 7—10 не были бы присочинены. На 40 же страницах (из общего числа 101) присочиненный текст достигает по размеру половины страницы. И, наоборот, меньшие по объему куски оригинала в текст сборника не вошли, причем в соответствующих местах нет даже многоточий, указывающих на пропуск. Так, полностью опущен весь конец (целый ряд эпизодов) сказки «Хушкияр и Шатарина».

Характерно, что пропущены большинство наре. Кстати, необходимо отметить, что те немногие наре, которые все-таки переведены, в большинстве случаев слишком далеки от оригинала, а есть и такие, которые целиком сочинены (см., например, стр. 14, 15, 19, 99). Между тем наре, как уже отмечалось, являются характерной особенностью афганской сказки.

Однако, по-видимому, вопрос о сохранении художественных особенностей афганской сказки вообще мало заботил составителей и редакторов сборника. Из помещаемого ниже отрывка видно, например, как они обращаются с пословицами, поговорками и традиционными сказочными оборотами, вроде зачинов, концовок и обращений к слушателю.

В оригинале (стр. 46)

Но не стану забивать тебе голову. Не век же сказке тянуться. Время шло, шло... Шахо стала взрослой девушкой. Никому до сих пор не довелось увидеть ее лица. Никто не осмеливается этого сделать. Днем она резвится со своими сверстницами среди цветов, вечером поднимается в свою опочивальню в стволе старой ивы и засыпает на ложе.

В те времена в той стране жил один знаменитый разбойник по имени Далий. Вот этот Далий и думает про себя: «Уж сколько времени ты все грабишь и грабишь, но так и не нажил себе от бога ни кола, ни двора. Нет! Дай-ка я попробую хитростью пробраться в замок ханской дочери! Как говорится, „либо сыт, либо мертв“. Ведь сам хан говорил: „Кто увидит мою дочь, тому она и будет принадлежать“. А вдруг я выиграю эту игру!» Между тем молва о красоте Шахо разлетелась по всей стране. Далий решил довериться судьбе.

В сборнике (стр. 74)

Время шло, Шахо с каждым днем хорошела и скоро стала такой красавицей, что птицы любовались ее отражением в зеркале пруда. Слово лепестки розы, была нежна ее кожа. Черные глаза ее были, как миндалины, а тонкие брови над ними — словно дуги лука.

Каждый день, встав ото сна, Шахо резвилась в саду среди душистых цветов, а потом отдыхала, слушая пенье птиц или сказки слуганок.

А в то время в славном городе Кандагаре жил известный вор, красавец и весельчак Дилий. Это о нем, смеясь, говорили старики: «Если б аллах дал кошке крылья, она бы таскала яйца из птиц!» Но в последнее время, расхаживая по шумному базару, Дилий грустно думал: «Порой я бываю богат, а порой — беден. Но нет у меня ни дома, ни семьи».

Даже ночью во сне он грезил о своем доме и о спокойной жизни. Ведь недаром же говорят, что жаждущий и во сне видит воду.

Долго грустил Дилий. Но вот созрел в его голове смелый план. Слышал он, что у хана дочь красива, как роза в цвету! А что, если пробраться к ней во дворец?

Мужчина тот, кто не говорит, а делает.

Таким образом, здесь, как, впрочем, и в остальных сказках сборника, переводчики игнорируют традиционное обращение к читателю («не стану забивать тебе голову» и т. д.). Поговорка в оригинале имеется только одна — «Либо сыт, либо мертв». Если допустить, что она переведена словами «порой я бываю беден, а порой — богат», то

это совершенно очевидное искажение смысла. Все остальные пословицы и поговорки взяты из неизвестного источника. В другие сказки также неизвестно откуда включены «шедевро», вроде: «Бледнолицый — для женщины, смуглый — для боя» (стр. 99), «А блеск золота радует глаз» (стр. 31), «Ведь молебны страдающего сердца иной раз и доходят до всемогущего» (стр. 23) и т. д. и т. п.

По-видимому, все по тому же принципу сгущения восточного колорита герои сказок почему-то называют друг друга чрезвычайно высокопарно (в противоположность оригиналу). Например: «О могущественнейший из ханов!» (стр. 11); «Тень над головой моей!» (стр. 60) или: «Эй ты, рожденный шакалом и гиеной!» (стр. 51), «Шелудивый пес!» (стр. 32) и т. д.

Несколько слов о предисловии Ю. Семенова к рецензируемому сборнику. Прежде всего возникает законный вопрос, почему в предисловии не указаны те афганские источники, с которых сделан перевод? И дело здесь не только в том, что такие источники принято указывать. В этом случае читатель был бы поставлен в известность, например, и о том, что начало сказки «Адам-хан и Дурханый» взято из одного источника⁹, а середина и конец — из другого¹⁰, причем последний является литературной обработкой и представляет, по сути дела, литературное произведение Мунши Ахмад-джана.

Первый абзац предисловия может оставить у читателя неправильное впечатление, что история борьбы афганского народа за свободу и независимость начинается только с середины XVIII в., т. е. с момента образования самостоятельного афганского государства. Между тем свободолюбивые традиции афганского народа складывались на протяжении веков в борьбе с многочисленными иноземными захватчиками.

В предисловии ни слова не говорится и об отражении этих традиций в афганской литературе и в фольклоре, в частности в легендах. А об этом надо было сказать в первую очередь. И, конечно же, не случайно в предисловии полностью обходится молчанием вопрос о художественных особенностях и изобразительных средствах афганской сказки, который, как видно, мало интересовал переводчиков.

Несколько слов о художественном оформлении сборника. По нашему мнению, оно также не способствует ознакомлению с национальной культурой афганцев. На обложке и на многочисленных заставках изображены люди в полосатых или узорчатых халатах, какие носят узбеки, туркмены и другие представители среднеазиатских народов, но каких никогда не носили и не носят афганцы. Если уж оформители сборника не имели под рукой образца афганской национальной одежды, то почему бы им не воспользоваться хотя бы тем изящно выполненным рисунком седобородого старца в афганском сборнике сказок «Милли Хиндара», о котором упоминается в предисловии к рецензируемому изданию.

Итак, мы не можем согласиться с утверждением автора предисловия, что сборник «ближе знакомит советских читателей с творчеством афганского народа» (стр. 8). Сборник создает у советского читателя скорее неправильное представление о творчестве афганцев, слишком вольно обращаясь и с этим творчеством, и с доверием нашего читателя.

Г. Ф. Гирс и А. Д. Давыдов

⁹ «Народное зеркало», ч. 2, стр. 50—77.

¹⁰ Мунши Ахмад-джан. Дъ кисаханъй гап (Рассказчик сказок). Пешавар, 1930, стр. 5—9.

СОДЕРЖАНИЕ

Победа творческого марксизма-ленинизма

СТАТЬИ

Б. Г. Гафуров. О перспективах развития советского востоковедения	7
Г. В. Ефимов (Ленинград). Внешняя политика Цинского правительства во время китайско-японской войны 1894—1895 годов	17
Е. С. Троицкий. Американские монополии в экономике Филиппин	32
П. А. Грязневич и А. Н. Болдырев (Ленинград). О двух редакциях «Та'рх-и Табар» Бал'амя	46
П. Г. Булгаков и А. Б. Халидов (Ленинград). «Вторая записка» арабского путешественника X века Абū Дулафа	60
Н. И. Конрад. Начало китайского гуманизма	72

СООБЩЕНИЯ

Л. Б. Алаев. Развитие индийского ткачества. (До проникновения в Индию европейцев)	95
М. В. Крюков. Некоторые вопросы перевода и популяризации «Исторических записок» Сыма Цяня	106
Ю. Э. Брегель. Землевладение у туркмен в Хивинском ханстве в XIX веке	123
С. Л. Будкевич. Из истории японо-американских противоречий на Дальнем Востоке	138
Е. Жилкин и М. Нугманов (Казань). Из истории изучения китайской философии в России	149
А. Ф. Султанов. Основные вехи развития современной культуры в Египте	151
М. В. Софронов. Принципы глагольного словообразования в языке романа «Шуй-хучжуань»	160

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. Павлов и И. М. Рейснер. А. И. Левковский. Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г.	169
П. П. Севостьянов. Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949 гг.)	177
А. Т. Якимов. Новая книга по истории Монгольской народной революции	183
Е. С. Семека, А. Л. Basham. The Wonder That Was India	186
Л. Я. Дадияни. Две книги об Индонезии	192
Р. П. Корниенко. Лютфу Эрিশчи. История рабочего класса Турции	198
Л. Д. Яблочков. S. Cloete. The African Giant	203
Хроника	208

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Г. Ф. Гирс и А. Д. Давыдов. Об одном неудачном издании переводов восточного фольклора	213
---	-----

CONTENTS

The triumph of Creative Marxism-Leninism	3
--	---

ARTICLES

B. G. Gafurov. Soviet Oriental Study and Its Tasks.	7
G. V. Yefimov (Leningrad). Foreign Policy of the Ching Government during the Sino-Japanese War of 1894—1895	17
E. S. Troitsky. American Monopolies in the Economy of the Philippines	32
P. A. Gryaznevich and A. N. Boldyrev (Leningrad). Two translations of Bal'ami's «Ta'rth-i Tabari»	46
P. G. Bulgakov and A. B. Khalidov (Leningrad). «Second Memorandum» by Abu Dulaf, Arab Traveler of the 10th Century	60
N. I. Konrad. The Source of Chinese Humanism	72

INFORMATIONS

L. B. Alayev. Development of Indian Weaving before the Penetration of the Europeans to India	95
M. V. Kryukov. Some Questions Relating to the Translation and Popularization of Syma Tsian's «Historic Notes»	106
Y. E. Bregel. Land Ownership among the Turkmen in the Khiva Khannate, in the 19th Century	123
S. L. Budkevich. From the History of Japanese-American Contradictions in the Far East.	138
E. Zhilkin and M. Nugmanov (Kazan). From the History of the Study of Chinese Philosophy in Russia.	149
A. F. Sultanov. Landmarks in the Development of Modern Egyptian Culture	151
M. V. Sofronov. Principles of Verb Formations in the Language of the Novel «Shui-huchuan»	160

BOOK REVIEWS

V. I. Pavlov and I. M. Reisner A. I. Levkovsky. Specific Features of the Development of Capitalism in India before 1947	169
P. P. Sevostyanov. International Relations in the Far East (1840—1949)	177
A. T. Yakimov. New Book on the History of the Mongolian People's Revolution	183
E. S. Semeka, A. L. Basham. The Wonder That Was India	186
L. Y. Dadiani. Two Books about Indonesia	192
R. P. Kornienko. Lutfu Erishchi. History of the Working Class in Turkey	198
L. D. Yablochkov. S. Cloete. The African Giant	203
Current Events	208

A LETTER TO THE EDITOR

G. F. Girs and A. D. Davydov. An Unsuccessful Publication of Eastern Folklore	213
---	-----

內容
論文

蘇聯東方學的現狀和任務	7
葉芬摩夫 (列寧格勒) — 1894-1895 年中日戰爭時的滿清政府對外政策	17
托羅依次基 — 菲律賓經濟中的美國壟斷	32
克梁士涅維奇, 波爾特列夫 (列寧格勒) — 搭立嚇和搭伯利白爾阿米的兩個編輯	46
布爾格谷夫, 嚇里特夫 (列寧格勒) — 十世紀阿拉伯遊歷家阿布杜拉法的「第二個筆記」	60
孔拉特 — 中國人道主義的開始	72

通報

阿拉也夫 — 在歐人侵入以前印度織布業的發展	95
劉克甫 — 司馬遷「史記」的翻譯和通俗化的幾個問題	106
別列格爾 — 土爾克明人在十九世紀嚇文汗國的農業	123
布得蓋維奇 — 日美在遠東矛盾的歷史片段	138
日爾金, 諾格曼諾夫 (嘉桑) — 俄國研究中國哲學的歷史片段	149
蘇爾旦諾夫 — 現代埃及文化發展的路標	151
薩發羅諾夫 — 水滸傳小說中動詞字句的組成原則	160

書報評介

萊因斯納爾, 聶夫羅夫 — 列夫谷夫斯基著的 1947 年前印度資本主義發展的幾個特點	169
協瓦斯帝揚諾夫 — 遠東的國際關係 (1840—1949 年)	177
亞根摩夫 — 蒙古人民革命史的一本新書	183
協咩格 — A. L. Basham. The Wonder That Was Andia	186
達基安尼 — 關於印度尼西亞的兩本書	192
高爾尼恩谷 — 柳鐵飛俄里奇著的「土耳其的工人階級史」	198
牙模羅赤谷夫 — S. Cloete. The african giant	203
科學紀事	208

來信

吉爾斯, 杜維多夫 — 關於一部東方民間創作的不得手翻譯的印本	213
---	-----

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Институт востоковедения АН СССР объявляет конкурс на замещение штатных должностей заведующих отделами: Арабских стран, стран Юго-Восточной Азии, Индии и Пакистана, стран Среднего и Ближнего Востока, Международных вопросов Африки; заведующих секторами: Древнего Востока и Восточной филологии.

Срок конкурса до 25 октября 1957 г.

Заявления и документы, согласно положению о конкурсах, направлять на имя директора Института по адресу: Москва, центр, Армянский пер., 2.

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2. Тел. К-5-91-64

Т-07829 Подписано к печати 14/VIII 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6⁷/₈.
Печ. л. 18,8 Уч.-изд. листов 20,1 Заказ 1508 Тираж 2800 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10